

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ МЕМУАРОВ И ЗАПИСОК
ИНОСТРАННЫХ И РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ПО ВОЛГЕ В XV — XVIII ВЕКАХ

СОСТАВИЛ В. АЛЕКСЕЕВ.

КРАЕВОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД

1936

СОДЕРЖАНИЕ

В. Алексеев. Низовья Волги в описании иностранных и русских путешественников.	3
---	---

1. А. Контарини. Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1473 г.	31
2. Антоний Джекинсон. Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии .	41
3. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах	49
4. Я. Я. Стрейс Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия	95
5. Давид Бутлер. Копия с письма, писанного в Испагани 6 марта 1671 г., с описанием взятия Астрахани	125
6. Джон Белль. Беллевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли	147
7. Корнилий де Бруин. Путешествие Корнилия де Бруина через Московию	159
8. Ян Потоцкий. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году . .	195
9. Иван Лепехин. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году	219
10. Петр Симон Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства	241
11. Самуил Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств природы	263

НИЗОВЬЯ ВОЛГИ В ОПИСАНИИ ИНОСТРАННЫХ И РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Среди крутых, скалистых берегов, громадных лесов, мимо ковыльных степей, мимо полей, с позолоченными колосьями ржи и пшеницы, несутся быстрые воды Волги, этой красивейшей из советских рек.

В туманное утро осени или весной, когда только пройдут последние льды, Волга одинаково прекрасна своей мощью и силой, той бурной жизнью, пульс которой бьется в каждом километре ее водных просторов.

И никто теперь об этой Волге не скажет заунывными горестными, а когда-то правдивыми словами Некрасова:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой!

Нет теперь бурлаков, нет „бичевы“, нет каторжного подневольного рабского труда, никто не услышит стога на берегах Волги! Радостный труд социалистических городов и колхозов, труд волжских богатырей-стахановцев транспорта, как он не похож на труд бурлаков! Как изменились берега Волги! Каждый день, совершенствуя машины, увеличивая их число, а, тем самым, облегчая физический труд, приносит все новые и новые преимущества радостного социалистического труда.

Там, где раньше понуро брели с бичевой бурлаки,—высятся мощные подъемные краны, транспортеры и конвейеры. Гигантскими щупальцами хватают краны стопудовые ящики и уносят их, как перышко, с волжских судов на берег. А эти берега — они постепенно одеваются в гранит, в бетон. И люди — руководители приволжских краев, способные видеть наше завтра так же отчетливо, как наше сегодня, — уже точно различают контуры новых гранитных берегов Волги, видят мощные суда, несущиеся по Волге со скоростью 50 километров в час, видят на ее берегах гиганты-заводы, способные выпускать миллионы автомобилей в год, видят строгую и целесообразную архитектуру нового канала Волго-Дон.

* * *

Великая Октябрьская революция, совершенная в России под руководством партии Ленина — Сталина, создала поистине беспредельные возможности для развития хозяйства и культуры, для процветания всех сторон жизни трудящихся.

Наша страна, в результате проведения первой и победного осуществления второй пятилеток, руководимая гениальным вождем и учителем трудящихся — товарищем Сталиным, стала несокрушимой крепостью социализма.

Отсталая и приниженная в прошлом, страна наша превращена теперь в передовую и сильнейшую в мире не только по мощи и оснащенности своей промышленности, своего сельского хозяйства и своей армии, но и по своей новой культуре. СССР превратился в просвещеннейшую страну, в противовес самому „передовому“ буржуазному обществу, впадающему (особенно в условиях фашистского режима) в состояние маразма, культурного, духовного и политического слабоумия и мракобесия.

В то время, как в стране социализма, в СССР, идет гигантский рост благосостояния трудящихся, как под руководством партии, — под руководством Сталина, — страна достигла небывалого расцвета — в странах капитализма миллионы трудящихся выброшены на улицу, лишены куска хлеба.

Какими несравнимыми противоречиями являются: мир социализма, победивший на одной шестой земного шара, и эти остальные пять-шестых, где господствует еще капитализм!

Как выросла, возмужала, расцвела страна, какие богатые плоды приносят мощные поросли социалистического хозяйства, — промышленности и колхозного земледелия!

Не менее яркими, убедительными и неоспоримыми являются примеры побед социалистического хозяйства и в Сталинградском крае. Тут, где извечно в эпохи феодализма, крепостничества и, наконец, капитализма были самые жалкие урожаи, где хлеба систематически гибли от суховея, где сорняки и вредители полей пожирали основные массивы посевов, где медленно, но неумолимо на степь наступали пески и, врезаясь в плодородные почвы, ширились солончаки,— теперь произошли ни с чем несравнимые изменения.

Почти все путешественники, труды которых мы печатаем ниже, рисуют природу нашего края в то далекое прошлое в самых мрачных красках. Дикой и суровой была природа, тяжел был труд тех, чьи руки насаждали здесь культурное земледелие. Только теперь, в условиях социалистического строя, в условиях победы колхозного строя, ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества, когда в деревне машина стала делать музыку, когда труд в земледелии механизирован на всех его участках,—только теперь стало возможным движение вперед.

Правильное большевистское сталинское руководство, помощь партии и правительства нашему краю, организационная перестройка работы за последние два года,—создали такие сдвиги во всех звеньях земледелия края, что поставили его в ряд передовых в СССР.

Ликвидируются извечные сорняки, пескам преграждают путь зеленые посадки,—новые леса и сады,—поднимаются плугами заброшенные земли, заброшенные только потому, что некоторые горе-теоретики считали нерациональным их использование. Растут посевные площади технических и зерновых культур. Урожай повышается, растет: колхозники края твердо и неуклонно осуществляют сталинское указание о 7—8 миллиардах пудов зерна.

* * *

В этой книге мы хотим показать, какой была наша страна, каким был, главным образом, наш край в далеком прошлом,—в XV, XVII и XVIII столетиях,—какими видели их тогдашние путешественники. Глазами немецких, итальянских, английских, польских, французских, а также русских ученых, политических деятелей и торговых представителей мы заглядываем в то далекое прошлое, и, несмотря на всю субъективность наблюдений, их классовую феодально-крепостную сущность, когда

наблюдатели считали калмыков и татар представителями „низшей расы“ по сравнению с „цивилизованными“ Бутлерами, Стрейсами и др., мы в записках и высказываниях этих людей находим много интересного исторического материала для знакомства с природой, бытом и хозяйственно-политической жизнью края.

Причинами, побудившими пробираться в тогдашних условиях и существовавших в то время средствах сообщения, в дикие, почти незаселенные окраины, какими были волжские степи и берега, являлись, главным образом, интересы торговли и захвата новых рынков иностранными государствами, стремившимися воспользоваться политической, хозяйственной и военной немощью русских царей, главным образом, в допетровскую эпоху.

Путешественников привлекали сюда, с одной стороны, отыскание кратчайших путей в Азию через Волгу, а с другой — несметные богатства, которыми славилась низовья Волги. Перспективы выгодной торговли были одним из решающих мотивов и причин путешествий в Астрахань, а через нее на восток по Каспийскому морю, — в Персию, Бухару, Хиву и даже в Индию. В конце XV и начале XVI веков быстро развивалась торговая деятельность в западно-европейских странах. В поисках торговых путей такие страны, как Англия и Голландия (Нидерланды), а затем немецкие и итальянские государства (например, Венеция) стали посылать своих разведчиков в Россию, с целью отыскания новых рынков и заключения выгодных торговых, политических и военных союзов. В основе всех этих экспедиций лежали безусловно лишь интересы развития торговли и упрочения гегемонии той или иной страны за своими рубежами.

Путешественники того времени, посещавшие Московское государство, в большинстве случаев смотрели на него как на полуколониальную страну, которая легко могла стать добычей торговых воцелений их страны. В целях превращения русских земель в земли колониальные и предпринимались все военные походы европейских стран.

... Заманчив был волжский путь для торговой буржуазии Запада. Он создавал заманчивые возможности для провоза наиболее дешевым путем товаров на Восток, в страны старой восточной культуры, богатые сырьевыми ресурсами, для нарождавшейся на Западе промышленности и сулил соблазнительные перспективы для организации наиболее широкой торговли Запада с Востоком.

Европейцы, как это видно из описаний Дженкинсона, Олеария, Стрейса и других, стремились, главным образом, к тому, чтобы использовать Россию как сырьевую базу для себя и получить одновременно через русские земли наиболее дешевый транзитный путь в Среднюю Азию, в Персию, в Индию и Китай.

Первыми, кто обратил внимание на выгоды и преимущества торговли через Россию с Востоком (Персией), были венецианские послы в Персии Контарини и Барбаро.

Их первые попытки осуществить эту торговую связь не увенчались успехом. Впоследствии более успешно продвигаются на Восток, опять-таки по волжскому пути и с той же целью, англичане Чеслер, Дженкинсон, а затем голландец Стрейс.

Наряду с тем, как идет изучение волжских путей иностранным капиталом, Волга все более и более привлекает и русскую торговую буржуазию. Все больше появляется русских купцов в низовьях Волги, стремящихся пробраться на Восток, к рынкам наиболее дешевых изделий восточных народов.

Уже в XVI веке начинается усиленное развитие торговли Московского государства с Персией и с другими восточными странами, расположенными по берегам Каспийского моря.

Волга исстари привлекала внимание различных купцов, дипломатов-послов, путешественников и ученых, особенно в тяжелые годы для царской казны, когда она опустошалась после длительных походов и неудачных войн и когда, в поисках средств, нужно было вводить в действие пресс новых налогов или искать богатых источников сырья. Именно тогда предпринимались наиболее длительные и многочисленные русские экспедиции в низовья Волги, как главный тогда район различных промыслов и выгодной торговли.

Не меньше практического интереса находили в этих краях и иностранные путешественники, экспедиции которых, как мы уже писали, снаряжались не ради праздного любопытства и не ради научных открытий.

Иностранцы опережали русских хотя последние и стремились их вытеснить. Но русским купцам было слишком трудно конкурировать с английским или голландским капиталом. Своей предприимчивостью, сноровкой, опытом и знаниями представители иностранного капитала побивали русских купцов.

Волга привлекала этих бесчисленных русских и иностранных путешественников не прелестью своих ландшафтов, не красотой

берегов, а великими, поистине несметными богатствами: рыбой, солью, различным пушным зверем, птицей, полезными ископаемыми. Вот что было тем рычагом, который направлял сюда все новые и новые караваны. Таким образом, здесь скрещивались пути западно-европейских стран и российского государства, преследовавших одну и ту же цель — продвижение на Восток.

Что представляла собой эта часть страны в ту эпоху, которую описывает большая часть путешественников, отрывки из чьих трудов мы помещаем ниже? Собственно, история более или менее достоверно раскрывает перед нами картину жизни низовьев Волги, примерно, с XIV и более точно с XV века. До этого времени почти все сообщения представляют собою лишь легенды, апокрифические сказания, но совершенно не дают нам точных, проверенных исторических фактов.

Первыми обитателями Нижнего Поволжья были хазары, владения которых простирались, примерно, от Уральского хребта до Кавказских гор. В северной части волжских степей обитали печенеги, далее, вверх по Волге, существовало могучее царство волжских болгар, столица которых Булгар была известна далеко на востоке, севере и западе.

Особенно много следов прошлого осталось после исчезновения хазарского царства. Хазарами был построен крупнейший торговый город на месте нынешней Астрахани, называвшийся Итель (по другим источникам Атель). Ими же был воздвигнут город Саркел на правом берегу Дона, как раз вблизи нынешнего Качалина. Могущественное хазарское царство распространяло свое влияние далеко за пределы Волги и Дона.

Более поздними обитателями Волги, разгромившими и совершенно вычеркнувшими из истории хазар, были монголы.

История монгольского (татарского) государства на Нижней Волге — это наиболее интересная, наиболее замечательная по своему значению история из всех народов, населявших поволжские степи до XVI столетия. В результате укрепления господства татарского государства на Волге, был создан, несмотря на исстари кочевую жизнь татар, ряд крупнейших и красивейших городов, куда стекались богатства не только окружающих, покоренных татарами, народов, но и со всех российских княжеств. Завоеванные в XIII веке российские княжества были превращены в провинции Волжского татарского государства, известного нам под именем Золотой Орды. Эта великая и могущественная

степная монгольская держава долгое время безраздельно владела русскими землями.

Избрав постоянным местом пребывания нижнюю часть Волги, монгольские (татарские) народы имели ввиду те огромные преимущества, которые давали волжские просторы, те естественные богатства, которые имелись в самой Волге, Ахтубе и в недрах прибрежной полосы.

Золото-ордынское государство—было первым феодальным государством, которое более или менее твердо укрепилось в низовьях Волги. Все народы, селившиеся здесь до этого,— в том числе и хазары,— выше Астрахани были только случайными гостями. „Все народы, заселявшие берега Нижней Волги с самого начала пребывания своего в этих местах, стали распределять свою кочевую жизнь сообразно с характером и климатическими свойствами страны, в которой им пришлось поселиться. Зимой они спускались со стадами своими к Каспийскому морю, в окрестностях которого зимний холод смягчался морем. Летом они обыкновенно направлялись вдоль рек к горам, которые доставляли им прохладу и где находились пастбища, богатые водой“.¹

Главным, наиболее привлекавшим татарские племена, плацдармом их хозяйственной и культурной деятельности была Ахтубинская долина,— те огромные и богатейшие растительным и животным миром пространства, которые простирались между рекой Ахтубой и Волгой. На берегу Ахтубы была основана столица Золотой Орды, так называемый Новый Сарай.² Здесь, в этом городе, во всем великолепии проявились восточная культура и искусство в сочетании с кочевым бытом татар,— извечных воинов, начинавших и кончавших свою жизнь в походах. Столица эта, по описанию всех современников, представляла собой зрелище настолько интересное, что все путешественники, побывавшие в Сараях, приходили в восхищение от ее богатства, великолепия и высокой техники городского хозяйства. Столица Золотой Орды была построена Батыем в конце первой половины XIII столетия.

Известный арабский путешественник Ибн-Батута, совершая путешествие из Константинополя в Астрахань, был в Сараях в 40-годах XIV века и, как очевидец, описывает его так:

¹ Герберштейн. „Записки о Московии“. Москва, 1861, стр. 162.

² Там же на Ахтубе вблизи ее устья (село Селитряное) существовала первая столица Золотой Орды,— Старый Сарай.

„Приехали мы наконец в город Сарай. Известен он под именем Сарая Берке. Это столица султана Узбека. Зашли мы к султану и он расспросил нас о том, как мы съездили, о царе Византийском и о городе его. Мы сообщили ему обо всем этом и он приказал дать нам пропитание и помещение. Город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами.

Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца только после полудня. Совершив там полуденную молитву и поевши, мы возвратились опять в наше жилище не ранее, как при закате.

Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопо-
рожних мест, ни садов.

В нем 13 мечетей, для соборной службы одна из них шафийская. Кроме того, много других мечетей.

В нем живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане, кипчаки; черкесы, русские и византийцы — христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно: там и базары их. Купцы и иностранцы из обеих Ираков, из Египта, Сирии и других стран живут в особом участке, обведенном стеной, ограждающей имущество купцов¹.

По всем источникам, которые освещают историю Золотой Орды, видно, что ее столица была широко известным, наиболее совершенным восточным городом современности.²

Сарай воспевали поэты Востока, в нем находился ряд таких государственных учреждений, стоявших на довольно высоком уровне культуры и техники (конечно, в тогдашнем понятии), как, например: монетный двор, водопровод и т. д. Изделия из металла не были редкостью. Новый Сарай украшали каменные фонтаны, встречались водопроводы даже со свинцовыми трубами, большие водные бассейны орошали поля и сады. В окрестностях

¹ В. Тизенгаузен. „Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде“. Т. 1, стр. 306.

² Смотри, Леопольдов. „Исторический очерк Саратовского края“. Москва, 1848 г.

города разводились тутовые деревья, — отсюда можно сделать вывод, что шелководство было здесь довольно широко развито.

Новый Сарай просуществовал до 1395 года, когда был разрушен и окончательно заброшен. Этот город, построенный на месте нынешнего Ленинска и б. у. города Царева, не был единственным на Ахтубинской долине.

На основе ряда раскопок и исследований последнего десятилетия можно сделать безошибочный вывод о том, что Ахтубинская долина являлась поистине колыбелью культуры восточных кочевых народов, утвердившихся прочно на Волге при Батые.

Кроме Ахтубинской долины, где разбросан был ряд городов, в частности, на месте нынешнего села Селитрянного, близ Астрахани, до создания Нового Сарая, значительно раньше его возник Старый Сарай, существовавший не меньше столетия. Это был также довольно большой город, но еще не имевший высокой техники и великолепия в отделке зданий и архитектуры, затем разрушенный и заброшенный. Татарские народы селились также по берегам более мелких рек, в частности, по реке Медведице и Хопру, а также и по берегам Волги; вблизи нынешнего Сталинграда, около реки Мечетки был построен татарский город. На месте нынешнего села Рынок существовали большие поселения в эпоху Золотой Орды. Больше всего, наряду с арабскими и индийскими купцами, посещали города Золотой Орды венецианцы и представители других итальянских государств, которые в своих записках (Барбаро, Контарини и др.) уделяют много места описанию ремесел и довольно широким для кочевого народа зачаткам земледелия.

В своем „Словаре“ А. Минх приводит интересные данные о поселениях в Ахтубинской долине: „Ахтубинская долина замечательна в археологическом отношении: во многих местах находятся развалины городов и курганы. Так, в Царевском уезде развалины тянутся от с. Верхне-Ахтубинского на юго-восток по берегу р. Ахтубы, через г. Царев, до с. Колобовки и дер. Зубовки, на протяжении 90 верст, причем от р. Калькуты до г. Царева, на расстоянии 7 верст, местность сплошь усеяна кирпичом и щебнем — ее принимают за центр столицы Золотой Орды Сарая. В 1840-х годах видны были в г. Цареве, при ерике Тутовом, развалины здания, имевшего до 80 сажен в окружности; у ерика Равогодом — с садами, водоемами и рвами; на р. Царевке близ самой Ахтубы — дворец, имевший до 200 сажен в окружности.

Близ дер. Зубовки находились развалины крепости с бастионами и рвами, но в настоящее время сохранились одни развалины, кучи мусора и кирпича. При раскопках А. Терещенко (1840-47 гг.) найдена масса золотых, серебряных и медных монет татарских, турецких и индийских с 1310 г.; сосуд из чистого золота в 2 фунта 8 золотн. весу; серебряное блюдо, кольцо, кувшин и т. п.; медные кресты, мраморные доски с изображением креста; золотая корона хана Джанин-бека (хранящаяся в Иене). В кургане села Колобовки, в 1858 году найдена золотая чаша с арабскими надписями; в 1859 г.—золотое блюдо. В степных дачах с. Верхне-Ахтубинского (Безродное) находится 26 курганов: в 3-х из них, при раскопках 1872 г., найдены 152 древне-русские монеты, а в 1873—285 штук татарских мелких серебряных монет; еще в 1860-х годах у села виднелись развалины какого-то каменного строения. В окрестностях села Средне-Ахтубинского насчитывается до 50 курганов. У с. Заплавного—14 курганов; около Пришиба—3; в Зубовке несколько курганов, из которых жители добывают кирпич. У с. Верхний хутор находится курган с разрушенной кирпичной оградой. В 2-х верстах от с. Владимировки есть возвышенное место, называемое Мамаевским и обнесенное с 3-х сторон валом. У с. Селитрянного, в начале XIX столетия, стояло 6 полуразрушенных каменных башен; на запад от села, на возвышенном берегу Ахтубы, остались 3 стены почти разрушенного строения. В 6 верстах к востоку от с. Селитрянного лежит, так называемый, Каменный бугор, где, при добыче кирпича, открываются выходы со сводами и гробами; у того же села, на берегу Ахтубы, находится, так называемый, Маячный бугор, с которого, по преданию, Стенька Разин выслеживал по Волге суда. Близ с. Княжева, на берегу Ашалука, находятся 3 разрушенных здания¹.

Не менее известным, чем Новый Сарай, также был город, построенный монгольским народом на месте нынешней Дубовки; назывался он Бельджамен. По сведениям, дошедшим до нас от ряда путешественников, иностранных миссионеров и купцов, в частности венецианцев Николая и Матвея Полло, а также англичанина Рубруквиса, этот город имел большое значение во внешней политике и военных походах Золотой Орды.

¹ А. Минх, „Историко-географический словарь Саратовской губ.“ Саратов, 1898 г. Том 1.

Возводя этот город на берегу Волги, как раз на месте наименьшего расстояния от Дона, строители его, безусловно, имели целью закрепить связь Золотой Орды с Доном, и далее, через Азовское море, с Турцией. Раскопки, произведенные в окрестностях нынешней Дубовки, говорят о том, что расположенный некогда здесь город обладал большими богатствами, изяществом украшений восточных дворцов и, несомненно, вел оживленную торговлю с народами, населявшими берега Дона, Азовского и Черного морей, состоявших в сфере владений золото-ордынского государства. Золотая Орда, имевшая все признаки прочно сложившегося феодального государства, с резким классовым разделением, где богатые дворцы представителей правящей верхушки чередовались с ужасающей бедностью лачуг земледельцев и ремесленников, просуществовала все же не долго, до 1502 года,—так и не сохранив своей самостоятельности ни на одном из участков своих необозримых владений.

Путешественники того времени много места уделяют Астрахани, да это и понятно, ибо этот город, пожалуй, один из самых древних и наиболее замечательный по своему значению. История возникновения Астрахани теряется в глубине веков. Это был важнейший торговый центр, который привлекал наибольшее число путешественников и богатые караваны; он являлся целью, куда стремились проникнуть представители как Московского государства, так и зарубежных стран.

Астрахань возникла на развалинах древнего хазарского города Ителя (по другим источникам — Ателя) в конце XIII века.

Астраханское татарское царство, существовавшее первое время параллельно с Золотой Ордой и ее двумя столицами—сперва Старым, затем Новым Сараем,—входившее во владения последней, как самостоятельное ханство, пережило ее и просуществовало вплоть до начала XVII века, как самостоятельное и независимое государство, имевшее широкую торговую связь с восточными странами и Московским государством.

Создание Астраханского царства и построение Астрахани в известной мере предопределили и окончательный переход татар от кочевой жизни к полной оседлости. Благодаря своему выгодному местоположению,—на рубеже двух частей света,—Астрахань явилась как бы окном в среднюю и восточную Азию. Астрахань действительно была посредником между двумя мирами,—восточным и западным. Посредничество это заключалось, с одной стороны,

в проведении торговых сделок, а с другой — в установлении политической и культурной связи между государствами, стремившимися проложить свое влияние с запада на восток и с востока на запад.

Астрахань, благодаря этому своему исключительно выгодному географическому положению, быстро развилась в крупный и богатейший торгово-промышленный город.

В своих заметках первые иностранные путешественники, проезжавшие через Астрахань, например, венецианцы Барбаро, Контарини, затем генуэзский капитан Павел (все они проезжали Астрахань в целях розыска кратчайших путей на восток, в Азию и в Индию) описывают Астрахань, как наиболее развитый торговый город, большой и богатый.

Сигизмунд Герберштейн, венгерский посол в Москве, в 1516 и 1526 годах в своих записках пишет:

„Астрахань богатый город — большой татарский рынок, лежит на правом берегу Волги, почти у ее устьев, на десять дней пути ниже Казани; от нее получила имя вся окрестная страна. Некоторые говорят, что она стоит не при устьях Волги, а в нескольких днях пути от них. Я же полагаю, что Астрахань лежит на том месте, где река Волга разделяется на много рукавов (их, как говорят, семьдесят), образует множество островов и почти столькими же устьями несет в Каспийское море такую массу вод, что издали кажется морем. Другие называют ее Цитраханью.¹“

В конце XIV столетия в Поволжье вступают войска великого азиатского завоевателя Тамерлана и Астрахань, как и все города, стоявшие на его пути, превращается в развалины.

Но, если все другие города и населенные пункты низовьев Волги, стоявшие на пути похода Тамерлана, были разрушены до основания и более не возрождались, как, например, города Золотой Орды, — то Астрахань очень быстро, меньше чем в полстолетие, снова возродилась и уже в начале XVI столетия представляла, по сведениям путешественников, снова крупнейший торговый город, не менее значительный, чем до похода Тамерлана.

Построенная заново, Астрахань имела большое влияние на дальнейшую жизнь всего Нижнего Поволжья, играя самостоя-

¹ Сигизмунд Герберштейн. „Записки о Московии“, перевод с лондонского издания 1556 г. С.-Петербург, 1866., стр. 152.

тельную роль в торговле и хозяйственной деятельности, вплоть до окончательной колонизации Поволжья Московским государством.¹

После разгрома Золотой Орды московским царем Иоанном III, похода Тимура, а затем и завоевания Казанского и Астраханского государств войсками русского царя Иоанна IV (Грозного), эксплуатация богатств низовьев Волги и транзитный путь через Астрахань в Каспийское море переходит в полное владение России. Но завоевание огромных степных пространств и таких богатейших водных бассейнов, как Волга, Дон, Иловля, Ахтуба требовали самой широкой и быстрой колонизации края для закрепления и освоения этих огромных районов. Открывая для себя независимый и дешевый путь на восток — в Персию, Бухару и другие страны востока, вплоть до Индии, — русское государство было поставлено перед необходимостью заселения этого края, главным образом берегов Волги, организации оградительных постов, создания военных застав. Оно всеми средствами стремилось укрепить свое господство на Волге. С другой стороны, к этому ее принуждала необходимость охраны караванов, ограждения торговой деятельности от возможных нападений остатков разбитых татарских войск по правую сторону Волги и от налетов прибывавших сюда вольных отрядов казачьих и ногайских — по левую. Таким образом, с целью охраны от этих набегов, возникает необходимость постройки в конце XVI века Царицына.

¹ В ряде источников, главным образом, описаниях первых путешествий в Астрахань, последняя называется то Цитрахань, то Цитракань, то Хазтаракань. Для полноты характеристики значения города приведем здесь описание Астрахани из книги Рейтенфельса: „Астрахань, часть прежней Бактрии, протяжением не уступает Казани, с городом того же имени и расположена по Волге и у Каспийского моря; некогда в ней также властвовали свои особые татарские цари. Город лежит на острове в реке, называемом Долгим, на склоне холма и, по преданию, основан неким скифским царем — Астром. Он хорошо защищен стенами от необузданной ярости (furor) татар, которым, хотя и покоренным, не дозволяется ночевать в городе, и, по заходе солнца, они высылаются в предместье, дабы город мог с большей безопасностью заснуть. В близком соседстве от города — озера, кои от природы доставляют поистине изумительное количество соли, а немного далее пробиваются огненные источники нефти. Жители до того удовлетворены скотоводством, что почти совсем не засевают полей. Виноград они также, приняв безумное учение Магомета, долгое время предоставляли лесным птицам, и только несколько лет тому назад, там разведены, благодаря заботам и распоряжениям царя, виноградники. Кроме винограда, благоприятная (Benigna) почва в изобилии производит арбузы, дыни и иные подобные им плоды. А так как Астрахань находится на самой границе между Европою и Азиею, то она постоянно посещается многочисленными купцами из Персии, Армении, Татарии, Бактрии и Индии.

Царское правительство, развивая свою торговую деятельность, организуя крепостные поселения по берегам Волги, создавая все льготы для людей, желающих поселиться в крае, всемерно стремилось упрочить, укрепить торговлю с востоком, закрепить торговую связь со всеми остальными народами на востоке. Но оно не смогло все-таки противостоять потоку иностранных товаров из западной Европы, непрерывно текущих в Азию через голову русского государства, т. е. волжским путем через Астрахань на Каспий.

До появления на Нижней Волге первых колонизаторов русского государства, как мы бегло проследили, здесь была довольно бурно расцветающая жизнь: торговая деятельность, садоводство, добыча и использование природных богатств. По некоторым источникам мы узнаем, что только с начала XVII века, — например, по Ахтубинской долине, — по указанию Петра начинают развивать шелководство. Первые организованные поселения здесь создаются только в 1773 году по указанию Екатерины II, — при чем, как было сказано в указе, каждый из домохозяев обязан был посадить в течение года 10 тутовых деревьев. До этого, видимо, места эти были заброшены и безлюдны. Все эти мероприятия говорят, что, очевидно, целые два столетия здесь не было никаких признаков организованной жизни.

Таким образом, с гибелью Золотой Орды погибла ею созданная культура.

То же можно сказать и о целом ряде других колонизаторско-хозяйственных и культурных начинаний в этих местах первых русских колонизаторов, повторявших то, что было уже проделано золото-ордынцами, — только 2—3 столетия спустя.

В частности, в отношении садоводства в одном из источников мы читаем: „Садоводством занимались наиболее иностранцы, а из русских только немногие богатые люди. До исхода XVII века, в России не знали другой огородной зелени, кроме простой капусты, чесноку, луку, огурцов, редьки и бураков (свеклы). Жившие между русскими иностранцы мало-помалу ознакомили их с разными огородными овощами. Дыни были известны с давнего времени и славились своей величиной, арбузы еще в исходе XVIII века почитались за редкость. Равным образом около этого времени умножилось разведение фруктовых деревьев, как-то: яблонь, груш, слив. До XVII века русские не занимались разведением винограда. В 1613 г. в пер-

вый раз виноградные лозы были посажены в Астрахани одним монахом „из немцев“. В 1675 г. уже находились там многие виноградники. Рыбные пруды были единственным украшением садов, скудных красивыми цветами, ибо только в половине XVII века появились в первый раз в Москве махровые розы, выписанные одним иностранцем¹.

Это в то время, когда золото-ордынские города имели в окрестности большие фруктовые сады, где произрастали самые разнообразные фрукты. Остатки пищи в раскопанных жилищах жителей Золотой Орды подтверждают с неопровержимой полнотой, как широко были известны тогда и зерновые культуры, и овощи, и фрукты. Мы можем видеть и сейчас в витринах Астраханского музея остатки виноградных лоз, найденных при раскопках развалин Старого Сарая; они говорят о том, что это растение было известно здесь и в глубокой древности...

В приведенной выше выдержке из сказаний Рейтенфельса видно, что в окрестностях Астрахани уже в первые годы прихода русских были богатые бахчи и виноградники: „кроме винограда благоприятная почва в изобилии производит арбузы, дыни и иные подобные им плоды“.

* * *

Внешняя политика Московского государства была тесно связана с необходимостью проникновения на восточные окраины, продвижения как можно глубже на восток своего влияния. В то время, как на западных границах в конце XVI и начале XVII веков попытки расширения владений государства встречали довольно решительный отпор со стороны литовского, шведского и польского правительств, армии которых были значительно сильнее по своему вооружению,—на восточных окраинах русское государство встретило меньшее сопротивление и более удачно завершило начатый поход. Особенно быстро стало закрепляться русское влияние на востоке после завоевания Казани, Астрахани и очищения всей Волги вплоть до Каспийского моря от других народов, заселявших ее берега ранее, или порабощения их и превращения Волги в основную магистраль дальнейшего движения в Азию.

¹ Историческое обозрение Российской промышленности. С. - Петербург 1837 г.

Вступив на путь захвата и решительной колониальной политики на своих окраинах, Московское государство осуществляло всеми способами и любой ценой задачу закрепления новых окраин. Тысячами жертв устланы были пути проникновения русских колонизаторов в юго-восточные страны, в частности в Нижнее Поволжье. В интересах торговли и наживы, в целях получения новых рынков, захвата дешевого сырья и бесплатных рабочих рук проводились жестокие экспедиции, походы, в результате которых истреблялись тысячи, даже десятки тысяч людей, населявших эти окраины, стирались с лица земли целые народности. Так были почти уничтожены, селившиеся по левую сторону Волги, ногайцы и поработен калмыцкий народ.

Покоренные народности, населявшие в то далекое время Нижнюю Волгу, были превращены в самых бесправных, самых забитых рабов, когда-либо существовавших.

Конечно, все эти походы и территориальные захваты русским государством не обходились без жертв и со стороны последнего и стоили ему не так дешево.

Захват территории требовал ее закрепления, заселения и постепенной застройки. В связи с этим, как мы знаем, возникло грандиозное строительство крепостей на берегах Волги и отчасти на Дону. Задача охраны окраин также побудила государство к тем поистине циклопическим работам, которые вылились в возведение, так называемой, Симбирской сторожевой черты, за которой возникла Тамбовская, а затем Царицынская.

Заселение края проходило очень медленно и с величайшими трудностями в связи с тем, что в первое время край поддавался освоению с большими затратами труда и средств, а само существование и господство первых колонизаторов долгое время было довольно шатким. Трудности освоения края также проистекали из-за климатических условий, с одной стороны, и с другой, — в связи с тем, что каждый, вселявшийся в этот край житель, должен был стать не только землепашцем или скотоводом, но одновременно и воином, способным каждодневно защищать свои владения от кочующих племен и народностей, разбитых, но не уничтоженных войсками русского царя.

Приблизительно до конца XVII столетия здешние границы Российского государства и вся территория Нижней Волги были также под угрозой захвата их со стороны Турции.

В истории известен один из крупнейших походов турецкого султана Селима и крымского хана в Нижнее Поволжье с целью захвата Астрахани и отторжения этой части территории от России.

Этот поход был предпринят из Азова по Дону и, только благодаря непредвиденной случайности, окончился неудачей: турецкие и крымские суда смогли пройти только до Качалина.

В конце XVII столетия заселение края принимает все более и более организованный характер и вокруг первых форпостов Российского государства, какими были до этого одинокие, стоящие в степи города Царицын или Саратов, возникли поселения мелкопоместного дворянства. Политика принудительного освоения края постепенно отмирает, дав место уже более широкому его заселению в добровольном порядке. В постепенно обжитый край, охотников поселиться становится все больше и больше, тем более, что всем поселявшимся были предоставлены большие льготы не только в застройке поселений, но и в использовании недр, водных и луговых угодий.

Уже в начале XVII века разрешение безвозмездно и безбортно ловить рыбу в низовьях Волги повлекло за собой наплыв туда крупных и мелких промышленников, — представителей нарождающегося русского предприимчивого купечества „Главным двигателем всей жизни в Низовом крае в то время, разумеется, была торговля, — пишет один автор, — внутренняя обогащалась преимущественно местными произведениями: рыбною ловлею и другими промыслами. Привозную поддерживали персидские, бухарские, индийские и армянские купцы.

Сама Астрахань была центром всей этой торговли. Ее купеческое население постоянно отстаивало свои права на рыбные ватаги.

Всех ватажников было 23 человека; у иного купца в ватаге промышляло до 1500 рабочих. В Черном Яру было до 14 ватаг¹. Все это относится к началу XVIII столетия, и по тем временам указанный автором размах коммерческой деятельности как торговой, так и промысловой уже показывал, что русский капитал довольно значительно здесь вырос и окреп.

В это время по Волге ежегодно проходит уже более 500 различных судов с рыбой, солью и отчасти с товарами стран Востока. Характер этой торговой деятельности, зародившейся в XV

¹ Н. Попов, „В. Н. Татищев и его время“. Москва, 1861 г. стр. 361.

столетии и уже в XVI столетии принявшей довольно большие размеры, был самым разнообразным. Он то в известной степени и побуждал правительство насаждать на своем пути по Волге и военные форпосты, и крестьянские поселения. Насаждались они не только как средство охраны сообщения с Востоком, но и для рабочей силы, которую должен был потребовать, по мере своего продвижения в низовья Волги, промышленник и купец. В особенности, нужда была в рабочих руках тогда, когда караваны шли в обратный путь вверх по Волге, нагруженные товарами.

Население края долгое время ограничивалось только городом и местностями, лежащими в волжской дельте ниже Астрахани, так называемыми „учугами“ для лова рыбы. Со времени Петра Первого начала развиваться более быстрая колонизация. В 1627 году положено основание Черноярскому острогу, в 1667 году основан Красный Яр, с 1700 года появляются первые селения на правом берегу Волги, как, например, Соленое займище. В 1745 году создана была обширная Астраханская губерния, которая включала в себя города: Астрахань, Саратов, Дмитриевск, Царицын, Черный и Красный Яр, Кизляр и 8 крепостей. В 1720 году создается село Безродное на Ахтубе. В 1742 году основывается Енотаевск, а с 1746 года начинается заселение правого берега Волги казачьими станицами.

Более или менее достоверных сведений о характере ранней торговой деятельности Московского государства и промышленного освоения края в отечественных источниках мы почти не находим и в этом отношении исключительный интерес представляет книга англичанина Д. Флетчера „О государстве русском“, написанная им после своего пребывания в России в качестве английского посланника в 1591 году. Флетчер в своей книге о торговле русских с Востоком пишет:

„Близ царства Астраханского, составляющего самую отдаленную часть русских владений на юго-востоке, лежит область Шелкалы и Мидия, куда ездят русские купцы добывать шелк сырец, сафьян, кожу и другие произведения. Главные города в Мидии, где русские производят торговлю, суть: Дербент (построенный по словам тамошних жителей Александром Великим) и Шемаха, где находится складочное место шелка сырца. В здешнем крае, чтобы оживить шелковых червей (которые лежат мертвыми целую зиму), их кладут весной на солнце и дабы еще

более ускорить их оживление и заставить их скорее приняться за работу, собирают в мешки, которые вешают детям подмышки. Что касается до червя, который дает цветной шелк, то он родится не в Мидии, а в Ассирии. На основании последней грамоты, данной царем в мою бытность, торговля с Дербентом и Шемахою для вывоза отсюда шелка сырца и других произведений этого края, равно как с Персией и Бухариною вниз по реке Волге и через Каспийское море, дозволена как английским, так и русским купцам. Такое дозволение царь почитает за особенную с его стороны милость и действительно оно могло бы доставить много выгоды нашим английским купцам, если бы только вести торговлю надлежащим образом и правильно".¹

Указывая не без основания на те льготы и преимущества, которыми пользовались английские купцы, Флетчер со всей решительностью выступил за необходимость расширения торговли не только с русским государством, но и, главным образом, за необходимость использования Англией этих льгот для проникновения волжским путем на Восток.

Указанные преимущества постепенно создают все больший и больший наплыв английских судов в Россию и создают почти монопольные права Англии для сношений с Востоком через Астрахань.

Англичане использовали льготы для заполучения рынков для своих товаров и вывоза сырьевых богатств к себе на родину. Английские торговые представители и политические деятели были, пожалуй, первыми представителями иностранного капитала, которые последовательно и организованно завоевывали у Москвы все экономические позиции, захватили все средства и возможности для скорой наживы, за счет дешевых восточных товаров и выгодных сделок со странами Востока.

Никакие запреты и ограничения, которые постепенно вводились для иностранного капитала в России, не могли предотвратить рост влияния последнего, которое настолько было велико, что всякие попытки конкуренции и противопоставления русских товаров иностранным на первых же порах терпели неудачи. Особенно это ярко проявилось в торговой деятельности с Бухарой Персией и другими странами.

¹ Д. Флетчер .О государстве русском". Москва, 1906 г., стр. 92.

На протяжении почти полутора веков Поволжье, особенно нижняя его часть, превратилось в подобие колонии или некоего вассального княжества иностранного капитала.

В словах почти всех современников иностранцев, посещавших Поволжье, чувствуется именно такое отношение к окружающему, именно такое представление о правах иностранцев и обязанностях русских.

Конечно, борьба за влияние и организацию торговой и экономической деятельности проходила не только между русским и иностранным капиталом; она была особенно острой и между иностранными государствами, в особенности между английским и голландским капиталом. Против предприимчивости и настойчивости англичан, организаторские способности которых уже в ту пору были широко известны, в борьбу за влияние иностранного капитала в России и в особенности за захват волжского пути и проникновение через Астрахань в Каспийское море, вступили голландцы. Если в конце XV и особенно в XVI веках почти безраздельно здесь господствовали англичане, то уже с 1618 года голландская торговля в России занимает почти первое место и количество судов, заходящих в порты (в единственный в то время русский порт Архангельск), непрерывно растет, в то время как число английских судов быстро и непрерывно падает.

Упорное стремление голландского капитала захватить русский рынок, а через него и рынки ряда стран Востока, особенно ярко выявляется в мемуарах голландца Стрейса.

Необходимость этих рынков для иностранного капитала была настолько велика, что за них велась ожесточеннейшая борьба между Англией и Голландией, сильнейшими тогда государствами.

Таким образом на берегах Нижней Волги, в известной мере, разрешались в то время не только вопросы колониальной политики Московского государства, не только задачи закрепления передовых форпостов русского капитала, — этих степных просторов, — но здесь также разрешались споры и между иностранными державами за свое господство над „Московией“, а отсюда и за влияние на Востоке.

Этим и только этим целям захвата рынков, целям торгово-промышленной эксплуатации, целям захвата колоний служили все походы караванов иностранных государств на Нижнюю Волгу, в Астрахань. И, несмотря на то, что русское государство постепенно возводит свои укрепления на Волге и создает все новые

и новые города, расширяет свои владения, разворачивает разработку природных богатств — конечно в ничтожных, с нашей точки зрения, смехотворных, масштабах, — несмотря на все это, собственно подлинными хозяевами торговли на Волге Каспии долгое время продолжают быть иностранные капиталисты.

Противодействие этому влиянию в конце XVII века дает некоторые плоды, и русский купец и помещик при Петре I встают на более твердую почву на берегах Нижней Волги, создав, за счет жесточайшей эксплуатации местного населения, первые промышленные заведения на Волге, а за счет потогонной отработанной системы более или менее развитое сельское хозяйство. Собственно, при Петре I колонизация края уже завершается, а стремление русского капитала на Дону на поиски выхода к Черному морю создают особо сильный поток населения в пределы края, развитие все новых и новых промыслов, построек, промышленных заведений и даже таких смелых попыток, как попытка прорыть канал между Волгой и Доном.¹

Меры, принятые к постройке канала для соединения Волги с Доном, конечно, не преследовали только и исключительно военных целей похода против Турции. Двигателем, побуждавшим соединить дешевым путем Черное и Азовское моря с Каспийским,

¹ История постройки этого грандиозного сооружения представляет огромный интерес. Первые попытки построить канал между Волгой и Доном были сделаны турецким султаном Селимом в середине XV столетия, во время его похода на Астрахань из Азова. — по Дону до Качалина. Здесь Селимом были начаты работы по прорытию канала, но, конечно, теми силами и средствами, которыми он обладал, попытки окончились полным провалом, так как для этой работы было поставлено всего 2.500 невольников, привезенных из Азова.

Второй более грандиозной попыткой было как раз осуществление этого мероприятия Петром I в конце XVII столетия, уже более совершенным способом и средствами, но так же, как и в первом случае, недостаточными для решения этой грандиозной задачи.

В цитируемом нами словаре, А. Н. Минх пишет, „В 1698 г., после взятия Азова, Петр I поручил немецкому инженеру Брекелю прорыть канал от речки Камышинки, при устье которой стоял новопостроенный город Дмитриевск (ныне Камышин), к речке Иловле, в видах соединения Волги с Доном водяным путем; но Брекель, ничего не сделав, тайно уехал из России с чужим паспортом. После него занимался работами англичанин Перри и успел сделать довольно много, несмотря на разные затруднения со стороны Астраханского воеводы князя Голицына, распустившего в народе такую мысль, что прорытие канала дело богопротивное. По случаю начавшейся войны со Швецией, Перри был отозван в 1701 г. и вместо него некоторое время заведывал работами русский инженер Крочин. Великая Северная война и потом новосозданный Петербург отвлекли внимание царя от этого проекта и работы наконец были оставлены в 1702 г. Народ говорит, что дело не удалось потому, что начальник работ слишком много крал в карман казенных денег и поморил много людей; когда же дошло дело до расчета с правительством, он заложил в колодезь тройку лошадей, сел в нее и с крутого берега бросился в воду. Следы канала до

были экономические трудности для все более и более растущего русского капитала, потребность выхода на Запад и на Ближний Восток для русских товаров.

Те, издавle существующие пути, которыми шла торговля с Востоком и с Западом, пути, пролегающие через Киев, Путивль, Курск, и наконец, через единственный порт, соединявший с внешним миром русское государство, Архангельск, — все это не могло удовлетворить теперь возросшие потребности спроса и предложения русского рынка и внешней торговли. Но на протяжении всего XVII века главной артерией русской торговли с Востоком продолжала быть каспийская торговля. Еще при царе Алексее Романове значительная доля экспорта и импорта падала на Астрахань и, как говорится в одном документе, „торговля с Астраханью значительно распространилась. Крымские татары, ногайцы, калмыки, бухарцы, персы, армяне, также индийцы проложили пути для торгов“.

С целью более глубокого проникновения в Каспийское море был построен голландскими мастерами крупнейший по тем временам корабль „Орел“, совершавший рейсы по Каспийскому морю.

Основными предметами торговли являлись персидские и иностранные ткани, шелка, ковры, драгоценные камни и, наконец,

сих пор хорошо сохранились. В „Архиве исторических сведений“ Н. Калачева (1859 г., кн. 2) при описании построения г. Дмитриевска (Камышина) сказано в старой рукописи начала XIX столетия, что говорят, будто бы по прибытии 26 сентября 1697 г. Дмитриевского полка из Казани, вновь построенный город Камышин „якобы уже обрыт валом, когда шлюзы кверху Камышинки рыты для соединения Иловли с Волгою“. Это сведение надо отнести к попытке (в 1569 году) султана Селима соединить Волгу с Доном каналом, что видно из приводимой рукописи, так как дальше сказано: „А при Петре I только были возобновлены (т. е. шлюзы) и по неудобности оставлены“. Профессор академик Озерецковский, посетивший Саратовское наместничество в 1782 г., описывает канал, сооруженный для соединения Волги с Доном: „Канал оный весьма глубок и широк и по бокам оброс травой, однако не осыпался“ (Русс. Архив 1876 г., кн. 9) По сведениям С. А. Щеглова, в окрестностях „канала“ часто и в большом количестве находят человеческие кости больших размеров.

Собственно прорыто два канала — от р. Иловли к Камышинке (от запада к востоку), идущих параллельно. Их можно видеть, подъезжая к селу Барановке (на р. Иловле), в 18 верстах от города Камышина. Народ называет их „вилами“ и теперь существует даже под таким названием хутор Камышинского мещанского общества, расположенный между каналами. При Екатерине II вновь обращались к этому проекту: послан был в 1774 г. астроном Ловиц для производства нивелировки между Волгою и Доном; но Ловиц попался в руки Пугачева и был повешен. После этого еще раз в царствование Александра I исследовали местность и нашли, что русло Камышинки ниже русла Иловли на 40 сажень, и что горный кряж, разделяющий обе эти речки, пришлось бы прорезать глубиною в 60 сажень. Наконец в царствование Николая I поручалось инженеру Крафту изыскать средства для соединения Волги с Доном, по исследованию этой местности; но и это не привело ни к каким результатам“.

нефть. Наряду с этими, наиболее изысканными, исключая нефть, товарами, ввозимыми через Каспийское море в Россию, предметом импорта служили и такие продукты, как различные фрукты.

Наиболее широким спросом на восточных рынках пользовались почти одни дорогие русские меха.

Исключительной бедностью характеризуется российский вывоз того времени. Безынициативность, отсутствие достаточной поощрительной системы промыслов, все это оставляет на значительно низком уровне состояние хозяйственной жизни русской страны.

Только уже в конце XVII века укрепившаяся на окраинах власть российского государства постепенно создает условия для более быстрого экономического освоения этих окраин, а отсюда и более быстрого хозяйственного развития всей страны.

На волжских окраинах того времени, какими были берега Волги от Саратова до Астрахани, это хозяйственное развитие способствует развитию городских поселений, о которых мы упоминали выше. Построение городов было первым неременным условием для всего дальнейшего комплекса хозяйственных мероприятий в крае, в котором недавно была проведена колонизация.

Поволжские города, в частности Царицын, Астрахань и Саратов, строились в виде крепостей, обносились рвами, имели всегда наглухо закрытые ворота; таким образом, город того времени представлял собою скорее крепость, нежели хозяйственно-политический центр, господство и влияние которого должно было распространяться на многие сотни километров в округности.

Вокруг города, как мы уже упоминали, возводились более мелкие постройки служилыми людьми, их семьям; это были, так называемые, слободы, целью которых была охрана города в первую очередь, а затем уже задачи освоения окружающей территории. Вокруг слободы, на большом расстоянии простирались земли служилых людей, где последние обязаны были заниматься сельским хозяйством и разведением тех или иных культур, а также животноводством.

Главный вид заселенных мест того времени, так называемых посадских поселений, которые были широко развиты на северной и западной стороне окраин страны, здесь почти совершенно не культивировался в связи с особыми условиями, существовавшими в Нижнем Поволжье.

Здесь преобладали по преимуществу военные, укрепленные города, сочетавшие в себе одновременно и административный центр. С такой целью, например, был построен, кроме Царицына, Камышин, называвшийся ранее Дмитриевском. „В 1668 году, — указывается в одном источнике — для ограждения от донских казаков, производящих постоянные грабежи судов на Волге, водного пути по речкам Иловле и Камышинке, на Волге, в устье Камышинки был построен полковником Байлем город Камышин или Дмитриевск“.

Это указание на налеты казаков, конечно, не совсем соответствует истине, так как войну вели не казаки против Московского государства, а скорее последнее вытесняло казаков все дальше от Волги, глубже в донские степи.

Казаки появились на Волге в XVI столетии. Это были главным образом беглые из Московского государства и выходцы с Дона, бежавшие от рабства московских бояр, решившие променять ярмо крепостного на вольную жизнь на Волге. Жили они здесь вне всякого государственного управления, промышляли охотой, рыбной ловлей, иногда задерживали торговые караваны, всячески препятствуя правильным сношениям русского царя с Персией. Уже в конце царствования Иоанна IV (Грозного) на Волге было два казачьих городка. В XVIII веке правительство, опасаясь роста казачьего населения, начинает организовывать на Волге узаконенное казачье войско. „В 1733 году между Царицыным и Камышиным поселены были 1057 семей донских казаков. В 1743 г. повелено было селить в казачьи городки выходцев и пленников с Кавказа“.

В первой половине XVIII столетия создается Дубовское казачье войско, перешедшее затем почти целиком на сторону Пугачева, а в 1776 году образуется Астраханское войско из всех поселенных ниже Царицына казаков.

Все путешественники, посещавшие в XVI и XVII столетиях Волгу, отмечают пустынную ее берегов и редко встречающиеся населенные места.

Об этом пишет Олеарий, посетивший нижнее течение Волги в 1636-38 годах, Видзен, посетивший эти места в 1666 году, Стрейс, бывший здесь в 1669 году, и ряд других.

Проехавший по Волге известный французский путешественник XVII века миссионер-иезуит Авриль, пробравшийся на Волгу из Грузии через Каспийское море и Астрахань, также

пишет о безлюдии этих мест. В 1687 году, он, направившись на судне, нагруженном рыбой для „царского стола“, и застигнутый довольно ранним ледоставом немного выше Царицына, принудившим караван продолжать путешествие сухопутным путем, в своих мемуарах писал: „Мы употребили первые 3 дня на путь не более 40 лье по пустыне, не встретив ни дерева, ни жилища, ни хижины. Это наше путешествие самое трудное из всего нашего пути, потому что приходилось вести с собой дровз, воду и корм для лошадей. Но ничего подобного нам не приходилось уже испытывать после того, как мы достигли Пензы“.¹

Это свидетельство достаточно полно отвечает на вопрос о том, в какой степени была заселена эта часть Поволжья в те далекие от нас времена.

Это же обстоятельство вызывает особое удивление, что в такой, в то время почти пустыне, были начаты упомянутые нами гигантские работы по сооружению канала между Волгой и Доном, которые велись крепостными людьми.

Жестокая эксплуатация, полное порабощение крестьянства, применявшиеся в северных и западных районах страны, с особой, еще большей остротой, ощущались на окраинах, вызывая постепенное нарастание классовой борьбы крестьянства. Эта борьба, наконец, вылилась в грандиозное восстание, которое в 1670 году под руководством Степана Разина охватило почти всю страну.

Нижнее Поволжье, — Астрахань, Царицын, Камышин, Саратов, — явилось, пожалуй, самым крупным очагом этого восстания. Нижнее течение Волги и берега Дона оказались центрами формирования наиболее стойкого войска Разина для борьбы с царскими войсками. Здесь Разин сумел собрать буквально десятки тысяч людей для похода вверх по Волге. Основным ядром разинского восстания были бурлаки, беглые крестьяне, эксплуатация которых была настолько тяжела, что они тысячами бежали на Волгу и на Дон и здесь присоединялись к восставшим донским казакам; и, наконец, частично, рабочие промыслов и ремесленники.

К Разину присоединялись все, кто был поработен той системой крепостнических отношений, которая установилась в России

¹ „Путешествия в разные страны по Волге и Азии“. Париж, 1691 г. Цитирую по книге Ф. Чекалина, „Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века“. Саратов. 1892 г.

в эту эпоху, а в особенности все те, кто страдал от этой системы, становясь либо жертвой колонизации, либо ее объектом.

Это массовое революционное движение встретило ожесточенное сопротивление не только со стороны дворянства, купечества и всего государственного крепостнического аппарата, но и со стороны иностранных государств, в частности их представителей, находившихся в то время в России.

С особой ненавистью, с классовой злобой пишет о движении Разина иностранный современник, оказавшийся в этот момент в Астрахани, — капитан Бутлер, и представитель голландского капитала Стрейс. С исключительной озлобленностью передают они в своих записках события в Астрахани в момент, когда этот город находился в руках Степана Разина.

Но все современники, писавшие о событиях того времени, не могут при всей своей субъективности обойти молчанием того гигантского значения, которое имело движение Разина, того огромного революционного подъема, который оно вызвало среди всех слоев эксплуатируемых феодально-крепостнического государства.

Даже они, эти путешественники, в частности Стрейс, вынуждены признать в мемуарах классовый характер восстания, ту исключительно смелую борьбу, которую вели восставшие против тиранов.

После разгрома разинского движения на Волге, впоследствии, уже в XVIII столетии, возникали новые возмущения, но в значительно меньших масштабах. Восстание Булавина, а впоследствии восстание Пугачева охватили целый ряд городов и населенных мест Нижнего Поволжья. В 1705 году происходит восстание астраханских стрельцов, которое распространяется дальше вверх по Волге до Черного Яра, а затем до Царицына. Это восстание, в котором участвовало не только стрелецкое войско, но и значительные массы „крепостного и служилого люда“, захватило также и донских казаков, часть которых присоединилась к восставшим.

Восстание продолжалось в течение года, но, — не встретив такой широкой поддержки, как движение Разина, и не имея достаточного руководства, — было подавлено и разгромлено.

Это восстание стрельцов носило в основном классовый характер, но оно не было достаточно массовым и в значительной

степени было направлено против Петровских реформ. Оно не вызвало большого сочувствия и поддержки широких крестьянских масс крепостного населения. Возникшее на берегах Волги, оно там и угасло.¹

Поднятое затем в 1709 году Кондратом Булавиным восстание донских казаков только частично захватило Волгу; более крупным и с участием широких масс населения волжских берегов,—казаков и крестьян,—было в 1774 году восстание Емельяна Пугачева, казака Зимовней станицы Донской области.

Восстание Пугачева вызвало новый подъем волны крестьянского возмущения против феодальной эксплуатации и проявилось в жестоких классовых битвах на всем протяжении Нижнего Поволжья.

Подавлением пугачевского восстания классовая борьба здесь на берегах Волги не прекратилась. Неоднократно в 60-х годах XIX века и в 1905 году восстания, как высшее проявление классовой борьбы, снова и снова вспыхивали в крае, пока, наконец, под руководством партии Ленина—Сталина, в Октябре 1917 года, помещики и капиталисты не были навсегда свергнуты рабочим классом в союзе с крестьянством.

В. АЛЕКСЕЕВ.

* * *

В данной книге все мемуары и записки путешественников нами расположены по возможности в хронологическом порядке.

Источники, откуда взяты материалы, нами оговорены в особом титульном листе, предпосылаемом каждому автору. Почти все тексты, в виду затруднительности и даже в некоторых случаях полной невозможности найти первоисточники, нами сверены только с последующими изданиями на русском языке, за исключением трех последних,—записок Лепехина, Палласа и Гмелина, которые печатаются с оригиналов (первого издания).

Составитель, преследуя цель дать только те места или главы записок, которые косвенно или целиком относятся к Нижнему Поволжью, только в исключительных случаях нарушал цельность отдельных глав или разделов той или иной книги.

¹ Что восстание стрельцов было направлено не только против отдельных лиц государственного аппарата и не вызвано каким-либо случайным недовольством, видно из ряда источников. Это было возмущение против всей крепостнической системы, против всего государственного строя, хотя буржуазные историки объясняют это восстание условными обрядовыми причинами.

Если взять социальный состав тех, кто пал жертвой восставших, то мы видим среди них астраханского воеводу Ржевского, полковника Некрасова и более „300 человек чиновных людей“.

В этой книге мы поместили труды одиннадцати авторов: десяти иностранных и одного русского, в то время как о Волге, особенно о нижнем течении ее, можно найти работы значительно большего числа авторов.

Но мы не считали возможным в данной книге использовать труды всех известных путешественников, потому что тогда это бы не оправдало нашей основной цели, поставленной при издании книги,— в ней были бы неизбежны повторения, а большой объем записок утяжелил бы книгу.

Орфография во всех использованных материалах нами изменена, но особенности письма, своеобразные тогда наименования народов, городов, растений, животных сохранены по возможности в прежнем изложении переводчиков или авторов (Паллас, Лепехин).

Интерес к истории нашей великой социалистической родины, потребность в источниках для изучения нашего края, нам думается, послужат оправданием выпуска этой книги, в которую мы включили авторов столь различных наций и эпох.

В. А.

ПУТЕШЕСТВИЕ АМВРОСИЯ КОНТАРИНИ, ПОСЛА СВЕТЛЕЙШЕЙ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, К ЗНА- МЕНИТОМУ ПЕРСИДСКОМУ ГОСУДАРЮ УЗУЛ-ГАСАНУ, СОВЕРШЕННОЕ В 1473 Г.

Амвросий Контарини принадлежал к одной из знатных венецианских фамилий. В 1473 г., по поручению Венецианской республики, он отправился в Персию, к могущественному в то время шаху Узул-Гасану, с целью склонить его к объявлению войны Турецкой империи, возраставшее могущество которой становилось грозным для Венеции. Описание путешествия Контарини вышло в первый раз в Венеции в 1487 г. и переведено на многие европейские языки. Русский перевод с итальянского подлинника сделан в первых десятилетиях XIX века и помещен вместе с записками других путешественников в „Библиотеке иностранных писателей о России“, изд. 1836 г., под заглавием „Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узул-Гасану, совершенное в 1473 г.“. Возвращаясь из Персии на родину, он посетил Москву во время Ивана Васильевича III; путь Контарини лежал через Астрахань и Волгу, впечатление от посещения Астрахани и путешествия по Волге, записанное им в 7 главе его мемуаров, мы здесь и помещаем. Отрывок взят нами из „Астраханского сборника“ (выпуск первый, 1896 г., Астрахань), перепечатанный там из „Библиотеки иностранных писателей“, М. 1836.

(Светлейший посол, переплыв через Каспийское море, приезжает в Цитрахань, где претерпевает разные притеснения от татар, и потом отправляется с караваном в Московию).

15 числа утром подул опять попутный ветер и мы поплыли далее, беспрерывно лавируя между помянутыми камышевыми островами, а 26-го числа вошли в устье Волги (Volga), величайшей из всех известных нам рек. Она берет начало свое в России, впадает, как говорят, семидесятью рукавами в Бакинское море и во многих местах очень глубока. От устья Волги до Цитрахани считается не более 75-ти миль; но течение здесь так быстро, что мы не прежде, как 30-го числа, могли достичь города, да и то с пособием бичевы, а кое-где и с помощью попутного ветра. Неподалеку от Цитрахани, на пути к морю, находится соленое озеро, — столь обширное, что добываемой из него соли достаточно бы было для продовольствия большей части вселенной. Оно снабжает превосходною солью почти все Российские владения. Татары (т. е. государь, господствующий в Цитрахани) сначала никак не позволяли нам сойти в тот же день на берег; но Марк¹ с помощью некоторых приятелей, бывших у него в городе, исходатайствовал для себя это позволение, а к вечеру и меня с свитою всею выпустили также из лодки и отвели в маленький домик, где находился уже Марк. Поместившись кое-как в небольшой каморке, мы провели тут спокойно ночь. На утро же пришли к нам трое татар с лицами узкими и плоскими как доски и, потребовав меня к себе, объявили, что Марку опасаться нечего; ибо он друг их государю; но что я, как Франк и врач хана, должен непременно сделаться рабом его. Таковой прием крайне поразил нас, но Марк взялся

¹ Марк это спутник Контарини — Марк Россо посол московского князя Василия III при дворе персидского Узул-Гасана

отвечать за меня, советуя мне молчать и предаться совершенно его покровительству, что я и должен был исполнить.

1-го мая 1476 года возвратился я назад в свою каморку, почти полумертвый от страха и незная сам, чем это все кончится; а между тем опасность с каждым днем увеличивалась, тем более, что ханские досмотрщики (*commerchieri*) объявили, будто у нас находится множество драгоценных вещей, тогда как я привез с собою из Дербента одни только безделушки, и то в намерении променять их потом на какую-либо лошаденку, для продолжения моего пути. Все эти безделушки были у нас отняты, а мне объявили чрез посредство Марка, что я буду продан на рынке. Несмотря однако на таковое решение, я успел кое-как, с помощью Марка и нескольких купцов, отправлявшихся в Московию, уладить это дело за 2.000 алермов (*alermi*), которые должен был заплатить за выкуп свой хану, не считая в то число разных подарков другим лицам; а как у меня не оставалось ни одной копейки, то деньги эти я принужден был занять у русских и у татарских купцов, отправлявшихся в Московию, за большие проценты и не иначе, как за поручительством означенного Марка. Таким образом удовлетворили мы хана; но этим дело еще не кончилось. Поверенный его всякий раз, когда Марк выходил со двора, являлся к нашему жилищу и, стуча изо всей силы в дверь, страшным голосом грозил посадить меня на кол, если я не выдам ему всех моих драгоценностей. Делать было нечего. Чтобы развязаться с ним, надлежало каждый раз задабривать его каким-либо подарком. Часто также хмельные татары, упившиеся напитком, приготовляемым у них из меда, толпою подходили к дому нашему и громко требовали франков. Невозможно было без страха слышать этих ужасных криков и мы, чтобы избавиться от оных, всякий раз должны были задаривать их. В Цитрахани пробыл я с 1-го мая по день св. Лаврентия, т. е. по 10 августа. Город этот принадлежит трем племянникам нынешнего татарского хана (*Imperadore*), которые со всем народом своим кочуют на равнинах Черкессии и около Таны, приближаясь иногда во время жаров, для прохлады и свежих пажитей, к пределам России; а в Цитрахани живут только зимою в продолжение нескольких месяцев. Самый город, лежащий на берегу Волги не очень обширен и окружен низкою стеною; дома же в нем почти все мазанные, хотя кое-где видны еще свежие остатки больших зданий, разрушенных вероятно в недавнем времени. Говорят, что прежде Цитрахань была значительным торговым местом и что сюда привозились все товары, отправляемые из Венеции чрез Тану. В обмен же за оные, сколько мог я понять и разведать, брали разные пряности, которые отвозили потом в Тану, отстоящую, как говорят, от Цитрахани не далее 8 дней пути.

10 августа 1476 года, в день св. Лаврентия, мы, как выше сказано, выехали из Цитрахани в следующем порядке. Ежегодно

государь цитраханский, именуемый ханом Казимом (Casimi Can), отправляет посла своего в Россию к великому князю, не столько для дел, сколько для получения какого-либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствует целый караван татарских купцов с джезскими тканями, шелком и другими товарами, которые они променивают на меха, седла, мечи и иные необходимые для них вещи; а как дорога от Цитрахани до Москвы лежит почти беспрерывно чрез степь, то всякий путешественник и должен запастись нужными жизненными припасами на все время пути своего.

Впрочем, сами татары мало об этом заботятся, ибо имеют всегда при караване множество лошадей, которых убивают для своего прокормления. Они вообще питаются одним лошадиным мясом и молоком и даже не едят хлеба, коего употребление известно только купцам, бывшим в России. По этой причине для нас крайне было затруднительно продовольствовать себя в дороге пищею. Весь запас наш состоял из небольшого количества сарачинского пшена, смешанного с кислым молоком и высушенного потом на солнце. Это кушанье называется на татарском языке тур (Thur). Оно твердо, несколько кисловато и, по уверению татар, очень питательно. Сверх означенного пшена имели мы у себя небольшой запас чеснока, луку и хорошей пшеничной муки, а также несколько сухарей, которые я добыл с большим трудом, да еще в самый день нашего отъезда удалось мне достать баранью ногу. Прямой путь наш лежал м^южду двумя рукавами реки, но как Казим хан находился тогда в войне с дядею своим, ханом татарским, ибо объявил притязания на владение большою ордою, бывшею прежде под управлением его отца, то и велено было каравану нашему переправиться на другую сторону Волги, дабы поскорее достигнуть узкого прохода между Волгою и Танаисом, отстоящего на 5 дней пути от Цитрахани, и по миновании коего нам нечего уже было опасаться. Вследствие такого распоряжения весь караван погрузил пожитки свои и жизненные припасы на суда, для переправы оных на противоположный берег Волги и так как Марк пожелал, дабы наши вещи и запасы были также отправлены вместе с прочими, то я и отрядил туда служителя своего венгерца Иоанна и отца Стефана; сам же остался в городе дожидаться означенного посла, называвшегося Анхиоли (Anchioli) и обещавшего в полдень захватить за мною и доставить благополучно к месту, куда отправлены были барки. Место это отстоит от города не далее 12 миль. В назначенный час сел я на лошадь и, вместе с послом и моим переводчиком, пустился в путь. Мы ехали с большою осторожностью и в ужасном страхе и за час до сумерок прибыли к перевозу, в намерении, когда стемнеет, переправиться на противоположный берег реки, где находились спутники наши. Вдруг Марк позвал меня к себе таким страшным голосом, что я подумал: не настал ли последний час

жизни моей,—и велел мне сесть немедленно на коня и вместе с переводчиком моим и какою-то русскою женщиною отправиться в путь, в сопровождении одного татарина, с самою отвратительною рожею. Более не объяснил он мне ничего, а только примолвил: скажи, скажи скорее! Не смея противоречить, я молча повиновался и тот же час поскакал вслед за означенным татаринком. Мы ехали без отдыха всю ночь и остановились не ранее как на другой день, около полудня. Несколько раз спрашивал я проводника нашего, куда он везет меня, но никак не мог добиться ответа. Наконец он объяснил мне, что хан приказал осмотреть все лодки, для каравана приготовленные,—и еслиб меня нашли там, то я бы наверное был задержан. Вот причина, по которой Марк с такою поспешностью отправил меня.

13-го августа, в полдень, как выше сказано, прискакали мы к берегу Волги,—и татарин немедленно бросился искать лодки для перевоза нас на небольшой островок, посреди реки находящийся, и где паслись стада означенного Анхиоли. Не найдя ее, он скрутил, как мог, несколько хворосту вместе и привязав этот плот веревкою к хвосту коня своего, положил на оный седла наши; а сам сел на лошадь и, погнав ее в воду, переехал таким образом на остров, отстоящий от берега не далее двух перелетов стрелы. После сего он возвратился к нам и точно также перевез русскую женщину, а потом взял и меня. Видя всю опасность предстоящей переправы, я снял с себя платье и, оставшись в одной рубашке, (что конечно было бы для меня ничтожным пособием в случае несчастья) взошел, благословясь на плот, и, с помощью божиею, благополучно переехал на остров. Переводчик же мой предпочел пуститься вплавь, и также, несмотря на все опасности, достиг берега без всяких приключений. Переправив таким образом всех нас, татарин опять возвратился на прежнее место и перегнал наших лошадей, на которых мы немедленно поскакали к его жилищу, состоявшему из шалаша, покрытого войлоком. Так как я в продолжение двух дней совершенно ничего не ел, то, по прибытии моем, хозяин наш тот же час принес мне немного кислого молока, которое показалось мне отменно вкусным,—и за которое я был ему крайне благодарен. Вскоре подошло к нам еще несколько татар, находившихся на острове с стадами своими. Они крайне удивились, увидя меня, ибо еще никогда не встречали в этом месте христианина. Я боялся вступить с ними в разговор и притворился больным. Хозяин мой также молчал, страшась, как я полагаю, посла, который считается у них весьма важным человеком,—и таким образом пришедшие ничего обо мне не узнали. 14 числа, накануне праздника успения пресвятой богородицы, татарин наш для моего угощения велел убить тучного барашка и часть оного сварить, а другую зажарить, не перемыв его однако прежде, ибо, по мнению их, от чищения мясо теряет свой вкус. Они даже не дают ему вскипеть надлежащим образом и пену снимают

в небольшом количестве маленьким прутиком. Вместе с бараниной принес он мне кислого молока и несмотря на то, что это было накануне праздника успения пресвятой богородицы (у которой я умиленно просил прощения в грехе моем; ибо не мог терпеть долее), мы все с жадностью принялись за поданное нам кушанье. После того хозяин принес еще кобыльего молока, составляющего любимую пищу татар, и убеждал меня отведать оно, говоря, что оно очень крепительно; но я никак не мог решиться пить его, по причине проклятого его запаха. Отказ мой повидимому крайне не понравился татарину.

На острове оставались мы до 16 числа, то есть до прибытия каравана. Марк, немедленно по приезде своем, прислал за мною одного из русских своих служителей, в сопровождении татарина, приказав им перевести меня на лодке к тому месту, где пристал караван. Отец Стефан и венгерец Иоанн, почитавшие меня уже совсем погибшим, крайне обрадовались, когда меня увидели и с умиленным сердцем благодарили господа за мое спасение. Недовольствуясь сим, Марк снабдил еще нас для дороги потребным количеством лошадей.

Пробыв в этом месте для отдохновения весь день 16 числа, мы на следующее утро пустились в дальнейший путь, по направлению к Московии. Посол начальствовал всем караваном, состоявшим из 300 человек русских и татар, имевших при себе более 200 заводных лошадей, как для прокормления своего в пути, так равно и для продажи в России. Мы шли в большом порядке, держась все берега реки, и останавливались только на ночь, для отдыха, и в полдень, для привала; через 15 же дней миновали тот узкий проход, в котором опасались нападения хана большой орды. Не излишним почитаю объяснить здесь, что орда эта имеет своего государя (имени его не припомню), который повелевает всеми татарами, в сих странах находящимися.

Татары эти, как я уже прежде сказал, кочуют по местам, изобильным тучными пажитями и водою (никогда не оставаясь долго на одном месте) и живут мясом и молоком. У них такие коровы и быки, каким подобных, я думаю, не найдешь в целом свете; бараны и овцы также отличной породы; а мясо необыкновенно вкусно, по причине тучных пажитей, на которых пасется скот. Впрочем, татары всему предпочитают кобылье молоко. Я сам не был в орде, а только старался узнать от других о ее устройстве и могуществе,—и все те, кого я ни спрашивал, единогласно утверждают, что, хотя народа в ней много, но большая часть оного вовсе бесполезна, ибо состоит из женщин и детей. В целой орде не наберется более 2.000 человек вооруженных мечами и луками; остальные совершенно безоружны. Татары считаются народом храбрым, ибо беспрестанно грабят черкесов и русских; лошади же их повидимому очень дики и пугливы, и не привычны к ковке. Вообще полагают, что между татариним и животным весьма мало разницы. Это племя кочует посто-

янно, как выше объяснено, между Волгою и Танаисом; но есть, говорят, еще другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких татар. Племя это переходя, как и все другие, с места на место и отыскивая свежие пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда; разве только кое-где похищает скот.

Продолжая в течение 15 дней путь свой около берегов реки, мы наконец прибыли к небольшому леску, в коем русские и татары принялись с отменною скоростью рубить деревья и делать из них плоты, связывая каждые 40 бревен вместе веревками, которые привезли с собою. Пока они заняты были этою работою, мы отыскивали небольшую лодку, довольно впрочем ветхую, на коей Марк решился переправить пожитки наши на противоположный берег. Исполнив это, лодка возвратилась назад, и он приказал мне сесть в нее и, забрав с собою седла наши и то небольшое количество жизненных припасов, которое у нас находилось, переехать также на другой берег, для охранения этих пожитков, переводчика же моего Димитрия и венгерца Иоанна оставил стеречь лошадей. Сев в лодку с отцом Стефаном и двумя русскими гребцами, мы, с помощью весьма плохих весел, пустились к противоположному берегу, но долго не могли достичь его, не столько по причине расстояния, составлявшего добрую милю, сколько по причине сильного течения, относившего нас стремительно вниз и небольшой течи, в лодке оказавшейся, от которой она постепенно погружалась, так, что мы с отцом Стефаном принуждены были во все время сидеть по колена в воде и беспрестанно выливать ее. По выходе нашем на берег, русские гребцы хотели опять отправиться на ту сторону, где находился караван, но исполнение сего было решительно невозможно, ибо лодка совсем развалилась, и, вследствие того, все они, числом шестеро, остались с нами. Караван располагал также переправиться на следующее утро, но поднявшийся вдруг сильный северный ветер сделал такую переправу в продолжение двух дней невозможною. Бедные служители мои, оставшиеся стеречь лошадей, в течение всего этого времени должны были пробыть без пищи и без одежды; ибо все пожитки наши отправлены были со мною. Легко представить себе, каково было их положение. Вздумав на свободе освидетельствовать припасы наши, я нашел, что они значительно уменьшились. Это открытие сильно встревожило меня и заставило, хотя несколько и поздно, взяться самому за распоряжение столом и, умерив ежедневное потребление наше, выдавать чашку сарачинского пшена на обед и столько же на ужин, прибавляя к этой порции то лук, то чеснок, то сухари, с небольшим количеством кислого молока. Мы все обыкновенно садились в кружок около чашки, и ели вместе; причем мне на

мою часть доставалось отнюдь не более, как и другим. В те же два дня, которые мы провели порознь с караваном, набрав несколько диких яблоков, я, для сбережения нашего запаса, велел сварить их и питался ими в продолжение всего этого времени. По истечении двух дней, как выше объяснено, караван наш, со всеми пожитками своими, переправился на означенных плотях на нашу сторону. К каждому плоту привязано было веревками за хвосты от 6 до 7 лошадей, управляемых столькими же татарами, причем надлежит заметить, что все лошади были прежде согнаны в воду, дабы одним разом двинуть плоты с места. Этот род переправы представляет конечно весьма красивый вид; но очень опасен. Отдохнув несколько времени, мы взяли пожитки свои и отправились в дальнейший путь, оставя в стороне реку, коей, по мнению моему нет подобной в целом свете. Она имеет около двух миль в ширину, ограждена крутыми берегами и вообще очень глубока.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ГОРОДА МОСКВЫ В РОССИИ ДО ГОРОДА БУХАРЫ В БАКТРИИ

Антоний Дженкинсон, английский посланник при дворе московского царя, четыре раза (между 1557—1571 г.г.) посетил Россию в царствование Иоанна IV (Грозного). Главная цель этих путешествий было стремление английского капитала к заключению выгодных торговых договоров на востоке и получить разрешение английским купцам на торговлю с Персией чрез русские владения. В первую свою поездку в Бухару он дважды посетил Нижнюю Волгу и Астрахань, а также проезжал этим путем вторично при путешествии в Персию. Описания путешествий Дженкинсона были переведены впервые С. Середонини и напечатаны в 4 книге „Чтений общества истории и древностей российских“ за 1884 г., откуда были взяты помещаемые здесь выдержки (см. „Астраханский сборник“, стр. 57).

Карта России, составленная А. Дженкинсоном

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В БУХАРУ И ОБРАТНО

23 апреля 1558 г., получивши грамоты от русского царя к различным царям и государям, через владения которых мне должно было проезжать, я выехал водой из Москвы; с собою я взял двух из ваших подчиненных, именно Ричарда и Роберта Джонсонов, татарина-переводчика, много тюков товаров, как это видно из описи. 28 ч. мы приехали к городу Коломне, в 20 лье от Москвы; проехав еще лье за Коломну, мы вошли в р. Оку, в которую впадает р. Москва и теряет свое имя. Проплывши вниз по Оке 8 лье, мы подошли к городку Перевитиску (Terrevetisko), по правую руку; следуя дальше, 2 мая мы подошли к другому городу Переяславию, в 8 лье, тоже по правую руку. 3 ч. мы подъехали к месту, где была старая Рязань; теперь здесь развалины, поросшие травой; расстояние от Переяславля 6 лье. 4 ч. мы проехали мимо Терехова монастыря (Terrecobia), от Рязани 12 лье; 6 ч. подъехали к гор. Касимову, находящемуся под управлением татарского князя Шиг-Алея (Zedoline) бывшего царем славной Казани, ныне же подданного русского царя. Оставив Касимов по левой руке, мы прибыли 8 ч. в красивый город Муром, от Касимова 20 лье; здесь мы измерили высоту солнца и определили широту — 56° ; продолжая путь, 11 числа мы приехали в значительный город и крепость Нижний-Новгород, расположенный при впадении р. Оки в славную Волгу, в 25 лье от Мурома, под $56^{\circ} 18'$ шир. От Рязани до Нижнего-Новгорода по обоим берегам р. Оки добывается больше, чем где-либо в России, воск и мед. Мы прождали в Нижнем-Новгороде до 19 ч. приезда начальника, назначенного царем управлять Астраханью; он приехал с 500 большими судами, с солдатами, провиантом и амуницией и товарами: 19 ч. мы вместе и отправились из Нижнего-Новгорода, а 22 приехали.

к Василь-городу, в 25 лье, с правой стороны. Этот город получил свое название от имени отца нынешнего царя, который назывался Василием, а город по-русски тоже, что наше Castle так что Василь-город — Vasilij castle; это был отдаленнейший пункт завоеваний покойного царя от татар. Нынешний же царь, сын его Иван Васильевич, очень счастлив в своих войнах с христианами, магометанами и язычниками; особенно же большие успехи дались ему в войне против татар: он расширил свое царство до Каспийского моря, завоевал все течение славной реки Волги со всеми прилежащими к ней областями. Продолжая наше путешествие, 25 мая мы подъехали к городу Чебоксары (Sabonschare), на правом берегу, в 16 лье от Василь-города. Окрестная страна называется Мордва; жители ее были язычниками, а теперь, по покорении их русским царем, большая часть крестилась, живут они в лесах и пустынных местах, нет у них ни городов ни жилищ. 27 мая мы проехали мимо Свияжска, в 25 лье от Чебоксар, тоже на правом берегу. 29 мая мы подъехали к острову, отстоящему на лье от Казани, от которой в Волгу впадает р. Казанка. Казань красивый город на русский или татарский образец, с сильною крепостью, расположенною на высоком холме; крепость эта была обнесена деревянною и земляною стеной; теперь русский царь приказал уничтожить старые стены и построить новые из плитняка. Это был значительный и богатый город, составлявший самостоятельное татарское государство, причинявшее русским больше беспокойств, чем какой-либо другой народ; но 9 лет тому назад русский царь завоевал Казань, взял в плен царя, еще юношей его крестил и воспитывает его при своем дворе с двумя другими князьями, также бывшими казанскими царями; оба они, видя жизнь в опасности от гражданских междоусобий во время своих царствований, передавались русскому царю, так что теперь при русском дворе 3 князя, бывших казанскими царями. Царь обращается с ними очень почтительно.

До 13 июня мы оставались в Казани; выехав оттуда, мы в тот же день миновали остров, называемый островом купцов потому, что здесь обыкновенно съезжались купцы: русские, казанские, ногайские, крымские и др. и держали здесь торг, теперь же это место оставлено, и не бывает такого съезда ни здесь, ни в Казани и ни в каком другом городе от Москвы до Каспийского моря.

14 июня мы миновали с левой стороны большую реку Каму. Эта река течет в Волгу из Пермской области, устье ее от Казани в 15 лье. Земля между Казанью и Камой на левом берегу Волги называется Вяткой (Vachen), население языческое, живет в пустынных местах, без домов и жилищ; страна же на противоположном берегу Волги называется землей Черемисов, наполовину язычников, наполовину татар. Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее по северному и

сев.-восточному берегу Каспийского моря, граничащая с землей татар туркменов, называется землей мангатов (Magat) или ногайцев.

Население ее магометанское; во время моей бытности в Астрахани в 1558 году оно совершенно было расстроено гражданскими усобицами, голодом, мором и т. п. бедствиями, до такой степени, что в этом году померло до 100 тыс. чел.; подобного бедствия здесь не запомнят, так что ногайская земля, изобилующая пастбищами, остается теперь не населенной, к великому удовольствию русских, издавна ведущих с ногайцами жестокие войны.

Ногайцы во время своего процветания жили так; они делились на несколько обществ, называемых ордами. Всякая орда имеет своего правителя, которому повинуются, как королю; правитель называется мурза. У ногайцев нет ни городов, ни домов, а живут они в открытых полях; всякий мурза или король имеет около себя свою орду, с женами, детьми, скотом. Когда скот съест всю траву, они перекочевывают в другое место. Во время кочевок их жилища - палатки ставятся на повозки или телеги, перевозимые с места на место верблюдами; в этих повозках они возят своих жен, детей и все богатство, которого у них очень немного. У каждого мужчины, по меньшей мере, 4 или 5 жен, не считая наложниц. Монеты они вовсе не употребляют, но обменивают скот на платья и прочие необходимые вещи. Они не занимаются никакими ни ремеслами, ни искусствами, за исключением военного, в котором они очень опытные. По преимуществу, это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство. Они едят много мяса, главным образом конину, пьют кумыс, которым часто напиваются до пьяна; народ это мятежный, склонный к убийствам и грабежу. Зерен они не сеют и вовсе не употребляют хлеба; смеются за это над христианами; презирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделенные напитки; чтоб достичь их силы и крепости рекомендуют есть много мяса и пить молоко.

Но возвратимся к моему путешествию.

Вся страна на правом берегу Волги от Камы до города Астрахани принадлежит крымским татарам, тоже магометанам, которые живут почти также как ногайцы и ведут постоянные войны с русским царем, они в поле очень храбры и получают помощь и поддержку от Великого Турка.

16 июня мы проехали мимо жилищ рыболов Petovse, в 20 лье от Камы; здесь ловится много осетров. 22 июня мы миновали большую реку Самару, текущую через ногайскую землю в Волгу. 28 июня мы проехали высокий холм, на котором некогда крымцы построили крепость, теперь уже разрушившуюся. Этот холм находится на половине пути от Казани до Астрахани (весь путь 200 лье), под 51° 47' шир. Здесь на берегу растет солодовый корень, выющийся по земле как виноград.

6 июля мы подплыли к месту, называемому „Переволок“ (Perovolog); называется оно так потому, что в минувшие времена татары здесь перетаскивали свои суда из Волги в Танах, иначе Дон, когда собирались грабить плывущих как вниз по Волге в Астрахань, так и плывущих по Танашу в Азов, Каффу и др. города, расположенные на Эвксинском море, в которое впадает Танах, берущий свое начало на равнине, в Рязанской области. Расстояние от одной реки до другой по переволоку — 2 лье; это опасное место, так как здесь водятся воры и разбойники; впрочем теперь не так опасно, потому что это место завоевано русским царем. По дороге от переволока нашим глазам представилась пустырь на обоих берегах, видели мы здесь большую толпу ногайцев со стадами, как уже было описано; по счету до 1000 верблюдов везли повозки с палатками на них, странной формы; казалось, что везут город. Эта орда принадлежала великому мурзе Смиллу (Smills), главнейшему ногайскому князю; он убил или изгнал всех прочих мурз, не пощадив при этом ни своих братьев, ни детей; сохраняя мир с русским царем, он имеет что нужно и правит один, так что теперь русские живут в мире с ногайцами, с которыми обыкновенно у них были кровавые войны.

14 июля, пройдя древнюю крепость, где была старая Астрахань с правой стороны, мы приехали в новую Астрахань, завоеванную нынешним русским царем 6 лет тому назад, в 1552 г. От Москвы до Астрахани 600 лье или около этого. Город Астрахань расположен на острове, на высоком берегу, внутри города кремль, обнесенный деревянною и земляною стеной, и некрасивою и непрочною. Строение и дома в городе (за исключением помещений главных начальников и некоторых дворян) очень низки и просты. Остров очень неплодороден, без лесу и пастбищ, земля не родит хлеба. Воздух в высшей степени заражен, я думаю, массой рыбы, преимущественно осетров, которой только и живут обитатели; в мясе и хлебе здесь большой недостаток. Жители развешивают для сушки рыбу на улицах и в домах, чтобы запастись ею, отчего здесь к их же мучению такая масса мух, какой я никогда нигде не видал. Во время моего пребывания в Астрахани здесь был великий голод и мор между населением, особенно среди татар-ногайцев, которые пришли тогда сюда отдаться в руки русских, своих врагов, и искать у них помощи, так как их страна, как я сказал, была разорена. Но им плохо помогали, массами они помирали от голода, так что по всему острову лежали кучи умерших, непогрешенных, точно зверей; жаль было смотреть. Много их было продано русским, а остальные прогнаны с острова. В это время очень легко было бы обратить этот злой народ в христианскую веру, если бы русские были добрыми христианами; но как они могли оказать сострадание чужому племени, когда они так беспощадны к своим бедным. Я бы мог в это время накупить

здесь много красивых детей татарских, хоть тысячу, от отцов и матерей, мальчика или девочку за кусок хлеба, стоящий в Англии 6 пенсов; но мы сами более нуждались в провизии чем в таком товаре. Астрахань отдаленнейший пункт царских завозов от татар по направлению к Каспийскому морю. Царь охраняет Астрахань очень строго; ежегодно посылает сюда людей, припасы и дерево для постройки кремля.

Ведется здесь торговля, но в таких малых и ничтожных размерах, что не стоит и упоминать; все-таки, впрочем, сюда съезжаются купцы из разных местностей. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими: красные кожи, бараньи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи, и т. п. безделушки, хлеб свинина и пр. припасы. Татары привозят сюда различные товары, выделанные из хлопка, шерсти и шелка; из Персии, именно из Шемахи, привозят шелковые нитки, употребительнейшие в России, краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи и т. п.; иногда хлеб, грецкие орехи; но все это в таких незначительных размерах, что торговля здешняя ничтожна и бедна; нечего и писать об ней, равно как и надеяться завести здесь торговые сношения, достойные продолжения.

Остров на котором расположена Астрахань, 12 лье длины и 3 ширины, лежит с вост. на зап., под $47^{\circ} 9'$ шир. Мы прибыли здесь до 6 августа; вместе с татарами и персами купили и снарядили судно, нагрузили своими товарами и 6 августа выехали из Астрахани (я и оба Джонсоны); пришлось самим наблюдать за плаванием вниз по Волге; так как к устью она очень извилиста, и встречается много мелей. Мы вошли в Каспийское море 10 августа у восточного берега Волги, в 20 лье от Астрахани, под $46^{\circ} 27'$ шир. При впадении Волга имеет до 70 устьев; был сильный ветер, и мы, держась сев.-вост. берега, плыли 11 числа к сев.-вост. и приплыли к острову, на котором стоит высокая гора Ассургар, далеко заметная в море. В 10 лье отсюда к востоку мы проехали мимо другого острова Bawhiata, который значительно выше первого. К северу, между двумя этими островами лежит большой залив, называемый голубым морем. Отсюда мы проплыли к сев.-вост. 10 лье, но встретивши противный ветер, стали на якорь (глубина воды—сажень). 15 числа мы выдержали сильный шторм, с юго-востока, при этом противном ветре мы не плыли. Затем при перемене ветра на северный — мы снялись с якоря и продолжали свой путь на юго-восток; в этот день мы проплыли 8 лье.

Затем после плаванья по Каспийскому морю, Дженкинсон и его спутники высадились на берегу залива Мертвого Култука и, наняв у мангышлакских татар проводников, направились чрез крепость Селлизур и г. Ургенч в Бухару, куда и прибыли 23 декабря. Пробыв там до 8 марта 1559 г. путешественники выехали обратно и, держась берега Каспийского моря, вернулись в Астрахань.

28 мая мы благополучно прибыли в Астрахань, где и оставались до 10 июня, как для того, чтобы приготовить небольшие

судна для проезда с товарами вверх по Волге, так и для сопровождения татарских посланников, доверенных мне, к русскому царю. Каспийское море имеет в длину около 200 лье, в ширину 150; сообщения с другим морем нет. На востоке лежит большая пустынная страна татар-туркменов, на запад земли черкасов, Кавказские горы и Евксинское море, отстоящее от Каспийского на 100 лье; к северу река Волга, земля ногайцев, к югу—земли, Мидия и Персия. Во многих местах этого моря вода свежая, в других соленая, как в нашем океане. Много больших рек впадает в него, но само оно не имеет течений, разве под водой. Вот главнейшие, впадающие сюда реки: великая река Волга, по-татарски Едель, берущая начало в болотах или равнинах, недалеко от Новгорода, в России; от истока до моря больше 2000 англ. миль; затем другие реки, например: из Сибири Яик, река Гем, с Кавказских гор: Кура, Аракс и друг.

Что касается до шемахинской (в Мидии) и персидской торговли, я разведывал об ней и узнал, что она подобна татарской, т. е. небольшой сбыт и незначительная выгода, а главная персидская торговля идет в Сирию, к Ливанскому морю. Малое число кораблей на Каспийском море, недостаток в рынках и портах, бедность народов, лед,—вот что делает здесь торговлю бедной. В Астрахани были купцы из Шемахи, которым я предлагал на обмен за их товары кирасею, но они не согласились: в их стране ее можно купить также дешево (я просил 6 руб. за кусок кирасей); во время моего пребывания в Бухаре, туда привезли из Персии сукно и другие наши товары, которые продавались по той же цене, по какой и я мог их продавать.

10 июня мы отправились из Астрахани в сопровождении, по приказанию царя, 100 стрельцов для безопасного проезда моего и татарских послов. 28 июля мы приехали в Казань, пробыв в дороге более 6 недель, без остановок, по всей дороге нет жилищ. 7 августа мы выехали из Казани и везли товары водой до Муром, а затем сушей. 2 сентября мы прибыли в Москву.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛШТИН- СКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКОВИЮ И ПЕРСИЮ в 1633, 1636 и 1639 годах

ИЗДАНО В 1-Й РАЗ В 1647 ГОДУ В ШЛЕЗВИГЕ И ВЫШЕДШЕГО 3-М ИЗДАНИЕМ ТАМ ЖЕ В 1663 ГОДУ ПОД ЗАГЛАВИЕМ: „ADAM OLEARII AUSSFÜRLICHE BESCHREIBUNG DER KUNDBAREN REISE NACH MUSCOW UND PERSIEN SO DUREN GELEGENHEIT EINER HOLSTEINISCHEN GESANDSCHAFT VON GOTTORFF AUSS AN MICHAEL FEDOROWITZ, DEN GROSSEN ZAAR IN MUSCOW UND SCHACH SEFI, KÖNIG IN PERSIEN, GESCHENEN

Адам Олеарий родился в саксонском городке Ашерлебене в 1599 г. и умер в Шлезвиге в 1671 г. С ранних лет он предался научным занятиям, скоро достиг ученых степеней и жил в Лейпциге, ведя жизнь кабинетного ученого до 1633 г., когда тридцатилетняя война заставила его покинуть отечество и переселиться в Шлезвиг-Голштинию, где в то время был герцогом Фридрих. Этот герцог снаряжал посольство к московскому царю-Михаилу Федоровичу и персидскому шаху. Цель посольства главным образом заключалась в том, чтобы завести непосредственные торговые сношения с московским государством и в особенности с Персией.

Фридрих искал ученого секретаря, который мог выполнить эту задачу и ему указали на Олеария. Послами были Филипп Крузе и Отто Бругман. Посольство это отбыло из Готторпа 22 октября 1633 г. и прибыло в Москву 14 августа 1634 г. Получив от царя Михаила согласие на свободный проезд в Персию, оно вернулось в Готторп. Тогда Герцог Фридрих снарядил второе посольство, в котором Олеарий был уже не только секретарем, но и советником. Посольство отправилось 24 октября 1635 г. из Любека морем в Ревель, где перезимовало и только 29 марта 1636 г. прибыло в Москву. Пробыв там три месяца, посольство отправилось далее по рр. Москве, Оке и Волге и 15 сентября достигло Астрахани. Из Астрахани 10 октября оно направилось в Персию по Волге и Каспийскому морю на Дербент; куда прибыло 14 ноября; 12 декабря оно было в Шемахе,

где прожило 4 месяца, ожидая разрешения шаха продолжать путь, и затем чрез Ардебиль, Султанни, Казвин, Кам и Кашан прибыло 3 августа 1637 г. в столицу Персии Испагань. 20 декабря посланники пустились в обратный путь на Дербент, откуда отправились по берегу моря чрез Терки и приехали в Астрахань в августе месяце 1638 г., где пробыли до 7 сентября. В Москву они вернулись 2 января 1639 г.

Голштинское посольство возвратилось к Фридриху, не достигнув своей главной цели. Торговые сношения с Персией не завязались частью по дальности и опасности пути. Олеарий честно поработал на своего герцога, собрав все необходимые сведения, для завоевания русского рынка голштинскими купцами. Поэтому в сочинении его, кроме неизвестных дотоле географических сведений, мы находим детальное описание хозяйственной деятельности страны и небезуспешные попытки разобраться в политической и общественной жизни московского государства. Сочинение Олеария выдержало множество изданий почти на всех европейских языках. В России лучший перевод сделал П. П. Барсовым, в 1870 году. Перевод этот сделан с 3-го издания сочинения Олеария, полное заглавие которого приведено выше. Настоящее извлечение взято из перевода Барсова; причем из 4 книги взяты главы: 8, 9, 10, 11, и 12 и из 6 книги—21, 22 и часть 23-ей.

Подстрочные примечания в главах, принадлежащие всюду переводчику Барсову, нами сохранены

ПЛАВАНИЕ ОТ САМАРЫ ДО АСТРАХАНИ

28 августа, ранним утром, пустились мы дальше и еще перед восходом солнца приблизились к городу Самаре (Samara), которая находится в 350 верстах от Казани. Самара лежит на левом берегу, в 2 верстах от Волги, построена четырехугольником и имеет несколько, хотя немного, впрочем, каменных церквей и монастырей. Имя свое город получил от реки Самары, которая одним рукавом, называемым: сын Самары (Sin Samar), изливается в Волгу, в 3 верстах ниже города; главным же течением своим Самара впадает в Волгу гораздо ниже, именно 30 верст далее.

Мы желали простоять несколько у города, чтобы узнать, что показали еще наши двое пленных, посланные вперед с нашим приставом; но так как нам был очень дорог дувший тогда благоприятный ветер, то мы распустили паруса и тронулись далее. И в этот день мы плыли так быстро, как никогда прежде, и именно к вечеру достигли до Казацкой горы, до которой от Самары считается 115 верст, и стали здесь на якорь. Таким образом как бы начинало сбываться вчерашнее предсказание русских о попутном ветре.

За Самарой с правой стороны опять поднимается горный хребет, хотя и не так высокий, как прежний. Первая гора простирается на 30 верст, до впадения в Волгу реки Самары, против которой, с правой стороны, впадает в Волгу и другая река Аскула (Ascula).¹ Здесь Волга шириной в 3 версты. Затем следует гора Печерская (Petscherski), скалистая, покрытая отдельными кустарниками, и тянется эта гора вниз целые 40 верст.² За сто верст за Самарой, посреди Волги, лежит остров Батрак

¹ Где теперь владельческое село Аскула при колодцах? (Прим. переводчика).

² Против удельного села Печерского Николаевского? (Прим. переводчика).

(Batrach),¹ длиною в 3 версты; в 10 верстах от него другой остров Лопатин (Lopatin), длиною в 5 верст. Здесь, с правой стороны, впадает в Волгу речка Сызрань (Sisran). Затем мы миновали несколько малых островов, лежащих посреди реки, и поздним вечером прибыли к Казацкой горе, где и остановились.

Казацкая гора совершенно голая, на ней нет даже отдельных кустарников и тянется она на 50 верст. Название свое получила она от донских казаков, которых прежде было здесь великое множество; они нападали на проходившие мимо суда и грабили их. Но после того, как против них высланы были из Самары стрельцы, которые перебили из них несколько сотен, они появляются там уже не так часто. Проезжая мимо этой горы, Павел Флеминг написал и о ней сонет.² Гора эта, равно как и следующие горы, поворачивают и уходят иногда вглубь страны и через несколько миль снова приходят к берегу.

29 числа миновали мы в конце Казацкой горы речку Паньшину (Pantzina), и, сделавши в этот день 45 верст, стали на якорь перед островом Сажеринским (Sagerinsko), где пришли к нам на корабль несколько рыбаков с известием, что недавно отсюда, на берегу, они видели 40 человек казаков. Здесь же начали пустеть и наши бочонки с пивом, и прислуга наша должна была пить с этих пор воду, с прибавкой к ней немного уксуса.

30 августа, рано утром, достигли мы до реки Чагры (Zagra),³ которая впадает в Волгу с левой стороны, за вчерашним островом. Через 40 верст далее мы прибыли к острову Сосновому (Sosnov), на котором, по показанию одного из взятых нами под Самарю рыбаков, находились и поджидали нас 100 казаков. Мы миновали этот остров в полном вооружении, но не видели никого. В полдень прямо на нашем пути была гора Тихая (Tychi), которая в правой стороне выдается так далеко, что издали кажется, будто она запирает Волгу в ее течении. Около этой горы Волга везде мелководна, и здесь-то находится самая главная мель, которая называется Овечий брод (Ovetze brot). В этом месте казаки переезжают верхом и даже переходят Волгу в брод; при этом здесь находится много небольших островов, покрытых кустарником и весьма удобных для разбойников. Мы встретили тут двух рыбаков, рассказавших нам, что восемь дней назад казаки отняли у них большое судно и объявили им, что на днях будет проходить большой иностранный корабль, при-

¹ Против этого острова на правом берегу лежит большое село и ныне называемое: Батраки, при котором находится известный Батрацкий перевоз через Волгу. Крестьяне этого села большею частью раскольники Поморской секты и Беспоповцы, все почти отличные, неустрашимые перевозчики через Волгу. (Прим. переводчика).

² Сонета этого мы также здесь не переводим; в нем говорится только о дикости и необитаемости горы, на которой могут иметь пристанище одни только казаки для своих разбоев. (Прим. переводчика)

³ Иначе Елашь или Елань — Иргиз, впадающий в Волгу близ села Хвостянки или Новопокровского. (Прим. переводчика).

надлежащий немцам. Вечером мы опять призвали к себе на корабль двух других рыбаков, старика и молодого, и расспрашивали их о казаках: старший, хотя и говорил сначала, что ничего не знает о них, но когда молодой, вмешавшись в разговор объявил, что сейчас же, напротив, в кустарнике сидят 40 казаков, то и старик подтвердил это показание и сказал, что у казаков этих 6 лодок, которые они спрятали на берегу в кустарнике. Рыбаки не смели много рассказывать о казаках; ибо если б эти последние узнали, что их выдали, то жизнь сих рыбаков была бы в опасности. Поэтому они просили нас, чтобы мы взяли их с собою, как бы пленными, и ночью высадили бы их в каком-нибудь другом месте, что мы и сделали. Так как этим рыбакам мы также мало верили, как и казакам, то, удвоивши на эту ночь стражу, мы рано в сумерки отпустили их от себя. В этот день мы сделали 60 верст.

Последнего числа августа мы опять имели отличный попутный ветер, так что к вечеру во весь день пути сделали 120 верст. Прежде всего мы прибыли к острову Осина (Ossino), лежащему в ста верстах от следующего г. Саратова (Soratoff). Против этого острова мы переплыли песчаную косу, далеко выдающуюся в Волгу от правого берега, и хотя корабль наш несколько раз касался здесь дна, но мы все-таки проплыли без задержки и особого промедления. 20 верст за сим островом был другой остров Schismamago(?), затем еще остров Колотов (Koltoff), в 50 верстах от Саратова. Глубину воды нашли мы здесь в 16, 20, 30 и 40 футов. Между последними двумя островами мы встретили два русские судна (Schuten), принадлежавшие московскому патриарху, и один большой насад (тоже род судна) с кавьяром (Caviaro) или осетровой соленой икрой, принадлежащий великому князю. На каждом судне находилось по 400 человек рабочего народа. Когда они приблизились к нам, то приветствовали нас из своих ружей, а мы ответили им большой пушкой. Под Колотовым у берега стояли еще 4 судна, нагруженные солью и соленой рыбой и принадлежащие одному знатному московскому купцу Григорию Никитину (Gregorii Mikitoff). Все эти суда шли из Астрахани. Люди, находившиеся на последних судах, рассказали нам, что недалеко от Астрахани они повстречали на нескольких лодках 250 казаков, которые, впрочем, не сделали им никакой неприятности. Недалеко от упомянутого сейчас острова, на правом берегу, начинается весьма высокая гора, тянущаяся на 40 верст и называемая Змеевой (Smiova) (от змеи); ибо она извивается несколькими изгибами то во внутрь земли, то снова к берегу. Некоторые рассказывают басню, что гора эта получила название свое от одного змея или дракона неимоверной величины, который, будто бы, долгое время жил на этой горе, делал бездну вреда и наконец каким-то богатырем разрублен на 3 части, которые якобы, тотчас же и обратились в камни. На горе еще и теперь лежат, друг подле друга три большие длин-

ные камня, как будто отбитые от одного громадного камня. Почти в конце этой горы и до города Саратова находится много небольших островов, лежащих друг подле друга, которые все вместе русские называют: 40 островов (Sorok Ostrove).

1-го сентября, рано утром, нам повстречались три больших струга (Strusen), плоскодонные барки, с грузом в 300 ластов¹; они шли в воде на 12 футов и тащили за собой несколько малых судов, на которые, перед мелководьем, перегружали обыкновенно тяжести с больших судов или стругов; самый большой из стругов принадлежал богатому Троицкому монастырю (Troitzka), находящемуся в 12 милях от Москвы. При встрече этой мы по-прежнему приветствовали друг друга выстрелами. В 9 часов утра мы миновали г. Саратов (Saratoff). Город этот лежит в 4-х верстах от главного течения Волги, на гладкой равнине, при рукаве, который Волга отделяет от себя в левую сторону. Он заселен одними стрельцами, которые управляются воеводой и полковником и живут здесь для обережения от татар, называемых калмыками, которые обитают от этих мест до самого Каспийского моря и до реки Яика (Jaika), и часто делают нападения, заезжая и вверх по Волге.

Город Саратов лежит под 52° 12' высоты полюса и от Самары до него считается 350 верст. В этот день, при попутном ветре, мы миновали два острова, лежавших недалеко друг от друга и называвшихся Кривизна (Kriusna) и Сапуновка (Sapunofka), и вскоре затем достигли до Ахматской горы (Acmhatzki gori), п., заканчивающейся у одного острова, носящего ее же название и отстоящего от Саратова в 50 верстах. Гора эта представляет прекрасный вид своей зеленой вершиной и с середины ее круто ниспадающими разноцветными полосами земли, которые внизу опять замыкаются длинной зеленой возвышенностью, или как бы уступом, нарочно и старательно сделанным. Здесь мы встретили еще большой струг, с которого на лодке послано было к нам несколько человек с известием, что хотя им и повстречались по сю сторону Астрахани 70 казаков, но они проплыли мирно мимо их и не сказали ни слова; но что 4 дня тому назад им попало только 10 казаков, которые взяли с них дань в несколько сотен рублей. Казаки эти, правда, не взошли к ним на судно; ибо там разбойники нашли бы достаточное сопротивление, однако захватили лодку, посланную вперед с якорем, без которого нельзя было обойтись, и держали ее до тех пор, пока им не дано было требуемых ими денег.

Когда, по захождении солнца, мы стали на якорь, то увидели на левом берегу 10 казаков, которые поспешно бросились к реке и, севши в лодку, пустились на другую сторону. Посланник Бругман тотчас же приказал 8-ми мушкетерам, частью из солдат, частью из посольской прислуги, сесть в лодку, пуститься

¹ Ласт равняется 12 четвертям или весу сто двадцати пудам.

(Перев.)

в погоню за казаками и, захватив их, привезти на корабль. Но казаки успели уже перебраться, втащили свою лодку на берег и скрылись в кустарнике, так что наши, не исполнивши данного им Поручения, темною ночью уже воротились на корабль. По этому делу маршал наш имел крупный спор с посланником Бругманом, поставляя ему на вид, что неблагоприятно и опасно было посылать прислугу в такую погоню, когда, в случае надобности, им нельзя было бы подать помощи, но посланник с досадою и грубо возражал ему на это.

2-го сентября прибыли мы к острову Ахматскому (Achmatzko), и за 20 верст далее за ним к другому, Золотому острову (Solotoi), имеющему в длину 3 версты, и вскоре затем к Золотой горе (Solotto gori); название свое гора эта получила от того, что некогда, как рассказывали нам, здесь татары напали на одну богатую станицу (Staniza) или флотилию, перебили в ней людей и разграбили все, так что разбойники шапками делили между собою деньги и золото, Гора эта в 70-ти верстах от Саратова. Вскоре после конца этой горы поднимается новая гора Меловая (Millobei); она тянется по берегу вниз на 40 верст и имеет такую гладкую вершину, как будто она нарочно по шнуру выровнена; к реке же гора падает крутым обрывом вниз и у подошвы, у самой воды, украшается стройно растущими деревьями. После этой горы следует другая, которую мы называли Стрелковою, чрезвычайно живописная. Стрелковою мы называли ее потому, что по круто-обрывистым бокам ее торчали вверх острые камни, которые, будто каменные жилы, выдавались после смытого с них водою сыпучего песку и видом походили на стрелы синего, красного, желтого цвета, перемешанные зеленью кустарников. 3-го сентября мы видели слева впадение речки Еруслана (Ruslana), а против нее направо гору Ураков Карул (Urakoffs-Karul),¹ до которой считается 150 верст от Саратова. Гора эта получила имя свое от одного татарского князя Урака, который имел здесь когда-то битву с казаками, был убит тут же и похоронен. Далее вниз, по правой руке, идет гора и речка Камышинка (Kamuschinka). Речка эта есть отпрыск реки Иловы (По́ва),² впадающей в большую реку Дон, который течет в Понт (Азовское море) и составляет пограничную реку между Азией и Европой. По этим-то рекам донские казаки на легких челнах заплывают и в Волгу, отчего место это считается самым опасным по разбоям. Здесь, на высоком, правом берегу, мы увидели много стоявших деревянных крестов. Немного лет тому назад русское войско (полк) имело тут побоище с казаками, которые укрепились в этом месте и хотели запереть свободный ход по Волге; от этой схватки с обеих сторон осталось на месте сражения до 1000 тел, и на

¹ Караул, у речки Ураковки? Впрочем, не Ракова ли это гора, или Бугор Стеньки Разина, близ деревни Лапоть, при Волге? (Прим. переводчика).

² Конечно Иловли? (Прим. переводчика).

могилах-то русских, погребенных тут, поставлены были виденные нами кресты.

Когда миновали мы это место, то увидали перед собою целый персидский и татарский караван (Caravana), состоявший из 16 больших и 6-ти малых судов, плывших рядом одно за другим. Когда мы заметили, что они, поджидая нас, перестали грести и плыли, гонимые только течением реки, мы прибавили парусов и стали грести дружнее, чтобы догнать их. Приблизившись же к ним, велели 3-м трубачам заиграть веселую песню и приветствовать их 4-мя пушками. Караван отвечал нам ружейными выстрелами со всех судов. Затем мы повторили выстрелы из своих ружьев и с обеих сторон раздались громкие радостные крики.

Главными лицами этих караванов, соединившихся впервые в один под Самарою, кроме помянутых, купца (Cuptzi) персидского царя и татарского князя Мусала, были: русский посланник (Postlanik) Алексей Савинович Романчиков (Alexei Savinowitz Romantzikow), которого его царское величество посылал к царю персидскому, татарский посол из Крыма, купец персидского государственного канцлера, и два другие купца из персидской области Гилан (Kilan).

После дружественного обмена приветствий выстрелами, персидский князь послал к нашему кораблю лодку, полную стрельцов (которых в сопровождении каравана было более 400 человек) с поручением кланяться послам нашим и спросить их о здоровье. Когда они подошли уже близко к нашему кораблю, то приостановясь немного, дали приветственный выстрел и затем начальник их вошел к нам на корабль и произнес свою речь. Едва они отплыли от нас, как наши посланники, в свою очередь, послали свой поклон татарскому князю с фон Ухтерицем, Томасом Мельвилем, русским переводчиком Гансом Арпенбеком, в сопровождении нескольких солдат. Я же, с фон Мандельсло, персидским переводчиком, и с некоторыми из нашей прислуги, послан был на 2-х лодках к купцу царя персидского.

На дороге мы встретили нескольких персов, посланных купцом к нашим посланникам. Подплывши к персидскому кораблю (судну), мы хотели было взойти на него с левой стороны, но навстречу нам поспешно показались слуги, заботливо махавшие нам, чтобы не с этой, а с другой стороны взошли на корабль; ибо помещение жены купца, которую никто не должен видеть, находилось с левой стороны. Когда мы таким образом повернули к правому краю, то стоявшие там наготове слуги помогли нам взойти на корабль, взявши нас под руки, и проводили прямо к купцу. Мы нашли его сидящим на лавке (табурете), вышиною не более как в локоть, покрытом прекрасным ковром. Он сидел на пушистом белом турецком покрывале, поджавши под себя ноги по своему и облокотясь спиною на красную атласную подушку, и принял нас дружески, приложив руку к груди и наклонив несколько голову; такие телодвижения употребляют они, когда

принимают гостей. Он пригласил нас сесть к нему на ковер, и как мы не умели сидеть по-ихнему, то усаживание это нам не-легко досталось. Он выслушал наше приветствие (доклад) с зна-ками удовольствия и отвечал весьма вежливо, в самых почти-тельных выражениях, на которые персияне большие мастера, как и вообще они люди чрезвычайно кроткие. Между прочим он сказал нам, что до такой степени он сердечно рад нашему при-бытию, что как только завидел корабль наш, то обрадовался ему, как бы увидев Персию и в ней свой дом, в которые он так страстно и давно желает возвратиться; при этом он жаловался на нелюбезность русского народа, среди которого мы находи-лись тогда, который так, де, не общителен, что никто там не смеет посещать друг друга; что когда мы прибудем в Персию, то будем пользоваться там большею свободой, чем самые тузем-цы; что он надеется, что когда мы представимся к шаху Сефи (так звали царя его), то, в виду того, что мы познакомились уже на пути с сим купцом, шах назначит, вероятно, его, купца, за-купщиком или мегемандаром к нам, и тогда он докажет нам свою дружбу; до тех же пор он готов служить нам только тем, что у не-го на корабле, ни в чем из имеющегося нам не откажет, и то-му подобное.

Он угощал нас из золоченой чаши отличной русской водкой, изюмом, персидскими орехами или фисташками (Pistacien), су-шеными и солеными. Когда в то же время на нашем корабле, при приеме персидского уполномоченного от купца, пили за здо-ровье, заиграли на трубах и стреляли из пушек и ружей, начал и купец с нами пить за здоровье наших послов. При прощании он поручил нам за тайну передать послам, что имеет верное известие о том, что польский король посылал к шаху Сефи од-ного посла, который проезжал через Константинополь (по-ихне-му Стамбул, называемый) и теперь на обратном пути задержан и пребывает в Астрахани; что посол этот имеет повеление от-правиться и к великому князю, но что воевода астраханский не отпускает его до тех пор, пока не получит на то особого при-каза из Москвы. Гг. послы могут сообразить поэтому, и из-лечь для себя из этого известия, что могут. Остальные особы кара-вана также присылали к нам на корабль с приказанием кланять-ся и просить нас продолжать путь вместе; что все они охотно будут ждать нас и помогать в чем будет нужно, если мы сядем на мель. Таким образом, сделавши еще выстрел со всех кораблей и судов, мы все вместе пустились далее.

К вечеру вдруг поднялась страшная буря, с проливным дож-дем и грозой, во время которой было два сильных удара грома; но вскоре затем настала опять ясная погода и совершенное без-ветрие, давшее повод нашему Флемингу написать следующий сонет.¹

¹ Сонет этот мы также не переводим (Прим. переводчика).

4 го сентября, в воскресенье, в то самое время, когда пастор наш хотел начать проповедь, к нам прибыло опять несколько татар от черкасского князя, Мусала, посетить послов с извинением, что теперь сам он несколько нездоров, но что, как только выздоровеет, то лично посетит послов. Важнейший из прибывших, державший речь, был высокий желтоватый человек, с черными как смоль волосами и длинной окладистой бородой, в одежде из черной, бараньей кожи, шерстью наружу, и вообще видом походил на дьявола, как его обыкновенно пишут. Остальные, одетые в черные и серые суконные кафтаны, тоже были на вид ни сколько не привлекательней. После того, как мы угостили их несколькими чарами водки, они отправились к себе, с прощальным выстрелом стрельцов своих.

В полдень прибыли мы к речке Балыклея (Bolloclea), в 90 верстах от вчерашней Камышинки и тоже в 90 верстах от следующего впереди города Царицына (Zariza)¹ Через 16 верст далее мы миновали весьма высокую песчаную гору Стрельню (Strihne)² и в конце ее остановились ночевать, в 60-ти верстах по сю сторону Царицына.

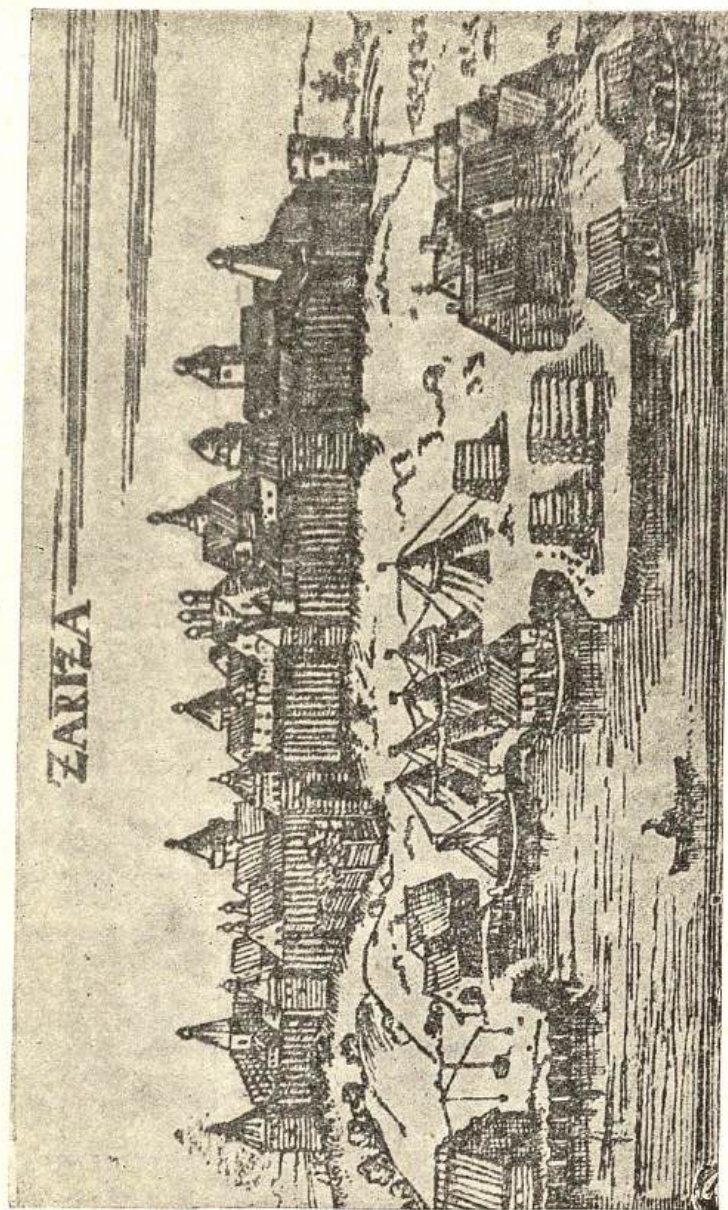
5-го сентября, только что тронулись мы в путь, как попали на мелководье, в 5½ футов, потому должны были своротить в сторону и корабль наш с тряскою перешел мель. Между тем караваны, плывшие с нами, ушли вперед в г. Царицын, где они хотели взять для охраны свежих стрельцов. В полдень достигли того места, от которого на полдня пути протекает известная река Танаис или Дон, который целые 7 миль здесь течет рядом с Волгою, направляясь к востоку. Немного ниже прибыли мы к реке Ахтубско Устье (Achtobsko Ustga), это первое выделение Волги, которое отбрасывает она рукавом на левый берег вглубь страны и которое в начале на 1 версту идет от Волги на восток-северо-восток, (O. N. O.), а потом поварачивает к юго-востоку (S. O.), и в этом направлении впадает в Каспийское море. Высота полюса найдена здесь 48°51'.

Пять верст далее на материке, в 7-ми верстах от города Царицына, и теперь еще видны развалины города, построенного страшным и свирепым Тамерланом из обожженного камня, и в этом городе им же построен и увеселительный дом, называвшийся Царев город (Zareff gorod).³ По разрушении этого города, русские большую часть камней сих перевезли в Астрахань и выстроили из них, главным образом, городскую стену, а затем

¹ По реке Царице, впадающей в Волгу, и город назывался, вероятно, Царица, который был сперва на острове, а ныне на нагорной стороне Волги (Прим. переводчика).

² Стрельные горы по „Книге Большой Чертеж“ М. 1846 (Прим. переводчика).

³ Где ныне город Царев, прежде Сарай или Шери (город)? (Прим. переводчика).

Царицын в 1633 — 1636 гг.
(По рисунку А. Олсария)

церкви, монастыри и другие здания. В наше время также несколько нагруженных судов, сказанными камнями, отправились по Волге в Астрахань.

Около этого места один рыбак поймал на удочку, подле нашего корабля, белугу (Bieluga) или белую рыбу, длиною почти в 4 локтя и толщиною в $1\frac{1}{2}$; видом эта рыба словно как осетр, только пегая и морда у нее больше. Рыбаки убили эту рыбу, как быка какого, молотком по голове, и продали за 1 талер.

6-го сентября мы опять нагнали караваны у города Царицына. Люди, составлявшие караваны, разбили на берегу свои палатки и поджидали нового прикрытия. Так как в это время ветер был для нас благоприятный, то мы, не останавливаясь, прошли мимо их. Город Царицын находится в 350 верстах от Саратова, лежит на правом берегу, на холме, невелик, построен в форме параллелограмма, с 6-ю башнями и башнями, и заселен одними стрельцами, которых живет в нем 400 человек. Стрельцы эти обязаны держать стражу против татар и казаков и служить охраной для проходящих мимо судов. Высота полюса найдена здесь в $48^{\circ} 23'$.

ОТ ЦАРИЦЫНА ДО АСТРАХАНИ

Отсюда до Астрахани и вплоть до Каспийского моря идет страна пустынная, песчаная и для земледелия неспособная, а поэтому города в этой местности, равно как и самая Астрахань, получают весь хлеб, по Волге, из мест плодородных, большею частью из Казани, и по обилию привозимого туда хлеба, он там гораздо дешевле чем в Москве и даже чем в Голландии иногда.

Вскоре за Царицыным лежит остров Сарпинский (Serpinske). имеющий 12 верст протяжения.¹ На этом острове стрельцы пасут коров своих и вообще скот. Незадолго до нашего прибытия сюда казаки, заметив, что жены и дочери стрельцов ежедневно отправляются на остров доить коров, и часто без охраны, подстерегли их, поймали, сделали с ними то, что хотели, и затем невредимыми отослали домой стрельцам.

Позади этого острова течет небольшая речка, вытекающая из Дона и впадающая здесь в Волгу; по ней могут ходить только челны и вообще легкие суда, как сообщали нам это не только лоцман наш, но и несколько рабочих людей, которые незадолго до этого плавали там с казаками. Речка эта на обыкновенных картах не обозначена ни у кого, кроме у Исаака Массы (Massa), и называется у него Камбус (Kamous).²

¹ Между Царицыным и Сарептой, так называемый по речке Сарпе, впадающей тут в Волгу ниже Сарепты. (Прим. переводчика).

² Что это такое теперь? Не смешал ли Масса с рекой Калаусом, впадающей в Маныч. (Прим. переводчика).

Этот день, равно как и несколько следующих, стоял сильный жар, какой бывает у нас только во время собачьих дней, т. е. когда бесятся собаки, и в это время здесь бывает ежегодно такая же жара, как рассказывали нам русские.

7-го сентября погода была пасмурная и бурная, так что скоро плыть было нельзя. Проплыв 10 верст, мы увидали на правом берегу, на высокой краснопесчаной горе виселицу, первую, какую только мы видели в этих странах, и на ней-то воевода ближайшего города вешает пойманных разбойников казаков. Тело повешенного не оставляют висеть более 8-ми дней: ибо иначе товарищи казаки непременно утащат его.

Здесь посланник Бругман потребовал к себе посольскую прислугу и объявил им, что на некоторых из них он имеет сильное подозрение в том, что они тайно составляют против него заговор, почему он не может ожидать от них ничего доброго, в случае какой-нибудь беды, или нужды; а этого он не ожидал от них, но, напротив, надеялся, что заслужил личное их расположение к нему, хотя бы за его тяжкую обязанность управления и заботы о них, которые он несет ежедневно. Вследствие этого, он изъявил желание, чтобы музыканты, телохранители и застольные слуги дали клятву в верности (*juramentum fidelitatis*), которую эти люди охотно и дали, объяснив, впрочем, что они отнюдь не считают себя заслужившими такое обвинение, и что без клятвы, уже по самым должностям своим, они обязаны быть, и были всегда достаточно верны. Но, дав клятву, они, в свою очередь, просили Бругмана, чтобы он не кричал на них, без всякого к тому повода и без различия, на всякого, и не обзывал бы их разными оскорбительными для чести и унижающими их достоинство, словами, как это случалось часто до сих пор; что если же они увидят от него доброе обращение с ними, то не только пребудут верны ему и покорны, но из любви к нему, буде нужно будет, положат жизнь свою. Обещание исполнить просьбу эту было также дано, но исполнено не было.

В этот день мы встретили большое гребное плоскодонное судно (барку, шюту), с которой несколько человек, на небольшой лодке, подплыли к нам, и взошедши на корабль, объявили, что они отправились из Астрахани назад тому три недели и на пути встретили 30 казаков, которые напали на них и отняли у них все их продовольственные припасы, так что теперь они уже 4 дня как ничего не ели. Они просили у нас хоть немного хлеба, чтобы утолить голод до той поры, когда встретят кого-либо из своих, или доедут до города. Мы дали им мешок сухарей, за которые они кланялись нам в ноги и очень благодарили.

В 40-ка верстах за Царицыным, на правом берегу, идет ровная гора, а против нее, на Волге, остров, который так же как и гора, называется Насоновским (*Nassonoffsko*). Между горой и островом идет узкий и кривой водоворот, в который, немного

лет тому назад, казаки заманили несколько сотен стрельцов, разыскивавших и преследовавших их, и там всех их перебили.

Вечером один рыбак принес на корабль неизвестную рыбу, которую они называют чиберики (Tziberika)¹ величиною более 2½ локтей, с широким и длинным, как у утки, носом, с черными и белыми пятнами на спине и боках, как у польской пестрой собачки, но расположенными в известном порядке. Брюхо у ней совершенно белое. Вкусом она сладковатая и приятная, также почти, как и семга. Рыбаки принесли нам еще рыбу вроде осетра, которую они называют стерлядью, величиною с локоть, не более, и на вкус чрезвычайно нежную. Рыбы этой бездна везде в Волге, и она здесь очень дешева.²

8-го числа догнал нас, оставленный нами в Царицыне, караван, у мыса правого берега Поповича Юрка (Popowitzka Iurka).³ Называется так мыс этот потому, что несколько лет тому назад, сын одного русского священника, сделавшийся начальником и вождем казаков, собирал обыкновенно в этом месте свою шайку. Мыс этот находится от последнего города в 70 верстах. От этого места, на протяжении 40 верст, до горы Каменный Яр (Kamna-gar),⁴ встречается несколько островов и мелей, на которых мы иногда застревали, также как и некоторые суда персов. В 20 верстах далее лежит высокий остров Вязовой (Wesowoi),⁵ длиною в 4 версты, а за ним река того же имени. Еще далее, через 30 верст, ветер загнал нас в угол, на правом берегу, в который впадает река Володимирское Устье (Wolodimerski Ustga).⁶ Так как в это время дул весьма благоприятный для дальнейшего плавания ветер, то мы немедленно принялись все за работу, и с помощью 2-х якорей скоро таки выбрались из залива. Затем на всех парусах мы быстро пронеслись мимо места Ступина (Stupin),⁷ лежащего в 30 верстах от следующего впереди города Чернойра (Tzornogar).⁸ В 12-ти верстах от этого Чернойра, не доезжая его, вытекает из Волги другая река, Ахтубенично Устье (Achtobenisna Ustga), соединяющаяся с упомянутой выше Ахтубской (Achtobska). За этой рекой мы стали

¹ Чабань (Прим. переводчика).

² Своеобразное правописание Барсова сохранено.

³ Где ныне селение Поповицкое или Райгородок, при речке Малой Воложке (боковом протоке или рукаве Волги), прежде Поповицкая подстава или форпост, где жили донские казаки и содержали попеременно караулы по Царицынской линии, для безопасности проезжающих из Царицына в Черный Яр. (Прим. переводчика).

⁴ Каменнорекское село при Волге. (Прим. переводчика).

⁵ Против Вязовки или Вязовского села при речке Вязовке, вытекающей из Волги. (Прим. переводчика).

⁶ Или Володимировка. (Прим. переводчика).

⁷ Ступино или Ступин-Яр, при ерике (боковом протоке Волги), прежде Мазанская крепость, на правом берегу, тоже Казацкая подстава (Прим. переводчика).

⁸ Черный Яр, город на протоке большой Волги. (Прим. переводчика).

на якорь, вместе с караваном у острова Осина (Ossino), за 7 верст до города, сделавши в этот день 135 верст или 27 миль.

В этой стране, почти до самой Астрахани, по обоим берегам Волги, в кустарнике растет в изобилии солодковый корень (Glycyrrhiza)¹ или сладкое дерево, которое здесь особенно рослое, дает ствол вышиною в пол-человека; семена ее лежат в чашечке, вроде черного журавлиного боба. Такой же кустарник видели мы потом в Мидии, где она растет везде на лугах, особенно же при реке Араксе (Araxe). Корни ее, толщиною в руку, дают более нежный сок, чем у нас.

9-го сентября, в полдень, сильная буря пригнала нас к городку Чернойру, у которого мы и стали на якорь. Город этот, отстоящий в 300 верстах от Царицына, 9 лет тому назад великий князь велел было построить прежде на пол-мили дальше; но недавно еще высокий берег у этого места обвалился, и река Волга уклонилась несколько в своем течении от города, вследствие чего. 2 месяца тому назад, городок был перенесен сюда, и лежит он теперь на правом, высоком берегу, окруженный 8-ю башнями и крепким досчатым забором. Заселен он одними стрельцами, для охраны от рыщущих кругом татар и казаков. Против каждого угла городка, в четверть мили от него, стоят на 4-х высоких столбах караульни, из которых стрельцы, как из сторожек, могут далеко обозревать окрестную страну, которая здесь совершенно ровная и без кустарника. Поводом к постройке этого городка послужило страшное убийство и грабеж, причиненные здесь тогда казаками. 400 казаков хитростью напали на русский караван в 1500 человек, и перебили в нем половину народа. Для этого они прибегли к такой уловке: увидавши, что суда каравана идут не все вместе, но некоторые, и именно с стрельцами, плыли на ружейный выстрел впереди, казаки спрятались и, карауля на высоком берегу, в том самом месте, где Волга имеет самое стремительное течение, и дав свободно проплыть передней лодке с стрельцами, на остальные затем напали и перебили в них людей. Стрельцы же, хотя и вернулись и всеми силами спешили назад, но быстрое течение Волги задержало их, и они поспешили на помощь уже тогда, когда большая часть убийства и грабежа совершилась, и казаки, достигши берега, ускакали на лошадях своих. Здесь за берегом, особенно по правой стороне, не видать уже ни одного деревца, и везде только сухая, погорелая почва и степь.

10-го сентября, только что миновали мы город, как поднялся сильный, противный ветер, и во весь этот день, несмотря на все наши усилия, мы не могли сделать более 10 верст. Вечером несколько рыбаков принесли нам на корабль одного громадного, жирного карпа, весом в 30 фунтов, и 8 больших пескороев (Sandaten), каких во все путешествие мы не видали, и за всю рыбу

¹ Солодика, солодка или лакрица. (Прим. переводчика)

эту они не хотели взять с нас денег, говоря, что они посланы сюда для рыболовства известным московским купцом, держащим на откупе эту часть Волги, и если бы он узнал, что они продали хоть малейшую рыбушку, то подверг бы их тяжкому взысканию. Поэтому вместо денег, им предложена была водка, которой они получили пол-кружки и отплыли от нас с большой благодарностью и веселые.

11-го сентября, с благоприятным ветром и постоянно на парусах, мы сделали 120 верст всего дневного пути. В полдень миновали гору Половина (Polowon). Имя свое получила гора эта от того, что стоит на полупути от Царицы до Астрахани, именно в 250 верстах. Ночлег наш в этот день был позади острова Кисра (Kislar).

Ночью, в очередь управления стражей посланника Бругмана, посреди реки явилось большое судно, тихо плывшее мимо нашего корабля. Когда на оклик наш никто не отвечал и не пришел, по требованию нашему, к нам на корабль, то по плившим выстрелили из 15-ти ружей и пушкарю дано уже было приказание выстрелить по ним из одной пушки. В это время на небольшой лодке подбегал к нам один из пливших людей и объяснил, что они вовсе не враги, но русские, числом 7 человек, едущие на барке с солью; что их всех угостил водкою караван, стоящий позади нас на ружейный выстрел, и что он и его товарищи, напившись, замедлили и пустили барку плыть саму по себе. Человека сообщившего нам это сведение, признал за знакомого наш лоцман, так как оба они были из Нижнего; поэтому, давши ему несколько чарок водки, мы отпустили его. На следующее утро, в благодарность за это угощение, человек этот принес нам в подарок несколько стерлядей. Удивительно было, что выстрелами нашими никто из бывших на барке ранен не был.

Так как всю ночь дул самый благоприятный ветер, то мы не хотели упустить случая воспользоваться и ранним утром: в 3 часа снялись с якоря, пустились далее и миновали, на левой руке (Backbort), еще новый отпрыск (выход) Волги, реку Бухвостову (Buchwostowa), которая изливается в прежние ее рукава. Затем достигли до острова Копанова (Коропо), против которого, на правом берегу, возвышается гора Копанова (Коропо gar), отстоящая от Астрахани в 150 верстах. Через 20 верст далее Волга дает четвертый отпрыск или рукав, выпуская из себя реку Даниловское Устье (Danilofsko Ustga), которая течет отдельно от прежних рукавов и отдельно же впадает в Каспийское море. 15 верст ниже этого, почти среди Волги, лежит небольшой, красиво округлый и поросший прекрасными деревьями и кустарником, остров Катеринский (Katarinski).

Затем мы увидали издали, на песчаном бугре, большой затопленный струг, и как наши приняли его за укрепление, нарочно накиданное казаками, которых несколько человек заметили мы в кустарнике, то все люди наши вооружились, и дано было при-

казание сделать несколько выстрелов в кустарник. При этом у поварского прислужника нашего, Якова Ганзена, разорвало ружье, заряженное двойным зарядом, и оторвало большой палец на левой руке, которой он придерживал ствол и, кроме того, поранило ему в нескольких местах голову, грудь и руки.

Сделавши в этот день 100 верст, мы стали на якорь позади острова Пирушки (Pyruski), в 80-ти верстах от Астрахани.¹

13-го сентября, рано утром, в одно время с тем, когда в наших молитвенных часах дошли мы по порядку до 13-й главы 4-й книги Моисея, в которой говорится об обетованной земле Ханаанской, об ее прекрасных плодах и громадных гроздиях винограда, мы и на пути своем увидели первые плоды. Из Астрахани в это время плыли две барки, с которых продали нам прекрасный крупный виноград, ягоды которого были с грецкий орех, большие превкусные персики и дыни.

Замечательные местности, которые мы в этот день миновали, были: река Митуска (Mituske), тоже отделившаяся от Волги, которая изливается частью во вчерашний рукав, частью же, через несколько верст далее, опять в Волгу. Здесь должно быть настоящее разбойничье гнездо. Так как мы видели на 2-х островах, лежавших перед сказанной рекой, нескольких казаков, то посланник приказал выстрелить по ним из большой пушки. Через 5 верст далее находится последняя до Астрахани мель, Кабанья мель (Kabanga meel), в 70 верстах от этого города; еще через 5 верст мыс Кабанья гора (Kabangen gar); наконец, через следующие затем 5 верст, достигли мы острова Ицибурского (Itzi-burski) в 50 верстах от Астрахани. Заэтим островом мы стали на якорь, на ночлег.

В этой стране, равно как ниже до самого Каспийского моря, мы видели больших птиц, называемых русскими бабами, иногда целыми стаями, штук во 100, сидели они у берегов; ниже я скажу о них подробнее.

14-го сентября, только что проплыли мы две версты, как поднялась сильная буря напротив нас с юго-востока, вследствие чего мы должны были простоять здесь до следующего утра. Глубина Волги в этом месте была 80 футов. Здесь князь Мусал подарил послам разные напитки: пиво, мед, водку, с предложением, если понравятся какие из этих напитков, получить их от него еще сколько угодно.

15-го сентября утром, именно в 4 часа, с начавшимся попутным ветром, пустились мы в путь, и плыли на помянутой сейчас глубине и все на юг так счастливо, что еще утром же достигли острова Бузана (Busana),² в 25 верстах от Астрахани; затем миновали реку или опять рукав Волги Бальчик (Baltzik), отстояв-

¹ Где ныне казенное село Пироговское при Ахтубе (Прим. переводчика).

² Известный остров, образуемый Волгой в реку Бузаном, при которой находится рыболовный завод (Прим. переводчика).

ший в 15 верстах от города, и наконец, в 8 часов утра, увидели за 12 верст, давножеланную Астрахань (Astrachan), которая была видна отсюда вся, по причине ровной кругом местности и без кустарников. Здесь начинается рукав Гнилуша (Knilusse), который, отделившись от Волги, идет и позади Астрахани и изливается в Каспийское море несколькими отдельными устьями.

В полдень, с попутным же ветром и благоприятной погодой, мы достигли наконец до славного города Астрахани, и, при милостивой помощи бога, сделали первый шаг из Европы, первой части света, в Азию; ибо Астрахань лежит по ту сторону Волги - реки, которая отделяет Европу от Азии.

Мы остановились перед городом, посреди реки, и в приветствие дали залп с нашего корабля изо всех пушек; такое приветствие очень удивило жителей, высыпавших на берег перед городом, в числе более 100 человек.

О СТРАНЕ НОГАЕВ И АСТРАХАНИ, И О ЖИТЕЛЯХ ИХ

При первом вступлении в эту страну, я желаю прежде чем идти далее, сделать небольшой обзор ее, равно как и главного ее города, нравов и свойств ее обитателей.

Древние миро-и землеописатели, каковы Птоломей, Страбон и другие, следовавшие за ними, о ногайских, а равно и о соседних с ними, татарах частью вовсе не упоминают, частью же говорят о них мало, и сообщают неточные сведения, включая их большею частию в общие имена скифов, сарматов и татар. Между тем они во многом различны друг от друга как по жизни своей, нравам и обычаям, так и по месту их нахождения и по имени. Матфей Меховский (Matthias a Michow), поляк писавший полтора века назад говорит, in praefatione libri de duobus Sarmatiis, что древние писатели потому не могли сказать о них ничего верного, что в древние времена они не были там исконными обитателями (как думают также и некоторые новые бытописатели), но новый народ, пришедший туда с востока немного более 300 лет тому назад. когда, в мае, 1211-го года по р. хр. (говорит тот же Матфей в другой главе) появилась большая комета, обращенная к Дону и России, с хвостом, простиравшимся на запад, то она предвещала прибытие этих татар. Ибо, спустя год после того, эти хищнические народы, убив своего собственного царя, удалились из Индии, соединились с некоторыми, подобными им северными обитателями и расположились на житье у Понта, где жили геты, а потом по Дону и Волге, откуда делали частые вторжения в землю русских подобно тому, как делают это и в настоящие дни некоторые татары, живущие разбоем.

В 8-й главе он говорит о них уже несколько определеннее, разделяет их на 4 орды или толпы и называет их: заволжскими (Zawollhenses), перекопскими (Precopenses), казанскими (Cosanen-

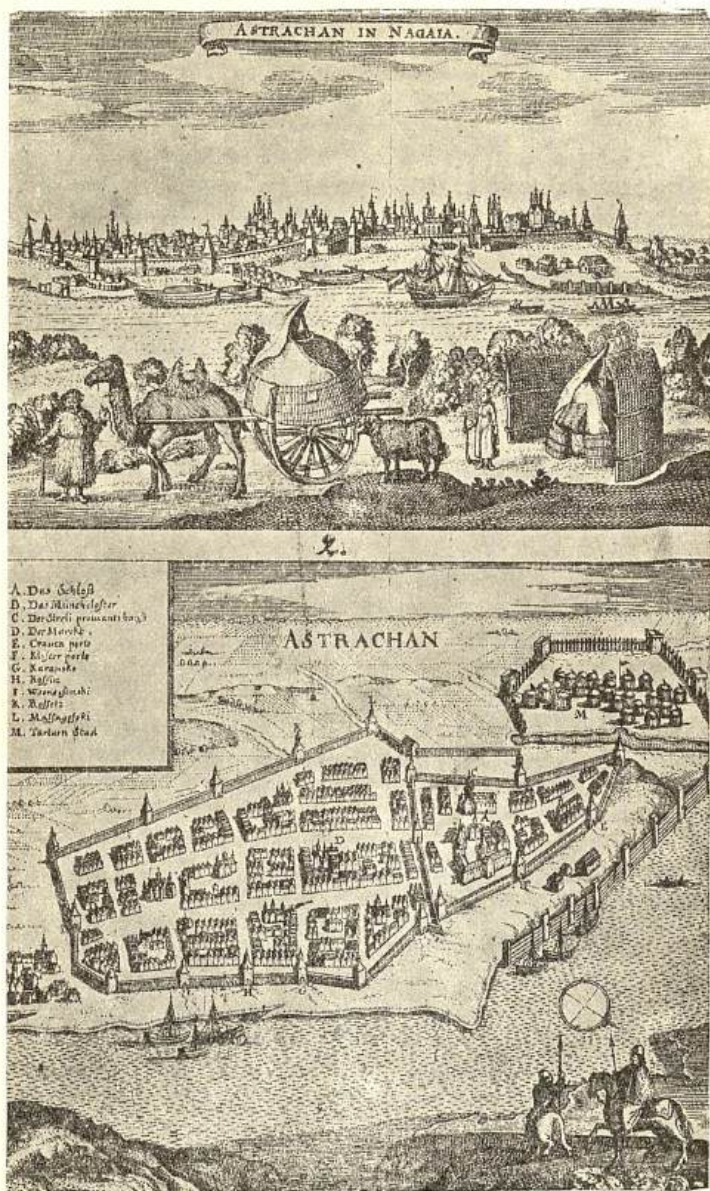
ses) и ногойскими (Nohacenses); в этом Матфею следует Гваньин, а Гваньину Иоанн Raw, в своей „Cosmographia“. Гваньин, впрочем, считает 16 орд татар. Татары, которых писатели эти называют Volhacenses (волжскими), суть не что иное, как живущие при Волге; ибо реку эту они называют Wolha. Это могут быть черемисы, казанские и другие татары. Под именем же Nohacenses должно разуметь ногоев. Я оставляю нерешенным вопрос о том, как помянутые и другие писатели называют этих татар, как они разделяют их и какие места присвоят им. Ограничусь повествованием только того, что и как видел и узнал я сам на месте.

Ногаи, называемые также ногойскими татарами, суть народы, обладающие полосой земли между двумя реками, Волгою и Яиком, простирающуюся до Каспийского моря, и главный город в этой стране Астрахань, по которой некоторые писатели называют и всю эту страну. Полагают, что название Астрахани произошло от того, что князь, построивший этот город и первый обладавший им, назывался Астра-Хан (Astra-Chan). Город лежит не в нескольких днях пути от Волги, внутри страны, как говорит Герберштейн и как думают некоторые, но при самом главном течении Волги, на острове Долгом (Dolgoi), образуемом там рукавом этой реки.

Высоту полюса в Астрахани, по неоднократно повторенным наблюдениям, я нашел в $46^{\circ} 222'$. Климат в ней довольно теплый. В сентябре и октябре месяцах там была такая теплая погода, какая бывает у нас в жаркое лето, особенно когда ветер дует с северо-востока и с Волги; южный же ветер и дующий с моря приносит обыкновенно холод, а иногда насыщенный запахом моря воздух. В июне, июле и августе месяцах, время, которое мы на обратном пути простояли в Астрахани, был хотя и сильный жар, но, по причине дувшего тогда постоянно ветра, он не был для нас тягостен. Зима хотя и не продолжается там более 2-х месяцев, но бывает такая холодная, что Волга, по мнению некоторых писателей, совершенно замерзает, так что по ней ездят на санях.

Остров Долгой (Dolgoi), равно как и материк на правом берегу Волги, песчаны и бесплодны; на левом же берегу, на восток, до Яика лежат хорошие пастбища. По сию сторону Волги, на запад, идет ровная, сухая степь, простирающаяся до Понта или до Черного моря на 70, а на юг до Каспийского моря на 80 немецких миль, как мы измерили это достаточно верно девятью тягостными днями пути, о чем подробнее скажу ниже. Пустыня эта дает превосходнейшую соль, добываемую из множества ям, колодцев или стоячих озер, из которых важнейшие: Мочаковское (Mozakoffske)¹, в 10-ти верстах; Каинково

¹ Собственно озер три: первое в длину 750, в ширину 300 сажен; второе в длину 525, в ширину 40 сажен, а третье, по причине ила или песка, остается без употребления. (Прим. переводчика).

1. Вид г. Астрахани 2. План г. Астрахани
 (Из описания путешествия А. Оленина)

(Kainkowa), в 15-ти, и Гвоздовское (Gwostoffski), в 30-ти верстах от Астрахани. Озера или соленые колодцы, лужи имеют соленые жилы, через которые рассол поднимается вверх и действием солнечного жара выделяется в чистый, как кристалл, толщиной в палец, слой, подобно льду; он имеет при этом весьма приятный запах фиалки. Всякий, кто только хочет, может добывать там соль заплативши только великому князю пошлины по 1-й копейке или по одному шиллингу за каждые два пуда. Русские ведут громадную торговлю солью, свозят ее на берега Волги, ссыпают в большие кучи, развозят потом по всей России, но отнюдь не в Мидию, Персию и Армению, как рассказывает Петрей, в своей московской летописи; ибо в этих странах имеются свои превосходнейшие соленые ямы и горы, о чем скажу я еще в своем месте. Несправедливо также и то, что говорит он на 103 странице, будто в 2 милях от Астрахани находятся две соляные горы, называемые Бузи, которые неистощимы, и если бы 20 или 30 тысяч человек ежедневно рубили и кололи эти горы столько, сколько хотели и могли, то все-таки у них была бы работа, и они никогда бы не увидали, чтобы горы те хоть бы на малость от того уменьшились; ибо чем более бы кололи и обрубали их, тем более бы они росли и делались такими твердыми, как скала. Таких гор нет в этой стране, и рассказ о них можно отнести к утопиям. Что касается до соляных ям или колодцев, то справедливо, что чем более снимать с них соляных слоев, тем более их будет снова выделяться; ибо в богатых источниках рассола недостатка нет.

Волга в этом месте и до Каспийского моря, лежащего от Астрахани в 12-ти милях, доставляет чрезвычайно богатый лов всякого рода рыбы, которая здесь весьма дешева, так что за 1 грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей, или небольших осетров (рыба чрезвычайно нежная на вкус), за 15 грошей. Водится здесь и бездна раков; но как ни татары, ни русские не едят их, то их ни во что ставят и выбрасывают.

В этой же стране, по близости моря и по множеству лежащих под Астраханью островов, поросших тростником и кустарниками, водится множество всякого рода дичи, особенно диких гусей и больших красных уток, которых татары мастерски скоро ловят с помощью приученных к тому соколов и ястребов, водящихся там тоже в большом количестве. Есть также здесь и бездна кабанов, за которыми татары охотятся; но так как по закону их они в пищу не употребляют, то продают русским за ничтожные деньги.

Что касается до садовых плодов, то они здесь так хороши, что и в Персии мы не находили почти лучших. А именно: яблоки, айва, грецкие орехи, большие желтые дыни, также водянистые дыни, которые русские называют арбузами, татары и турки карпусами (Karpus), по причине их свежести, персы гиндуанами (Hinduanæ), потому что в Персию привезены они впер-

вые индейцами. Видом они походят на дыню или скорее еще на тыкву, имеют зеленоватую кожу и телесного цвета и весьма сочное и сладкое сахарное мясо и черные семена. Таких арбузов и дынь татары еженедельно привозят на базар в Астрахань по 10 и по 20 возов, и продают их весьма дешево.

Недавно еще здесь не было ни одного виноградного растения. Персидские купцы привезли как-то первые виноградные лозы в Астрахань, которые один монах и посадил у себя в монастыре, находящемся под городом. Когда же увидели, что лозы принялись и пошли расти хорошо, то в 1613 году, по приказанию великого князя, тем же монахом разведен был настоящий виноградный сад, который год от году расширяется и приносит превосходный крупный и сладкий виноград, который, как и другие, разведенные там, древесные плоды, частью посылаются в Москву к великому князю, частью же продаются на месте воеводам и другим знатым господам. Теперь и некоторые граждане астраханские развели при своих домах виноградные сады, и хозяин наш говорил нам, что его виноградный сад в тот год доставил ему до 100 талеров. В нынешнем году меня извещали за верное, что теперь в Астрахани выделяется уже столько вина, что его ежегодно вывозится оттуда в Москву от 56 до 60 пип или больших бочек, и астраханцы имеют у себя теперь садовника виноградного, Якова Ботмана (Jacob Bothman), который обучался в Готторфе у придворного садовника его княжеской светлости, заведывающего и увеселительным садом.

Помянутый сейчас монах, в нашу бытность, был уже 105 лет, родом австриец, во время войны пленным мальчиком был вывезен в Россию, переkreщен в русскую веру и прислан сюда на житье в монастырь. Тогда он управлял целым монастырем, мог еще говорить кой-что по-немецки, делал разные одолжения тем из нас, которые его посещали, сам также посещал послов и приносил им в дар плоды, насажденные его собственною рукою, и вообще был нрава общительного и веселого. Когда он выпил две чарки водки, то начал показывать свою бодрость и плясать без палки, хотя уже и дрожащими ногами. Он говорил, что страна эта здорова и в ней много старых людей.

Обитатели этой страны ногаи (Nagaïae), или астраханцы, были, как уже сказано, некогда чистые татары, имели собственных своих царей и состояли в такой дружбе и союзе с казанскими и крымскими татарами, что кто имел неприятелем какой-нибудь один из сих народов, тот должен был воевать со всеми ими. Но великий князь Иван Васильевич, через два года после завоевания Казани, пошел войной и на царство ногайское и покорил его своей власти. Так 1-го августа 1554 года¹ и главный город Астрахань взят был приступом. Татары изгнаны из него и заселен с той поры русскими.

¹ Собственно, 2-го июля 1554 г., а окончательно в 1557 г. (Прим. перев.).

После этого Грозный укрепил город крепкой каменной стеной, а нынешний великий князь расширил его, приказал пристроить к нему стрелецкий город (Strelitza gorod) или часть города, в которой живут теперь стрельцы. Город снаружи, с Волги (которая здесь шириною в 2,260 футов), имеет довольно красивый вид по множеству башен и колоколен; внутри же большею частью состоит из деревянных строений. Он снабжен довольно сильной стражей и, как говорят астраханцы, 500-ми металлическими пушками, между коими есть несколько полных и полуосадных коротких пушек (Cartaunen), которые мы сами видели. Теперь там 9 приказов, и к каждому из них принадлежат по 500 стрельцов, которые состоят под начальством двух воевод, одного писаря и нескольких капитанов, и которые всегда должны быть на службе и стороже и, таким образом, обуздывать татар. В городе проживают, впрочем, не одни только русские, но и персияне и индейцы, и все они имеют там свои собственные торговые площади. Также бухарцы, крымские и ногайские татары, армяне, христиане, и все эти народы ведут всякого рода товарами значительную торговлю и промышленность, так что город этот доставляет его царскому величеству ежегодно громадные суммы, принося одними пошлинами 12 тысяч рублей или 24 тысячи рейхсталеров.

Здесьним татарам, которые частью ногайские, а частью крымские, не дозволяется жить в самом городе, а вне города, на известных местах, которые они могут обносить только плетнями; и вообще по всей этой области татары живут не в укрепленных городах и селениях, а в круглых, имеющих в разрезе обыкновенно 10 футов, шалашах, сплетенных из камыша или тростника, на подобие наших плетушек для птиц. Сверху они покрываются войлоками, по середине которых делается отверстие для дыму, а над отверстием опять кусок войлока, который можно произвольно приподнимать и направлять, смотря по ветру. Когда топливо их, состоящее обыкновенно из соломы и сухеного коровьего помету, все прогорит, и дыма уже не будет, этот кусок войлока опускают, прикрывая отверстие и, если погода хорошая, то шалаш окутывается войлоком или камышом, и тогда жены и дети сидят себе вокруг углей и пепла, и тепло в шалаше может сохраниться долгое время.

Летом они не имеют определенных мест для своих постоянных жилищ, но переменяют места и переносят свои шалаши с места на место так часто, как только оказывается это нужным для приискания своему скоту свежего и хорошего пастбища. При таких переходах они ставят свои лачужки на высокие телеги, которые всегда бывают при них у жилья, и перетаскиваются таким образом с женами, детьми и всей домашней утварью, которых рассаживают и размещают на коровах, быках, лошадях и верблюдах. Русские называют их поэтому половцами (Polowtzi); ибо они бродят с места на место. Зимой же опять соби-

раются к Астрахани и размещаются на отдельные орды (как в Германии гарды или станы) или роты, на таком расстоянии друг от друга, чтобы, в случае нужды, можно было притти и тем и другим на помощь; ибо они часто подвергаются нападениям и грабежу от постоянных врагов своих, калмыков, не только тех, которые рассеяны везде отсюда до Саратова и называются булгарскими татарами (Bulgarische Tartern), но также и тех (калмыков же), которые живут за рекою Яиком и перебираются сюда в зимнее время везде по замерзшей реке. Для того же, чтобы они лучше встретили этих врагов и могли защищаться против них, на это время им выдаются из русской оружейной палаты орудия и вооружения, которые, с наступлением лета, они возвращают назад, и более этого они уже не смеют иметь при себе никакого вооружения.

Хотя они не платят великому князю никаких податей, но если он пожелает поставить их в поле против какого ни есть неприятеля, то они обязаны явиться, и делают это охотно, в надежде на добычу, в которой состоит главное их богатство, как у дагестанских татар, о которых буду говорить еще на возвратном пути. Они наскоро могут собрать и поставить из себя несколько тысяч человек и храбро дерутся с неприятелем.

Хотя им дозволяется иметь собственных своих князей, начальников и судей, но, чтобы вернее обеспечить себя от возможности возмущения с их стороны, несколько мирз их или князей должны постоянно находиться поочередно в Астраханской крепости, и содержаться там в качестве заложников.

Ногайские, равно как и крымские, татары телом тучны, коренасты, широколицы, имеют маленькие глаза и цвет кожи темно-желтоватый. У мужчин лицо морщинистое, как у старых, волосы на бороде редкие, а на голове низко и гладко остриженные.

Все они носят длинные кафтаны, иные из серого сукна, другие, особенно ногайцы, овчинные тулупы и шапки, мехом наружу. Женщины, обыкновенно непротивные лицом, носят кафтаны из белого полотна и круглые шапочки со складками, которые вверху сходятся в острый конек, наподобие шлема, и выложены и увешаны русскими копейками, как бы пуговицами или застежками. Первороденные, равно как и те из дочерей их, которых родители посвятили богу или какому-нибудь имаму и святому, во время нахождения их еще в утробе матери, носят, в знак того, что они рабы их преданы им, в правой ноздре кольцо с бирюзой, рубином или кораллами, точно также как мальчики носят такие кольца в ушах. Подробнее я буду говорить об этом при описании персов, у которых существует подобный же обычай. Дети ходят голые, без рубашек и все с претолстыми животами.

Пищу сих татар составляет все то, что доставляет им скотоводство, рыболовство и птицеводство. Быки и коровы их очень крупны и сильны, подобно польским; овцы их, так же, как и персидские, имеют толстые, большие хвосты, состоящие из одного

жиру и весящие иногда от 20 до 30 фунтов, висающие, как у лягавых собак, уши, и не прямые, с горбиной, носы. Лошади их не видные, но сильные и выносливые. У них есть также и верблюды, но больше двугорбые, чем одногорбые, и первых называют они боггур (Boggur), а вторых тове (Towae).

Обыкновенные кушанья татар составляют: высушенная на солнце рыба, употребляемая ими вместо хлеба, молотый рис и просо, из муки которых они делают род лепешек, и обмакивают их в масле или в меду. Кроме прочих мяс они едят верблюжину, конину, пьют воду, молоко и особенно кобылье, которое считается лакомым и здоровым напитком. Поэтому, когда однажды посланники отправились к татарам посмотреть на их орды и палатки, то татары наделили их кобыльего молока из особого кожаного мешка и предложили им выпить его.

Вера их — магометанская, но обрядность религиозная не персидская, а турецкая. Некоторые татары приняли русскую веру и перекрестились. С нами они были чрезвычайно дружелюбны. Один мирза или князь их, желая доставить удовольствие послам нашим, хотел было позабавить их соколиною охотой, и сделал уже все распоряжения для нее, но воевода не позволил ему.

ЧТО ДАЛЕЕ БЫЛО С НАМИ В АСТРАХАНИ, КАК ПОСЕЩАЛИ НАС НЕКОТОРЫЕ ЛИЦА И КАК УГОЩАЛИ НАС В ГОСТЯХ

Во все время стоянки нашей у Астрахани, когда случалось, что нам нужно было что-нибудь сварить, спечь, убить скот, и добыть что-либо из продовольствия для опустелой стряпни и погреба нашего, все нужное для этого нам присылали персидские и татарские купцы, а также и другие лица, в подарок с кем ни есть, иногда же сами лично посещали послов, а также и послы, в свою очередь, посещали их.

Так, когда мы только что стали у Астрахани, как сказано выше, с нашим кораблем, и сделали приветствие выстрелами, купец персидского даяра, а также и другие персидские купцы, только что приехавшие туда же из Персии, прислали, в привет послам нашим, несколько прекрасных больших арбузов, дынь, яблок, персиков, абрикосов и кисти крупного винограда, с просьбою, чтобы послы благосклонно приняли пока подарок этот от них, также чужестранцев в этом месте; если же бог поможет прибыть в Персию, то там все, принадлежащее им, персам, готово будет к услугам г.г. послов. В свою очередь и послы наши снарядили несколько человек, и послали их к персидскому купцу и князю Мусулу с подарками, состоявшими из разных дорогих напитков (водиц), вина и конфет.

На другой день нашего прибытия несколько партий персидских купцов пришли на наш корабль, осмотреть его и посетить

послов, причем каждый принес с собою каких-нибудь плодов; ибо в Персии уже такой обычай, что никто не является к какому-либо знатному господину без подарка, хотя бы самого ничтожного. Гости эти, по обычаю своей страны, обращались очень любезно и общительно, что показалось нам весьма странным, после грубости русских, и так как для нас они были люди новые и давно желанные, с которыми нам предстояло еще иметь ближайшее сношение, то тем более мы предоставили им свободы у нас; от того все они так подпили, что когда сходили с корабля, то некоторые из них попадали в воду, а один пожилой почетный купец заснул и целую ночь пробыл у нас на корабле. Этот старик во время попойки еще был так любезен, что когда послы, предлагая ему стакан французского вина, сказали: „Может вино нашей страны, после крепких напитков персидских, не понравится вам и будет неприятно“, он тотчас же взял стакан и отвечал, что если б то был и яд, то из рук послов он выпил бы и его.

17-го сентября купец персидского царя вторично прислал в подарок послам 2 мешка рису, не похожего на обыкновенный, прекрасного, белого крупнозернистого и кружку разваренного персидского чеснока, на вкус весьма приятного; как изготавливается он, скажу ниже.

С прислугою купца пришли к нам и другие персы, мореходы, осматривали наш корабль, удивлялись его громадности и говорили, что он не может служить для плавания на Каспийском море, на котором обыкновенно бывают весьма высокие и обрывистые волны; или же по крайней мере, надо будет укоротить мачту на нашем корабле, чтобы можно было плыть в нем. Что Kûlsûm (так называли они Каспийское море), с тех пор, как по нем плавают суда, никогда еще не видал такого громадного корабля; ибо их корабли такие, как наши маленькие шюты (плоскодонные судна) и видом похожи на ванну для купанья, очень высоко стоят над водою, скрепляются множеством балок или перакладин, выходящих на обе стороны и сколачиваемых клиньями, и этими-то балками все судно сдерживается снизу доверху; в середине они совершенно открыты, не имеют насосов и накопившуюся воду просто вычерпывают. Плавают они на этих судах обыкновенно с одним большим парусом и реяться (laviren) не умеют. Поэтому во время бури они или отдаются на произвол ветра, хотя с великою опасностью, или же бросают якорь. Вообще же никто охотно не отваживается плыть в этом море на глубине более 10 сажень.

По отъезде персов с корабля посланники наши послали, с своим секретарем, большой бокал к главнейшему воеводе, Федору Васильевичу (Fedor Vasiliwitz), в подарок, с поручением при этом узнать его мнение и совет о дальнейшем путешествии нашем: не удобнее ли будет ехать далее сухим путем, чем морем? Для ответа воевода просил отсрочки на несколько дней,

чтобы справиться и переговорить с другими мореходцами. По многим причинам потом принято за разумнейшее ехать водою, а не сухим путем.

19 числа татарский князь Мусал известил нас, что он хочет приехать к нам на корабль посетить послов; потому, навстречу ему к берегу послана была наша шляпка, обложенная ковром, с несколькими людьми из сопровождающих послов. Он приехал тоже в сопровождении 40 человек и, кроме того, при нем находился другой мирза и великокняжеский посланник, Алексей Савинович (Poslanik Alexei Sawinowitz). Сам Мусал был одет в дорогое русское платье, шитое золотом и жемчугом; с виду он был высокий, крепкий и внушающий почтение человек, с белым приятным лицом, с длинными и черными как уголь волосами; лет около 28-ми, веселый и разговорчивый. Когда он вошел на корабль, то сперва приветствовали его на трубах, потом, выстрелили из 3-х больших пушек, и затем, во время угощения в каюте посланников, постоянно играла музыка. Телохранители, слуги и солдаты выстроились в своем порядке и вооружении, что очень понравилось татарину и весьма лестно было ему. После двухчасового приятного пребывания в каюте и везде на корабле, который водили его осматривать по его желанию, пригласили его вниз, в столовую, где просили его к столу, уставленному всякого рода конфектами, но он не сел и поспешил отправиться домой. При отъезде его опять стреляли из пушек и ружей.

20-го сентября послы наши отправили нашего маршала ко купцу персидского шаха, поклониться ему от них и просить, чтобы он сделал им честь и пожаловал бы к ним на корабль, что и было на следующий же день. Купец этот, по имени Наурус (Naurus), прибыл с другим знатным персидским купцом, называвшимся Нуреддин Магуммед (Naureddin Mahummed), и с приставом, приставленным к нему воеводою. Эти господа были приняты и угощены так же, как и татарский князь. Когда они, между разными приятными разговорами и весельем, послушали немало нашу музыку, то попросили и им позволить принести их музыкальные инструменты, которые состояли из свирелей (дудок) и барабанов. Барабаны их сделаны были из обожженной горшечной глины, в виде продолговатого горшка; на этих барабанах персы выбивали хотя и странные звуки, но довольно искусно и быстро выигрывали разные штуки. Под такую музыку отправились персы и от нас на берег, где, в разбитых палатках их, еще долго слышалась она нам, на корабле нашем.

22-го числа, рано утром, воевода, в благодарность за подарки, прислал послам: 20 окороков, 12 больших копченых рыб, кадочку икры (Cavijar), 1 бочонок пива и 1 бочонок меда.

В полдень польский посол, о котором сообщал нам купец (Cuptzi) персидского шаха еще 3 сентября, прислал, вместе с послом персидского шаха к королю польскому, двух своих служителей к нашим посланникам, на поклон, с подарком флаги

шараба (Scharab) или персидского вина. Польский посол был монах и подписывался так: „Fr. Johannem de Lucca indignum sacri ordinis praedicatorum“. Посол же персидский был архиепископ из Армении Августин Базецкий (Augustinus Basecius). Двое прислужников присланных к нам, были: один итальянский капуцин, а другой француз. Эти последние жаловались нам, что вот уже 5 месяцев, как они сидят, словно пленные, в Астрахани, и далее их не пускают.

В этот же день посланники наши отправили к воеводе сказать, что завтра они желали бы посетить князя Мусала, почему и просили воеводу прислать верховых, для поездки этой лошадей им и их прислуге. Нам с готовностью обещали, и на следующий же день воеводский конюший привел просимых лошадей на берег. Посланники поехали верхом с важнейшими чинами из своих, сперва в дом, отведенный для помещения их за городом, откуда послали доложить надлежащим порядком князю Мусалу о своем прибытии; и когда нас известили, что Мусал давно ждет и желает нас видеть, то мы поехали к нему на квартиру, которая была в городе. Князь, богато одетый, вышел навстречу послам в дворе на лестницу, радушно принял нас и повел вверх в покой, увешанный коврами. У него был и посланник Алексей, а потом пришел и татарский посол из Крыма, находившийся тоже в караване, надменный и суровый нравом человек. Мусал выставил для угощения в изобилии всякого рода садовые плоды, вместе с вином, пивом, медом и водкой. Приказал заиграть на регалии,¹ и несколько русских трубачей, состоявших при воеводе, просил поиграть веселые песни, сам же поднес нам в больших бокалах и серебряных чашах вина, предлагая его выпить, за доброе здоровье его царского величества, его светлости, герцога Голштинского и проч. и проч. Во все это время он стоял, со всеми своими, и сам собственною рукою подавал чашу с вином каждому из нас, даже нашим памам и прислужникам и вообще со всеми был весьма любезен. Затем Алексей тоже начал торжественно и многоречиво восхвалять род, храбрость и прочие заслуги Мусала, говоря, что он не простой какой-нибудь мирза, каких много у татар, но сын брата великого и, пожалуй, важнейшего при дворе великого князя боярина, князя Ивана Борисовича Черкасского (Knes Ivan Boriswitz Cyrkaski); что теперь, в знак великой к нему милости, он получил от его царского величества поместье (die Lehn), дорогие одежды и много других подарков; что в настоящее время один из его братьев состоит при дворе его царского величества и получает там превосходное содержание; что, наконец, сестра его замужем за персидским шахом и проч. и проч.

На этой пирушке мы с высокородным Иоанном Альбрехтом Фон Мандельсло условились, что кто из нас переживет другого,

¹ Большая труба, звуки которой похожи на голос человека (Перевод).

тот, в память об умершем, должен написать похвальное слово, что я, переживши его, и исполнил, как мог, и написанное слово мое можно видеть в его описании путешествия в восточные страны, которое я издаю особо.

Повеселившись несколько часов у Мусала всякого рода его любезностями и добрым расположением, и расставшись с ним, посланники наши пожелали проехать в места жительства татар, посмотреть их. Поэтому мы направились к городским воротам, через которые шла ближайшая туда дорога. Но ворота эти по приказанию воеводы, неизвестно вследствие каких причин, заперли перед нами, почему мы и отправились на корабль свой.

24-го числа прибыл на корабль посланник Алексей посетить наших послов, и он был нами принят и угощен, как следует, хорошо. Он был весел и предлагал нам свою заботливость о нас и дружбу в то время, когда мы будем с ним в Персии. Наши посольские чины и прислуга, проводившие его обратно на его корабль, в числе 12 человек, все получили от него, в благодарность, подарки, по одному соболю.

Этот русский, посланный великим князем московским к персидскому шаху в качестве малого посла, более для того, чтобы блюсти за нашим делом и нашими отношениями, был человек лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских, имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку; он просил, чтобы мы помогли ему в изучении этих предметов, и в Персии, где мы были вместе, а особенно на обратном пути, он прилежными занятиями, постоянными разговорами и упражнением в продолжении 5-ти месяцев, сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, но весьма понятно для других, свои душевные мысли. Он также быстро и с охотою уразумел употребление астролябии все то, что сится до высоты солнца, часов и геометрии. Нашему часовщику он заказал сделать астролябию, и когда бывало останавливались мы на ночлег в каком-нибудь городе, или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астролябией для упражнения на улицу, и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских, не привыкших видеть своих соотечественников за подобными занятиями.

25-го числа шахов купец (Cuptzi) прислал с приглашением г.г. послов с их свитою, в следующий день на пир к нему, причем просил сообщить имя и титул милостивейшего нашего князя и государя, а равно и имена самих послов, объясняя, что он пошлет вперед гонца в Шемаху и Мидию к тамошним хану и губернатору, для того, чтобы, достигши персидских границ, мы тем скорее могли быть отправлены далее.

26-го сентября сказанный купец (Cuptzi) прислал на берег 7 оседланных и прекрасно убранных верховых лошадей для посланников и сопровождающих их.

Купец Наурус (Naurus) устроил и приготовил все великолепно и роскошно в отведенном ему воеводою доме, в городе; на другом доме, бывшем напротив, снята была крыша, устроен театр, увешанный ниспадающими вниз персидскими пестрыми покрывалами и украшенный двумя водруженными знаменами. На этом театре стояло 3 барабанщика и несколько человек дудочников, которые играли вместе, когда прибыли посланники, а также и во все время пира.

Дом, в котором купец принимал гостей, внутри по всем стенам был увешан персидскими и турецкими коврами. Купец Наурус вышел навстречу посланникам еще на дворе, принял их весьма дружески и повел их на верх, через две великолепные комнаты, обтянутые на потолке, на полу и по стенам дорогими коврами, в покой, увешанный золотою парчею. В каждой комнате, для большего удобства для нас и в противность даже обычаю персов, которые обыкновенно все сидят и едят на полу, расставлены были столы и лавки, также покрытые дорогими коврами. Все столы были уставлены садовыми плодами и конфетами: виноградом, яблоками, дынями, персиками, черешней, миндалем, изюмом двоякого рода, из которых один составлял маленькие белые и весьма сладкие ягоды без зерен, лущеными большими грецкими орехами, фисташками и всякого вида иностранными индейскими плодами, вареными в сахаре и меду; все эти угощения покрыты были шелковыми платками.

Только что мы уселись, явились и духовные особы, а именно: послы шаха персидского и короля польского; поверх духовной одежды на них были еще кафтаны из золотой парчи, подаренные им персидским шахом и, кроме того, у каждого на груди висело по золотому кресту. Они знали латинский, испанский, итальянский и французский языки, на которых и разговаривали с нашими посланниками, как только они уселись, тотчас конфеты открыли и начали подчивать ими, а также и напитками крепкими, водкой, медом и пивом. После двухчасового такого угощения, по обыкновению персов, конфеты были убраны, накрыли стол для обеда, и устали его всевозможными кушаньями на серебряных и медных вылуженных блюдах. На всех блюдах, впрочем, сперва наложен был вареный рис различных цветов, и затем на этом рисе лежали уже вареные и жареные куры, утки, говядина, баранина, рыба, и все эти кушанья изготовлены были хорошо и были довольно вкусны.

За столом персы не употребляли ножа, учили нас разнимать (рушить) говядину руками и вообще есть ихним способом. Впрочем, куры и другие мяса разрезаются на удобные для еды куски еще поваром, при изготовлении им кушанья. Рис, который они едят вместо хлеба, берут они большими пальцами, иногда

же и всю рукой с блюда, кладут на него кусочки мяса и затем все вместе несут в рот. У каждого стола стояло по одному *suffretzi* или раздавателю, который берет кушанья маленькой серебряной лопаточкой и с помощью руки из больших сосудов, в которых кушанья приносятся, и кладет их на маленькие блюда; бывает, что на одно такое блюдо, на рис, кладется 4 или 5 кушаний; изготовляемое таким образом блюдо подается одно на двоих, а иногда и на трех человек. В продолжение пирушки пили мало, но потом пили довольно крепкую круговую, наконец, каждому подана была с предложением выпить, особая фарфоровая чаша полная горячего черноватого напитка, который персы называют *Kahave* и о котором в другом месте я скажу подробнее. Вообще, персы были к нам так дружелюбны и услужливы, что их любезность и доброе расположение к немецкому народу мы видели не только на словах, но и на деле.

При прощании, которое со стороны всех как монахов, так и персов, сопровождалось изъявлениями дружбы и глубокого уважения, барабаны и дудки весело забили и заиграли какую-то особую песню. Двое из важнейших персов провожали посланников до городских ворот, где и расстались с нами с выражением глубокой благодарности послам за их радушие и оказанную ими персам честь и с предложением им еще больших услуг. Когда посланники взойшли на шлюпку, то сделано было несколько выстрелов из каменных орудий, точно так же, как это было и при посадке их из шлюпки. Таким образом день этот проведен был в стараниях завязать дружественные отношения с чуждыми народами, и мы приобрели себе друзей между этими народами.

27-го числа послы с немногими из нас поехали верхами за милю от города Астрахани, посмотреть на жилища татар. На дороге, в нескольких местах, мы видели, каким образом быки и лошади, привязанные к колу, бегали вокруг этого кола, и этим круговым беганьем своим выбивали и молотили просо. У каждой лачужки татарской видели мы либо сокола, либо орла, которых они употребляют для охоты. На возвратном пути мы встретили одного из князей их, который ехал верхом в простом овчинном тулупе и с соколом. Он очень жалел, что не был дома, в своей орде, и потому не мог угостить послов наших.

Того же числа великокняжеский посланник или малый посланник, Алексей Савинович, отправился вперед в Персию, Каспийским морем.

28-го сентября другой знатный купец, Нуреддин Магуммед давал в честь наших посланников пир, который был также великолепен и обставлен такими же обрядностями, как у Науруса. Театр для барабанщиков и дудочников на дворе, против стола, устроен был едва ли еще не богаче Наурусова. На пир этот приглашены были опять и монахи. Тут же находились и несколько индейцев из Восточной Индии и двое русских, отряженных сюда воеводой и знавших персидский язык; эти последние были здесь

для того, чтобы воевода мог знать, какой разговор будет на пире. Поэтому, когда посланник Бругман в разговоре своем, направленном против турок, которые были в то время неприятелями персов, но с русскими находились в мире, зашел уже далеко в своих оскорбительных отзывах о Турках, то персы, видя такой разговор неловким и неприятным для себя, просили его оставить оный и говорить о чем-нибудь повеселее. Из этого обстоятельства и просьбы прекратить такой разговор можно было заключить только о добром расположении персов к нам, которое они оказывают обыкновенно всякому, присланному высокоим государем к их шаху. Это было с их стороны только малым свидетельством или знаком того благорасположения, которое позднее мы нашли в их стране. Вскоре за тем, по распоряжению воеводы, монахи должны были удалиться с пиршества.

29-го числа к нам прибыл тот ногайский мирза, которого мы встретили третьего дня, осмотреть наш корабль. Он принес нам несколько диких гусей, которых он наловил соколом, и приглашал посланников на помянутую выше соколинную охоту, которой, однакоже, воевода не дозволил.

30-го сентября воевода прислал, в подарок посланникам, несколько русских лакомств (конфект), а именно: большие и толстые пряники, сухое варенье из выжатой смородины и других ягод, похожее видом на большой чешский сыр, частью же свернутое в куски или свертки наподобие нашего фунта, или свернутой подошвенной кожи. Такие свертки присылали нам еще в Москве великий князь и другие бояре; на вкус они кисловатые, довольно приятные, и русские употребляют это варенье большею частью в других кушаньях.

1-го октября я был послан, вместе с двумя другими из наших, в канцелярию, к воеводе, для устройства некоторых дел; но хотя я принят был в канцелярии дружески и даже приглашен был сесть в присутствии князя Мусала, который находился тоже там, тем не менее мне не дали никакого решения по нашему делу, прежде чем я не выслушал жалобы бывшего пристава нашего, Родиона (Rodivan), на посланника Бругмана и последовавшего по этой жалобе замечания. Жалоба заключалась в том, что посланник Бругман, будучи на Волге еще, весьма дурно обращался с ним, приставом, часто обзывал его блядиным сыном (Bledin sin), собакой (Sabak) или сукиным сыном, и подобною бранью; а этого не следовало; ибо пристав был царский чиновник и дан был нам для почета. В случае, если бы он в чем провинился, то посланник не должен был сам, и притом таким образом, распоряжаться и ругаться, но обязан был принести на пристава жалобу начальству, везде поставленному его царским величеством, и в особенности начальству в Астрахани, которое сумело бы найти и учинить достойное за преступление и удовлетворительное для послов наказание. Воевода полагал при этом, что если бы так поступил кто с чиновником его княжеской ми-

лости, герцога Голштинского, в его землях, то, вероятно, это ему также мало было бы приятно, как это будет неприятно и его царскому величеству, когда только он узнает об этом. Он заключил, что все это должен был высказать нам по долгу службы своей; после того, по нашему делу он дал уже нам желанное решение.

О ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ АСТРАХАНИ ДО ГОРОДА ТЕРКИ

В тот же день приказано было перенести пиво и хлеб, которые наварили и напекли там наши люди, а равно и другие припасы. Купили у татар 20 очень крупных и жирных быков, от 8 до 14 талеров за каждый. Также несколько бочек соленой рыбы и между прочим 200 судаков, величиною все почти в локоть, за три гривны и 15 грошей, и таким образом приготовились к отправлению по Каспийскому морю. Но так как море это было нам неизвестно, и мы слышали, что при входе его очень мелкое дно, простирающееся на несколько миль, то кроме русского лодмана, мы взяли к себе еще несколько ногайских татар с баркою (шютоу), для облегчения нашего корабля на мелководьи и для удобнейшей переправы через нее, и 10 октября снялись мы у Астрахани, а в полдень, в 12 часов, отправились в путь, при чудесной тихой погоде. Направление от Астрахани до моря большею частью было на юг и юго-запад. Но едва проплыли мы милю, как поднялся такой сильный, противный нам, ветер, что мы должны были подойти к правому берегу и стать на якорь под берегом. По той же причине мы простояли и следующий день.

В это время прибыл к нам рослый, почтенный на вид один ногайский мирза, бывший начальником нескольких орд, находящихся в том месте, посетить нас, и в подарок принес нам овцу и бочонок молока. В этом и в некоторых других местах при Волге за Астраханью мы находили травы необыкновенной величины, каковы: *Esula* или волчье молоко, в рост человека и выше; *Angelica*, коровник, купырь, у которой стебель толщиною с руку, но не в толщину человека, как выдавал это в Голштинии один господин, встретившийся нам в Астрахани и уехавший от нас вперед. Господин этот так далеко зашел в этом, что рассказывал, будто сам видел там ангелику толщиною в человека.

12 го числа, когда ветер несколько стих, потащили мы корабль вперед якорями, но никаким способом в целый день не могли сделать более мили. Такое же плавание было и 13-го числа, и мы стали на якорь у круглой сухой горы, лежащей на левой стороне, в 15-ти верстах от Астрахани. Гора эта русскими называется Темная гора (*Tomani gor*), мы же называли ее, по множеству змей на ней, Змеиной горой. Мы нашли здесь

много каперсов (*Caperstauden*, *Capparis*) и различные виды дикого чеснока или подснежника (*Semperwiwi*). С вершины горы можно обозреть на целую милю вокруг страну, которая здесь везде представляет равнину. Вечером мы встретили стрельцов, отвезших русского посланника, Алексея, в Терки, и они сообщили нам, что дорога туда безопасна, и они день и ночь проплыли свой путь с попутным ветром.

14-го числа начался попутный ветер, именно северо-восточный, который погнал нас вперед довольно быстро. После обеда достигли мы часовни Иванчук (*Ivantzuk*), в 30 верстах от Астрахани. За этой часовней находится главное место рыболовства, называемое Учуг, (*Utschu*) и принадлежащее Троицкому монастырю в Астрахани. Здесь Волга разделяется на множество рукавов, и образует несколько островов, которые все, равно как и правый берег Каспийского моря, до реки Койсу (*Koisu*), покрыты высоким тростником или камышом и низким кустарником. Между островами этими есть один, называемый Перул (*Perul*) и лежащий в 15-ти верстах за Учугом. На нем стоял высокий деревянный дом, над которым на длинном шесте насажена была баранья голова. Нам рассказывали, что там погребен один татарский святой, на могиле которого татары и многие персы, отправляющиеся в море, или счастливо уже переплывшие его, убивают овцу, часть ее приносят в жертву, а другую едят на жертвенной пирушке и с особенными обрядами при этом отправляют свои молитвы. Голова овцы остается воткнутою на шесте до тех пор, пока не будет принесена кем-нибудь новая жертва, или пока не свалится с шеста сама собою. Поэтому место это русские называют татарской молельней (*Tatarski molobitza*), т. е. татарским жертвенником.

За этим островом, по левой стороне, простирается на твердой земле, в глубь страны, длинный голый холм, на котором мы видели множество татарских жилищ.

К вечеру мы приехали к другому месту рыбной ловли, считающемуся в 15 верстах от моря, где Волга заперта частоколом или тыном от вторжения рыщущих по морю казаков и охраняется постоянно сотнею стрельцов. За этим местом мы имели свой ночлег, в проливе, между двумя островами. В этой местности мы видели бездну тюленей, колпиз, у которых нос похож на плоскую ложку, также множество зобовых гусей, которых русские называют бабами (*Baba*), персы кутанами (*Kuthan*), мавры в Гвинее бумбу (*Bumbu*), Плиний Альберт и Альдрованд *Onocrotalus* (потому что птица эта иногда, запустив нос в воду, издает крик, подобный крику осла), а также пеликаном. Но это не тот пеликан, какого изображают живописцы и на какого указывают некоторые древние, а также и из теперешних некоторые духовные писатели, ради уподобления пролитию крови христа; таких здесь нет; да Альдрованд полагает, что такого пеликана и на свете нет.

Три года тому назад подобного зобового гуся в Голландии показывали за деньги и выдавали за настоящего пеликана. Птица эта во многом похожа на обыкновенного гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и пером, но величиною она превосходит лебедя, имеет длинный, в $\frac{3}{4}$ локтя и широкий, в 2 пальца, красивый клюв, с загнутым крючком наперед. На нижней половине клюва и у горла висит большой из тонкой, вместе съезжившейся, кожи мешок, который так широко растягивается, что в него можно упрятать обутую в сапог ногу, или влить 5 штофов воды. В мешок этот птица собирает себе рыбу; горло у птицы широкое. В некоторых местах птицу эту приручают и употребляют для ловли рыбы, но в таком случае вокруг шеи птицы завязывают особый узел, чтобы пойманную рыбу она не в состоянии была проглотить, но так бы принесла ее в мешке хозяину. Персы мешок этот употребляют на бубны и в Гиляне им же обтягивают и особый род гудков; растянутый мешок этот также прозрачен, как бычий пузырь. Удивительно, что пишет Франциск Санкций (Franciscus Sanctius), как говорит Альдрован, будто одна такая птица, когда он охотился за нею, по тяжести своей не могла подняться, была поймана и в ней найдено было дитя из мавров, которое она якобы проглотила. Птица эта водится на африканском морском берегу, особенно часто попадает в Гвинею, и там туземцы едят ее. Посланник Бругман убил из ружья одну такую птицу на берегу Каспийского моря и концы распростертых крыльев ее имели до 5 локтей один от другого, а сама она от шеи до подошвы ног была величиною с человека. Голову этой птицы я сохранил и передал в Готторфскую палату редкостей. Кто пожелает больше узнать об этой птице, пусть прочтет недавно вышедшую в Риме „Историю plantarum, animalium et mineralium, Mexicanorum, francisci Hernandez“, индийского врача, страница 672 и следующие, где сказано, что в некоторых местностях, особенно в Мексике, у птицы этой клюв снабжен многими зубами, а также, что, как она находится во многих местах земли, то потому может быть названа Мировой (Cosmopolitanus). В этой же книге встретите довольно пространное рассуждение о том, действительно ли, как думает Альдрованд Аристотель, в 9-й книге своей „Hist. anim“, описывая пеликана, разумел и имел в виду именно этого зобового гуся? При этом оспаривается мнение Альдрованда.

Кроме описанной, мы видели еще другой, неизвестный нам, род птицы, похожей на утку, но несколько больше ее, с длинной шеей, с круглым, жестким клювом, также с крючком на конце; пером она вся черная, как ворон; перья, выдернутые нами из крыльев, были весьма жестки, больше, чем такие же перья у ворона, и чрезвычайно удобны для черчения и рисования, русские называли эту птицу бакланом (Baklan). Она появляется большею частью по ночам и на воде. Кажется, что это та самая птица, которую Альдрованд, в своей „Ornithologia“,

lib. 91, pag. 58, называет *Awem Diomedeam*; ибо ей приписывается много свойств, находящихся в этой птице, кроме только того, что она, как уголь черная, тогда как по Альдрованду она серая, или цвета пепельного.

15-го октября прибыли мы к устью или входу в Каспийское море, в 12 милях от Астрахани, и здесь там и сям встречается множество маленьких, тростником поросших, холмов и островов, обтекаая которых Волга впадает в море; поэтому некоторые полагают, что Волга вливается в море таким множеством отдельных рек, или рукавов. Целые шесть миль идет здесь чистая тина, на которой вода была везде не выше 4-х, 5-ти и самое больше $5\frac{1}{2}$ футов вследствие чего мы часто садились на мель и вязли в тине так, что в 7 дней, весьма утомительными туда и сюда поворотами корабля, гонимого ветром к морю, едва успели проплыть немного более 4-х миль.

Самые тяжелые дни для нас были 18-е, 19-е октября. 18-го мы наехали на мель, на которой было только 5 футов воды. Провозившись целых 5 часов в неустанной работе и сдвинувшись с места, мы добились только того, что выбрались было на глубину 6 футов; но тут же сейчас оказалось, что это была только небольшая яма, за которой везде далее было едва 4 и самое большее $4\frac{1}{2}$ фута глубины; поэтому мы должны были снова с таким же трудом тащить корабль назад, на прежнее место. Когда ночью стал дуть северо-западный ветер, то вода видимо упала, и мы очутились на глубине только 3-х футов и засев глубоко в ил. И хотя мы, при помощи татарского судна (шюты) и нашей шлюпки, облегчили корабль от тяжелой клади и якорей; а затем хотя и весь экипаж не с человеческой, но с лошадиной, тяжелой работой трудился, не пивши и не евши целый день, усиливаясь сдвинуть корабль с места, однако он решительно не трогался, и мы терпеливо должны были поджидать счастья и благоприятного ветра, который бы подул с моря и поднял воду, что все навело на некоторых из нас не мало тревоги и страха со стороны казаков, которые здесь могли считать нас пленниками своими. Вдобавок к тому спустился такой густой туман, что мы едва могли видеть что-либо на расстоянии длины корабля. В такую то пасмурную погоду со стороны моря выплыла навстречу нам какая-то русская барка, и как мы не знали, что за народ был на ней, то по приказанию Брумана, выстрелили по ним из пушки. Это взбесило русских и они бранью встретили нас, говоря, что вода эта принадлежит его царскому величеству, и что они могут плавать по ней также вольно, как и мы; а что, если уже нам припала такая охота стрелять, то стреляли бы уж по казакам, которые поджидают нас в море. После этого нам попались еще 2 русские барки, которые, когда мы их дружески окликнули, переслали послам нашим в подарок несколько прекрасных черкасских плодов, а именно: весьма крупных ягод, грецких орехов и ирги или кизильнику (*Mispeln*).

21-го октября, к вечеру, при тихой погоде, вода начала прибывать, так что мы опять имели глубину воды в 5 футов, и казалось, что скоро можно будет хоть несколько продвинуться в море. Но 22-го числа с моря поднялась буря, именно с юго-юго-востока, нагнавшая воду на 9 четвертей выше, и так как буря эта продолжалась целые 5 дней, то все это время мы и должны были простоять на якоре, в одном месте.

23-го числа, при ясном небе, во время солнечного восхождения, я нашел, что солнце взошло по компасу на 22 градуса на юг более, чем как обыкновенно предполагали это. Поэтому следует заключить, что уклонение магнитной стрелки в этом месте составляет 22 градуса от севера на запад.

27 го числа, когда ветер несколько унялся, перетаскивали мы опять нашу кладь на корабль, рассчитали татарскую барку и поплыли на парусах; но едва успели сделать не более одной мили, как опять завязли в тине, почему тотчас же послали нашу шлюпку назад нанять опять татар. Рано утром 28-го числа мы высвободили снова корабль и, увидевши 13 парусных судов, плывших с Волги по направлению к нам, мы догадались, что то был татарский и персидский караван, почему отпустили опять татар и стали поджидать приближавшиеся к нам суда, оказалось, что это были князь Мусал, два персидские купца и 500 стрельцов с одним начальником на нескольких судах, которых царь посылал крепостной стражей в город Терки. Так как мы видели, что русский лодман наш не знал дороги и не смыслил вообще в мореплавании, сами же мы, по обыкновенным картам суши и морей, оказавшимся совершенно неверными (как явствует это из тщательно составленной нами и ниже прилагаемой карты ¹ управлять своим плаванием не могли, то мы и решили попытаться, между нагнавшими нас русскими, поискать надежного себе проводника. Поэтому вечером, когда сказанные суда нагнали уже нас и остановились, мы послали к начальнику стрельцов с поклоном и с просьбою, чтобы он пожаловал к нам на корабль. Принятый здесь нами отлично и угощенный разными дорогими напитками, начальник этот стал многогоречиво и с живыми телодвижениями высказывать нам свое доброе к нам расположение и любовь, и между прочим говорил, что у него изныло сердце и он не мог спокойно спать, пока не увидал нас теперь совершенно здоровыми, о каковом благополучном состоянии г. г. послов он немедленно и пошлет к астраханскому воеводе донесение. При этом он выражал радость, что ему представился теперь случай служить нам; говорил, что весь народ его готов будет к услугам нашим, и обещал сей же час прислать нам с своего судна лучшего лодмана и проч. и проч. любезности, каковым обещаниям его и готовности мы были очень рады; ибо видели, что дело казалось устроится. Но

¹ К немецкому подлиннику. (Прим. переводчика).

только что воротился он на свой корабль, как приказал натянуть паруса и уплыл от нас, может быть потому, что при приеме его он не получил от нас порядочного посула (Poschul) или подарка, на которые вообще русские очень падки.

Этот солдат был до такой степени бесстыден, что позднее, у г. Терки, как ни в чем ни бывало, опять явился к нам на корабль, вместе с другими почетными особами, посетить послов, и когда эти последние упрекнули его за такой поступок с ними, он отвечал только: „Я виноват“ (la winowat), и тем покончил.

Когда описанным образом мы были обмануты, то послали на иностранный персидский корабль, с просьбою дать нам совет и помощь. Персиянин, бывший начальником своего корабля, и в то же время хозяином всего находящегося на нем имущества, предложил нам свою готовность быть нашим лодманом, поручил своим слугам свой корабль и добро, а сам перешел к нам на корабль,—услуга, какой не легко найти и в любом христианине. Этот персиянин знал хорошо море, разумел употребление компаса, хотя большинство персов по компасу не плавают, но ходят или у берега, от которого далее 3 или 4 миль не удаляются, или же управляют и сообразуют свое плавание по северной звезде. Когда он пришел к нам на корабль, в 11 часов ночи, и увидал, что погода была благоприятная и ночь месячная, то сейчас же велел поднять якорь, направил ход корабля к югу, и мы довольно бойко пустились далее при тихом восточном ветре. Год тому назад, в этот же самый день, мы также пустились на парусах из Травемюнда, по Балтийскому морю, и также благополучно. В эту ночь мы имели воду не глубже 10 футов, но позднее пошло глубже до 3-х сажен и даже больше. С правой стороны у нас был материк, называвшийся Сухатер (Suchater), с 4-мя холмами; от этого материка выдавался глубоко в море угол или мыс, конец которого считается в 100 верстах от Астрахани и в 200 от города Терки, но версты эти неверны и невелики.

29-го числа, в прекрасную солнечную погоду, до обеда мы плыли с юго-восточным ветром, направляясь к югу, а после обеда к юго-западу, и постоянно имели глубину в $3\frac{1}{2}$ сажени и дно из раковин, перемешанных с крупным песком; в этот день мы уже не видали земли, по причине залива, следовавшего за сказанным выше мысом, и вечером, в 8 часов, стали на якорь, на упомянутой же сейчас глубине. Здесь магнитная стрелка показывала уклонение на 20 градусов от севера к западу.

30-го октября, с появлением утренней зари, мы опять пустились на парусах. С восходом солнца мы увидали материк Черкассию (Circassia), который изгибом, наподобие полумесяца, от юго-запада к северо-востоку, далеко выдается в море, в котором и образует большую котловину или залив. Мы хотели направить путь наш к мысу, но как дул юго-восточный ветер, который начал гнать нас в котловину, то мы и стали в полдень

на якорь, на глубине $3\frac{1}{2}$ сажен и на глинистом дне. Мыс этот считается в 6 милях от Терки (Terki). В заливе или котловине увидели мы 20 судов, и сначала подумали, что то были казаки, почему и выстрелили из одной пушки, чтобы дать им свое слово оклика (лозунг), но оказалось, что это были рыбаки из черкасских татар, из города Терки. Они принесли к нам на корабль несколько штук белуги, по 15 коп. за штуку. Желудки этих рыб полны были раков, из которых некоторые были даже еще живые.

Этот день начали мы торжественно, благодарственным молебном, так как год тому назад, в самый этот день, многомилостивый бог спас нас от гибели у Эландских скал. В это же время наш персидский лоцман отправился на лодке к своему кораблю, стоявшему около полумили, позади нас, чтобы дать своему народу дальнейшие приказания; мы подумали было, что он также сдержит свое слово, как и начальник русских стрельцов, но на следующее утро, еще рано, он явился опять к нам на корабль, а своему судну приказал идти впереди нас.

Последнего октября, рано утром, при густом тумане, была совершенно тихая погода. К полудню небо прояснилось, подул слабый северный ветер, и мы, реяя парусами и при помощи весел, выдвинулись из котловины и стали прямо против мыса или выдавшегося круто материка. В полночь пустились мы снова на парусах и с попутным ветром, рано утром 1-го ноября, прибыли к городу Терки, где и стали на якорь, в расстоянии двух ружейных выстрелов от берега, у которого было большое мелководье.

В эту ночь несколько сотен казаков на судах хотели было сделать на нас нападение, но, не попав на нас, натолкнулись на князя Мусала и стрельцов; когда же они, по множеству окликов и криков стрельцов, увидели, что найдут достаточное сопрогивление себе, то отплыли назад, извиняясь, что искали немцев. Когда слух об этом через нескольких, вперед уплывших, казаков, утром достиг до города, то произвел там большое смятение. Горожане думали, что Мусал, князь их, находится еще в схватке с казаками, и предположение это еще более усилилось в них от непривычных для них наших залпов из пушек, вследствие которых и мы сделались для них подозрительными; поэтому, множество русских и татар, вооруженных — конных, пеших и на лодках, высыпало на берег. Когда же они увидели, что князь Мусал с стрельцами приплыл вслед за нами и, проходя мимо нашего корабля, снял шапку, дружески раскланялся с нами, прося навестить его, в доме его матери, и что, следовательно, мы были приятели с ним, то между горожанами тотчас же настало великое ликование...

Из Астрахани 10 октября посольство направилось в Персию по Воаге и Каспийскому морю на Дербент, в который прибыло 14 ноября; 22 декабря достигло Шемахи, в которой прожило 4 месяца в ожидании доз-

воления шаха продолжать путь, и за тем, через Ардебиль, Султанию, Касвин, Кам, Кашан, прибыло 3 августа, 1637 года, в Испагань, где 16 того же августа, впервые представилось шаху Сефи. 20 декабря посланники оставили столицу Персии и пустились обратно тем же путем на Дербент; в августе 1638 года прибыли снова в Астрахань.

Описание всего этого путешествия Олеария более чем на 500 страницах его книги, по морю и прикаспийским странам, а также Персии мы опускаем. 20 мая 1638 года Олеарий на обратном пути прибыл в город Терки. Записки Олеария мы и продолжаем отправлением посольства из города Терки в Астрахань.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ТЕРКИ ЧЕРЕЗ ВЕЛИКУЮ СТЕПЬ ДО АСТРАХАНИ

2-го июня стали мы готовиться к дальнейшему путешествию, и так как нам предстояло проехать 70 миль, по пустынной, не населенной, степи, а без огромных издержек нельзя было найти для этого верховых лошадей столько, сколько нам было нужно, то мы договорили черкасских возчиков, чтобы они везли и прислугу и кладь на повозках; по 3 и 4 человека на повозке. За каждую такую повозку в две лошади, или с одним верблюдом, от Терки до Астрахани, мы дали по 9 рейхсталеров.

В наше сообщество присоединился караван купцов разных народов: персиян, турок, греков, армян и русских, так что всех вместе отправилось до 200 подвод. По дальней дороге нас наделили продовольствием весьма скудным, именно: каждому дали черствых, черных сухарей и другого заплесневелого хлеба и по половине небольшого, вяленого и протухлого леща, без напитков; ибо татары противились брать наполненные бочки, кроме людей, для которых они только и были наняты; посланник же Бругман не хотел нанимать для этого ни одной особой подводы, так что мы не могли взять с собою ни глотка воды. Но себя и некоторых приближенных своих он достаточно снабдил на дорогу как съестным, так и добрыми напитками. Сначала мы не очень огорчались этим, полагая, что, как прежде, мы будем ежедневно находить по дороге свежую воду; но оказалось, что мы очень ошиблись, как это далее увидим.

И так, 4 июня, после обеда, мы тронулись из Терки и вступили в помянутую выше великую степь. Дорога шла недалеко от моря, и на ней, в течение 11 дней, мы не видали ни города, ни селения, ни дерева, ни холма, ни реки, кроме Кизляра, ни единой птицы, но везде ровная, настоящая степь, сухая песчаная, тонкой травой поросшая почва, с солеными морскими лужами. Мы проехали в этот день только 4 мили. 5-го числа достигли до помянутой сейчас реки Кизляра, 6 июня 6 миль до одной лужи, выступившей из моря, эти первые три дня мы ехали большей частью на запад-северо-запад, а следующие за тем три дня на север; потом уже мы направлялись на северо-восток

и на восток-северо-восток до Волги. 7 числа сделали мы шесть миль по огромному болоту, по которому лошади везли с великим трудом. В этот день, по причине сильного зноя, мы терпели великую тягость; к жару явилось еще множество комаров, мух и оводов, так что ни человек, ни животные наши никак почти не могли от них отделаться. Верблюды, не обладающие таким удобством, как лошади, отмахиваться от этих насекомых, к вечеру казались полуободранными от бесчисленного множества шишек или опухолей, из которых лилась кровь.

8-го июня, с восходом солнца, отправились мы дальше, проехали до обеда 4 мили, до одного песчаного места. После обеда опять сделали 4 мили до одной соленой лужи. На дороге одна из лошадей, принадлежавших татарам, истомилась; опасаясь, что она занеможет, татары прирезали ее, разделили между собою, и каждый повесил на задке у своей повозки кусок этой конины; когда же мы остановились ночевать, то они разложили из хворосту и сухого тростнику огонь, поджарили на нем свою конину, и съели ее все с великим наслаждением. Мне они дали отведать конины: на вкус она точно сухое, жесткое мясо быка.

9-го числа сделали мы 7 миль; до обеда прибыли к заливу, или к выступу моря, а вечером остановились ночевать у гнилой, соленой лужи. Лужа эта доставила нам отвратительное питье. Из таких луж вообще, а из этой в особенности, воду пить иначе нельзя, как заткнув нос, чтобы зловоние ее не сделало ее отвратительною для питья.

10-го числа опять проехали 7 миль до одного залива, поросшего тростником, и вода в котором, по близости от Волги несколько слаще.

11-го числа сделали опять 7 миль, до одной, хотя не соленой, но гнилой, лужи, образовавшейся от разлива Волги. В этот день, во время пути, мы увидели, с западной от нас стороны, 12 диких свиней: несколько татарских всадников, ради потехи, погнались за ними, поворотили их на нас, ехавших длинным гусем один за другим, и дикое стадо пробежало прямо перед моей повозкой и исчезло в сторону к морю. Лошади наши испугались, понесли что есть мочи поперек поля, так что врач и гофмейстер, со всею их кладью, вывалились из повозки в разных местах; я же и фон Ухтериц, сидевши в передней части повозки, и, видя, что безопасно выпрыгнуть было нельзя, удержались, хоть и не без не малого страху, в повозке, пока лошади не остановились от изнеможения, заехавши к болоту.

12-го числа сделали мы 8 миль и на дороге нашли двух еще не оперившихся птиц, сидевших в гнезде близ пути нашего; некоторые из наших полагали, что то были орлята. Видели также два озера, приближаясь к которым мы ощущали приятный запах фиалки.

13-го проехали далее 8-е миль, так что вечером мы увидели уже город Астрахань.

14-го июня, сделав 3 мили, радостные, что снова прибыли к Астрахани, мы подъехали к реке Волге. Здесь все люди наши, жаждавшие давно желанной пресной воды, побежали к реке, припали к воде и пили ее с жадностью. Таким образом, с божьей помощью, мы совершили это чрезвычайно тяжелое путешествие через степь. Тягость этого путешествия и следовавший за тем восторг при реке Волге, Павел Флеминг описал в следующей своей оде, обращенной к нашему Гартману Граману.¹

Как только прибытие наше сделалось известным в Астрахани, к нам тотчас же прыплыло несколько лодок, и с ними наш управляющий продовольствием Иоанн Шумахер, который доставил нам на берег два мешка хлеба, копченого мяса и языков, тонну пива и бочонок водки: мы подкрепились и насладились всем этим вдоволь.

Мы оставались на берегу в этот день, пока воевода астраханский прискал нам удобные помещения.

На следующий день нас перевели и поместили в просторном новом амбаре (Ambara), или пакгаузе лежавшем перед городом на другом берегу. Хотя покои наши были удобны, по ночью мы страшно терпели от множества блох и комаров. В особом амбаре мы нашли вдоволь всякого продовольствия, которое наш поверенный в Москве Давид Рюц (Rütz), полгода назад доставил нам сюда.

ЧТО БЫЛО С НАМИ В АСТРАХАНИ, ВО ВРЕМЯ НАШЕЙ СТОЯНКИ ТАМ.

Так как в Астрахани мы простояли восемь недель, то я часто ходил вокруг города и по городу, измерил его и нашел, что городская стена его имеет в окружности 8000 футов, и город сам лежит так, как он представлен на прилагаемом при сем изображении.²

Последнего июня посланники вторично отправили подарки воеводе, который 1-го же июля отдал нам, приславши нам быка, по бочонку пива и меду, 4 овцы, 10 уток, 10 кур и 6 гусей в доказательство своей благодарности.

Одного не могу умолчать, здесь, что известно всем сопутствовавшим посольству, из которых многие еще живые: это именно то, что посланник Бругман не приказал возобновлять всю изорванную уже у нашего пастора г. Соломона Петри (Petri), одежду, которая у него должна была быть красная, за то, что он, по обязанностям служения своего, выражался довольно резко в своих покаянных проповедях, в которых Бругман, может быть, видел намеки на себя; так что, наконец, на обратном

¹ Переводчиком не приводится.

² Переводчиком не приводится.

пути, в Шемахе, а также и здесь в Астрахани проповедник наш проповеди сказывал и совершал даже таинство причащения в одних исподнях и в присутствии даже русского посланника Алексея, которому очень было понравилось наше богослужение и который теперь возмущен этим и хотел было сам, так же как и мы, купить пастору новое платье, если бы мы только не опасались противодействия со стороны посланника.

Посланник Бругман намеревался также уехать из Астрахани один с небольшим числом прислуги, сухим путем, а товарища своего оставить позади, для чего им сделаны были уже некоторые приготовления. Но Алексей Савинович, с которым он советовался об этом, отговорил его. Этот-то Алексей Савинович и открыл нам замысел Бругмана, предостерегая нас, чтоб мы были осторожнее; ибо намерение Бругмана было не лучше того, какое было у Рушеля, посланника французского, который оклеветал товарища своего маркиза, перед патриархом московским, изменил ему и довел до того, что маркиза сослали в Сибирь. Об этом было рассказано уже выше. На этот-то умысел и намекают некоторые стихи оды, которую написал один из наших.¹

После такого извещения, нас Алексей Савинович распростился с нами и отправился вперед, по дороге в Москву. Но в Нижнем он получил от друзей своих уведомление, что, по некоторым непростительным упущениям его в Персии, по делам, которые ему были поручены, в Москве его ждет царская опала; вследствие чего, по малодушию своему, он принял в Нижнем (Niesen) яд и умер там.

25-го июля прибыл в Астрахань из Москвы московский караван, в котором находился один немец, Андрей Рейснер (Reussner), отправлявшийся с препоручительными от его княжеской светлости, герцога нашего, грамотами в Персию к шаху. С этим немцем Бругман тайне вступил в важные искренние совещания, по которым, наконец, ими было решено, чтобы по некоторым причинам, немец Рейснер не отправлялся далее вперед, но возвратился бы назад и ехал прежде нас в Голштинию и там старался устроить и направить дела сообразно с их намерениями.

1-го августа русские в Астрахани торжествовали великий радостный праздник, начав его множеством выстрелов из больших пушек и полукартаун. Торжество это праздновали русские по тому случаю, что в 1554 году, в этот день они взяли город Астрахань у ногайских татар.

В тот же день пришли к нам два казака, люди отчаянные, и принесли посланникам нашим письмо от Алексея, который встретил их на Волге. Они без зазрения совести говорили нам, что они отваживались схватываться поживиться добычей у людей, принадлежавших различным народам, и желали бы испытать свои силы и с немцами. Наших пушек они не очень-то боялись;

¹ Переводчиком не приводится.

говорили, что они опасны только для тех, в кого они попадут, и это есть несчастье, остальные же бывают целы; но они слышали, что на корабле у нас есть взрывные снаряды (ящики), посредством которых можно будто бы взорвать всех на воздух что это за снаряды, они не понимают, но полагают, что от них не бывает хуже смерти для их брата; а они и без того люди, заслужившие виселицу и колесо; посчастливится им в доброй добыче, они веселы и довольны; а потерпят урон, или убыток, они рассчитывают, что и без того осуждены были на смерть.

6-го августа прибыл к Астрахани персидский посол, Имам-Кули султан, которого мы давно уже ждали и здесь и в другом еще прежде месте. На следующий день русские сделали ему надлежащий прием.

11-го числа у нас умер один из стольников наших, Генрих Кребс, из Гамбурга, от кровавого поноса, и 13-го мы похоронили его на армянском кладбище с подобающею обрядностью.

5-го сентября из Астрахани отправилась станица (Staniza) или караван русских и татар, человек в 200, сухим путем в Москву; к этому каравану пристал и Андрей Рейснер, с некоторыми из своей и нашей прислуги и с лошадьми посланников. Мы же стали изготавляться к отъезду водою; купили две большие барки, имевшие по 12 сажен в длину и по $2\frac{1}{2}$ саж. в ширину; обе они, со всеми снарядами, стоили нам до 600 рейхсталеров; на каждую барку мы наняли по 30 гребцов, с платою каждому от Астрахани до Казани по 6 руб. или по 12 рейхсталеров.

Незадолго до отъезда нашего пришли к нам стрельцы и привели на продажу десятилетнюю девочку, которую увели они у одного учителя из перекопских татар, из-под Азова (город этот лежит у устья Дона), при Азовском море, и 1-го августа того года взят был казаками у турок, после жестокого кровопролития.¹ Вскоре затем пришли еще два стрельца, и привели другую девочку 7-ми лет, которую они украли из стоявшей под Астраханью ногайской орды, ночью, когда она спала возле своей бабушки. Этого ребенка они принесли в мешке совершенно голого, потому, что она перед похищением только что вышла из купанья, и стрельцы вытряхнули девочку из мешка перед покупателями, словно поросенка. Родители этой девочки, по обычаю татар, заметили ее, именно двумя синими точками, величиною с мышиный горошек, сделанных на щеках, для того, чтобы, в случае похищения ее и продажи, если б она отыскивалась, можно было признать ее. Посланник Бругман заявил себя при этом похвально; ибо видя, что покупкою детей выкупались и детские души, и им открывался путь ко спасению наставлением их в христианской вере и крещением во Христа, он охотно

¹ Азов взят был донцами во второй половине июня, 1637 года, а возвращен, по именному указу царя, в апреле 1642 года. (Прим. переводчика).

взял девочек, заплатил за перекопскую девочку 25, а за ногайскую 15 рейхсталеров, вывез их потихоньку из Астрахани и вручил их ее княжеской светлости, супруге милостивейшего князя нашего и государя, которая поручила тех девочек, для наставления их в немецком языке, богопочтения, добродетели и искусстве разных ручных работ, своей любимой придворной, у которой они в короткое время успели так много, что при крещении, 19-го мая, 1642 года, совершенном торжественно, в присутствии многих княжеских особ и других знатных лиц, и при высоких восприемниках их, не только показали знание Лютера катихизиса, но к удивлению многих, могли давать отчетливые ответы и на многие другие вопросы, касавшиеся христианства. Перекопская девица, называвшаяся прежде Танной (Tanna), переименована в крещении Анной-Марией, а ногайская, бывшая по имени Тауби (Taubi), наречена Софией-Елисаветой, обе по именам ее княжеской светлости, Марии Елисаветы.

Замечательно также, что бывший в это время в Астрахани, наш татарский и турецкий переводчик, Мартын Альбрехт, который родом был из татар и в детстве также был увезен, продан в Москву и окрещен там, узан был здесь своим отцом и приятелями, которые его хотели выкупить, но он не захотел уже вернуться к ним говоря: „Приняв однажды истинную, христианскую веру, он хочет и далее жить и умереть в ней, а по тому добровольно отказывается от своих родителей, хотя он и любит их. После этого он даже и не отлучался далеко от посольства, из опасения, чтобы родители насильно не похитили его. Человек он был лет 26, кроткий и весьма услужливый для всех.

Персидский посол также купил здесь в жены себе девицу из ногайских татарок, и у ее собственного же брата, у одного, находившегося в плену, мирзы. Посол дал за нее 120 талеров чистыми деньгами и лошадь, стоявшую 10 талеров, хотя посол имел около 70 лет, но был еще довольно крепок и в силах.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ АСТРАХАНИ ДО МОСКВЫ И ЧТО В НЕМ СЛУЧИЛОСЬ

7-го сентября мы поднялись из Астрахани и пустились опять по Волге. Посланники разделили между собою спутствовавших и взяли себе каждый по барке. В тот день мы приостановились в полумили от города и ожидали там султана. Когда на следующий день он прибыл к нам с тремя барками, мы приветствовали его выстрелами и поплыли далее вместе с ним. 10-го числа мы миновали остров Бузан (Busan), около которого крымские и перекопские татары переплывают Волгу вплавь, так как здесь она очень узка. Чтобы воспрепятствовать такому легкому сообщению их, русские держат здесь, на восточной стороне

реки, караул или стражу из 50 стрельцов. Несколько из этих стрельцов явились к нам и просили хлеба: им дали мешок сухарей.

15-го сентября прибыли мы к Чернояру (Tzornogar¹) и так как городок этот построен великим князем, Михаилом, то его называют также Михайлов Новгород; он отстоит в 300 верстах или 60 милях от Астрахани. Воевода этого городка прислал посланникам письмо на латинском языке, оставленное ему Алексеем Савиновичем; в письме этом воевода просил выйти на берег и посетить его; он же по лестному заявлению Алексея, готов доставить нам возможные удовольствия. Не желая терять времени, мы отклонили это приглашение и не вышли на берег.

24 сентября мы достигли города Царицы (Zariza²), отстоящего в 200 верстах от предыдущего. 29-го сентября, в день св. Михаила, мы имели добрый ветер и проплыли против течения 40 верст. Некоторые русские приписывали это дню именин великого князя Михаила.

2-го октября барка персидского посла, на которой были лошади, села на мель, и положено было много труда, чтобы вывести ее на глубину. В этот промежуток времени султан вышел на берег, а к нему вышли и наши посланники, и отобедали там вместе с ним. Остальные сопутники обоих посольств также перераскомнились друг с другом, причем персияне все перепились водкой до того, что падали в воду, кто там, кто здесь, и их, точно мертвую скотину, нужно было перетаскивать на их барки. Когда суда были готовы и мы хотели уже отплыть далее, персияне завели с русскими стрельцами, состоявшими при нас, перепбранку, а затем и драку, сперва палками, а потом вынули и сабли. Султан, также пьяный не менее своих прислужников, хотел было пустить в ход огнестрельное оружие, но мы уговорили его, и ссора была прекращена.

Того же числа ночью, один из мальчиков, прислужников султана, страдавший поносом, перешел к нему на барку, где упал в воду, и его спохватились не прежде, как утром, когда река далеко уже унесла и поглотила его.

6-го октября прибыли мы к Саратову (Saratoff), в 350 верстах от Царицы. Нам сообщили здесь, что отряд казаков наткнулся было на отправленный вперед по суше караван или станиду, но заметив, что будет значительный отпор, они, хоть и не сделали враждебного нападения, но с несколькими кобылками проскакали с великим криком мимо каравана, и таким способом отогнали и увели из каравана несколько аргамаков (Archimaken, как называют русские персидских лошадей).

14 октября, к вечеру, поднялась сильная буря с северо-запада, рассеявшая суда наши туда и сюда. Наша барка, на которой

¹ Черному Яру.

² Царицына

был посланник Крузе, с двумя султанскими судами, на которых находились лошади, ударились о восточной берег реки, дали течь и в минуту наполнились водою. Все добро наше мы должны были перенести на берег; персияне же, видя, что вода грозит лошадям, наклонили барки свои на бок, и таким образом спасли лошадей своих, кроме одной, которая утонула. Буря продолжалась два дня и две ночи, и так как мы боялись, что ветер совсем может разбить нашу барку, то мы сняли мачту, после чего стало бить тише. 16-го числа, когда ветер совершенно улегся, мы поставили опять на воду затонувшую барку нашу, вытащили ее на берег, законопатили и склепали ее. Персияне же, которых барки не могли уже употребляться в дело, повели далее лошадей уж сухим путем. 24-го числа прибыли мы к городу Самаре (Samara), отстоящему от Саратова в 70 милях.

ТРИ ДОСТОПАМЯТНЫХ И ИСПОЛНЕННЫХ МНОГИХ ПРЕВРАТНОСТЕЙ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ИТАЛИИ, ГРЕ- ЦИИ, ЛИФЛЯНДИИ, МОСКОВИИ, ТАТАРИИ, МИДИИ, ПЕРСИИ, ОСТ-ИНДИИ, ЯПОНИИ И РАЗЛИЧНЫМ ДРУ- ГИМ СТРАНАМ

НАЧАТО В ЛЕТО 1647 И ПРОДОЛЖЕНО ДО ОКОНЧАНИЯ ТРЕТЬЕГО,
ПОСЛЕДНЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ В 1673 ОХВАТЫВАЕТ, ТАКИМ ОБРА-
ЗОМ, 26 ЛЕТ.

Голландский парусный мастер Ян Стрейс. в 1647 году, нанялся на корабль „Святой Иоанн Креститель“, снаряженный в Амстердаме генуэзцами вместе с другим кораблем „Святой Бернард“ для большого торгового плавания. Эти корабли, торговые, военные и разбойничьи в одно и то же время, на пути из Генуи в Суматру захватывали мелкие суденышки, грабили побережья, расправлялись с туземцами и, наконец, сами попали в плен к голландцам. Стрейс перешел на службу к Ост-Индской компании, побывал в Сиаме, на Формозе, в Японии. Вернувшись в 1651 году в Голландию, он через четыре года снова ушел в плавание, попал в Ливорно, нанялся в Венеции в морскую армию, воевал с турками, попал в плен, бежал, побывал на островах Архипелага. В 1657 году он снова в Амстердаме. В 1668 г., узнав, что уполномоченный московского царя набирает людей для плавания по Каспийскому морю, он нанялся парусным мастером и отправился со шкипером Давидом Бутлером, называвшим себя капитаном, в неизвестную ему Московию.

Прорезав все Московское государство от Новгорода до Астрахани, Стрейс был свидетелем движения Степана Разина, опасаясь быть убитым казаками, бежал вместе с другими матросами на шлюпке по Каспийскому морю.

В Дагестане их всех обратили в рабство. Стрейса выкупил польский посланник в Шемахе, а в 1671 г., заплатив выкупившему хозяину, он выбрался из Персии. На обратном пути в Голландию он попал в плен англичанам и вернулся домой в 1673 г.

В июле 1675 г. Стрейс снова поехал в Москву простым конюхом и пушкарем в свите Кунрада фон Кленка, чрезвычайного посла Генеральных штатов Голландии и принца Оранского.

8 сентября 1676 г. через Архангельск Стрейс вернулся с посольством в Голландию. В том же году в Амстердаме вышло описание трех его путешествий (1647 - 1673 г.г.).

Сведения о дальнейшей жизни Стрейса крайне скудны. Известно лишь, что он жил в Дитмарше, где и умер в 1694 г.

Печатаемый в настоящей книге отрывок (главы XI—XVI) взят нами из книги Я. Стрейса „Три путешествия“ перевод Э.Бородиной, издание Соцэкгиз'а 1936 г. Ранее эти же главы были изданы в 1896 г. в „Астраханском сборнике“, где использован был перевод с французского издания П. Юрченко. Этот перевод, как менее совершенный, имеющий ряд дефектов и искажений, нами не использован. Примечания к Стрейсу взяты также из издания Соцэкгиз'а.

ГЛАВА XI

Отъезд из Казани. Диковинный, способ ловить рыбу. Города, разоренные Тамерланом. Корабль сел на мель. Котлы и сковороды для варки соли. Опасное путешествие по Волге. Начало земли калмыцких татар. Новый город, построенный для отражения разбойников. Большой город, разрушенный Тамерланом. Много сладкого корня вблизи и вокруг Астрахани.

Июля 17 мы вышли на парусах из Казани и наехали на большую мель, с которой мы снимались два раза, и отделались от нее довольно быстро.

18 мы бросили якорь у острова Старицы (Staritzo), на котором наши лоцманы нашли камни, похожие на лимоны и апельсины, очень твердые и тяжелые, напоминающие наощупь железо. Разбив их на куски, нашли внутри звездочки золотого, серебряного, желтого или коричневого цвета. Остров лежит под $54^{\circ} 3'$ широты, длиной около трех миль.

19-го мы продолжали путешествие и дошли до острова Потенки (Potensky), где нам пришлось дважды задержаться, чтобы переждать жестокую бурю.

22-го мы миновали речку Ботьма (Buytma), приток большой реки Камы (Kama), в двенадцати милях от Казани. Она начинается на северо-востоке и впадает слева в реку Волгу, вода в ней бурая, а ширина ее, как у реки Амстель. Мы встретили здесь рыбаков, наловивших больше всего лещей, часть которых мы у них купили. Ловля рыбы происходит у них следующим странным образом: они опускают на дно камень, привязанный к веревке, прикрепленной к легкому деревянному поплавку. К этой длинной веревке прикрепляют много маленьких крючков с надетыми на них рыбешками и ловят несчетное количество крупной рыбы, так как Волга весьма ею богата.

23-го мы шли по приветливой местности, где на равнине еще видны развалины и остатки большого города, а также Симбирска (Simberska gora), города, некогда разрушенного Тамерланом. Между тем поднялся сильный ветер, и мы были вынуждены следующий день простоять на якоре. Тогда я с несколькими товарищами поднялся на гору Арбухим (Arbuchim), на которой прежде был город того же имени. Там мы увидели большой камень, на котором было написано: „Коли вы меня сдвинете с места, это принесет вам счастье“. Некоторые русские были охвачены желанием узнать, что из этого выйдет, они подкапывали камень так, что он перевернулся. Они надеялись найти клад и прочли на обратной стороне камня следующие слова: „Чего вы ищете? Здесь ничего нет“. Земля здесь хорошая, ровная и тучная, немного холмов и кустарников, все кругом заросло прекрасной травой, ее не косят и на ней не пасут скот. Местность безлюдная, повсюду видны развалины и следы городов и деревень, разрушенных Тамерланом.

27-го мы прошли мимо реки и города Адробы (Adrobe), лежащего под $54^{\circ} 48'$ широты. Здесь мы снова сели на мель и совсем было потеряли присутствие духа после долгих трудов и усилий и не видели иного выхода, как покинуть корабль. Но вскоре неожиданно поднявшаяся жестокая буря спасла нас.

29-го мы остановились у Соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и сковород, в которых русские вываривали соль. Они добывают ее из ближайших лошин и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которую отправляют большими грузами вверх по Волге, по направлению к Москве. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли.

30-го мы вышли под парусами и поплыли дальше, и вскоре сели на песчаную мель, с которой снялись с большим трудом, потеряв якорь и толстый канат длиной в 80 морских саженей.

31-го поднялась сильная буря, и мы не могли плыть дальше без того, чтобы, при быстрой езде не разбить корабль на том или ином каменистом месте или не получить пробоину. Поэтому мы в течение дня проходили очень недолгий и недлинный путь. При слабом ветре мы могли только ползти, при сильном совсем не трогались с места и были вынуждены до 4 августа простоять на якоре.

5 августа мы дошли до рыбацкого поселка, где купили много хорошей рыбы и икры по ничтожной цене. Нам опять пришлось постоять из-за свирепого ветра, и на другой день мы проплыли близ острова Кистоватого (Kistowato), с ровными и отлогими берегами, которые сильно сужают Волгу. Там видна река Уса (Ussa), которая огибает Самару и впадает в Волгу; берега реки так красивы, как только можно представить. Но русские сообщили нам, что здесь весьма опасно проезжать из-

за разбойников, которые скрываются в кустарниках и, завидя кого-нибудь с гор, быстро нападают на него. На названной реке стоят казачьи лодки и ладьи. Местность здесь покрыта множеством холмов, среди которых попадаются высокие горы. Там стоит гора, которая называется Царев Курган (Sariol Kurgan), Передают, что в ней погребен с 70 королями татарский царь, который поднялся по Волге, чтобы покорить Россию, и что воины принесли в шлемах и щитах землю на его могилу и насыпали высокую гору. Некоторые горы поросли кустарником, другие совершенно голы, большей частью скалы желтого, красного и белого песчаника.

8-го мы плыли на парусах дальше, до города Самары (Samara), названного так по реке, протекающей через него. Город лежит на левом берегу Волги; построен четырехугольником, большей частью деревянными постройками, за исключением каменных церквей и монастырей.

9-го мы миновали Казачью гору (Cosakken Bergn), названную так в память множества казаков, убитых здесь московитами и беспокоивших до того всю эту местность страшными разбоями и поджогами. Но после поражения о них до сих пор ничего не слышно. За Самарой поднимаются высокие горы, покрытые лесами, но Казачья гора обнажена и пустынна. Вечером мы миновали остров Баньшину (Pantzina) и на другой день Согнинск (Sageninsko).

11-го мы проплыли мимо острова Чагры (Zagra), где было много рыбаков, продававших рыбу за небольшие деньги. Здесь получили мы известие, что несколько тысяч взбунтовавшихся донских казаков находятся на острове Четыре бугра (Satyru Boggere) (в устье Волги, при впадении в Каспийское море) и что их суда делают небезопасным плавание во всех направлениях по Волге и морю.

12-го мы проплыли мимо различных островов, как Соснов (Sasnow), Осино (Ossino), Шипнамаго (Schipnamago), Колтов (Koltof) и других, поросших большей частью кустарником и деревьями.

13-го увидели мы Змиеву гору (Smiowa), что значит змея, и названную так, по нашему мнению, потому, что она вся извивается. Но русские говорят, что в прежнее время здесь водились очень большие змеи, побежденные одним рыцарем, который их разрубил и искромсал на куски и превратил в камни, видимые и по сей день.

14-го мы бросили якорь в Саратове, лежащем под 52°12' широты на равнине у рукава Волги, который течет слева от него. В нем живут только московский воевода, стрельцы, назначенные для защиты от казаков и калмыцких татар, границы которых начинаются с этого места. Эти калмыки отвратительные, мерзкие, безобразные люди, и даже у готтентотов и уродливых мавров более приветливые и красивые лица, чем у них.

Лица их широки, почти четырехугольны, большие изогнутые носы и рты, расставленные до ушей. Глаза у большинства занимают всю верхнюю часть лица. На головах они носят хохол и одеваются так, как изображено на прилагаемом рисунке. Они почти не ходят пешком, а всегда сидят на лошади, как бы приросли к ней; оружие их—стрелы и лук. Они большие людокрады и находятся в постоянной вражде с ногайскими татарами, живущими под Астраханью; они крадут друг у друга скот и людей и обычно продают их в Астрахани, где заведены три базарных дня: для русских, ногайцев и калмыков; последние не выносят друг друга, несмотря на то, что те и другие мухамедане и подчинены великому государю московскому. И те и другие людокрады, но крымские, хотя они тоже нехристи, прокармливают себя одним скотоводством. Они не живут ни в родах, ни в селлах, ни в домах, но поселяются отрядами или кочевьями в маленьких хижинах на том или другом тучном пастбище. Когда их лошади, верблюды, коровы и мелкий скот оголят и сожрут все дочиста, они поднимаются с этого места и переходят на другое пастбище. Любимая их пища—конское мясо, которое они не варят и не жарят, а только кладут на некоторое время под седло.

15-го мы миновали два острова—Криушу (Kriusna) и Сапунку (Sapounofka) и Золотую гору (Solottogory), названную так по большому сокровищу, награбленному некогда татарами, делившими между собой золото шапками после разгрома большой станицы или каравана.

16-го миновали мы протекающую по левую сторону реку Еруслан (Ruslan) и напротив нее круглую гору Ураков Каруль (Urafks Karul), по имени погребенного там татарского Князя Урака (Urak). Река эта впадает в Дон, или Танаис (Tanais), где живут донские казаки и где родина и местопребывание Стеньки Разина (Stenko Radzin). При устье Еруслана русскими построен в 1668 г. новый город, названный Камышинкой (Kamuschinka), чтобы пересечь дорогу донским казакам, которые на своих судах переправлялись из Еруслана в Волгу и занимались крупным разбоем. Но это мало помешало хищникам; они нашли другие пути к Волге, провозя свои суда, которые весьма легки, на колесах семь миль сушей по хорошей ровной дороге.

17-го нас задержал сильный ветер, а 18-го мы прибыли в Царицын (Czaritzta), расположенный на холме на правом берегу. Он невелик, но хорошо укреплен и окружен шестью добрыми башнями, в которых всегда находится засада стрельцов, зорко следящих за татарами и казаками.

19-го мы миновали развалины города Царева (Czarefgorod), построенного из обожженных кирпичей и совершенно уничтоженного бешеным Тамерланом. Сохранившиеся стены и другие остатки были большей частью увезены в Астрахань и употреблены на постройку стен, церквей, башен и монастырей.

19 августа мы прошли много мелей и наконец сели с поднятыми парусами на песчаную отмель, и нам стоило большого труда и усилий сдвинуться с места, что нам счастливо удалось сделать по прошествии нескольких часов. В тех краях до самой Астрахани растет в изобилии сладкий корень лакрица, и земля до самого Каспийского моря пустынна, песчана и неудобна для обработки.

21-го мы прошли мимо высокого острова Вязового (Wesawoy), лежащего по правую сторону Волги. В тот же день прибыли мы в город Tzornogar или Чернояр (Tzornojar), который по условиям местности хорошо защищен: вокруг него выстроены сильные укрепления с восемью башнями. Он населен русскими солдатами, и на каждом углу города, на расстоянии четверти часа друг от друга, выстроены сторожевые посты, с которых, как с башен, можно видеть окрестную равнину, повсюду ровную, не поросшую даже кустарником. Город этот возник на месте нападения четырехсот казаков, разоривших русский караван; выждавши в засаде, пока проплыли мимо лодки с конвоем или сопровождавшими стрельцами, они напали на остальные и учинили большой грабеж и убийство. И так как течение в этом месте весьма сильное, то вооруженные лодки не могли так поспешно и быстро повернуть против течения. Тем временем казаки сели на коней и умчались с добычей. Чтобы предупредить подобные несчастия, великий государь велел построить эту крепость. В Чернояре встретили мы персидского посла, направляющегося в Москву на своем корабле; он посетил наше судно, и мы встретили его выстрелами.

22-го мы вышли на парусах и проплыли мимо горы Половина (Polown). Мы задержались на острове Кисяр (Kitziar), на другой день плыли при попутном ветре с такой быстротой, что к вечеру увидели вдалеке Астрахань.

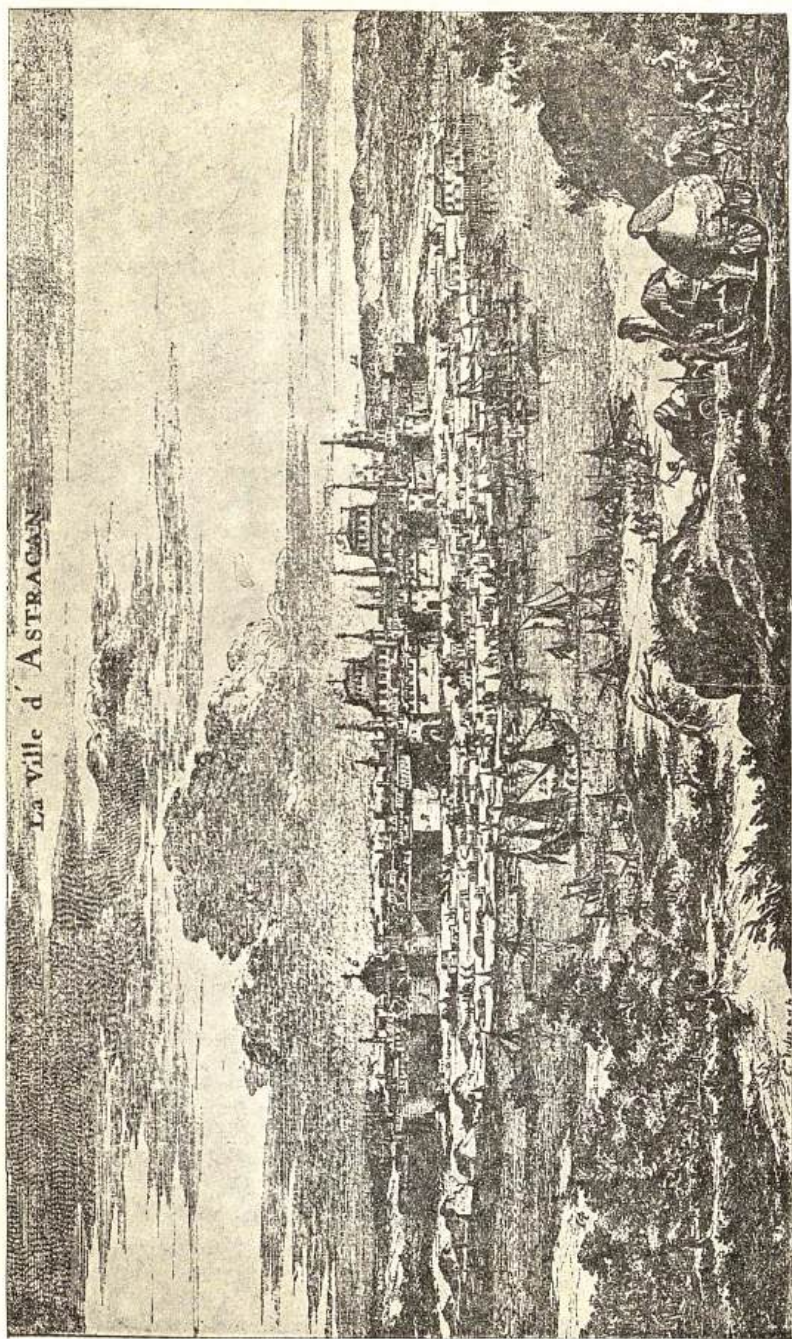
24-го числа мы вошли с божьей помощью и милостью в знаменитый город Астрахань и в виде приветствия выстрелили из всех пушек, так что жители этому весьма удивились. До 1 сентября мы стояли неподалеку от города, а затем подошли ближе и с нашими кораблем и яхтой причалили к берегу, горячо благодаря бога за то, что утомленные бурями, стужей и ветрами мы избавились наконец от всех мук и лишений.

ГЛАВА XII

Описание города Астрахани. Жители. Астрахань становится подвластной царю. Хижины странной постройки. Дешевы съестные припасы. Водка дорога. Хорошая соль в степи. Диковинные плоды, растущие там. Наружность и обычаи ногайских татар. Их одежда. Их жизнь и промыслы. Их пища. Конское мясо, молоко и кровь ценятся ими очень высоко.

Город Астрахань лежит на границе Европы и Азии, на острове Долгом (Delgoy), в области ногайских татар, под широтой 46°22', на расстоянии приблизительно 50 миль от Каспийского

моря. Он окружен толстой каменной стеной, на которой стоят 500 металлических пушек. В городе всегда сильный гарнизон для защиты от татар и казаков. С внешней стороны из-за множества башен и церковных глав Астрахань выглядит весьма красивой. Это отличный торговый город, где торгуют не только бухарские, крымские, ногайские и калмыцкие татары, но также персы, армяне, индусы, приезжающие в Астрахань по Каспийскому морю на кораблях, с грузом примерно в 40 ласт. На их судах весьма трудно переплыть море, они должны все время идти по ветру, а ставить паруса при боковом ветре они не могут, не подвергая себя опасности перевернуться. В городе сильно развита торговля, главным образом шелком. В прежние времена Астрахань была местопребыванием царя ногайских татар; но союз, который они заключили с крымскими и казанскими татарами, привел их под власть России. По заключенному ими союзу они поддерживали друг друга. Казани, покоренной Иваном Васильевичем, помогали ногайцы, которые таким образом ввязались в войну. Царство их было опустошено, и город Астрахань был взят штурмом помянутым государем. Татары были изгнаны, а на их место были поселены русские вольные люди и солдаты. Тогда Астрахань не была такой большой, как сейчас. Отец теперешнего царя увеличил город на одну треть и назвал эту часть стрелецким городом, так как ее заселили большей частью солдатами. С тех пор город еще увеличился и изменился. Царь получает большие доходы как от торговли и обмена, так и от пошлин. В этом краю очень тепло и земля довольно плодородна, здесь растут в изобилии арбузы, яблоки, груши, вишни и многие другие фрукты. Встречается также отличный крупный виноград, с ягодами больше сустава на пальцах руки. Некогда здесь не было виноградников, и в 1613 г. персидские купцы подарили немецкому монаху, крещеному в русскую веру, первый куст винограда, который тот посадил в своем монастыре, неподалеку от Астрахани, и который благодаря частому пересаживанию и уходу так хорошо привился и разросся, что теперь ежегодно посылают государю двести бочонков вина и наверное пятьдесят бочонков водки, отжатых и приготовленных на месте. Туземным или ногайским татарам не дозволяется жить в городе, и они должны селиться за его чертой, им также запрещают обносить свои жилища стеной или валом. Несколько лет тому назад им разрешили, после настоятельных просьб и прошений, защититься от разбойников изгородью. У них во всей области нет ни городов, ни деревень, ибо они живут в хижинах, весьма странно построенных. Хижины их круглые и обычно имеют десять футов в поперечнике, сплетены из камыша или древесной коры и защищены от дождя войлочными тряпками; наверху отверстие, покрытое вертящимся по ветру ящиком, который заменяет печную трубу. После того как костер, обычно из хвороста и коровьего навоза, прогорит, это отверстие заты-

Вид Астрахани

(По изображению, находящемуся в описании путешественника Я. Стрейса)

кают войлочной тряпкой. Когда наступают большие холода, они завешивают стены войлоком, и женщины и дети жмутся к очагу и горячей золе.

По причине такого плодородия в Астрахани все весьма дешево. Я покупал за один стейвер 10—12 арбузов, а другие фрукты — смотря по их качеству. Рыба и мясо продаются за ничтожную цену. Крупный осетр или карп в 30 фунтов весом, или 25 сельдей, таких жирных, каких я никогда не видел в Голландии, также стоят один стейвер. Кроме того здесь множество окуней, линей, щук и судаков (Sandak), по своему вкусу и виду напоминающих слоистую треску. Прекрасная жирная говядина и баранина — фунт за один ордье. Всевозможную дичь можно приобрести почти даром, особенно одну породу диких гусей и больших красных уток, которых ловят татары с обученными соколами и перепелятниками. На островах, поросших камышом, в окрестностях Астрахани ловят эту дичь. Там же много островов, поросших кустарником; на них водятся кабаны, за которыми охотятся татары и дешево продают их, ибо они сами, как мухаммедане, не едят свинины. Короче, жизнь настолько дешева, что здесь для того, чтобы жить в довольстве, не нужно так много тратить, как у нас на скудную пищу и другие припасы. Только водка здесь очень дорога, ибо в Нижнем-Новгороде мы покупали ведро за 36 стейверов, в то время как здесь нужно заплатить 25 гульденов, к чему у нас не было особого желания. Но русские не берегли и не считались со своими деньгами, и им пришлось испытать нужду и недостаток в других вещах.

К востоку от реки широко простирается большая высохшая и пустынная степь (Step), в которой находят много хорошей соли, выпаренной солнцем и лежащей большими прозрачными кристаллами, подобно льду. Она добывается в горных пещерах, и на Волге развита большая торговля солью. Она достается тому, кто ее добывает. С восьмидесяти фунтов царь получает пошлины 2½ стейвера. В этой степи и пустыне растет баранец (Borapez или Bornitsch, как некоторые называют) — плод, величиной с тыкву; по виду он напоминает барана с головой, ногами и хвостом, отчего и произошло его название; Borap по-русски и значит баран. Особенно замечательна шкура, покрывающая снаружи это растение, с блестящей белой и очень тонкой, как шелк, шерстью. Эти шкуры весьма высоко ценятся татарами и русскими, и я сам видел такие в продаже и узнал о них. Такую шкуру можно видеть в Амстердаме в доме господина Яна Якобса Сваммердама (Sr. Jan Jacobsa Swammerdam),¹ знаменитого любителя всех замечательных чужестранных редкостей, какие можно добыть и получить из других земель. Эта шкура досталась ему от одного ботмана, который попал в рабство в Китае, на-

¹ Сваммердам Иоанн (1637 — 1680 г.г.) — знаменитый голландский естествоиспытатель

шел там баранец и сшил себе из него одежду. Его вид и особенности по описанию очень подходят к тому, что астраханцы рассказывают в следующих словах: он растет на кусте, вышиной в три фута, доходящем до пупа ягненка. Плод поворачивается подобно цветку подсолнечника, так что нагибается к растущим вокруг него травам. Они говорят, что если трава вокруг засыхает, растение, потеряв свою пищу, увядает; но я охотно поверил, что оно обычным для всех растений путем в свое время расцветает и увядает, хотя астраханцы свято клянутся, что вышеописанное увядание и гибель происходят не только, когда засыхают травы, а также и когда их косят и убирают еще зелеными. Кроме того передают, что волки очень любят этот баранец и что у него есть мясо, кровь и ноги и другие обстоятельства, что мне кажется сказочным и о чем я не нахожу нужным упоминать.¹

Ногайские и крымские татары—толстые, с широкими лицами, маленькими глазами и желто-коричневой кожей. Глаза у мужчин глубоко запали, как у старух, вокруг рта у них так редки волосы, как колосья у бедняков; они бреют головы, отсюда можно заключить, какой у них приятный и красивый вид. Но все-таки они не так безобразны, как калмыки. Они всегда носят длинную одежду из серого сукна, остальное одеяние состоит из шубы и шапки на бараньем меху. Женщины ходят, как и у калмыков, в длинных юбках из грубого белого холста и в круглых шапках в складку, которые заканчиваются, как шлем, украшены и увешаны русскими копейками. Первенцы (также и дочери) еще в чреве матери посвящаются какому-нибудь святому, и в знак того, что принадлежат ему, носят кольца с бирюзой и рубином в ухе; девочки же—в правой ноздре.

Летом у них нет твердого и постоянного места, они меняют лучшие пастбища так же, как и калмыки. Когда они снимаются с места, то увозят свои хижины на высоких повозках, для чего они и предназначаются, и перекочевывают так с женами и детьми. Они перевозят свою утварь на лошадях, верблюдах, волах

¹ „Рассказывали нам также, — передает Олеарий, — что там, за Самарой, между реками Волгой и Доном, растет редкий вид дыни или скорее тыквы, которая величиной и родом похожа на обыкновенные дыни, наружностью же походит как бы на ягненка, имея весьма ясно очерченные члены его, и русские поэтому называют его баранец (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, как обыкновенно, тотчас у пупочка, но самая дыня, которая во время роста меняет место на такое расстояние, как только дозволяет это стебель, куда ни обратится, везде высушивает траву, и русские говорят, что эта дыня пожирает траву. Когда плод созреет, то стебель засыхает, самый же плод покрывается курчавой шерстью, как у ягненка, и шерсть эту, как рассказывают, можно выделывать и приготавливать к употреблению против холода. В Москве нам показывали несколько кусочков этой шерсти, вырванных из одеяла, и выдавали нам за шерсть дыни баранец. Шерсть эта была нежна и курчава, как шкурка ягненка, вырезанного из брюха матки (мерлушка) или недавно рожденного“ (стр. 120). То, о чем Олеарий говорит осторожно, Стрейс передает с добавлениями и сказочными подробностями.

и коровах. Зимой они приезжают под Астрахань и располагаются рядами один за другим, чтоб успеть в нужде помочь друг другу. Когда замерзает Волга, на них нападают и грабят исконные их враги — калмыки. Для того, чтобы они смогли лучше защищаться, астраханский воевода дает им оружие, которое они должны вернуть с началом лета; оружия им не оставляют, так как боятся восстания. Для того, чтобы предупредить его, их принуждают оставлять заложниками своих князей или мирз¹ в Астраханской крепости, причем одна партия сменяет другую.

Ногайские татары промышляют ловлей рыб и птиц, разведением скота и охотой. У них большие и сильные коровы, жирные овцы с толстыми хвостами, весом в 20 с лишним фунтов. У овец кривые высокие носы, отвислые уши, как у охотничьих собак. Лошади их неказистые и некрасивые, но весьма сильные и выносливые в беге. Есть у них и верблюды, но мало. Обычная пища у татар вместо хлеба сушеная рыба. Они пекут также пироги из риса и ячменя на масле или на меду. Они едят различное мясо, но отдают предпочтение конине. Они пьют воду и молоко, считая конское самым лучшим. Что касается богослужения, то они мухаммедане на персидский лад.² Царь разрешает им иметь собственных князей, начальников и судей. Они не платят дани его величеству, а вместо того должны являться на службу по его требованию, на что они охотно соглашались по своим разбойничьим склонностям и поставляют несколько тысяч воинов.

ГЛАВА XIII

Подразделение казаков. Происхождение Стеньки. Причина восстания. Возникновение недовольства. Коварная жестокость Стеньки. Воевода Астрахани снаряжается против Стеньки. Стенька бежит со своими приверженцами и мирится с царем. Невероятные сокровища и драгоценные одежды казаков. Наружность и нрав Стеньки Разина. Встреча и разговор Я. Я. Стрейса со Стенькой. Держит наложницей персидскую княжну, собственноручно бросает ее в Волгу. Как и каким образом он наказывает за блуд.

Сентября 3 на наш корабль явилось много немецких офицеров, которые нас сердечно поздравили с прибытием и пригласили посетить их дома, где нас великолепно угощали. Незадолго до того, как мы сюда приехали, русский флот отправился против казаков, но прежде, чем я сообщу об этом, я хочу рассказать читателю о причине этого мощного и большого восстания, главой и зачинщиком которого был Стенька Разин, и немного описать казаков.

¹ Стрейс пишет „мирз“, правильно „мурз“. В современных русских памятниках писалось „мурз“.

² Мухаммедане делятся на две основные секты — суннитов и шиитов, „мухаммедане на персидский лад“ — шииты.

Их два рода: запорожские (Saporoksky) и донские (Donsky). Первые истари подвластны польской короне, живут на островах по Борисфену или Днепру, в Киевской области. В этой прославленной реке имеются подводные камни, образующие водоразделы, и более чем пятьдесят островов, которые на их языке называются порогами (собственно говоря, ступеньки). И оттого, что казаки (как уже сказано) живут на этих островах, их называют запорожскими или заступеньчатыми казаками. Их дело и служба состоят в том, чтобы закрывать доступ татарам и другим врагам в польское государство. Они называются казаками по той быстроте, с какой они переносятся с места на место, от славянского слова коза (Cosa).

Донские казаки—те, которые живут на знаменитой реке Танаис или Дон и находятся под властью великого царя. Это скорее добровольное, чем вынужденное подчинение, отчего они пользуются особыми замечательными правами, живут по своим законам и наводятся под управлением головы или начальника, которого сами выбирают. Они пользуются такой большой свободой, что когда к ним переходят холопы бояр или знатных людей, то владельцы не имеют на них дальнейших прав.

Из казаков происходит Стенька Разин, который (как мы уже упоминали) осмелился так дерзко восстать против царя Алексея Михайловича. Он сам объявил причину своего ослушания—месть за брата, погубленного боярином, князем Алексеевичем Долгоруким (Knees Jurie Alexewitz Dolgeroewsky) в 1665 г. Тот был в походе против поляков¹ с отрядом донских казаков, состоявших на царской службе. С наступлением осени, когда его верная служба в походе окончилась, он попросил у названного князя отпустить его со своим отрядом; но князь, которому нелегко было тогда отказаться от его службы, не дал на это согласия, после чего казаки, не получив отпуска, ушли домой по приказу брата Стеньки, на что полководец рассердился и отчас повелел схватить Разина как зачинщика и повесить. Это принято считать причиной его недовольства или, вернее, поводом к его варварским жестокостям. Но это неверно, что следует из того, что он выступает с оружием не только против царя, но и против шаха персидского, который не причинил ему ни вреда, ни несправедливости, так что настоящую причину и основание его жестокого и злонамеренного поведения приходится искать в нем самом. В 1667 г. начал он свои злодеяния на Волге захватывая и грабя различные богатые и большие суда, называемые насадами (Nassade), нагруженные добром, принадлежащим монастырям, духовенству, некоторым купцам из Ярославля (Jeroslaww), Вологды (Wollagda) и другим лицам. Отсюда он с бывшими при нем казаками отправился к городу Яику (Jaik),

¹ Русско-польская война при Алексее Михайловиче тянулась с 1654 по 1666 г.

овладел им и вышел в Каспийское море, и снова вернулся на Волгу и, разоряя рыбацьи поселки, опустошил местечки и деревни, нанеся жителям большой вред.¹ Затем он отправился в город Терки (Terky) и на границу Персии, где разбойничал и разорял подданных как шаха, так и царя.² Жители одного персидского городка, услышав о его появлении, переселились из своих домов на находившуюся поблизости гору, где считали себя в безопасности. Но он велел передать им, чтобы они его не боялись и без робости вернулись обратно, что он пришел не с тем, чтобы причинить насилие и быть им в тягость, но только для того, чтобы купить за деньги все необходимое. Горожане поверили его словам и спустились с горы в город, и каждый открыл свою лавку или мелочную торговлю. Стенька со своими казаками покупал всевозможные товары и хорошо расплачивался; но дал своим приверженцам указание, что когда он пройдет по рынку, надев на новый лад шапку, они могут напасть на бедных людей. Так и случилось, и все жители самым плачевным образом были лишены жизни.³ Таким образом и способом он хозяйничал во многих других местах, а также на индийской границе.

Астраханский воевода, князь Иван Семенович Прозоровский⁴ (Knees Ivan Simoniwits Prosorofsky), выступил с большими силами против Стеньки Разина, ибо уже наступило к тому время, и велел поспешно приготовить все суда, с которыми он отправил третье лицо в Астрахани, князя Семена Ивановича Львова (Knees Simeum Ivenowits Lebof), чтобы разыскать казаков и по возможности дать им бой. То войско состояло из 36 стругов, на которых было свыше 4000 человек.⁵ У казаков было 22 струга и 600 человек, которые засели на хорошо охраняемом ими острове Четыре Бугра (Satyry Boggere), близ устья Волги, у самого Каспийского моря, где они поставили на вершине холма

¹ В мае 1667 г. Разин остановился на Дону „выше Паншина городка меж Тишины и Ловлы рек... а в сборе де их было восемьсот человек и больше и еще де за ними после того воровские казаки мимо их Паншина городка проехали многие, а чаять де, их будет всех в сборе—человек с тысячу и больше“. Постав до конца мая, Разин переволок суда на Волгу и двинулся к Царицыну, освободив по дороге ссыльных, которых вез на струге из Москвы в Астрахань Кузьма Киристов. В Царицыне воевода беспрекословно выдал ему накопленную, меха и весь кузнечный прибор. Затем Разин прошел к Яицкому городку и тот „город взял обманом и государевых служилых людей рубил над ямой“ („Акты исторические“, т. IV, № 202, стр. 376 и 418).

² 23 марта 1668 г. Разин выступил на 24 стругах из Яицкого городка, забрав пушки, военные снаряды и припасы, и отправился сначала в Терки, а потом совершил набег на персидское побережье (А Попов, История возмущения, „Русская беседа“, 1857 г., кн. 5-я, стр. 76—81).

³ Этот случай относится к Ферабату (А. Попов, История возмущения, „Русская беседа“, 1857 г., кн. 5-я, стр. 84).

⁴ Иван Семенович Прозоровский был назначен воеводой в Астрахань в июле 1667 года.

⁵ В письме, с корабля „Орел“, помещенном в приложении к „Путешествию“ Стрейса говорится, что под командой князя Семена Ивановича Львова были „три тысячи русских более чем на 50 гребных судах“.

сторожку, чтобы наблюдать за берегами, Волгой и Каспийским морем. Они засели на острове так надежно, как только было возможно, ибо тот остров был скалой, заросшей со всех сторон камышом, и подступить к нему можно было лишь в одном месте. Едва только казаки заметили флот князя Семена, как обратились в бегство, и русские положили напрасные усилия, чтобы их догнать и изловить, поэтому они стали на другой путь и решили силой или обманом усмирить и истребить непокорных. Его царское величество прислало к господину Прозоровскому милостивую грамоту для Стеньки Разина, по которой последнему, ежели он тотчас покажет послушание царю, подвергнется перед ним и впредь будет ему служить как верный, поданный, обещано прощение и милость. Этот хитрый и продувной казак не рассчитывал на такой хороший исход, приняв предложение с охотой и радостью, ибо испытывал крайнюю нужду от голода и других недостатков, и он был бы вынужден сдаться без боя, положившись на гнев или милость, чтобы не умереть со своими приверженцами от голода или извести и погубить друг друга; ибо они испытывали такую нужду и недостаток, что ограбили персидскую барку, в которой посланник вез в дар его величеству несколько лошадей; лошадей зарезали и весьма бережливо поедали. В таком тяжком положении находились казаки, когда царская милость, прощение и благоволение спасли их из пасти смерти.¹

После того все они отправились в Астрахань и расположились на острове, на расстоянии примерно получаса от города. Они приезжали оттуда отрядами в город, и простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом. Некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда все во время беседы с ним становилось на колени и склонялось головою до земли, называя его не иначе, как батька (Batske) или отец, и конечно он был отцом многих безбожных детей. Я его несколько раз видел в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью. Казаки ежедневно приезжали в город и продавали там несказанно и невероятно дорогую добычу, собранную ими с 1667 до 1671 г. на Волге, в Каспийском море, от персов, русских и татар. Они продавали фунт шелку за три стейвера, и скупали его по большей части армяне и персы, составившие таким путем большие

¹ Казаки уклонялись от битвы с противником, значительно превосходящим их силами. Они были ослаблены сражениями с персами, изнурены зимней стоянкой и не имели достаточного количества съестных и военных припасов. Львов, безуспешно пытавшийся догнать казаков и очевидно не расположенный к тому, чтобы вступить с ними в открытый бой, прислал имевшуюся у него наготове „милостивую царскую грамоту“, которая и была принята находившимися в затруднительном положении казаками.

сокровища и богатства. Я купил у казака большую цепь, длиной в 1 клафт, состоящую из звеньев, как браслет, и между каждой долей было вплавлено пять драгоценных камней. За эту цепь я отдал не более 40 рублей, или 70 гульденов. Однажды наш капитан Бутлер велел мне и остальным матросам приготовить шлюпку и отвезти в лагерь Стеньки Разина. Он взял с собой две бутылки русской водки, которую по прибытии поднес Стеньке Разину и его тайному советнику, называемому обычно Чортов Ус, которые приняли ее охотно и с большой благодарностью, так как они и их приверженцы не видели и не пробовали водки с тех пор, как стояли на воде. Стенька сидел с Чортовым Усом и некоторыми другими в палатке и велел спросить, что мы за народ. Мы ответили ему, что мы немцы, состоящие на службе на корабле его царского величества, чтобы объехать Каспийское море, и прибыли приветствовать его светлость и милость и поднести две бутылки водки. После чего он сказал нам сесть и выпил за здоровье его царского величества. Каким лживым языком и с какой хитростью в сердце было это сказано, довольно известно из опыта. В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казачий лагерь, Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую недуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: „Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тыфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!“ Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя. В некоторых других вещах он придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд. Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги. Она прожила еще 24 часа, и голова ее стала вдвое толще. Не было заметно, чтобы она испытывала сильные мучения, ибо не слышали от нее крика, и она даже говорила разумные слова. Казаки сказали нам, что кроме набегов на суше они захватили много приморских городов.

в Персии, как Низабат (Nisabath), Шаберан (Scabaran), Мардов (Mardov). Такуз (Tachusi), расположенные неподалеку от высокой и всемирно известной горы Бармак (Barmach), отсюда они пошли на Астрабат (Astrabath) и Баку, взяли их врасплох и разграбили, изрубили все, что им попадалось под руки, сожгли дома и имущество. В Баку они нашли много хорошего вина, которое поделили между собой и начали весело пить, отчего большая часть их, непривычных к вину опьянела.

В то время у них было от 5000 до 6000 человек, способных носить оружие. Тем временем персы поспешно собрали войско и напали на пьяных и неосторожных с такой храбростью и силой, что перебили почти всех, кроме 400-500 человек, которые спаслись бегством на стругах. Стенька сам находился в крайней опасности и без сомнения попал бы живым в плен, если бы его телохранители не защитили его во-время и не нашли бы средств и пути, чтобы скрыться.¹

Это так их ослабило и приостановило приток пополнений, что у них долго не было достаточно войска и силы для совершения набега, ибо персы, равно как и казаки и дагестанские татары, расставили хорошую стражу на берегах и на горах, и разбойники были вынуждены обходиться одним морем. Но и там все были осведомлены и остерегались, так что разбойникам только изредка удавалось урвать что-нибудь на свою долю.

И так как они не видели для себя ничего доброго, то засели на острове Четыре Бугра, чтобы там дожидаться удобного случая.

ГЛАВА XIV

Стенька отступает. За ним следует много русских. Приказ вернуть их назад. Стенька смеется над ним. Он возвращается с большими силами. Наместник Астрахани посылает против него флот, который постыдно сдается. Офицеров убивают. Великий страх в Астрахани. Могущество Стеньки и почет ему. Его высокомерие и жестокость. Послов его персы отдали собакам. Камышин сдают предательским образом.

Получив прощение и свободу итти куда хочет, Стенька Разин вернулся со своей разбойничьей стаей на Дон в лучшем поло-

¹ Это известие Стрейса неверно. Казаки разгромив Ферабат и Астрабат „укрепились близ Ферабата на узкой косе, глубоко вдающейся в море. Ближайшая к берегу часть этой косы покрыта лесом, где казаки и начали строить городок... Персы, проведав про их намерение, напали на них в значительных силах, разбили и отняли почти всех пленных. Казаки сели в свои суда и отошли далее в море, к песчаной оконечности той же косы, отделенной от лесной ее части болотом. Здесь они провели зиму. Голод и болезни значительно уменьшили число казаков во время зимы на безводном острове, окруженном морем и болотом. У них не было наконец хлеба и они ели лошадей... Наконец в июне месяце 50 персидских судов с 3700 войска напали на них, казаки бились отчаянно, разбили персов, которых небольшая часть ушла только на трех стругах. Несмотря на победу, силы казаков однакоже истощались... Поэтому они решились пробраться на Дон, и в конце июля месяца двинулись к волжскому устью“ (А. Попов, История возмущения, „Русская беседа“, 1857 г., кн. 5-я, стр. 85).

жении и с большими силами, чем в то время, когда они были больные и распухшие от голода, жажды и соленой воды.¹ За казаками последовала часть русских, весьма преданных Стеньке, на что он одних склонил хорошим жалованьем, других деньгами и подарками. Когда он проходил по улицам Астрахани и видел следовавшую за ним большую толпу, то разбрасывал дукаты и другие золотые монеты, и такая щедрость или, вернее, хитрый обман привлекали к нему многих необузданных и глупых людей. Некоторые из них были даже на службе у его величества. Когда весть о том дошла до господина наместника Прозоровского, он тотчас послал полковника Ведероса (Vederos) к Разину и велел ему передать и приказать немедленно отослать в Астрахань слуг его величества, в случае же отказа он, Разин, снова упадет в немилость у царя и ему от того придется тяжелее и труднее, чем в прошлый раз, и может быть ему придется расплатиться за старые грехи ради новых. Полковник Ведерос прибыл к нему и выполнил все, что было приказано; но Разин не хотел ничего слышать об этом приказе, нетерпеливо перебил его недостойными речами и еще немного и он разрубил бы саблей голову несчастного посланника. Однако гнев и ярость его вылились в кощунствах, проклятиях и неистовстве, и он говорил: „Как смеют приносить мне такие нечестные требования? Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности? Меня еще понуждают к тому немилостью? Добро же, передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царем, что в скором времени явлюсь к ним предъявить свои требования, чтобы этот малодушный и трусливый человек, который теперь кичится и хвастается своей двойной властью, не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным и у меня больше силы, чем у него. Пусть стыд вьет ему глаза за то, что он меня встретил без малейших почестей как ничтожного человека“ и т. д. и еще много других упреков. Стоявший перед ним полковник все время боялся, что его зарубят. С таким ответом вернулся Ведерос, из чего можно заключить, что сей разбойник нарушит данное слово и вновь стал вооружаться, как это и случилось в скором времени, так что господин Прозоровский весьма дивился, не ведая, где он в столь короткое время собрал такую большую силу, ибо у него оказался флот из 80 новых судов, на каждом две пушки и множество войска. С ним он поплыл вниз по Волге, но не показывал тогда никакой вражды, и князь Прозоровский также не находил нужным напасть на него до прибытия большого флота, снаряженного его величеством. Флот наконец прибыл и состоял из 6 тыс. стрельцов на многочисленных стругах, нагруженных порохом, оружием, различным

¹ На Дону Разин укрепился на острове близ Кагальника. Все казаки, „одиноким голутвенным людям“ были „Степану Разину с товарищи пораздо рады“.

военным снаряжением и съестными припасами. Едва тот флот прибыл, Стенька ловко сумел под видом перебежчиков подослать своих самых хитрых и пронырливых советников, которым и удалось представить дела Стеньки такими приукрашенными и добрыми, что весь простой народ склонился к нему и перешел на его сторону. По такому наущению они напали на своих начальников, многим отрубили головы, других предали в руки разбойников вместе со всем флотом. Стенька, овладев без всякого боя такой большой силой, выдал каждому из них за два месяца жалование, пообещав впредь свободу грабить и убивать по их желанию, и прибавил: „За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны“. После этих слов каждый готов был идти за него на смерть и все крикнули в один голос: „Многая лета нашему батьке (Batske или отцу)! Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны!“

Это известие испугало господина Прозоровского, он опасался за Астрахань, ибо глупый народ начал роптать и высказывать похвалы разбойнику, и во всех городах той местности начались такие волнения и каждый миг приходилось со страхом ждать ужасного кровопролития. „Восстань, восстань, народ!—кричали даже стрельцы.—К чему нам служить без жалования и идти на смерть? Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за год, мы проданы и преданы“. Они кричали еще о многом, а начальство не смело их удерживать от этого иначе, как добрым словом и великими обещаниями.

Стенька разделил войско, которое усилилось примкнувшими русскими до 16 тыс. человек, и послал одну часть в Царицын, другую в Чернойор. Сам он остался с флотом и держал себя королем. Они повиновались его малейшему знаку и были ему верны, как если бы он был самым великим монархом в мире. Когда он напивался допьяна, что с ним часто случалось, то по малейшему поводу приказывал рубить головы в его присутствии и даже сам прикладывал к тому свои жаждущие крови руки, и такое несчастье постигало большею частью начальников, ибо простой народ всячески подмазывался к этому хитрому тирану, и они служили ему, чем могли, убивая одного начальника за другим. Когда ему только приходило на ум или когда на самом деле его офицеры обижали солдат и те заявляли об этом, ничто не могло спасти офицеров, и низших слушали, а высшие расплачивались. Благодаря этому сила его росла день ото дня и за пять дней его войско увеличилось от 16 тыс. до 27 тыс. человек подошедшими крестьянами и крепостными, а также татарами и казаками, которые стекались со всех сторон большими толпами и отрядами к этому милостивому и щедрому полководцу, а также ради свободного разбоя. Всюду говорили об убитых дворянах,

так что господа, одев дешевое платье, покидали жилища и бежали в Астрахань. Многие крестьяне и крепостные, чтобы доказать, кто они такие, приходили с головами своих владельцев в мешках, клали их к ногам этого главного плача который плевал на них и с презрением отшвыривал и оказывал тем хитрым героям почет вместе с похвалой и славой за их храбрость.

Когда дела Стеньки достигли такой высоты, он решил, что теперь ему море по колено, и возомнил, что он стал царем всей России и Татарии, хотя и не хотел носить титула говоря, что он не пришел властвовать, но со всеми вместе жить, как брат. А вместе с тем держал он себя по отношению к персидскому королю с таким высокомерием, как будто сам был царем, и отправил шаху послов с письмом, где сам себя величал выдуманными почетными именами, называя короля своим братом. Содержание письма и устный приказ, данный послам, имели целью склонить шаха на союз и купить у него за наличные деньги военное снаряжение и продовольствие; а ежели в том будет отказано, то он явится сам с 200 тыс. человек воинов и возьмет все даром, ибо за пот, пролитый его солдатами при походе в Персию, придется заплатить в тысячу раз больше кровью. После того как шах выслушав послов, он принял их так оскорбительно и с таким презрением, что велел без дальнейшего рассмотрения отрубить головы тем жалким и несчастным послам и бросить тела их собакам, а одного оставить в живых, чтобы поведал своему господину о смерти и поношении своих товарищей и передал ему также письмо, в котором шах извещал Стеньку, что на такого кабана вышлет охотников, дабы живьем отдать его собакам. Оставшийся в живых казак был счастлив, что избежал смерти и передал Стеньке данное ему поручение, но тот пришел от него в такое бешенство и безумие, что изрубил бедного и жалкого посла на куски и приказал бросить воронам.

Теперь он ждал к себе еще больше народа и лодок и, чтобы избавиться от трудов и усилий при перетаскивании их по суше, задумал взять врасплох город Камышинку, лежащий при устье реки Еруслана, откуда он без всякого труда мог переправиться с Дона на Волгу. Но так как тот город был хорошо укреплен и мог с легкостью защищаться, то он решил взять его хитростью и обманом. Он снарядил самых видных перешедших к нему русских солдат, отправил их туда как бы по приказу царя для того, чтобы охранять Камышинку от Стеньки. Среди них не было ни одного казака, чтобы все дело казалось правдоподобней. Таким образом отряд этот с радостью впустили в город. Войдя туда, они ночью заняли все ворота, входы и сторожевые посты и склонили гарнизон на свою сторону. Затем они схватили наместника, высшее начальство, зарубили их саблями и бросили в Волгу. После того выстрелом из пушки подали знак, что все сделано, на что Стенька тотчас же отправил туда несколько тысяч казаков, которые сменили русских.

ГЛАВА XV

Раздоры и волнения в Астрахани. Царицын занят казаками. Против них снаряжают флот. Казаки берут Чернояр. Русский флот сдается казакам. Упрямство и дерзость простонародья в Астрахани. Ум и мужество наместника. Совет обратиться в бегство приведен в исполнение.

Когда эта весть дошла до Астрахани, начались опасения и подозрения, не знали, кто друг и кто недруг и на кого можно было положиться, также слышно было здесь и там о разных мятежных сговорах, большею частью тайных. Поэтому наместник созвал на совет всех высоких господ, чтобы обсудить, что предпринять в таком запутанном и тяжелом положении, и наконец решили напасть на врага врасплох в его собственном лагере.

К этому готовились с большим старанием и заботой, также явилось много дворян, чтобы в качестве простых солдат оказать помощь в крайней беде, и конечно без них нельзя было ждать от солдат верности и послушания.

Затем 10 апреля по приказу господина Петровского (Petrofsky) был послан под команду господина начальника Леонтия Богданова (Levonti Bogdanof) отряд из восьмисот человек — из них четыреста русских всадников и четыреста ногайских татар — в город Царицын,¹ лежащий на расстоянии около восьмидесяти миль от Астрахани, с тем, чтобы доставить туда боевое снаряжение и съестные припасы и дать подкрепление людьми городу, который расположен в сторону реки Дона, или Танаиса, где находятся поселения казаков. В старину думали, что река эта впадает в Волгу, но мы сами убедились в том, что это не так. У казаков весьма плохие судна из выдолбленных стволов, которые они перевозят в течение одного дня по суше и спускают на Волгу, где, для того, чтобы сделать суда больше и устойчивее, они привязывают к ним с обеих сторон тяжелые балки.

28 апреля через пленного казака было получено от помянутого Богданова достоверное известие о том, что город Царицын взят казаками и что там убито и брошено в реку 1200 московских солдат. Эти погибшие незадолго до того были присланы в означенный город для его охраны. Тогда же узнали, что в татарских войсках возникли раздоры, и они стали убивать друг друга, после чего господин Леонтий Богданов отступил и отошел на Чернояр-город, лежащий в пятидесяти милях от Астрахани. Взятый в плен казак мучил таким ужасным образом, что самый жестокий и яростный русский сожалел о его муках. Когда его царское величество было уведомлено о поведении и тирании Стеньки Разина, то было от него повелено тотчас приготовить

¹ Очевидно Леонтий Плохово, которого воевода астраханский отправил с отрядом в восемьсот человек в Царицын (А. Попов, История возмущения, „Русская беседа“, М. 1857 г., кн. 6-я, стр. 26).

все суда, какие только можно достать, над чем работали день и ночь, и через несколько дней снарядили сорок. На каждом была чугунная пушка с необходимым боевым снаряжением при ней. На них было посажено 2600 русских и 500 астраханских солдат под командованием и начальством князя Симеона Ивановича Львова (Knees Simeun Ivanovit Lebof). Войско состояло из одного полка русских солдат, стоявшего в Астрахани, под командой поляка, однако, крещенного в русскую веру, по имени Иван Ружинский (Ivan Rusinsky); при нем старшим офицером был Якоб Виндронг (Jacob Windrong), шотландский дворянин. Немецкие офицеры были Пауль Рудольф (Paul Rudolff), капитан и фейерверкер, Роберт Гейт (Robbert Heut), английский капитан, и также лейтенант капитана Давида Бутлера Николай Шак, два немецких лейтенанта и два немецких прапорщика, крещенных в русскую веру. Другие были поляки и русские.

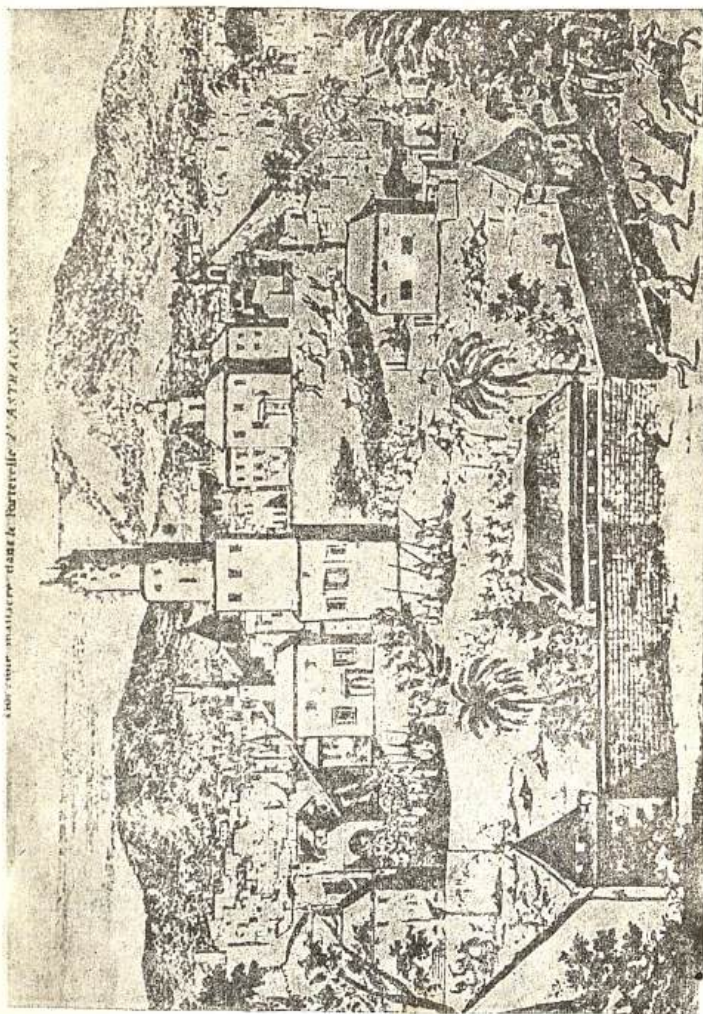
25 мая, в троицын день, помянутый флот вышел из Астрахани, и замученный до полусмерти казак был повешен при прощании на виду у всего флота. Тем временем долго скрытое пламя восстания разбросало во многих местах свои искры: раздавались бранные слова и безрассудные речи о наместнике, говорили ему и высшему начальству прямо в лицо все, что только приходило на ум. Было бы неблагоприятно затыкать рот насильно, и все только ждали возмращения и победы господина Симеона Ивановича, от которого каждый день надеялись получить весть о счастливой встрече с врагом. В то же время гарнизон города сильно уменьшился и ослаб, напротив простой народ возрос в числе и совсем обезумел. Но в то время, когда ожидали спасения и избавления от руки Симеона Ивановича, 4 июня было получено достоверное известие от одного бежавшего дворянина о том, что город Чернойр взят бунтовщиками - казаками в тот самый день, когда князь Львов подошел к нему, что наместник, дворянство, начальство и состоятельные люди перебиты и брошены в Волгу. Кроме того солдаты флота князя Львова позорным образом убили своих офицеров, объявили, что они за казаков и передали суда в руки Стеньки Разина, не иначе как заранее в том столковавшись. Невзирая на то, что они незадолго до прибытия в Чернойр поклялись в верности до гроба своему начальству, они все-таки изменили, одержимые каким-то злым духом. Можно легко себе представить, как понравилось это известие господину Прозоровскому. В то же время слух этот привел простой народ в такую гордость и неистовство, что он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял наместника и даже плевал в лицо начальству со словами: „Пусть только все повернется, и мы начнем“, и т. д. И я видел многих высоких господ, которые прежде не замечали этих людей, а теперь испуганно уходили со слезами на глазах.

Господин наместник не терял мужества и твердости и возлагал надежду на то, что с помощью дворян и немцев утомит мятеж-

ников длительной осадой и дождется подкреплений из Москвы. Он велел немецким канонирам проверить пушки и зарядить их, а также сделал необходимые распоряжения.

Мы ясно видели и замечали, что невозможно устоять против такой внешней силы при великом волнении и предательстве внутри, а кроме того многие нас предостерегали. Господин Прозоровский весьма охотно привлек бы нас всех к себе на службу в город; но так как мы были приняты на корабль и наше месячное жалованье прекратилось, мы охотнее сочли себя свободными с тем, чтобы, когда наступит нужда, мы могли бы спастись бегством, хорошо понимая, что разбойник сильно озлоблен против немцев, ибо они проявляли небольшую стойкость и наносили ему наибольший ущерб в битвах.

Тем временем со всех сторон доходили вести о том, что казаки приближаются, чтобы напасть на Астрахань, невзирая на то, что вал ее укреплен 460 пушками, против которых, смотря по внутреннему положению, не устоять и 1 млн. человек. Мятеж с каждым днем все усиливался, все ширился, раздавались угрозы, что с нас самих сдерут шкуру, так что мы, опасаясь, что это будет приведено в исполнение, не могли беспрепятственно пройти по улице. Взвесив положение в городе и ясно сознавая, что в Астрахани за нашу жизнь и имущество нельзя поручиться, наш капитан созвал нас в определенный час и сказал: „Люди, мы находимся здесь в темной разбойничьей яме, из которой, если еще будем мешкать, никогда не выберемся; сложите поэтому лучшие вещи в шлюпку, и мы отправимся с божьей помощью в Персию“. Далее он приказал, чтобы мы все, до того как закроют ворота, сели в лодку и никого не дожидались бы более четверти часа. Следуя его приказу, мы приготовились и снесли свои деньги и лучшие вещи в шлюпку или ладью. Имущество нашего капитана и чемодан Яна фан Термунде были также снесены в лодку и сданы на хранение рулевому Яну Альбертсу. Капитан приказал нам не брать с собой Корнелиуса Брака и Якоба Траппена с их женами ввиду опасного и неизвестного путешествия. Я почувствовал большую жалость к своему соседу Браку, потому что боялся, что их лишат жизни. Я сказал ему притти в лодку с женой и ребенком; они охотно отважились на это странствие; но Якоб Траппен не решился отправиться в путешествие с таким тяжким грузом, без денег и имущества. И вот мы, пятнадцать человек, с женщиной и ребенком, сидели в шлюпке и поджидали нашего капитана Яна фан Термунде и Христиана Бранда. Прошло много времени, ни капитан, ни остальные не приходили, и народ настаивал на том, чтобы отчалить; но наш шкипер Ламберт Якобс Гельт удерживал их, говоря, что он не берет на себя ответственности. Мы дождались, пока заперли ворота, все еще полагая, что они придут. Настала полночь, мы не могли дольше здесь оставаться, не зная, не скрылся ли капитан на каком-нибудь другом челне или другом судне и не попал

Взятие Астрахани Стенаном Разным

(По изображению, находящемуся в описании путешествия Я. Стрейса)

ли он в плен. Мы боялись также, чтобы нас не выдала жена Траппена, и многого другого. Мы все время рисковали своей головой, ибо, если бы русские догадались о нашем намерении, мы без сомнения погибли бы и мы не смогли бы так долго продержаться в этом положении, если бы наша шлюпка не стояла по ту сторону корабля, так что они ее не видели и меньше всего могли подумать, что мы отважились поехать в шлюпке по Каспийскому морю.

Если же они видели, как мы везли свое добро с берега, то могли подумать, что мы его отазили на большой корабль. Тут мы решили с божьей помощью и милостью пуститься в путешествие в Персию, через Каспийское море.

ГЛАВА XVI

Сбились с пути. Дошли до Учуга. Странный способ ловли белуги. Изобилие икры. Тяжкие заботы о том, как выйти в Каспийское море. Выход в море. Описание острова Четыре бугра. Высокий камыш по берегам. Ужасная непогода. Золотое дно моря. Встреча с татарской баркой. Описание города Терки. Начало черкесских татар. Внешность и особенности мужчин. Их пища и одежда. Приветливость женщин. Их одежда, игривость и благосклонность. Их диковинное идолопоклонство.

Июня 12 мы выехали и гребли всю ночь вниз по Волге по неверному рукаву. Мы видели кое-где хижины ногайских татар и не решались приблизиться к ним из опасения быть пойманными и проданными в рабство. В этой местности красивые и веселые берега, большею частью в лугах, где, как мы видели, паслись верблюды, дромадеры лошади, овцы и козы, ходившие по пояс в траве. Там же рос кустарник, среди которого мы видели диких кабанов с поросятами, и мы не знали, идем мы вперед или назад, переходили из одного неизвестного нам рукава в другой и так блуждали и мучились в тот день и в следующий. В то же время нас застигла жестокая непогода, и мы были вынуждены пристать к острову, поросшему тростником, и неподалеку было 14 или 15 других островов. Здесь мы пережидали бурю и затем направились к югу, пока не встретились с татарским челном и не доплыли до деревни, где нас спросили по-русски: „Куда мы едем?“ Мы отвечали: „К морю“. — „Так вы едете неверно, — отвечали они. — Это путь к крымским татарам“. И мы, не зная, куда нам повернуть и поехать, спросили их, не проведут ли они нас к морю. На что они охотно согласились после того, как мы пообещали им дукат, и сказали нам: „Если бы вы проехали немного дальше, вас тотчас же отдали бы в рабство в Крым (Срим)“. Мы тронулись в путь, полагаясь на добросовестность этого народа; но взяли для верности (ибо и самому лучшему татарину нельзя слишком доверять) одного из них

к себе в шлюпку и доехали до Учуга (Oetsioege), где ловят много белуг или осетров, из которых вынимают икру. Ловля рыбы происходит замечательным образом. Волга усажена во многих местах кольями, которые спереди широко расставлены и суживаются сзади. Попавшаяся в них рыба из-за своей длины не может ни повернуться, ни уйти, ибо они бывают от 20 до 26 футов длиной. Завидев это, русские приближаются, закалывают рыбу насмерть, и, вынув икру, иногда в 300, даже 400 фунтов, обычно выбрасывают рыбу, хотя иногда солят ее и отвозят в Москву, где она считается хорошим и лакомым блюдом. Помимо того, что икра рассылается по всему свету, русские употребляют ее во время своих постов вместо масла, и улов этой рыбы вызывает большую торговлю внутри и за пределами страны. Ловля этой рыбы производится при впадении реки Волги в Каспийское море. В один день можно наловить 200—300, а иногда даже 400 рыб, и рыбаки не успевают освободить одну загородку, как уже приходится приниматься за другую.

Дальше татары не хотели нас провожать, говоря: „Если бы наш народ узнал об этом, нам бы пришлось плохо, но коль скоро вы миновали Учуг, вам остается только держаться правой руки, там выход в море“. Тут они, довольные нами, попрощались, сказав: „Мы сомневаемся в том, что вам удастся пройти“, ибо они знали, что на этом пути поставлена застава. Это последнее известие не было для нас приятным, и мы были ошеломлены, но набрались отваги и решили, невзирая ни на что, храбро пробиться, даже если проход охраняется тремя сотнями людей, а в противном случае положить конец нашим мучениям. С таким намерением мы гребли изо всех сил. Помянутые заставы из кольев поставлены вдоль берегов и проехать на лодке можно только по узкому проходу. В конце выстроен деревянный больверк, на котором обычно стоит большая стража из русских солдат и охраняет этот проход. Но в это время к нашему великому счастью там не было никаких солдат, а только одинокие рыбаки из той местности. Потому мы беспрепятственно прошли мимо кольев и, найдя путь открытым и безопасным, вернулись обратно купить у рыбаков немного хлеба, которого у нас не доставало, так, что наша обычная ежедневная порция уже была уменьшена на два лота. Но мыничего не могли достать за деньги, кроме рыбы.

14 июня мы вышли к морю, где Волга разделяется на несколько рукавов и образует много островов, низменных и поросших камышом, кроме острова Четыре Бугра, покрытого высокими утесами. Там мы видели казачью хатку, выстроенную по приказу Стеньки Разина для наблюдения за морем. Когда дозорная стража замечала персидское или какое иное судно, она тотчас доносила разбойнику, который брал врасплох одно судно за другим, грабил, а людей бросал в реку. Оттуда и до Черкесских гор глубина была примерно 12 футов, но на том

самом месте мы не могли ее измерить. Мы прошли вдоль берега и видели на нем множество широконосов и больших птиц-пеликанов. Берег на протяжении примерно 70 миль зарос камышом, столь глубоким, как само море, так что в тех местах всегда можно найти защищенную гавань, тем более, что высокий камыш ослабляет силу ветра. Поэтому тот, кого настигает буря, прячется в камыши, бросая свой дрег (или корабельный якорь) в море, а когда утихнет буря, подымает его и продолжает путешествие. Раздались ужасные удары грома и засверкала молния; подул сильный ветер с юга на восток, а наш путь был на юго-запад, и пока мы повернулись спиной к ветру, двое мужчин все время стояли наготове, чтобы черпать набирающуюся воду, между тем ужасные удары грома и сверканье молнии продолжались до пяти часов утра. Тогда настал ясный и светлый день, и мы поплыли дальше при юго-восточном ветре на парусах, держа путь на юго-запад. Я попробовал здесь воду и нашел, что она сладкая и вполне пригодна для питья. Мы часто видели различных рыб, как-то: осетров, больших карпов, щук и других, а также сотни высывавшихся из воды тюленей. Мы нашли также, что солнце в этом месте стоит на $22^{\circ} 4'$ к югу.

15-го мы не видели земли, чему не приходилось удивляться, ибо мы пересекли залив Кизилар (Kieselarke), который врезается почти на сорок миль в сушу. В том заливе много островов с золотым песком, который ночью горит, как пламя. В силу этого сверкания остров называется Кизиларский Колтук (Kiselarsche Kolthoek), или Золотой луч. Я находил в воде большие изменения, что часто возбуждало у меня желание ее пробовать, она имела то вкус селитры, то немного спустя горький вкус серы, то опять пресный. По моему мнению, изменения происходили от разных свойств дна. Река Кизилар (Kisilar), приток реки Быстрой (Bustro), начинается на восемь миль выше Терков (Terky) и течет на протяжении 60 миль вдоль Волги. Здесь наши заботы и горе увеличились, с одной стороны, оттого, что наша шлюпка была до такой степени нагружена, что подымалась едва на фут над водой; с другой стороны, оттого, что у нас осталось не более шести или семи фунтов хлеба. Тем временем поднялся столь сильный ветер, что мы опасались, что наша шлюпка не доберется до земли. Кроме того к вечеру поднялась большая качка, и вода стала переливать через борт, так что мы всю ночь черпали и выкачивали ее, чтобы удержаться на поверхности. Некоторые из нас должны были работать не покладая рук, насколько хватало силы. К вечеру мы уже не видели земли, носились по морю, положившись на милость божию.

16-го мы шли с попутным ветром, что весьма ускорило наш ход, и к обеду мы уже увидели землю. Вскоре после того показалась барка дагестанских татар, за которой мы сразу погнались, но лодка причалила к берегу, и люди повыскакивали из нее через борт. Мы крикнули, что не причиним им зла, чтобы

они свободно, без всякого страха вернулись на свою барку. После этих слов они вернулись. Мы потребовали хлеба и услышали в ответ, что у них нет лишнего. Наконец они пожаловали нам шесть маленьких хлебов и сушеных груш и слив, что мы с благодарностью приняли. Барка была нагружена тюками шелка и направлялась в Астрахань; но когда они услышали, что, по нашему мнению, казаки взяли город и все в нем разграбили, то поблагодарили нас за доброе предостережение и поплыли обратно в Терки. Мы прибыли вместе с ними в город, бросили якорь, не зная, кому принадлежали Терки, казакам или нет. Мы намеревались запастись в Терках съестными припасами и благодарили случай за то, что мы так далеко зашли. Вскоре после того явилось десять или двенадцать солдат, но, увидав, что мы хорошо вооружены и стоим в добром порядке с оружием в руках, только спросили нас, откуда мы и что за народ. Мы ответили: „Немцы с корабля его величества в Астрахани, приехавшие для того, чтобы исследовать и измерить море“. — „Хорошо, — сказали они, — если вы те самые люди, то должны доложить о себе наместнику“, на что мы оправдывались поздним временем, с тем однако, что хотим явиться завтра с утра. С тем солдаты удалились, а мы, почувствовав, что пахнет тюрьмой, не преминули на рассвете следующего дня сняться с якоря и уйти, направив наш путь на юго-восток.

КОПИЯ С ПИСЬМА, ПИСАННОГО НА КОРАБЛЕ ЕГО
ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОД НАЗВАНИЕМ „ОРЕЛ“,
СТОЯВШЕМ НА ЯКОРЕ ПОД ГОРОДОМ АСТРАХАНЬЮ

24 сентября по старому стилю 1669 г.

28 мая мы отправились из Москвы на маленькой лодке по реке, называемой Ока, вниз до деревни Дединово (Dedenof), где нашли выстроенные там корабль и яхту. 6 июня мы отправились на этих судах и 7-го пришли в Нижний Новгород, где Ока впадает в Волгу. На реке Оке мы несколько раз садились на мель, но без вреда снимались с нее. Но в общем река довольно глубока, весьма населена, а по обоим берегам обсажена деревьями. Воевода или губернатор города Нижний Максим Иванович Нащокин (Maxim Ivanovitz Nachokin) любезно принял нашего капитана и командира его царского величества кораблей, присылал ежедневно в изобилии кушанья и напитки и после, как мы управились с парусами, что случилось 16-го, посещал нас несколько раз на нашем корабле. Он провожал нас при нашем отъезде и снабдил нашего капитана Давида Бутлера всеми необходимыми припасами.

1 июля, быстро продвигаясь вперед, мы достигли реки Казанки, лежащей приблизительно в одной миле от города Казани. Здесь мы причалили, бросив канаты и с большим трудом укрепив их на берегу; наш якорь пропал перед тем на Оке, застряв между корнями. В городе Казани воеводой был князь Юрий Петрович Трубецкой (Knees Iurien Petrovitz Troebieskoy), щедрый человек, несколько раз угощавший нашего капитана и снабдивший его при отъезде разными припасами и напитками: двумя овцами, тремя кусками сала и т.п. 16-го мы простились с Казанью и прошли мимо городка, называемого Камышинка (Camuschinka),

выстроенного за год перед тем по приказу и повелению его царского величества и обнесенного валом и шанцами по указаниям английского полковника Томаса Бейля. Этот городок расположен на реке Камышинке и построен для отражения донских разбойных казаков, которые по этой реке пробираются к Дону.

13 августа мы завидели Астрахань.

14 вечером мы прибыли в город и, став на якорь, дали салют одиннадцатью выстрелами из пушек и залпом из шестидесяти мушкетов. Мы уже давно слышали, что на реке Волге должны показаться казаки, но здесь узнали, что три тысячи русских более чем на 50 гребных судах под командой третьего правителя в Астрахани, князя Семена Ивановича Львова (Knees Cimeun Ivanovitz Lebof) преследуют их и что все время ждут известия об их успехе. Эти разбойные казаки уже в течение трех лет чинили большой вред и насилие на Каспийском море и год тому назад отняли у него царского величества город Яик, убили больше 8000 русских, многих повесили за ноги, в том числе и немецкого капитана, а также чинили другие злодеяния и жестокости. В Персии опустошили они три города и несколько тысяч людей умертвили, так что держали русских и персов в большом страхе. Их предводителя зовут Стенькой Разиным (Stenko Radzin), или Стефаном Разиным (Stephan Radzin). За 14 дней до нашего прибытия в Астрахань он захватил драгоценное персидское судно ценой в несколько тонн золота, на котором были прекрасные лошади, посланные шахом или королем Персии его царскому величеству в подарок.

17-го пришло известие (как раз в то время, когда воевода был на наших судах и их осматривал), что разбойные казаки предают себя во власть его царского величества. По приказу воеводы мы выстрелили из пушек, что, как кажется, ему весьма понравилось. Казаки уже вернули лошадей принадлежащих его величеству, прислав их начальнику русского войска.

19-го явились послами три знатных казака в драгоценных одеждах в город Астрахань; самый молодой из них говорил в моем присутствии. Воевода обещал им царское расположение и милость. Они пожелали, чтобы их предводитель был принят с почестями, на это воевода ответил, что он сам боярин, но куда бы ни прибывал на воеводское место, и то его никогда не встречали с почестями. Он пригласил их в свой дом, куда они и явились, но так как им, по их мнению, не скоро подали водку, то они начали ворчать. Они были прекрасно одеты, и шапки их были вышиты жемчугом.

21-го утром показался русский флот, состоящий из 52 или 53 длинных гребных судов, связанных и соединенных для большей крепости. Каждая такая банка имела пушку, а некоторые из них были снабжены двумя, с 40, а многие и 70 мушкетниками. Словом, они были полны людьми и расположились у высокого берега реки. Вскоре после полудня появился флот казаков,

состоящий из 23 парусов и тысячи человек; мы получили по приказу воеводы 200 москвитов на борт, которые в порядке под знаменами явились на корабль. Русский флот, подойдя к городу, дал салют из всех пушек, после чего мушкетники, которых было до 3000, дали залп. Вскоре казаки ответили из своих пушек и мушкетов, немного спустя русские второй раз дали салют, на что казаки также не остались в долгу. После салюта в городе был выкинут белый флаг, что было нам знаком, и мы выстрелили из 13 пушек и в то же время дали залп из 200 мушкетов; между тем наш шкипер упал за борт, но его тотчас же выловили. После нашего салюта русские выстрелили в третий раз и проплыли мимо нас, на что наш корабль в последний раз ответил своими 13 пушками и 200 мушкетами. Казаки стали на якорь в том месте, где раньше стояли русские.

22-го рано утром казаки поднялись по реке, так что мы потеряли их из виду, и было объявлено, чтобы никто с ними не торговал и не сходилась. В тот же день пришли несколько казаков в приказ (Perkaas) с множеством драгоценных камней и вещей. 23-го пришел в приказ их предводитель Стенька Разин, которого весьма приветствовали, и скоро после того направился к воеводе в дом, но отказывался от вина. Наш капитан в тот день был у воеводы в гостях; в разговоре наш капитан заметил, что было бы весьма желательно и разумно, чтобы Разин сдал свое оружие и знамя в город, с чем воевода согласился. Немного спустя пришло известие, что Стенька напился, на что воевода повелел с добрым словом выпроводить его из города; Стенька, когда бывает пьян, большой тиран и за короткий срок в таком виде лишил жизни трех или четырех человек: он приказал связать им руки над головой, насыпать в рубашку песку и так бросить в реку. Ему лет сорок; своими разбоями и бесчинством он довольно известен и внушает страх. Что еще должно произойти, покажет нам время. Русские говорят, что он перебил несколько тысяч войска его царского величества и больше чем 40000 у персиян; однажды он сам объявил, что перебил 8000 русских. И так как это свежее известие и вполне достоверное, то я уверенно пишу об этом. Теперешний воевода Иван Семенович Прозоровский (Ivan Semeunowitz Prosorofsky) первое лицо; его брат, именуемый князем Михайло (Knees Nacheyle),—второе лицо; третье лицо—Семен Иванович Львов (Simeun Ivanof Lebof), командует русским войском.

**КОПИЯ С ПИСЬМА, ПИСАННОГО В ИСПАГАНИ
6 МАРТА 1671 Г., С ОПИСАНИЕМ ВЗЯТИЯ АСТРАХАНИ**

Шкипер Давид Бутлер, называвший себя капитаном, вместе с Яном Стрейсом путешествовали по „Московии“.

Бутлер и Стрейс прошли все Московское государство от Новгорода до Астрахани. Из Астрахани они бежали от казаков на шлюпке по Каспийскому морю. В Дагестане они попали в плен. В 1671 г. вернулись на родину.

Копия с писем Д. Бутлера взяты из книги Я. Я. Стрейса „Три путешествия“— изд. СОЦЭКГИЗ^а, 1935 год.

Чтобы сообщить вкратце обо всем, начну с того, что 1 марта 1670 г. был получен приказ из Москвы от его царского величества, чтобы все моряки отправились в Москву, чему мы нисколько не огорчились. Я сказал господину, что хочу согласно приказу отправиться в Москву; тогда он повелел снабдить корабль необходимым военным снаряжением и съестными припасами, а также приготовить удобное судно, которое можно было бы в крайнем случае пустить против казаков, что и произошло, и мы были заняты этим до апреля, и судно было спущено на воду в том же месяце: то была большая лодка с восемью пушками и 26 веслами на каждой стороне, весьма удобное судно для Астрахани. Но если надо правдиво и вкратце рассказать о взятии Астрахани и поведать, каким образом все произошло, то эти все события (боже милосердный!) произошли следующим образом. Разбойник и предводитель был Стенька Разин, и в марте пришло известие, что казаки восстали.

10 апреля по приказу господина губернатора было собрано под командой господина гофмейстера Леонтия Богданова (Levont Boogdanof) 800 человек, из них 400 русских всадников и 400 ногайских татар, и они выступили по направлению к городу Царицыну, лежащему приблизительно в 80 милях от Астрахани. Этот город лежит невдалеке от реки Дона или Танаиса, местности, где издавна живут казаки. Река не впадает в Волгу, как полагают некоторые, но казаки тащат до Волги свои суда, которые сделаны из выдолбленного дерева, целый день по суше. После того как они их доставляют туда, они привязывают для устойчивости на обе стороны тяжелые балки. Казаки говорят по-русски и исповедуют ту же веру, и великий князь предоставил им в их краях такую свободу (как в Голландии Кейленбург и Вианен), что там терпят и не стесняют плутов и воров, бежавших из России.

С 27-го по 28-е мы получили с пленным казаком известие от упомянутого Богданова, что бунтовщики заняли город Царицын (Tzanitz) и 1200 московских солдат большей частью перебито или утоплено. Слишком долго рассказывать, каким путем и какой хитростью был взят врасплох этот город. Означенные 1200 человек незадолго до этого были присланы из Москвы в гарнизон этого города. Вместе с тем мы узнали также, что среди луговых татар начались раздоры, и они убивали друг друга как благородных, так и простых. Получив это известие, Богданов отступил и отошел в город Чернояр, лежащий приблизительно в пятидесяти милях от Астрахани. Пленного казака подвергли пыткам и до того замучили, что он у всех вызывал сострадание. В Астрахани тем временем было снаряжено и приведено в порядок судно, над окончанием которого работали день и ночь. На нем должен был один из трех главных господ повести в город полк русских солдат к Богданову с тем, чтобы подкрепить войско. Тот полк был в астраханском гарнизоне под начальством Ивана Ружинского, польского дворянина, крещенного в русскую веру; старшим лейтенантом полка был Яков Виндронг, шотландский дворянин, рожденный в Эдинбурге, весьма набожный человек в возрасте 33 лет; он вместе с 500 солдатами был откомандирован от полка, и ему было приказано быть наготове и выступить вместе с господином. Немецкие офицеры были: Пауль Рудольф, капитан и фейерверкер, со своим пасынком юношей Людовиком Фабрициусом, еще один английский капитан по имени Роберт Гейн, мой лейтенант Николас Шак, произведенный в полковники, и еще два немецких лейтенанта, крещенных в русскую веру, и два или три прапорщика; остальные офицеры были поляки и русские. Начальство вместе с князем Семеном Ивановичем Львовым (Lebof) выехало в Троицын понедельник 25 мая на сорока русских судах, снаряженных 50 полевыми орудиями, вместе с надлежащей амуницией и примерно 2600 солдат. Прочие кроме 500 человек были большей частью астраханскими солдатами, которых разделили и везли отдельно.

В тот же день на виду у всей армии повесили подвергнутого пыткам казака. Между тем жители Астрахани стали безбоязненно роптать и вели одни только бунтовские и мятежные речи против губернатора, что было недобрым знаком. В ту пору в город прибыл немецкий хирург, бывший в Персии, с послом великого князя, у которого я купил некоторые шелковые ткани или материи и 480 штук турецкой кожи и тотчас же расплатился наличными. В городе между тем все сильнее подымался ропот, и он увеличивался со дня на день.

4 июня прибыл дворянин из города Чернояра с весьма плохим известием; именно, что в тот день, когда князь Семен Иванович прибыл со своими людьми, показались казаки, и русские войска тотчас же возмутились и объявили о переходе на сторону

казаков, и этот дворянин с большим трудом избежал петли. От него мы узнали также, что все благонамеренные и верные офицеры были позорно умерщвлены ослушниками. Это неожиданное известие нагнало не малый страх на город. Меня тотчас же вызвали к губернатору, который спросил меня, умеют ли наши моряки управлять орудиями, приказав немедленно поставить пушки на валу вокруг всего города, чтобы все необходимое для обороны было в исправности, что не замедлили привести в исполнение.

В четверг 5 июня мы, немцы, сошли с корабля и по приказу господина губернатора привезли свои пожитки и добро в крепость, где наш пушкарь заряжал различные пушки. Волнение в городе все время росло, и казалось, что жители собирались восстать. Помынутый хирург прожил более 14 лет с русскими и уверял меня, что если так будет продолжаться, то русские наверное предадут город, и мы все как чужеземцы будем перебиты; и так как нам отказано в жаловании и у нас нет никаких обязанностей, кроме службы на корабле, то для нас будет лучше, если мы спасемся бегством в Персию. Я уже заранее велел нашим матросам закупить необходимые припасы муки и дров, чем я запасаю на полтора года, ожидая, что последует осада. После этого предостережения хирурга я созвал подчиненных мне офицеров, и мы, все тщательно взвесив и обсудив, единогласно решили, что лучше всего будет пуститься в бегство, принимая во внимание, что, не получая жалования, мы были освобождены от государственной корабельной службы. Они охотно согласились бросить все и ничего не брать с собой кроме одежды; так как у меня было очень много добра и одежды, то они пожелали уложить мой большой сундук, маленький чемодан и два небольших ящика, на что я дал согласие. Кроме того каждый должен был взять с собой в мешке запас хлеба, и никто не должен был остаться кроме двух матросов с женами, а у каждой маленький ребенок. В пятницу после обеда мое лучшее имущество было отправлено на корабль, ибо вечером мы рассчитывали удрать, о чем узнали помянутые женщины и хотели отправиться вместе с нами. После того как я хорошо взвесил всю опасность этого нелегкого предприятия, когда шлюпка длиной всего в 26 футов выйдет с 23 матросами в неизвестное море, то стал думать, что от этого опасность только увеличивалась и нас может постигнуть еще большее несчастье. Со мной был матрос по имени Карстен Брант (Karsten Brant), наш пушкарь; вместе с ним я решил остаться, считая, что лучше дожидаться исхода в городе и в случае нужды биться до смерти, нежели отважиться на ненадежный и весьма опасный побег. Я дал знать о том шкиперу и хирургу, которые разделяли мое мнение, и тотчас же послал одного матроса объявить мое решение штурману, находившемуся вместе с остальными моряками на корабле, где стояла и шлюпка; но он нашел ворота запертыми раньше обыч-

ного, вследствие чего я ни с кем не мог переговорить. Я испугался при мысли, что они уйдут без моего ведома и покинут нас; но наш шкипер и два матроса, один из них с женой, снова успокоили меня, уверяя, что у остальных нехватит смелости отплыть без меня и без моего ведома. В тот же вечер я обошел с наместником валы крепости, которые всюду были обложены штурмовыми брусьями и кучами камней на случай нападения.

В субботу 7 июня я снова послал на корабль матроса с приказом, а так как он долго не возвращался, то отправился туда сам вместе с хирургом и обнаружил, что матросы убежали на шлюпке. Шкипер и остальные были этим весьма ошеломлены, но я не подал виду и сказал им, чтобы они успокоились, я тотчас сообщу наместнику об отъезде моряков и приведу причину их побега. Толмач, услугами которого я пользовался, также уехал с ними, так что мне пришлось прибегнуть к помощи хирурга. Господин губернатор повидимому не принял этого известия близко к сердцу, тем более, что я его уверил в том, что наши матросы не примкнули к казакам.

В тот же день отправили в Москву гонцом дворянина, который привез известие о восстании и измене русских у Царицына. Дворянин этот ранее бывал на моем корабле, когда я проезжал по Волге от Казани до Астрахани, его имя Данила Турлекуев (Danile Tourlekojof), потому он мне втайне открыл, что мятежники обошлись с русскими начальниками и офицерами крайне жестоко и бесчеловечно и что вся страна и даже самый город Астрахань уже наполовину преданы и проданы, после этого он замолчал и попрощался со мною.

9 июня я получил приказ от губернатора осмотреть укрепления города. На другой стороне города это должен был сделать английский полковник, который прибыл из Терки, каковой город он снабдил и укрепил новыми валами и крепостными сооружениями; город лежит в черкасской земле, приблизительно в двух милях от Каспийского моря; старый город и замок были построены и укреплены, согласно описанию Адама Олеария (Adam Olearius), голландцем Корнелиусом Клаасом (Cornelis Klaasz). Полковник должен был смотреть за одной половиной крепости, я за другой, чтобы солдаты были укрыты и могли свободно стоять. Губернатор попросил у меня и у полковника совета, что можно сделать для лучшего укрепления города. На что полковник ответил, что было бы хорошо и полезно наложить несколько шанцев за городом. Я с своей стороны счел необходимым объявить публично, что великий князь оказывает милость и берет под свою защиту всех тех, кто до того был на стороне казаков, если они уйдут от мятежников. Кроме того, надо было переманить в городе на свою сторону деньгами или обещаниями мятежный народ, но моему совету не придали значения и отклонили его.

Тем временем пришлось повсюду расставить бдительную стражу, солдаты оставались целую ночь на стенах, чтобы встретить угрожающее нападение или осаду и быть готовыми к обороне; к каждой бойнице было поставлено по два человека.

Персы, калмыцкие и черкесские татары под командой персидского посла, отправлявшегося в Москву, и здесь выступившего в качестве полковника, маршировали каждый день в добром порядке вокруг валов, подбадривали солдат танцами, пением, литаврами и дудками. Их местопребыванием была Poet Nietze Basna, или больверк, в котором пытали злодеев.

В воскресенье 15 июня я обедал у наместника. После обеда он поднес мне желтый атласный кафтан, две пары штанов и две рубахи и милостиво пригласил меня пользоваться его столом ежедневно и пообещал меня щедро вознаградить за хороший присмотр за сотней людей, находящихся под моим начальством. Я не упустил также ни одной ночи, чтобы не сделать один или два обхода и не проверить часовых.

В следующий четверг, 19-го, в город пришло известие, что приближается большое войско казаков. Это можно было заметить уже потому, что множество рыбаков и луговых татар бежало в город. В то же время по городу пронесся ложный слух, будто бежавшие матросы зарядили пушки на валах без ядер, одними пыжами; другие говорили, что они положили сначала пыж, затем порох, а потом уже ядро. Губернатор, или наместник, потребовал меня к себе, и мы удостоверились, разрядив в его присутствии пушки, что этот ложный слух посеяли в народе предатели. В тот вечер наш шкипер принял смешное участие в защите города: ему было приказано сторожить Вознесенские ворота (Wolnofentske), где расположился брат губернатора, Михаил Семенович Прозоровский. Помянутый шкипер попросил у меня на этот случай серебряную шпагу с условием заплатить за нее, если она пропадет, что меня вполне удовлетворило.

В пятницу 20 июня губернатор произвел меня в подполковники его полка, где помянутый Яков Виндронг числился или занимал место, которое я согласился на время заступить, но не был тем особенно польщен. Полковник, узнав о том, казалось, не был доволен и заметил в присутствии губернатора, что теперь для этого не время, ибо он полагал, что я себе выпросил это место. Однако его вскоре подробнее осведомили обо мне, и он пожелал сам представить меня полку и ввести в должность, отчего я вежливо отказался. На другой день мне отвели постоянное место в той части на татарской стороне, где стоял полковник и где крепость была всего слабее.

В воскресенье 22-го июня близ города показались казаки, и вперед вышли для переговоров казак и русский поп. У посланного также было немецкое письмо ко мне, где мне советовали, если я хочу остаться в живых, не оказывать со своими людьми никакого сопротивления. Господин губернатор

разорвал это письмо, прежде чем я его успел как следует прочесть, велел посыльному заткнуть глотку, чтобы он не мог говорить с простым народом, после чего они были тотчас же обезглавлены.

В понедельник казачьи войска приблизились к городу примерно на 300 больших и мелких судах, зашли в рукав у виноградников на расстоянии приблизительно получаса от городских валов. В связи с их прибытием наши сожгли весь татарский квартал. Я стоял рядом с господином губернатором на крыше его дома и, увидав множество небольших лодок на реке около города, сказал губернатору, что этого не должно быть, хотя бы то были только рыбаки, они все же могут передавать известия врагам, на что губернатор, тщательно осмотрев все, послал войска перестрелять и разнести в щепки эти лодки, что и было сделано. В тот же день персидские и черкесские отряды привели в город четырех пленных казаков, которых пытали в моем присутствии; двоих тотчас же повесили, а двум другим отрубили головы.

Во вторник полковник снова хотел утвердить меня в подполковниках перед солдатами, на что у меня было мало желания, и я опять отказался. От Ивана Туркина (Ivan Turkin), приказчика великого князя, получили мы в дар бочонок доброго пива и несколько фунтов табаку, что мы роздали солдатам, чтобы придать им бодрости. В начале этой ночи я обошел городские валы вместе с хирургом и еще одним человеком и в полночь лег у себя на посту, чтобы немного отдохнуть, но был вскоре разбужен, так как казаки приближались и в третьем часу ночи начали первый штурм у Вознесенских ворот, где стоял на страже наш шкипер с братом губернатора. Мы видели, как нам казалось, эскадрон казаков, по ним я открыл хороший огонь из нашей 12-фунтовой пушки. Тем временем началась стрельба с обеих сторон. Вскоре после того ко мне пришел английский полковник Томас Бейли (Thomas Bailly) и большинство немецких офицеров, сообщивших нам, что город предан. Щека полковника была проколота пикой и он был ранен в ногу, его не могли смертельно ранить, так как на нем были хорошие латы. Эти раны нанесли полковнику наши государевы солдаты, когда он их убеждал отступить от казаков как от мятежников и верно защищать город, на что ему ответили, чтобы он заткнул свою глотку. Я убеждал его, так как здесь почти нет ни возможности, ни времени лечить его раны и может быть солдаты после дальнейших увещаний других офицеров откажутся от своего предательства, вернуться на свое место, что он и сделал, но новая измена была хуже первой, ибо вскоре все они были убиты своими подчиненными, как я видел своими собственными глазами: немецкий офицер Ян Ведерос (Jan Wederos) был пойман своим слугой, связан и предан ужасной смерти. При виде этого хирург, стоявший около меня, хотел сброситься

со стены, чтобы таким образом уйти от рук убийц, но я удержал его, сказав, что внизу под башней есть бойница, весьма удобная для нашего бегства, и что если мы будем медлить, то нас всех перебьют наши собственные солдаты. Я приказал следовать за мной хирургу, его слуге (поляку) и двум матросам—Карстену Бранду и Якову Траппену. Внизу, войдя в башню, мы нашли двух часовых, которым я сказал, чтобы они нас выпустили. Эти приятели дали нам пролезть, ничего не зная о предательстве. Первым прошел хирург, я за ним, но обоих матросов и слугу мы не увидели. Нам пришлось перейти городской ров, по горло в воде, чтобы пройти к сожженному татарскому кварталу, где было безопаснее всего. С городского вала отчаянно стреляли нам вслед из мушкетов, однако без всяких последствий; было это в три часа утра. Моим единственным оружием был пистолет, а у хирурга ружье с нарезным стволом и пистолет. Я пошел вперед; мы встретили двух мужчин, которых приняли за казаков, отчего хирург весьма испугался, выстрелил в них из пистолета и, сделав выстрел, пустился бежать от меня и бросился в отчаянии в реку; но я не заметил, что он сам кинулся в воду. Я между тем обнаружил, что те люди также бежали из города, и крикнул хирургу, чтобы он подошел поближе, что это добрые люди, но не услышал ответа. Я побежал за ним и нашел его после долгих поисков наполовину мертвым в воде, откуда я его с большим трудом спас. Когда он пришел в себя, мы пошли дальше и нашли на реке небольшую лодку со спящим в ней человеком, которого заставили нас перевезти. Мы вошли в лодку все пять человек, в том числе двое помянутых русских, и гребли по течению примерно до девяти часов утра. Мы слышали отсюда сильную перестрелку в городе и пришли на лодке к десяти часам утра в рыбацкий поселок, называемый Троицын учуг (Trosilzen Oestjoeg), где рассказали рыбакам все, что случилось в Астрахани. Мы хотели поехать дальше, но русские отказались пойти с нами и остались здесь. Я сказал хирургу, что здесь мы не в безопасности и легко можем попасть в руки казаков и было бы лучше, если бы мы вышли на лодке в море и положились на волю всемогущего бога, нежели попали в руки предателей.

Этими и подобными словами я наконец склонил хирурга к тому, что он согласился плыть к морю. Тогда у меня еще было при себе 35 гульденов или семь рублей наличными; мы купили палатку, шест и веху для измерения глубины и большой каравай хлеба в 10 фунтов и гребли вдвоем, уповая на бога, двигаясь вниз по реке.

Через два часа после этого встретилась нам рыбацья лодка и в ней трое, которым мы поведали о предательстве и ужасных убийствах в Астрахани. Они сказали нам много хорошего и обещали помочь во всем, взяв нас с собой в свой рыбацкий поселок Иванов Учуг (Ivanowa Oestjoeg), где мы, прибыв туда,

нашли русского полковника и двух капитанов с 46 стрельцами, или солдатами. Полковника звали Максим Лопатин (Maxim Lopatin), он направлялся из города Терки в Астрахань со всеми находящимися при нем людьми, ничего не зная о восстании казаков, что они напали врасплох и заняли город. Он решил с двумя капитанами вернуться в Терки, попрощался с солдатами и велел перенести свое добро в нашу лодку. Нас опять было пять человек, и мы гребли с такой силой, что в тот же вечер вошли в Каспийское море, все время держась берега. Немного спустя мы заметили лодку, которая следовала за нами; мы приложили все усилия, чтобы уйти, но нас все-таки нагнали. Тогда один из русских капитанов бросился в воду, чтобы утопиться, но ему сохранили жизнь. Единственным оружием, какое мы имели при себе, был мой пистолет; хирург потерял свое оружие и пистолет, когда бросился в воду. На судне были солдаты полковника с помянутыми рыбаками, которые, после того как мы попрощались с ними, перешли на сторону казаков и теперь взяли нас в плен. Они ограбили нас, отняв все до последней рубашки, связали и отвели обратно в рыбацкий поселок, где полковнику разрешили провести всю ночь в церкви и молиться, а к нам приставили стражу.

В четверг 25 июня вновь испеченные казаки снарядились, чтобы отправиться с нами в Астрахань, что и было сделано, и после полудня мы увидели Астрахань. Разбойники сошли на берег и разделили добычу, взятую у нас. Я тем временем дал понять хирургу, что нам представляется хороший случай с ними разделаться, ибо мы не были связаны, а лодку удерживало наполовину воткнутое в землю копьё, и я легко мог бы справиться с нею. Хирург открыл полковнику наше намерение и спросил, не присоединится ли он к нам. Но мы не на того напали, так как этот дурак хотел заслужить милость казаков и дал им знать о нашем намерении и предложении и предостерег их, после чего, опасаясь наших замыслов, к нам приставили стражу. Я сказал хирургу, что так как наше предприятие не удалось, то я хочу спастись из их когтей бегством, пробежать немного по острову, переплыть реку и отправиться к татарам. Я привел это в исполнение, но вскоре за мной погнались, и охотникам не удалось бы меня поймать, если бы я не задержался, оттого что поскользнулся и упал. Тем не менее я бросился в воду, чтобы уплыть, но жестоко обманулся, ибо река здесь была весьма не глубокая, мелкая; меня поймали и немилосердно избili до синяков, так что все мое тело было истерзано. Потом они так крепко связали меня, что руки мои почернели от крови, бросили в лодку и тотчас же повезли нас в город. По дороге хирург договорился с ними, что если они нас оставят в живых, то я заплачу выкуп в 100 рублей, т. е. 500 гульденов, а хирург 70 рублей, т. е. 350 гульденов. Они сказали, что за эти деньги сделают все возможное. К вечеру мы прибыли в Астрахань и нас тотчас же

отвели как пленных к казачему генералу. Я был почти гол, на мне ничего не было кроме старых кожаных дырявых штанов, а ноги были босы. Предводитель сидел на улице, по-турецки скрестив ноги, как портные в Голландии и других местах, перед домом митрополита, или русского епископа, пил водку и был сильно пьян. Он спросил хирурга, кто он такой, на что хирург ответил ему. Он даровал ему жизнь и приказал перевязать раненых. Затем он спросил, кто я такой. Хирург ответил что я его товарищ. Он спросил еще, что я умею делать. На что я ничего не ответил. Хирург ушел и оставил меня одного. После опроса русского полковника при мне сбросили живого с высокой башни, называемой Раскат (Rooscat). С этой башни также сбросили живым воеводу, или губернатора, после многих пыток и мучений. Этого господина звали Иван Семенович Прозоровский. Его младший подъячий и другие начальники или офицеры, большие и малые, были перебиты или сброшены в воду.

В это время было произведено много нечеловеческих жестокостей, но бог дал мне львиное сердце. Предводитель, видя мою неустрашимость, велел дать мне водки; я выпил две большие чарки и по его приказу был отведен в лагерь. Что случилось с двумя русскими капитанами, осталось мне неизвестным. Когда меня пленного вели в лагерь и сажали в лодку, стоявшую неподалеку от судна предводителя казаков, где была раскинута палатка, меня узнал проходивший мимо русский солдат, который тут же не замедлил рассказать вдове помянутого подполковника или шотландского дворянина, который командовал 500 воинов, что меня видел и что я еще жив. Я уже сообщал, что среди немецких офицеров, прикомандированных к подполковнику, были Пауль Рудольф и его пасынок Людовик Фабрициус. Этот юноша Фабрициус остался жив; как это произошло, слишком долго рассказывать: его принудили перейти на сторону казаков, так как он хорошо владел русским языком. Услышав, что я еще жив, юноша пришел ко мне в лодку, чтобы навестить меня. В это время многих убивали и бросали в воду. Я пробыл на той лодке в плену до пятницы 27 июня и каждую минуту ждал, что наступит моя очередь. Они бросили меня пленного в башню, где меня подвергли пыткам и связали самым нечеловеческим образом, так что все мои члены омертвели. Сперва связали мои руки, их заложили за спину, после чего так крепко привязали к ногам, что было невыносимо. Так я лежал и провел целый день во вздохах и стенаниях. Хирург и помянутый юноша Фабрициус посетили меня; я попросил их, чтобы они добивались моей смерти и донесли предводителю о моем ужасном положении, но они отсоветовали мне это. Я просил их именем Христа вымолить мою смерть и объявить предводителю, почему я стремлюсь к ней. У казаков был приказ: тот, кто просит за пленного, сам подлежит смерти; на это вызвался

пойти юноша Людовик Фабрициус. Он решил спросить предводителя, какой смерти я буду предан; на этом он со мною попрощался. Той же ночью меня подвергли нечеловеческим пыткам и мучениям казаки с Украины, называемые *Gogelatse*. Я находился там вместе с жабами и другими гадами, которые бегали по моей голове и телу; они кишели во множестве в этой тюрьме. Всю ночь я зывал со слезами к спасителю и так варварски связанный проводил время, приготавлиаясь к смерти, которой я ничуть не боялся, но поистине даже тысячу раз призывал. Чаще всего я думал что они подвергнут меня страшным пыткам, замучают и наконец повесят за ноги, чем мне часто угрожали.

В субботу 28 июня пришли ко мне помянутый Фабрициус и хирург с приказом явиться к казачьему предводителю. Меня тут же развязали и привели к нему. Обменявшись несколькими словами, он сказал, чтобы я пошел домой вместе с Фабрициусом. Я пробыл в том доме с воскресенья до четверга, в то время совершались большие жестокости, причем несчастных подвешивали за ноги и рубили им руки и ноги.

В четверг 3 июля меня снова схватили и отвели к воде и я полагал только, что теперь придется умереть. Казаки сказали мне, что если я хочу получить свободу, то должен заплатить 100 рублей — обещанный хирургом выкуп, после чего Фабрициус меня выкупил, а так как он был казаком по нужде и должен был заплатить собственными деньгами, то обещал им передать свою часть, что было христианским поступком. Без этого выкупа я без сомнения должен был умереть, потому считаю своим долгом уплатить помянутому Фабрициусу 500 гульденов, которыми он откупил меня от смерти.

В воскресенье меня потребовали к полковнику, который находился в царском погребе, где я встретил трех казаков, одетых в мое платье и держащих мои инструменты. Казачий полковник часто пил за мое здоровье, а так как он сильно опьянел и я боялся его буйного нрава, то незаметно ушел от него.

В это время произошло много замечательного, о чем долго рассказывать. Я оставался у казаков до среды 9-го числа и не слышал и не видел ничего иного, только ежедневные зверства и нечеловеческие жестокости над многими невинными людьми. В тот день секретарь по имени Алексей Алексеевич (Alexe Alexewitz) и сын Гилянского (Gilaan) хана были подвешены живьем за ребра на рыболовных крюках и два сына воеводы были повешены за ноги к стене. Обоих детей звали Борис, один шестнадцати лет, другой семи или восьми. На следующий день, в четверг 10-го числа, бедные дети были еще живы и младшего после долгих просьб отвязали, а старшего по приказу предводителя сбросили с той же самой башни, откуда был сброшен его отец. Между тем я узнал, что еще жив один из моих матросов по имени Кар-

стен Брант, о котором я полагал, что во время штурма и восстания в городе его без сомнения убили, как всех остальных немцев, но так как он походил лицом на перса, то казаки и сочли его за такового, ибо большая часть персов была оставлена в живых по неизвестной мне причине.

20 июля казачий генерал вышел из Астрахани с большим числом лодок и около 1200 человек, оставив в городе гарнизон по 20 человек от каждой сотни. Над ними поставил двух начальников: одного старого казака Василия Родионова Wassieje Rodionof), родом с Дона, другого крещенного в русскую веру, его звали Ивановичем (Ivanowitz).

2 августа в городе все еще происходили ужасные убийства, что вошло в обычай, убивали один день больше, другой день меньше и так умертвили 150 человек, тираны орошали кровью их невинные лица. Тогда я выкопал себе в земле яму, чтобы можно было скрыться на время нужды; в нее я часто прятался, так как каждый день слышал только о жестокой тирании, а вздохи, плачь и стенания старых и молодых людей могли бы растерзать камень.

Я все время находился в большой опасности и в страхе ежеминутно представлял себе смерть, но не переставал думать о том, как спасти себя. Я написал в это время три письма в Испаган. Незадолго до того получил свободу Карстен Брант—человек, который хотел вместе со мной и с хирургом пройтись через бойницу в стене и пуститься в бегство, но его поймали и взяли в плен, когда он собирался последовать за нами.

Так как у него, как уже сказано, черные волосы и лицо, то его сочли за перса и выпустили на свободу; напротив, все немецкие офицеры были перебиты, исключая Людовика Фабрициуса, пасынка капитана Рудольфа, который один из всех офицеров остался в живых.

Примерно в это же время хирург принес известие, что наши бежавшие на шлюпке и покинувшие меня были выброшены бурей на дагестанскую или шамхалскую землю, лежащую на берегу Каспийского моря.¹

22 августа в городе еще чинились многие жестокости, бедным людям отрубали руки и ноги и затем бросали их в воду. Хирург получил разрешение выехать со своим слугой, оставив в залог того, что он вернется, Людовика Фабрициуса.

Я решил с божьей помощью отправиться с ним под видом слуги, ибо лодка или судно дербентских купцов, баньянов, должна была вернуться домой, а мы хотели поехать с ними. Купцы также были ограблены и у них было отнято все имущество.

В воскресенье 24 августа мне срезали волосы и начисто обрили голову.

¹ Дегестанская или Шахмалская земля, называемая Буткером, находилась между Персией и Россией в двух днях пути морем от Астрахани

В понедельник 25-го мы вошли с божьим именем в лодку; я взвалил на плечи мешок и пошел, скрючившись и сгорбившись, своей дорогой, чтобы меня никто не узнал и не выдал.

В полдень мы покинули Юат (Juat) или тагарский посёлок, и во вторник вышли в Каспийское море, где у самого берега стояли три судна, которые пошли вместе с нами. Мы держали путь к югу и прошли мимо Settinabo Gora; ветер дул с северо-запада, а к вечеру наступило затишье.

В среду одна из трех лодок приблизилась к нам. Они сказали, что идут из Астрахани с соляным грузом и держат путь в город Терки; мы плыли вместе с ними на парусах при глубине в 11 и 12 футов и близко держались к берегу, поросшему камышом. Вечером эти суда отошли от нас на расстояние мушкетного выстрела, а вскоре после того к нам направились два челна, на каждом по девять человек. На нашей лодке было 46 человек, большей частью баньяны и еще несколько персов, татар и бухарцев. Они открыли огонь против нас, но никого не ранили. Когда они приблизились к нам, баньяны упали на колени, просили оставить им жизнь, после чего они перешли к нам, ограбили и взяли все, что еще осталось до последнего кусочка хлеба. У меня еще сохранились восемь золотых рублей, печать и перстень, побывавший в руках у казаков и выкупленный у них. Я перед тем отдал деньги и печать на сохранение хирургу; они жестоко угрожали подвергнуть его пыткам, если он не скажет, у кого из нас есть деньги и не передаст их. Он не мог от них избавиться, они теснили его и жестоко мучили и даже собирались бросить в воду и утопить; это вынудило хирурга отдать им мои деньги и перстень, а также четыре двойных дуката. Хирург уже спрятал особым манером 52 дуката в своем желудке. Они спросили, кто я такой, на что хирург ответил, что грузин.

После того как казаки все отняли и разграбили, они посоветовались друг с другом, как поступить с нами, что окончилось благополучно, ибо они даровали нам жизнь при условии, что мы выйдем в море и не будем впредь держаться берега, сказав: „Если мы вас встретим у берега, то побросаем всех в воду и утопим“.

Вечером они ушли от нас с добычей, а мы пустились безлунной ночью в открытое море при глубине в три клафтера. Западный ветер дул с такой силой, что все баньяны, персы, татары и бухарцы сильно напугались, однако с нами не случилось никакой беды. Мы простояли на якоре до субботы 30-го и, когда ветер стих, мы направились к берегу, хотя я и другие достаточно отсоветовали им это, но нам не давали говорить. Подойдя к берегу, мы снова заметили два судна; одно из них направилось к нам. Мы гребли и пошли на парусах при легком ветре к востоку, но вскоре были настигнуты, и они напали на нас. Я и хирург попрощались друг с другом, полагая, что нам

тотчас же придется умереть. Они снова грабили. Я вымазался сажей и жиром и повязал тряпкой голову подобно баньянам. Что это за чорт?—спросили они у хирурга, ибо я так отвратительно выглядел. Между тем они хотели забрать последний хлеб, оставшийся у нас; заметив это, я показал рукою на рот, что вызвало у них сострадание, и они оставили нам часть хлеба. Некоторые жестоко били хирурга, приняв его за поляка; двум дагестанским купцам пришлось расплатиться жизнью, их сбросили с лодки в воду и утопили. Они угрожали поступить так со всеми, если снова поймут нас у берега. Со мной был компас, на этот раз и его похитили у меня, и мы должны были идти, руководствуясь солнцем и полярной звездой. К вечеру поднялся сильный ветер, вследствие чего они нас покинули и снова вернулись на берег, а мы стали на якорь при глубине в четыре с половиной клафтера, хирург снова спрятал в желудок свои 52 дуката.

До четверга почти все время дул норд-вест-тен-норден, который изменился на вест-норд-вест, ветер, благоприятный для нас, но тем не менее баньяны не хотели допустить, чтобы мы снялись с якоря, считая, что ветер слишком сильный.

В субботу 6 сентября мы снялись с якоря при сильном ветре и пошли к югу, затем на запад и увидели судно, стоящее на якоре, персидскую лодку, которая вместе с нами вышла из Астрахани. Они не повстречались с разбойниками, ибо вышли далеко в море. Когда они завидели нас, то снялись с якоря и поплыли вместе с нами. Вечером подул норд-ост, и я, заметив, что мы слишком сильно забираем на запад, попытался им отсоветовать, но это не помогло, и к утру мы оказались у берега при ветре ост-тен-норден. На этих судах трудно точно и верно взять курс, ибо приходится отсчитывать 12 делений компаса, вследствие ветра. Мы плыли вдоль берега, ветер утих, наступил мертвый штиль, вследствие чего мы были вынуждены отойти на веслах в море. Мы потеряли спутников, а наши съестные припасы почти совсем истощились, так что приходилось собирать оставшиеся крошки заплесневевшего хлеба. Среди нас были бухарцы, персы и татары, и ни у кого не было провизии. Баньяны еще сохранили большую часть запасов, и они давали из них каждому по две тонких пресных лепешки вроде блинов. Невзирая на это, мы сильно страдали от голода. Дул ост и ост-тен-зюйд, вследствие чего мы бросили якорь и три дня простояли там при глубине полклафтера. Тем временем мы видели различные суда, часто наступал полный штиль, мы снимались с якоря и гребли. Мы сожгли последнее топливо, на нем мы иногда варили кашу и пекли лепешки из муки, сохранившейся у баньянов. Я посоветовал выломать несколько балок внутри, что было сделано и пошло нам на пользу. Потом мы варили, и каждый получал столько, что едва мог поддержать свою жизнь. Дул ост и ост-тен-норден, мы вышли на парусах, вдоль берега, взяв курс на юг, и с наступлением вечера 10 сентября стали на якорь. Мы

стояли неподалеку от берега при глубине 5 футов, я соскочил на берег, чтобы поискать дров и кореньев и нашел топливо, с которым вернулся в лодку.

В четверг 11-го числа мы шли на парусах вдоль берега и увидали перед собой четыре или пять парусников, которые к вечеру направились к берегу. Мы прошли мимо до другого места на расстоянии приблизительно полумили от них, где мы бросили якорь на глубине двух клафтеров. Поднялся сильный ост и ост зюйд-ост, отчего у нас набралось много воды, и мы провели ночь самым жалким образом, ибо на теле ни у кого не осталось сухой нитки. Бедные баньяны не привыкли к невзгодам и несчастьям, ввиду чего было решено навязать все наши канаты на якорный канат, чтобы волны прибили нас к берегу. Мы прикрепили вакер к канату и стали отдавать последний и благополучно достигли берега, так как у нашей лодки было плоское дно. Дул сильный ост-зюйд-ост. В субботу нас ограбили в третий раз, и у хирурга остались только рубаша и подштаники, ибо у него не было времени спрятать дукаты указанным образом. Так как казаки напали на нас неожиданно со стороны берега, то Ян закопал свои дукаты в песок и положил неподалеку ружье, чтобы заметить место и найти их в удобное время. Я спрятался в камыш, лежа на животе с псалтырем, который у меня еще сохранился. Меня нашли, но я прикинулся безумным, благодаря чему они меня, к счастью, пощадили. Они спорили между собой, один говорил, что я немец, другой, что кто-нибудь иной, хирург же выдал меня за грузина. Казаки брали все, что им нравилось, но добыча их была небольшой, не считая шести гульденов серебром, забранных ими. Один из казаков нашел ружье хирурга, поднял его, но увидев, что оно почти ничего не стоит, отбросил его. Хирург тем временем находился в большом страхе и считал свои деньги совершенно потерянными, ибо пометка была сдвинута, но когда казаки покинули нас, мы после долгих поисков снова нашли дукаты. Мы спросили казаков, не проехали ли мы мимо города Терки. Но не получили толкового ответа, так что не знали, куда нам деться, направиться назад или вперед. Мы нашли здесь немного свежих кореньев, которые нам пришлось теперь употребить в пищу, чтобы утолить голод. Все эти дни дул сильный ост-зюйд-ост.

20 сентября снова была хорошая погода и ветер ост-зюйд-ост-тен-норден. На рассвете мы вышли на парусах и встретили всевозможные суда. Снова подул ост-зюйд-ост, и нам пришлось бросить якорь приблизительно на расстоянии мили от прежней стоянки, мы держались на волнах при сильном ветре.

После обеда на берегу показалось больше 30 человек, все татары, которые кричали нам, чтобы мы сошли на берег, чему мы не мало испугались, ибо не предполагали ничего иного как то, что нас всех обратят в рабство. Один из благороднейших баньянов сошел к ним с лодки на берег и упал на колени. Тем

временем судно приблизилось к берегу и они посоветовались друг с другом и потребовали за нашу свободу известную сумму денег. Многими просьбами и мольбами мы добились того, что они удовольствовались тремя рублями с каждого, после чего мы должны были покинуть барку и пойти с ними. Это были черкесские и ногайские татары, а баньяны, или вернее индусы, остались заложниками. Мы прошли с ними примерно две мили. Я нес ящичек с книгами и должен был бежать босиком, кусты и колючки изуродовали мои ноги, и у них был весьма жалкий вид. К вечеру мы вошли вгавань, где стояло их судно. Там мы встретили различных русских, в том числе русского писаря и одного армянина, бывших моими добрыми знакомыми в Астрахани. Они дали мне поесть хлеба и вареной рыбы. Я ел с такой жадностью, что меня уговаривали подумать о своем здоровье, с чем я нимало не считался, ибо мы с хирургом сильно наголодались и не могли, по нашему мнению, наесться досыта, [потому они, видя, что мы слишком много пропускаем через глотку, отобрали у нас хлеб. Мы пробыли здесь три дня, дожидаясь попутного ветра, чтобы отправиться в Терки.

Так как у нас было мало запасов, а город Терки находился на расстоянии одного дня пути, то, хотя нам угрожала опасность быть пойманными татарами, мы все-таки решили во вторник 30 сентября отправиться пешком в город и привели это в исполнение рано утром.

Я еще очень плохо держался на ногах. Нам приходилось идти изрезанным берегом и часто перебираться по горло в воде, и наконец к ночи мы пришли в татарскую деревню, подвластную черкесскому князю Булату Концаловичу (Knees Bolaat Gonsalowitz). Эти татары были ногайцами. Мы провели там ночь и ушли оттуда рано утром и пришли не задолго до обеда в Терки, отправились к черкесам, к старому знакомому хирурга; ему мы обещали восемь дукатов, если он проводит нас в сохранности до Дербента или найдет в Терках вместо себя другого человека, на что он и согласился. Здесь я разговорился с приказчиком его царского величества Иваном Турком, по рождению турком, но крещенным в русскую веру; у него в Москве живет брат Яков Кок (Jacob Kok) или Турк, кальвинист. Этот приказчик вместе с русским писарем бежал из Астрахани ко двору черкесского князя и приветливо просил меня остаться у них. Я принес извинение и сказал, что решил продолжать путешествие в своей компании. Я настолько перегрузил и испортил свой желудок чрезмерным употреблением хлеба и рыбы, что проболел в Терках два дня. Здесь мы также слышали, что в Терки привезли пленных и утопили дворянина Даниила Турликова (Danieli Tourlicoff), который был послан с почтой в Москву. Здесь был губернатором князь Петр Семенович Прозоровский (Knees Peter Semeunowitz Prosorofsky), брат упомянутого господина из Астрахани. Этот город перешел на сторону казаков, и там

перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбили их дома, а помянутого господина губернатора держали в плену в его собственном доме.

6 октября мы продолжали наш путь в обществе баньянов и покинули город Терки. *Nota:* в то время как мы сильно голодали, они ежедневно бросали в воду порцию на одного человека, что, повидимому, было богослужением и жертвоприношением у баньянов. Во время путешествия мы повстречали несколько тысяч татар, большей частью ногайских, чему мы весьма ужасались. После трех дней пути мы прибыли в татарскую деревню, или местечко, называемое Андре Деревфад (*Andre Dereefad*), подвластное татарскому князю по имени Хабелле (*Chapelle*). Мы пробыли здесь до понеделника 13-го числа, там я увидел перса в моем черном бархатном кафтане, который сказал мне, что купил его в Терках, чего мне было достаточно, чтобы заключить, что (боже милосердный!) наши беглецы пойманы и обращены в рабство. Подкладка кафтана стоила мне в Москве 35 рублей, перс хотел мне продать его за пять или шесть рублей, но у меня их не было.

В Тарки прибыли мы в четверг 16-го числа и с нами еще двое армян, наши добрые друзья, которые привели меня к своим добрым друзьям и велели им взять меня под свою защиту и покровительство, но я держал себя весьма тихо. На следующий день мы встретили в городе Людовика Фабрициуса и Карстена Бранда, о которых упоминалось прежде. Они бежали из Астрахани через три недели после нас и жили в Тарках уже восемь дней. В этом городе была резиденция князя калмыцких татар. Я, как упоминалось, держал себя в Терках весьма скромно не только потому, что был нездоров, но также и для того, чтобы меня никто не узнал. В этом городе калмыцкий князь Шамхал держит свой двор. Тем временем хирург нанял спяна проводника (*Koniak*), который вышел с нами из Тарки с тем, чтобы доставить нас в Дербент за восемь дукатов. Дело не в деньгах; но он не смел нас провожать без ведома Шамхала; потому нам пришлось просить у Шамхала разрешения на конвой.

21-го мы отбыли из Тарок и продолжали наш путь с различными людьми, из которых многие ехали верхом или в маленьких повозках по направлению к Дербенту, куда мы прибыли через три дня.

25-го мы дошли до Бойнака, городка, где были пойманы наши немцы; мы отослали черкесского проводника с письмом к нашим с дружественным наставлением и просьбой оставаться стойкими, если будут покушаться на христианскую веру, а также уверением, что я приложу все возможные усилия к тому, чтобы освободить их. Посланный больше не возвращался, так что мы не получили ответа, ибо ему заплатили вперед деньги. Я написал пленным, чтобы мне отвечали на Дербент, на что не последовало ни строчки. В городе Дербенте я встретил бывшего

канонира Корнелиса де Фриза, еще одного матроса, Питера Арентса из Схефенинга, которые пробыли два месяца в неволе у калмыцких татар и рассказали мне следующее.

После того как они выехали на шлюпке из Астрахани и через десять дней достигли дагестанского берега, поднялся сильный ветер, и голод вынудил их пристать к берегу и сойти. Мое имущество и одежду хирурга они зарыли в песок и бросили шлюпку, затем вышли, полагая добраться до Дербента, причем они говорили, что к вечеру уже завидели город. Ночью они отдохнули, а утром пошли дальше. Тогда на них напали 22 или 23 калмыцких татарина верхом на лошадях. Главарем калмыков был брат Шамхала по имени Али Султан, которому подчинен город Бойнах. Их всех взяли в плен, ограбили и, привязав сзади к лошадям, потащили две-три мили, так жестоко обошлись с ними. Татары изнасиловали жену Корнелиса Брака, которая везла с собою грудного ребенка шести месяцев, в присутствии мужа, подвергли пыткам и почти всех раздели донага, после чего эти разбойники ускакали и оставили их раздетыми. Однако, казалось, что Али Султан раскаялся в том, что оставил их на свободе, вследствие чего он опять преследовал их и снова ограбил, взяв все, что оставил им перед тем. Женщину и ребенка раздели догола, так что один из матросов дал из сострадания женщине пару льняных подштанников, которые у него остались чтобы она могла прикрыть срам. Татары поделили между собой обращенных в рабство, а именно: штурмана Виллема Барентса, канонира, блочного мастера Мейндерта Мейндерса, Питера Арентса из Схефенинга, Корнелиса Брака из Нейендама с женой и ребенком отправили в Бойнак, где канонир и Питер Арентс пробыли в течение двух месяцев. Штурмана Яна Альбертса, старшего боцмана Питера Бартельса, Антона Мюнстера, шлифовальщика алмазов, Вигерда Поппеса, матроса, Даниила Корнелиса, матроса, отвели в другую деревню, откуда от них до сих пор нет никаких вестей. Парусный мастер Ян Стрейс, Эльс Питерс, матрос, и Якоб Шрам, мой толмач, попали в руки татар Усмия, у которых свой князь, чьи владения простираются до города Дербента. Канонир и Питер Арентс рассказали мне, что все находящиеся в плену в Бойнаке хотели бежать и что в тот день увели штурмана Виллема Барентса и матроса Мейндерта Мейндерса, после чего они спросили блочного мастера, пойдет ли он с ними, но он ответил, что нет. Корнелис Брак сказал, что он не может покинуть жену и ребенка, и они наконец решили бежать одни, что и сделали, и через три дня они пришли в Дербент, где их вдоволь накормили купцы баньяны. Обо мне они слышали только, что в Астрахани меня повесили за ноги на нашем корабле. Они также сообщили, что парусного мастера Я. Я. Стрейса продали сначала за лошадь, а потом за 125 абасов, примерно 100 гульденов, и что помянутый парусный мастер отправился со своим новым хозяином в город Шемаху.

Мы попросили султана в Дербенте освободить наших матросов, тот отправил двух нарочных к калмыцкому князю, но из этого ничего не вышло. Я, видя, что мои попытки напрасны и в Дербенте удастся сделать немного или совсем ничего, попросил у султана восемь лошадей, чтобы продолжать путешествие, на что он дал распоряжение способствовать моему отъезду. Но так как мы не могли достать столько лошадей, то решили примкнуть к купеческому каравану, который отправлялся в Шемаху. Матросов я отправил пешком с караваном, снабдив их хлебом, и мы обещали последовать за ними в случае, если мы не достанем лошадей, на что мы мало рассчитывали. Мы решили пойти пешком и нанять лошадей на полдороге в Шаберан. Мы их там нашли, как только туда прибыли.

22 октября мы отправились в путь и получили еще одного спутника Мегенандера, который провожал нас целый день, вплоть до Шемахи. 25 октября мы—хирург Ян ван Термунде, Людовик Фабрициус, лейтенант и прапорщик, который один из всего отряда подполковника остался в живых, Корстен Бранд, Корнелис де Фриз и Питер Арендс — прибыли наконец в город Шемаху. Здесь в Шемахе встретили мы парусного мастера Яна Стрейса, которого выкупил один посол польского короля, грузин родом. Незадолго до того послу нанесли 17 ран его соотечественники, и по неизвестной мне причине посол велел предательским образом убить польского дворянина Мартина Эдана (Martin Eudan), называемого обычно Ян Грос (Jan Gros). Я передал прошение послу с покорнейшей просьбой поддержать меня перед ханом, чтобы освободили пленных. Хотя он и пообещал, но на деле нимало не постарался. Казалось, он не внушал уважения к себе и также не был, повидимому, честолюбив. Меня выслушал сам хан, я принес жалобу, что калмыцкие татары не только ограбили наших матросов, жестоко пытали и обесчестили, но и обратили в неволю. Он сказал, что велит расследовать это дело. Так как я видел, что в Шемахе немного можно добиться для освобождения нашего народа, то я решил ехать в Испаган. Мы заняли у одного купца из баньян 75 абасов с обещанием по приезде в Испаган отдать за них сто, причем хирург остался заложником, а если сотня абасов не будет возвращена в Исфагане, то придется отдать в Шемахе 125. Я подсчитал все с хирургом и подарил ему 127 гульденов 10 стейверов, которые я ему переплатил в Астрахани за его шелк и меха; но он дал мне взаймы 135 гульденов, причем я ему выдал расписку в том, что также уплачу эти деньги, ибо он мне тем помог в крайней нужде и несчастьи.

15 ноября я выехал из Шемахи в обществе Корнелиса, бывшего каноника; юноша Питер Арендс остался с хирургом, а Людовик Фабрициус, парусный мастер и Карстен Бранд—у польского посла.

2 января 1672 г. прибыли мы в Ардебиль, а дорогой нам пришлось перенести большие холода и тяжелую нужду.

В понедельник 26 января, принимая во внимание, что нам не на что было жить и что никого не было, с кем бы мы могли отправиться из Ардебил в Испаган, мы с каноником решили поехать в город Тавриз, до которого было шесть дней пути от Ардебил, тем более, что слышали, что там живет несколько французских капуцинов, на которых мы надеялись, что они нас поддержат. По случаю крайней нужды мне пришлось продать в Ардебиле свою медную кружку, кубок и сундук, за что мне дали три с половиной абаса, и кроме того я еще взял взаймы у одного баньяна, или индуса, пять абасов на шесть абасов роста, так что я дал возчику расписку на одиннадцать абасов с тем, чтобы расплатиться в Тавризе.

Мы тронулись в путь и в воскресенье 1 марта прибыли в город Тавриз, где нашли двух монахов — капуцинов, которые приветливо нас встретили и тотчас же оказали нам помощь.

В понедельник 2 марта пришел в город и каноник, ибо за день перед тем я пришел сюда пешком. Капуцины приняли нас весьма вежливо и хорошо. Еще раньше прибыли сюда два француза из Смирны, одного из них звали г-н Лезуль (Lesul), другой был хирург по имени Бьянис (Bianies). Помянутые патеры устроили так, что я получил 30 абасов, и дали мне 15 абасов на лошадь. Я снова дал расписку возчику на 45 абасов с тем, чтобы уплатить их в Исфагане. Затем 4 февраля мы распрощались с Тавризом и 10 марта, слава богу, прибыли в добром здравии в королевскую резиденцию и столицу Испаган; в голландском подворье встретили начальника Фредрика Ламбертс Бента (Fredrik Lambertsz Bent), второго по чину Рейнира Казенброта (Reynier Kasenbroot) и третьего Гейберта Бальдена (Heybert Bal-den), состоящих на службе в благородной Нидерландской Ост-индской компании, каковые господа приняли нас вежливо и приветливо. В прошедшую субботу они отправили в Гомбрун каноника Корнелиса, снабдив его деньгами и одеждой, что видно из письма, отправленного им тогда жене. Я взял в Шемахе свидетельство от каноника, парусного мастера и матроса в том, что они скрылись из Астрахани без моего ведома и оставили там меня и шкипера.

Все, о чем я здесь пишу, сам видел, слышал, и претерпел и все это истинная правда. Милостивейший читатель может сохранить это письмо как вечное воспоминание обо мне и узреть из него, как много может человек перенести нужды, несчастья и опасности.

БЕЛЛЕВЫ ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В РАЗНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Джон Белль (1691—1780 гг.) был шотландским врачом и прибыл в Россию в 1714 г. по своему желанию, с целью удовлетворения своей страсти к путешествиям. Запасшись рекомендательными письмами к придворному врачу Петра Первого доктору Орешкину, он сообщил ему о причине приезда в Россию и при его посредстве скоро получил возможность отправиться в 1715 г. в Персию в качестве врача при посольстве Артемия Петровича Волинского. Второе путешествие в Персию Белль совершил в 1722 г. при главной квартире Петра, во время похода его на Дербент. Кроме того, он сделал еще два путешествия: одно в Пекин, а другое в Константинополь. Описание своих путешествий в виде дневных записок Белль издал в Лондоне под заглавием: „Travels from St. Petersbourg to diverse parts of Asia“. Сочинение это переведено М. Поповым на русский язык в 1776 г. под вышеприведенным заглавием. Здесь помещаются выдержки, касающиеся Астрахани, из 1-й и 3-й глав „Беллевых путешествий“, взятые нами из „Астраханского сборника“ (Астрахань, 1896).

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ САНКТПЕТЕРБУРГА В ИСПАГАН, ПРИ ОТПРАВЛЕННОМ ПОСОЛЬСТВЕ ПЕТРА I, К ШАХУ ГУССЕЙНУ, ПЕРСИДСКОМУ СОФИ, В 1715 ГОДУ

(Джон Белль выехал из Петербурга 15 июля 1715 г. В первой главе он описывает в кратких выражениях свой путь через Москву до Казани, в которой ему пришлось зазимовать; во второй главе содержится описание Казани и окрестных народов. 4 июля 1716 года посольство выехало из Казани вниз по Волге, останавливаясь в приволжских городах на самое короткое время для перемены гребцов)...

* * *

„...Мы проплыли многие города и многие деревни, лежавшие у нас вправо, и пристали в Саратове, городе великом и лежащем на той же стороне около 850 верст от Казани. Он просто окружен рвом и деревянною стеною с башнями, снабженными пушками, и защищаем гарнизоном из казаков, из которых составлены разные полки.

На завтра обедали мы у губернатора, который представил нам изобильный стол, и у коего мы ели наилучшую говядину и баранину.

После обеда поехал я с некоторыми из наших людей за реку, чтоб посмотреть ярмарку, на которую съезжаются туда калмыки для продажи своих лошадей. Было их тут от пяти до шести сот человек и стояли они станом со множеством лошадей, которые паслися по воле, выключая тех, на коих они сами сидели. Кибитки их расположены были вдоль реки. Они имеют коническую фигуру. Построены они из шестов, наклоненных один к другому, у коих вверху оставлено отверстие для принятия света и для выпущения дыма. Сии шесты укреплены поперек

пробоннами, длиною от четырех до шести футов, кои приколоты гвоздями; а все сие прикрыто толстым войлоком и сукнами. Они мне показались лучше всех, сколько мне ни случилось видывать, ибо способны ко скорому поставлению, и столь легки, что один верблюд может их свезти пять или шесть. Сии калмыки собою коренасты, и чрезвычайно сильны. Лицо имеют широкое, нос плоский, глаза маленькие черные, но весьма острые. Одежда их очень проста; она состоит в кафтане из бараньей кожи, который подпоясывают они кушаком; в малой круглой шапке, подбитой мехом, с шелковою красною кистью; в кожаных, либо в холщевых портах и в сапогах. Все они бреют голову, выключая одну прядь волос, которую заплетают и носят назад.

Они вооружены стрелами, саблями и копьями, коими действуют с великим проворством. Они храбры и отважны, но боятся пушки, ибо она пугает у них лошадей и приводит их в беспорядок. Как они с утра до вечера на лошади, то и неудивительно им быть хорошими ездоками.

Женская их одежда мало различествует от мужской. Кафтаны их несколько только подлиннее, и опущены лоскутками разных цветов. Они носят серьги и волосы заплетают. Знатнейшие их женщины носят летом шелковое платье. Они чрезвычайно целомудренны, неспособны к ветренничеству и не знают что такое есть прелюбодеяние. Из калмыков бывают весьма хорошие служители и нет таких трудов, коих бы они не снесли, лишь только б поступали с ними ласково. Жизнь вольная и странственная, каковую они ведут, вселяет в них отвращение ко всему тому, в чем хотя малый есть знак принуждения и неволи. Нет у них других богатств, кроме стад, чем они уподобляются первым праотцам. Стада их состоят в верблюдах, конях и овцах. Лошади их хорошего роста и очень сильны. Как начинают они их обучать на шестом годе, то бывают они чрезвычайно упрямы и бешены. Продаются они на сей ярмарке по шестнадцати рублей и больше, ежели они высоки ростом и ходят иноходью. Обыкновенных верблюдов у них мало, а великое множество так называемых дромадеров¹, которые имеют два горба на спине. Коровы их среднего роста; овцы их очень велики и вместо хвостов имеют курдюки, так как и турецкие; но шерсть их хуже бараньей.

Повествуют, что в прошедший век некоторый калмыцкий владелец, именуемый Торгоут Орлюк, пришел от Аларк-Уллы, что знаменуется Пеструю гору, лежащую между Сибирью и Индию, на российские границы, и привел с собою около 50000 семей или кибиток, как они их называют. Во время пути своего в за-

¹ Род верблюдов, которым я не знаю особого имени на российском языке; однакож заподлинно уведомился я, что дромадеров совсем у них нет, а есть три рода верблюдов, из коих один другого поменьше.

падную сторону Волги, разбил он изрядною битвою некоторого татарского владельца, называемого Ейбал-Учика, который кочевал на другой стороне реки Ембы. Подалее того нашел он еще трех татарских владельцев, а именно: Китта-Гапсая, Малербаша и Ечана, которых он также разбил; после чего расположился на восточной стороне Волги, под покровительством России. Орлюк имел шесть сыновей, но правление досталось старшему, который назывался Данчин.

Ныне владеющий хан называется Аюка. Он считается четвертым владетелем по Орлюке, и во всем Востоке похваляют способность его и любовь ко правосудию. Я уведомился, что причиною, для коей Орлюк оставил свою землю, была распря, восставшая при избрании ему преемника. Нашед себя слабейшим и проиграв по несчастию битву, не хотел он более изведывать счастья и оставил по своей воле ту страну. Вообще называют сей народ черными татарами, хотя они только что смуглы.

Нет у них других денег, кроме тех, кои получают они от россиян и их соседей, в промен за великое число рогатого скота, который им продают. Сии деньги употребляют они на покупку хлеба, а наиболее всего сукон и шелковых материй для одевания своих жен. Нет у них других ремесленников, кроме делающих оружие их; ибо работу почитают они наилютейшим невольничеством. Все их упражнение состоит в пасении стад, в обучении лошадей и во звериной ловле. Когда они хотят пожелать кому зла, то посылают такого жить инуду, и чтоб он работал, как россиянин. Нет у них в языке ни одной из тех ужасных клятв, каковыя весьма обыкновенны между просвещенными народами. Они верят, что добродетель делает человека счастливым, а порок бедным; и когда кто станет их побуждать на какую-нибудь несправедливость, то отвечают они такому пословицею, что „и острый нож не может резать без черепа“.

Сколь долгие ни предпринимают они путешествия, однакож не возят с собою других припасов, кроме сыра или скиснувшегося и высушенного молока, из коего делают они небольшие катышки, кои распускают в воде и пьют оную. Когда изойдет у них сей припас, тогда находящихся у них в запасе лошадей убивают и едят. Мясо их жарят на решетке или взоткнув на стрелы; никогда не едят они его сырого, так как думают многие, разве принуждены бывают к сему крайнюю нуждою. Правда, что они возят с собою большие части лошадиного мяса, которое сушат они на солнце, или коптят в дыме; но сего не можно называть сырым мясом. Я его отведал, и оно не столь неприятно, как о том думают.

Не могу я много сказать об их законе. Сей народ погружен во мрак идолослужения. Находится у них множество ламов, или попов, которых все знание состоит во чтении и письме, и различаются они от прочих желтою своею одеждою. Первосвященник их называется далай-лама и живет далее на восток.

Из Саратова выехали мы 1 июля 1716 г., и проехали 2, 7 и 9 чисел города Камышинку или Дмитриевск, Царицын и Черный Яр; все три лежат на западном берегу, и также укреплены, как Саратов. В первом нашли мы капитана Перри, родом англичанина, со множеством работников, прокапывающих ров между Волгою и Доном, чрез что учинилось бы сообщение с Черным морем; но как земля была очень жестка и неровна, то оставили сию работу, хотя расстояние не более как на пятьдесят верст простиралось.

Дорога от Черного Яра до Астрахани, по западному берегу Волги, обитаема кубанскими татарами, явными врагами россиян, так что сии не могут тамо ездить с безопасностью. Но совсем иная она на другом берегу, на коем кочуют калмыки, и с которыми они живут в мире. На островах реки Волги нашел я множество дикого солодкового корня.

13 числа прибыли мы живы и здоровы в Астрахань, и стали в крепости. Сей город завоеван у татар в 1554 году царем Иваном Васильевичем, который утвердил сим все свои завоевания на Волге и отворил россиянам путь распространять свою державу на полдень и восток; что они и учинили потом со многим успехом.

ПРЕБЫВАНИЕ НАШЕ В АСТРАХАНИ; ОТТУДА ПРИЕЗД НАШ В ШЕМАХИЮ

Астрахань лежит около шестидесяти верст от Каспийского моря, на острове реки Волги, коей главнейший рукав течет на запад. Сей город укреплен кирпичною стеною с бойницами и четвероугольными башнями по некоторым расстояниям. Соборная церковь, губернаторский дом и магистрат заключается во крепости. Находится тамо небольшой залив для судов, плавающих по сей реке и по Каспийскому морю. Дома там почти все деревянные. Лес, употребляемый для строения в Астрахани, сплавливается туда по реке; ибо окрестная ее страна не иное что есть, как пространная степь, необработанная и бесплодная. Надлежит проехать многие мили на запад, чтоб сыскать воду. Однакож, ближние острова к городу чрезвычайно плодоносны и рождают преизрядный виноград, который туда привезен для рассаживания из Персии и от инуду. Также растут там арбузы, которые почитаются наилучшими во свете; также мскусовые дыны, персики, вишни, груши, яблоки и абрикосы.

В окрестностях тамошних находятся многие изрядные виноградные сады; из которых иные принадлежат императору, а другие разным частным людям; оные взяты на откуп некоторым французом. Виноградные тамошние вина очень хороши на месте, но нельзя их так перевезти, чтоб они не смутились; и если бы не сие обстоятельство, то могла бы Россия ими снабжать всю

достающую часть Европы: сие худое свойство приписывают селитряным частицам, которыми та земля наполнена; а наиболее побудило меня сему верить то, что я сам видел в одном жолобе, каковые употребляют для орошения земли, что его подернуло солью. Впрочем тамошний виноград очень сладок и не имеет никакого знака кислоты.

Около мили ниже города великое множество добывают обыкновенные соли: вырывают большие ямы, кои наполняют водою, и когда она от солнечного жара высохнет, то остается на дне соль; собирают ее таким образом и отправляют водяным путем в ладьях от пяти до шести сот бочек.

Пороховая мельница находится немного повыше города; и сей завод, присоединенный к селитряному, близ оного стоящему, упражняет множество работников, кои получают себе плату от правительства.

Климат там очень жарок, но чрезвычайно здоров: погода там бывает обыкновенно тихая, что и производит сие множество комаров и мошек, наполняющих страну. Сия гадина прогоняется однакож иногда северным ветром, восстающим с моря, и который место сие делает весьма приятным. Сии насекомые рождаются на мелях, находящихся подле моря, и по которым нет проезда, по причине множества растущего там камыша.

Татары мухамеданцы живут вне города, и пользуются такими же вольностями, как и в других местах. Я видал многих татарок на улице с кольцами в носу, различной цены по состоянию и знатности тех, которые их носят. У иных были золотые, а у других осыпаны дорогими камнями. Мне захотелось узнать причину толь отменного обыкновения и мне сказано, что носящие сии кольца были посвящены богу; что родители их обрекали иногда оных на то еще во чреве их матерей и, коль скоро они рождались, то и вздевали им во правую ноздрю такое кольцо, и что они носили его до самой смерти. Я видал, что иные из них носили по два кольца.

Астрахань производит знатную торговлю с Персиею, Хивою, Бухарию и Индию. Купцы сих различных народов имеют там общий караван-сарай или гостинный двор, где они живут и продают свои товары.

Армяне производят величайшую часть персидской торговли; ибо персы весьма редко выезжают из своей земли. В Астрахани находится несколько индийн или баниан, которые красят себе лоб шафраном, либо соком другого какого растения. Они весьма добрые люди, просты и человеколюбивы, и питаются одними почти плодами.

Городской рынок чрезвычайно изобилен съестным, и в нем рыбы гораздо более находится, нежели в каком ином городе, где бы это ни было. Коль скоро продажа кончится, что обыкновенно случается в десять часов по утру, то всю оставшую рыбу кидают в удаленное место, в пищу свиньям и птицам, что при-

дает их мясу рыбный запах. Я бы не дошел до конца, если бы вздумал исчислять всю находящуюся здесь рыбу; но не могу не упомянуть о карпах (сазаны), которых величина превышает все то, что я ни слышал об оных. Мне случалось видеть, что иные из них тянули до тридцати фунтов, и были чрезвычайно жирны и сочны. Некоторые из них ловятся осенью, тех отправляют замороза в Москву, и где их расходится, так как и в окрестностях, превеликое множество.

Также видел я тамо разного рода гусей весьма редких, из коих опишу я наидостойнейших примечания.

Первый, коего россияне именуют баба-птица, перьем сер, и больше гораздо лебедя. Нос имеет очень широкий, а под ним подзобок, в который уляжется с пинту и больше¹: сия птица держится при берегах, и когда усмотрит она мелюзгу рыбу, то, распространив свои крылья, гонит ее ко траве, и халает ее столько, сколько ей угодно; и после, как наполнит свой зоб, выходит на берег оную есть, или относит ко своим птенцам. Я думаю, что эта самая птица есть пеликан.

Другой весь бел, кроме лап, кои у него черного цвета. Он поменьше несколько цапли, и нос имеет очень долгий и широкий. Немцы называют его Löffel-gans; а россияне колпиком. Третий такой же почти величины и такого же цвета, выходя лап, кои у него длинные и красные; нос имеет круглый и крюковатый и столь красный, как коралл; на крыльях есть у него несколько красных перьев такого же яркого цвета.

Я видел также некоторого рода утку, называемую турпан, которая несколько поболее обыкновенной. Ловить ее легко, и не менее она удивительна красотою своего перья, как и некоторым родом пения, кое отменно у ней от прочих. Всех сих птиц я ел; но все они имеют рыбный запах, что мне всегда не нравилось.

Также находится там множество куропаток и дрохв; но сии птицы столько уже известны, что бесполезно будет их описывать. Калмыки весьма искусны во птицеводстве, а особливо в ловле соколов, что они знают в совершенстве. Дрохв убивают они стрелами, улучая то время, когда сии птицы едят, и скачут к ним во всю прыть. Как они очень тяжелы, и не скоро поднимаются, то сии охотники имеют время приблизиться к ним и застрелить их.

На берегах Волги водится некоторый род диких коз, которые несколько побольше серны, и шерстью рыжевatee; рога имеют зеленые, ровные, длиною около девяти дюймов, и покрыты они множеством кругов, которые идут умаляясь до самого конца, который чрезвычайно остр. Сей зверь очень быстро бегает, и мясо имеет преизрядное. Рыло у него хрящеватое и

¹ Пинта — французская мера жидкости, равная в среднем одному литру.

простирается почти до самых глаз, чего я не заметил еще ни в каком другом звере.

Еще видел я малого зверька весьма быстрого, величиною подобно почти белке, и цвета рыжего, которому астраханские жители дают имя зайца. Передние его ноги гораздо короче задних; хвост у него длинный и оканчивается кисточкою из волос. Живет он в земле и я видал некоторых из них в клетке. Калмыки великие охотники их есть.

Во время пребывания в Астрахани, прибыл туда от хивинского хана посол, который ехал через сие место в Петербург. Прислал он несколько малых подарков к нашему посланнику, которые состояли в одной паре перчаток для ловли соколов, в небольшом ноже, в вышитом кошельке и некоторых плодах.

Хива есть весьма пространная земля, лежащая на два или на три дня езды на восток от Каспийского моря. На полдень граничит она с Персиею, а на восток с Бухариєю. Столица ее, имеющая то же имя, очень велика и многолюдна и управляется ханом, которого избирает народ. Сей народ столько же опасен для путешественников, как и для соседей своих, ибо питается одним воровством и грабежами. Хива весьма укреплена, но когда б и укрепления не имела, то песчаная и бесплодная степь, в какой она лежит, защитила бы оную сама собою от нападений ее соседей.

Некогда, прогуливаясь в Астрахани по улице, увидел я весьма пригожую татарку, едущую на воле. В носу у нее было кольцо; вола своего управляла она веревкою, коя служила вместо узды. Она была лучше одета, нежели обыкновенные женщины и была последуема служителем. Не меньше поражен я был ее красотою, как и отменностию ее экипажа. Не должно смешивать мухомеданских татар с калмыками; первые гораздо просвещеннее последних.

Нахожу я за пристойное, прежде оставления Астрахани, открыть здесь некоторое заблуждение, которое почасту примечал я в описателях сего народа, повествующих о редкостях сия страны. Объявляют они, между прочим, что растет подле Астрахани некоторое деревцо, называемое от россиян татарский барашек, с коего кожа употребляется от армян, персиян, татар и проч. вместо меха. Они присовокупляют, что сие растение частию есть животное и частию былие, и что оно ест растущую около его траву. Сие мнение, сколь оно ни безрассудно, вселяло вероятность во многие разумы особ рассудительных и я знавал некоторых, кои ни мало не сомневались об истине сего обстоятельства.

Я ездил на несколько миль от города с некоторыми татарами, чтоб увидеть сие чудесное растение, но не сыскал я ничего в сих степях, кроме нескольких сухих кустов, рассеянных там и сям по полю, коих верхушка, которая собою густа и темного цвета, стоит на простом стебле. Вышину сии кусты около осьми

дюймов, и кончаются верхушкою, коей кисти ограждены иголками. Это правда, что не растут травы в том месте, где простирается тень сего прозябания; но сие свойство есть общее ему со многими другими. Я наведывался о сем у многих смысленных татар, и все они насмехались над сею толь вздорною баснею.

В Астрахани находится множество ягнячьих овчин серых и черных; иные из них волнистые, другие курчавые и такой имеют глянец, что никакой табин¹ не может с ними сравниться. Они в великом употреблении; персы и россияне покупают их на опушку шуб и шапок. Наилучшие из сих овчинок выходят из Бухарии, из Хивы и соседних земель. Достают сии мехи таким образом: прежде нежели объягнутся овца, закаляют ее и выпаривают из нее ягнят; или убивают их тотчас по их рождении. Такая кожа столько ж стоит как и целая овца.

Калмыки и другие татары, обитающие в находящихся вкруг Астрахани степях, имеют также ягнячьи овчинки и употребляют их на такое же дело; но только оные гораздо ниже бухарских и хивинских. Шерсть на них жестче, не столько имеет глянца, а при том и выделка их не так хороша, чего ради и не столь они ценны. Я видал, что одну такую бухарскую овчину продавали от 25 до 30 рублей, а калмыцкие покупаются около пятидесяти копеек.

Из Астрахани отправились мы 5 числа августа, на пяти судах, из которых три были плоскодонные, и груза имели сто пятьдесят бочек, каждое о трех мачтах и о десяти пушках; прочие два судна были простые барки. Выехали мы около полудня и под вечер прибыли к рыбному заводу, называемому Учуг, где мы кинули якорь. Речные берега чрезвычайно тут пологи; на запад лежат песчаные и бесплодные долины, а на восток отмели, покрытые камышом, кои производят множество насекомых; так что, какие ни взяли мы предосторожности, невозможно нам было ни есть, ни спать спокойно. Признаюсь, что сие место вселило в меня ужас, да и не станет никто удивляться сему, если примет в рассуждение, что не включая печальный и страшный вид, каковой представляют окрестности, увлекается там судно быстринною течения в большой залив, на котором плавание чрезвычайно опасно на многих местах, и коего берега населены народами жестокосердыми и варварскими, ежели исключить из сего числа россиян и персов.

На другой день рано отправились мы опять на рассвете и в десятом часу вошли мы в Каспийское море, в которое вливается Волга семью или осмью великими устьями, не включая множество небольших. Но из них только два, по коим могут ходить корабли всякие величины. Под вечер остановились мы у трех песчаных насыпей, произведенных морем и называемых Четыре бугра, которые отстоят верст на тридцать от устья

¹ Некоторый род волнистой тафты. (Прим. ред. сборника).

Волги. Нет более как от шести до семи футов глубины во всем расстоении, и то в некоторых токмо местах; и сие то делает сей проход чрезвычайно опасным во время непогоды.

7 числа пустились мы очень рано при помощи хорошего с берега ветра, который отдалил нас на такое расстояние, где вода была глубиною сажени на три и земля пропала у нас из вида. Погода была не менее холодна, как и прежде. К половине дня ветер, обратясь на юг, принудил нас остановиться и мы простояли в сем месте недели с три, по причине тишины и противных ветров.

Никаких не видали мы судов во все сие время, выключая одного российского корабля, ехавшего из Гилани в Персию с некоторыми армянскими купцами. С корабля сего подарили нашему посланнику корзинку апельсинов, дынь и других плодов, что было нам тем приятнее, что мы их более уже не имели. Мореплавание наше начинали мы снова всякий раз, когда только позволяло время, дабы достигнуть в Терки, небольшой укрепленный город, принадлежащий россиянам и лежащий в северо-западе на берегу¹ Каспийского моря, где мы имели намерение запастися съестными припасами; но тишина воспрепятствовала нам в том.

Августа 26 числа под вечер ветер подул на северо-запад; мы распустили все наши парусы, и склонили наш путь на юг-юго-восток, и до наступления ночи проехали мы Тюлений остров, прозванный так потому, что водится вокруг оного великое множество тюленей. Ветр продолжался во всю ночь с такою же силою, и на завтрае рано поровнялися мы с Шафкальскими горами, которые отстоят на пятнадцать миль отсюда. Мы продолжали наш путь весь сей день, приближаясь поменьку к берегу.

Под вечер 28 числа погода совсем утихла, так что мы принуждены были остановиться за шесть миль от берега. На другой день, когда ветер сделался нам способен, прибыли мы после полудня перед Дербент.

¹ Между протоками реки Терека на небольшом острове. (Прим. ред. сборника).

ПУТЕШЕСТВИЕ КОРНИЛИЯ ДЕ БРУИНА ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ

Корнилий де Бруин, по профессии живописец, известный своими путешествиями на восток, родился в Гааге, в 1652 году. Еще во время своего художественного образования, он объездил все важнейшие города Италии, а затем посетил Малую Азию, острова Митилен, Хиос и др. Вскоре он отправился на восток: в Персию, Индию и по пути в Россию. Отплыв из Гааги 28 июля 1701 года, де Бруин прибыл в Архангельск 3-го сентября, а 4-го января 1702 г. явился в Москву, где прожил до 15 апреля 1703 года; в том же году он тронулся реками Москвой, Окой и Волгой в дальнейшее свое путешествие на Астрахань, куда вернулся, посетив Персию, Восточную Индию, Цейлон и Яву, через 4 года,— 11 июля 1707 г. Домой вернулся де Бруин прежним путем — на Москву, Архангельск и Амстердам,— в октябре 1708 г. Через 2 года по возвращении своем на родину, де Бруин издал описание своего второго путешествия. Переведенное почти на все европейские языки, сочинение де Бруина не было известно до 1872 г., т. е. до перевода П. П. Барсова, только на русском, за исключением отрывка, где говорится о Москве, помещенного в „Отечественных записках“, в редакции П. П. Свиньина (1829—1830). Перевод Барсова, повидимому, сделан близко к подлиннику.

Отрывки — главы XV—XVII, затем XIX—XX сочинения де Бруина нами взяты из „Астраханского сборника“. (Астрахань, 1896).

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ. ТЕЧЕНИЕ ВОЛГИ, ГОРОДА И МЕСТА, ЛЕЖАЩИЕ НА НЕЙ. ПРИБЫТИЕ В АСТРАХАНЬ

Шестнадцатого числа нам представились опять скалистые горы, во многих местах обвалившиеся и усеянные гнездами ласточек, которые ежеминутно вылетали из гнезд и снова прятались в них. Река в этом месте также полна была островами, и мы увидали издалека еще Золотую гору (Soloto gori), а в 3 часа другие горы, которые больше покрыты были зеленью и деревьями, между же двумя горами протекала небольшая речка Дубовка (Doesinke), которая направляется к северо-западу, в 25 верстах от Камышина (Saroegamis). Тут пошел дождь, но не надолго, и солнце опять показалось. Затем мы увидали, спустя несколько часов, лес впереди гор, стоявший отчасти в воде, куда занесены были бурей два струга, в то время еще, когда была полая вода в реке; струги эти были совершенно целы еще. Мы видели здесь также рыбацьи шалаши, а до захождения солнца проплыли мимо города Камышина, начатого постройкой всего 4 года тому назад и уже значительно обстроенного. Город этот довольно обширен, окружен земляным валом, над которым и тогда беспрестанно работали. На житье сюда прибыли уже из Москвы до 4000 семей. Гора, на которой построен город, особенно возвышена к стороне реки, обрывиста и чрезвычайно скалиста. Поблизости города, слева бежит река Камышинка (Kamuschinka), текущая к западу. Говорят, что она берет начало свое из родника у Иловли (Иоба), которая впадает в реку Дон, изливающуюся в Понт (Pont) и отделяющую Европу от Азии. Казаки, живущие на берегу Дона, переплывали, как рассказывали нам, на лодках из этой реки в Волгу и делали в этих местностях много беспорядков, несмотря на то, что сюда часто присылались войска для обуздания их. Так как меры эти оказа-

лись недостаточны для достижения сказанной цели, то и решено было выстроить здесь город, чтобы держать казаков в страхе. На другой стороне Камышинки сооружали и крепость, окруженную земляным валом, над коим и теперь работали, но сооружение это плохо подвигалось вперед, потому что рабочие не выносили тягости работ по причине дурного здешнего климата. Если б не это обстоятельство, то его величество приказал бы прорыть тут канал для проезда в Черное море. Я выходил на берег взглянуть на сказанное сооружение, и мне сказали там, что хотели было построить и город на том месте, где начата была эта крепость, но что не сделали этого потому, что воздух в этом месте был очень нездоров. Намеревались также устроить здесь плотину между двумя горами, чтобы задержать течение Камышинки и не давать ей выхода в Волгу; но оказалось, что это предприятие также надо было оставить, потому что затворы шлюз не в состоянии были выдерживать напора воды, которая иногда стекает в Камышинку с соседних гор. Кроме того, грунт земли, находящийся тут под верхним слоем, такой каменистый и скалистый во многих местах, что не было возможности ломать его и сладить с ним. Все это вместе заставило подрядчика отказаться от его намерения, во избежание тех неудач и убытков, которые он мог бы при этом понести.

До сих пор мы редко плавали на парусах, а пользовались только быстрой течением реки и веслами, делая около 120 верст в сутки, т. е. в продолжение 24-х часов. 17-го числа утром мы миновали реку Балыклею (Bobloclea), в 90 верстах от последнего города, который мы проехали, и здесь мы встретили большой струг его величества, шедший из Астрахани. Я снял тут один вид.

В одиннадцать часов поднялась жестокая буря со стороны гор, и мы принуждены были за каждое весло посадить по два человека, которые приложили все свои силы, чтобы не дать барке удариться о другой берег, именно о левый. Мы даже привязали барку нашу к деревьям, стоявшим в воде у подошвы гор; но час спустя погода прояснилась, мы продолжали наш путь и вскоре достигли до острова, на левой стороне реки, называемого Алинда Лук (Alinda Loeka). Гора здесь своею вершиною придвигается к сказанному острову так близко, что оставляла нам для проезда чрезвычайно узкое пространство. Место это находится в 60-ти верстах от Царицына (Zaritz). Несколько спустя внезапный порыв ветра бросил нас на мель, и барка наша долго не могла опять выйти на воду. Буря снова усилилась с северо-восточным ветром, полил сильный дождь, и мы стали под защиту гор, вторично привязавши нашу барку к деревьям. После этого мы вышли на берег на шлюпках, потому что барка не могла подойти к берегу по мелководью. Там мы разложили порядочный огонь, чтоб приготовить ужин. В то время, как другие занимались этим, я пошел на гору поискать там цветов и растений, но все они погорели от зноя и позавали. Кроме того,

ветер дул чрезвычайно сильный, так что с трудом можно было держаться на ногах, что и заставило меня поскорее возвратиться к своим. Возвращаясь вдоль берега, я встретил нечто в роде небольшой часовни, далее по дороге растения, росшие на берегу, сверху голубые, снизу сероватые, либо синеватые. Я взял несколько их с собою по их красоте.

Погода продолжала быть дурной и холодной до 8-ми часов вечера, когда ветер стих и изменился в благоприятный для нас. Мы тотчас подняли парус, и в 2 часа ночи прибыли к Царицыну (Zaritzta), где стояли до утра 18-го числа, когда, с восходом солнца, пустились продолжать путь наш. Город Царицын построен на невысокой горе, объемом невелик и, как мне показалось, расположен четырехугольником и обнесен деревянною стеной, снабженной башнями. Предместье его раскинуто по берегу реки и частью вокруг города. Главная церковь каменная, но недостроенная еще; остальные церкви деревянные и едва видны. Я снял вид города с речной стороны, который и можно видеть под ч. 31. Лежит город под 48° 23', в 350 верстах от Саратова. Отсюда вплоть до Астрахани в лесах растет солодовый корень, ствол которого бывает вышиною от 3-х до 4-х футов. Продвинувшись несколько вперед, встретили мы остров Сарпинский (Serpinske), имеющий в длину 12 верст и находящийся с правой стороны, поблизости к нам.¹ Позади этого острова идет речка от Дона и впадает в Волгу, которая, как говорят, не в состоянии, впрочем, поднять барки. Русские называют ее, подобно острову, Сарпинской (Сарпой). Затем горы стали уходить из наших глаз, а равнина показываться с деревьями тоже и с левой стороны. В 10 часов мы были уже в 60 верстах за Царицыным, и тут повеяло с севера приятным ветром, мы же подавались более и более к северу; через час встретили опять два острова с правой стороны, а затем миновали еще множество островов. Горы же все более и более удалялись от нас, простираясь, однако, по направлению к Черному Яру (Tzerpogor), от которого мы находились в 40 верстах. Здесь река Волга шириной от 3-х до 4-х верст. Около 5 часов поднялся с северо-запада ветер, дувший в корму, но до того сильный, что мы едва могли удержать нашу барку оттого, чтобы она не разбилась. Одна из шлюпок наших разбилась-таки у руля, и так значительно, что принуждены были обрезать канат и пустить ее на произвол ветра. Между прочим, можно было предвидеть и отвратить эту потерю, потому что за минуту перед тем я сходил в сказанную шлюпку, видя что в нее вошла вода, я успел еще взять с нее охотничью собаку, которую и перевел на другую шлюпку, большего размера и лучшую. Ночью на эту последнюю шлюпку перешли и несколько путников,

¹ Между Царицыным и Сарептой, так названный по р. Сарпе, впадающей в Волгу ниже Сарепты. (Примеч. переводчика).

так как большая барка наша не могла помещать всех нас. К закату солнца мы прибыли в Чернояр, отстоящий на 200 верст от Царицына; мы проплыли расстояние это так скоро потому, что ветер в этот день был нам попутный. Город Чернояр лежит в 300 верстах от Астрахани, на горе, на правом берегу реки. Первое, что представляется здесь глазам, это сторожевой дом, которого видна, впрочем, только крыша. Есть в городе и другая, подобная же караульня, деревянная в виде фонаря. Самый город не велик и окружен деревянною стеной с башнями. Внутри его замечательного ничего нет, и только виднелись 7 или 8 горестных домов внизу, на берегу. Русские захотели сойти в город, как полагаю я, для того, чтоб раздать бедным горжанами деньги, собранные ими в пути во время дурной погоды. Так как ветер довольно силен и быстрое течение реки отнесло нас на довольно далекое расстояние от города, то мы принуждены были стать на якорь, но некрепкий канат вдруг порвался. Я предвидел это, и советовал было гребцам спустить парус прежде, чем подвигаться к городу, чтобы подплыть к нему на веслах. Берег здесь был довольно крут, и гребцам следовало только сойти в воду и притянуть барку к берегу веревками. Но русские все-таки отправились в город на шлюпке, а другие путники остались между тем на барке, под защитой гор. Я также было отправился в город, но ни меня и никого из нас не впустили туда, потому что было уже поздно, и стрельцы с помощью крестьян затворили городские ворота перед нашими глазами. Правда, они принесли нам на продажу хлеба, пива, молока, яиц и проч. Когда все возвратились на барку, то стали искать якорь, но напрасно, по причине ночной темноты, и отыскали его уже после, когда показался день. Город Чернояр заселен только одними солдатами, которые помещены здесь для отражения и защиты от набегов калмыцких татар, часто захватывающих стада туземцев и удаляющихся с ними к самой Самаре. 19-го числа, в 6 часов утра, мы пустились в путь наш на веслах, потому что ветер был противный нам. Плывая здесь, мы видели обрывистые горы с зеленеющими вершинами и песчаными боками: то же самое и на левой стороне. В этих местах река была шириною не более версты. Около полудня проследовали мы мимо горы Половинной (Plowony), показавшейся на некоторое время на берегу реки и вдававшейся вглубь материка, в сорока верстах от последнего города. Затем, около 5 часов, снова показалась небольшая возвышенность, но без деревьев, с утесами, покрытая красноватым песком, и рыболовные снасти, устроенные в 40 верстах за Половинной горой: они называются Каслярские (Kaslarskie) (?): тут мы получили рыбу также прекрасную, как и выше; здесь же мы видели залив Волги, уходящий далеко в материк. Проплыв еще далее 125 верст, мы стали на якорь, на время ночи, и 20-го числа, с рассветом, продолжали опять путь наш. Ветер был благоприятный и к 8-ми часам

увидали гору Енотаевскую (Jenoarskie), на берегу реки, перед глазами. Тут была половина пути между Черноярм и Астраханью. Проплыв несколько верст, опять распустили парус под восточно-южный ветер. В 10 часов показался большой остров на левой стороне реки, а на нем равнина чрезвычайно зеленая и усеянная небольшими деревьями с обеих сторон. Тогда поплыли мы далее, большей частью на юг, и к полудню встретили слева небольшую мель, в 100 верстах от Астрахани. Здесь мы обогнули один довольно острый мыс, около которого река стремится с такою быстротою, от которой нередко разбиваются барки; а река между тем имеет здесь более 40 сажен глубины. Час спустя повеял западный ветер, и мы пустились к югу. В 4 часа встретился большой остров, длиною в 10 верст, где река, с левой стороны, была опять весьма широка. На одном конце этого острова находится стража из 30 солдат, помещающихся там, в 3-х или 4-х хижинах или шалашах, и все барки, проезжающие мимо, обязаны останавливаться здесь и приставать к берегу острова. В то время, когда мы стояли у острова, с другой стороны реки, которая очень широка, проплыли две барки, шедшие из Астрахани. Увидевши их, солдаты погнались за ними на парусной шлюпке. Тут нашли мы также на якоре еще два большие струга, плывшие в Казань. В 5 часов отплыли мы с тем же самым ветром далее, и через полчаса миновали опять остров. Волга здесь то с той, то с другой стороны становится шире, а материк то и дело переходит в холмы, либо в равнины, с деревьями и без деревьев; возвышенность же, которая позади лежит, простирается до самой Астрахани. На левом берегу видны одни кустарники вдоль берега. В 7 часов мы прошли мимо горы Плосконной (Pleskona gora), в 22-х верстах от Астрахани, а час спустя увидели севший здесь на мель и разбившийся большой струг, на котором, впрочем, видны были люди. В 15-ти верстах от города мы увидели соборную церковь, чрезвычайно большую и высокую. В это время ветер стих, и мы, продолжая свой путь при такой тиши, прибыли, наконец, за час до полуночи, в Астрахань (Astrakan). Этот город находится в 2000 верстах или 400 немецких милях от Москвы, считая по миле на добрый час, от Казани же на половине этого расстояния.

ОПИСАНИЕ АСТРАХАНИ. РАЗВЕДЕНИЕ САДОВ. ИЗОБИЛИЕ РЫБЫ. ОБРАЗ ЖИЗНИ ТАТАР

Когда мы вышли на землю, то подверглись осмотру всего, что только было у нас на струге, за исключением одних моих пожитков и вещей. Я тотчас же послал отыскивать губернатора Тимофея Ивановича Ржевского (Timase Ivanewits Urssofskie), которому и предъявил два мои вида и письмо князя Бориса Алексеевича. Он принял меня чрезвычайно вежливо и, прочитав письмо князя, предложил мне свой дом и все, что будет мне нужно,

на все время пребывания моего в этом городе. Я отблагодарил его и объяснил, что я должен оставаться с моими товарищами, армянами, язык которых мне был известен и с которыми я буду совершать и дальнейшее мое путешествие. Он нашел объяснение мое основательным и тотчас послал за моими пожитками на берег, которые, не осматривая, приказал отнести в армянский караван-сарай, где армяне обыкновенно останавливаются и где поместился и я, вместе с Яковом Давыдовым, о котором я уже говорил выше. Только что отобедали мы, как пришли к нам 8 или 10 человек от губернатора с разными приношениями. Это были: небольшой бочонок водки, две фляги с лучшей водкой, большой медный сосуд с красным отличным вином и два другие такие же, один с медом, а другой с пивом, четыре больших хлеба, два гуся и разные куры. Когда посланцы губернатора ушли, получив от меня по небольшому подарку (по моему обыновению), ко мне присланы были два солдата с ружьями стеречь двери моей комнаты, и солдаты эти менялись каждую неделю. Прислали ко мне и одного русского, знавшего голландский язык, для сопровождения меня всюду, куда я пожелаю, и для служения мне в качестве переводчика. Около этого времени губернатор получил известие о покорении крепости Нийен (Niyen),¹ которую его величество взял приступом 1-го мая и в которой он захватил 80 пушек, 8 мортир, 3500 человек шведского войска, которому, впрочем, как рассказывали, он даровал свободу.

Обеспеченный столько губернатором, я пошел пройтись по городу, описание которого здесь представляю. Он лежит на восточном берегу Волги, известном под именем Скифии, но теперь ее называют Ногаей (Nagaia), то есть всю местность, находящуюся между Волгой, Яком и Каспийским морем, равно как Астраханью, по имени главного ее города в прежнем Астраханском царстве. Город этот находится уже в Азиатской Татарии, граничащей с Россией, и стоит на главном рукаве Волги, впадающей в нескольких часах отсюда в Каспийское море. Об этом море дальше скажу подробнее. Что до самого города, то он лежит под 46° 22' северной широты, на одном острове Долгом (Dolgoi), отделенном небольшою речкою от материка. Его можно обойти кругом в несколько часов и видеть выход из города с высокого здания. Лучшая почва земли здесь идет к востоку до р. Яика; на запад простирается обширная равнина на 70 миль или часов, до самого Черного моря, и несколько миль на юг до моря Каспийского. В этой части страны находится превосходная соль, развозимая по всей России.

Этот город окружен прекрасною каменною стеною, в окружности доброй час времени. Он имеет 10 ворот. Я отправился из Никольских ворот (Nikoolske warate), вдоль реки, оттуда к Красным воротам (Krasnie warate), местности более воз-

¹ Где ныне Петербург. (Примеч. переводчика).

вышенной, лежащей на крайнем конце. Отсюда же продвигаясь вперед, в поле, я достиг Житных ворот (Cietnie warate), у хлебного магазина, которые были заперты; но тут же недалеко есть другие ворота в кремль, в которые входят и выходят. Сказанный хлебный магазин находится вне городских стен и также окружен особою каменною стеною. Далее идут Мочаговские ворота (Motsagostkie warate), близ которых, в некотором расстоянии от города, есть еще другие деревянные ворота, не входящие в число городских. Это Татарские ворота (Tartarische warate), т. е., со стороны татар, где потому постоянно находится русская стража. От них приходите к воротам Решеточным (Resoltisnie) и Вознесенским (Visnesenskie), между которыми воротами на стенах есть две башни, отстоящие одна от другой на 300 шагов. От последних ворот нужно воротиться опять к реке, чтоб дойти до Спасских ворот (Spaskie), стоящих вплоть у Волги, а от этих до Исадных ворот (Isadnie), за которыми находится рыбный, хлебный, зеленый или овощной торг и проч. В некотором расстоянии отсюда видна другая башня, а на стене Гарянские (Garenskie) ворота, за коими лесной рынок и жилище хлебников, которым не дозволяется жить в городе. Далее, за последними воротами, идут ворота Кабатские (Kabatskie), не доходя до другой башни, так что ворота приходится между этой и предшествовавшей башнями. Из этих 10-ти ворот шесть находятся у реки, а двое ворот в кремле, который лежит перед городской стеной. Есть в ней еще третьи ворота, называемые Пречистенскими (Priestniskinskie), выходящие в город, напротив базара или большой улицы (Bolsja ulits), на которой находятся главные лавки русских и армян. Приходя этими последними по пути в кремль, на левой руке видна соборная церковь (Saboorg), которую начали постройкой пять лет тому назад, на иждивении митрополита, по имени Сампсония. Этому митрополиту присвоены особые права над духовенством, и для управления им он имеет у себя свой собственный приказ или канцелярию. Он состоит в то же время митрополитом Терки (Tirk), города, находящегося под властью его царского величества по сию сторону Каспийского моря, на Черкасских (Serkasse) горах, в 700 верстах от Астрахани. Когда в прошлом году работали наверху над куполом сказанной церкви, то часть купола обрушилась, по непрочности поддерживавшего фундамента. Поэтому принуждены это дело иначе повести, именно: в настоящее время возводят там пять небольших башен с куполами, на которых водрузят кресты. Помянутая церковь видом четырехугольная, имеет в окружности двести шагов; лицевая сторона шириной 65 шагов, а стороны длиной по 47 шагов; задняя сторона этого здания примыкает отчасти к стене митрополичьих палат, которые составляют главное здание в городе, чрезвычайно обширное, длинное и все каменное. В очень близком расстоянии от этого здания,

на прекрасном ровном месте кремля, находится дворец губернатора, большое деревянное строение, окруженное особою деревянною же стеною, снабженною двумя воротами, передними и задними. Дворцовая церковь или часовня находится вне сказанного двора. Между передними воротами, у которых всегда находится стража, и домом губернатора есть прекрасная площадка. Вся совокупность двора называется Иваном Богословом (Iwan Bogasloof). Самый дворец содержит большое количество комнат, прекрасно освещенных и чрезвычайно приятных, в особенности там хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, вид из которой очарователен со всех сторон. У ворот кремля, достаточно снабженного артиллерией, стоит всегда стража. При входе в кремль, перед воротами, имеется стража с ее сторожевым домом; тут видите много орудий, а с правой руки находится канцелярия, каменное здание в несколько покоев, где, в покое губернатора, стоит стол, покрытый красным сукном.

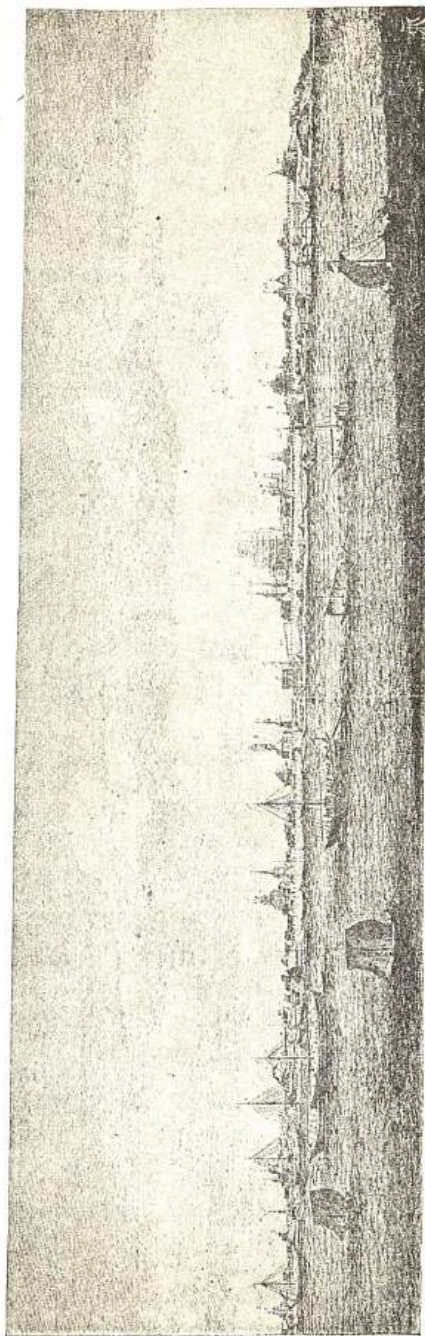
Главная после соборной церкви есть Воздвиженская (Isdwijsinje), из штукатуренного кирпича. Купол на ней позолоченный, так же как и крест, величиной в 3 сажени. Купол внизу окрашен зеленою краскою, равно как и купол колокольни. Все остальные церкви деревянные, точно так же как и монастыри: Троицкий (Troytsche Monastir) и Пятницкий (Pettenske), из которых последний девичий.

Всякого рода товары продаются по утрам на базаре или торжище татарском, где русские и армяне так же могут выставить на продажу свои произведения, но после обеда татарам торговать не дозволяется, так как время это предоставлено для торгу только русским, к чему, впрочем, допускаются и армяне. Но индийцы совершают свои торговые сделки в помещениях своего караван-сарая.

Что до города, то большая часть улиц в нем довольно тесны, хотя и удобны для сообщения в сухую погоду, но они совершенно непроходимы в дождливое время, потому что почва земли там чрезвычайно жирная и пропитана солью, отчего она становится даже беловатою во время засухи.

Городом заведывают губернатор и три бургомистра, из которых один присутствует в думе, которые живут не в кремле, но в городе, а другой ведаёт кабаки, в которых продаются водка, пиво и мед, третий же управляет рыбною ловлей его величества.

За городом, со стороны реки, видны: Иванов монастырь (Iwanske Monastir), красивое каменное здание; за ним два других монастыря и несколько слобод или предместий, из коих главная и самая большая Солдатская, лежащая на восток от города, вдоль речки Кутума (Coetoeme), впадающей в Волгу. Корабли его величества находятся подле слободы Болда (Balda), наспротив города. Слободы Казанская (Casause) и Шепелевская (Siepielewe) служат местопребыванием для всякого рода людей. Татарская слобода отделена ото всех других

Вид г. Астрахани
(Из описания путешествия К. де Бруна)

и вся почти построена из земли и глины, которые сушат на солнце и делают из них камни или кирпичи. В этих постройках татары живут зимою, летом же в поле, на открытом воздухе. В прошлом году почти половина города Астрахани выгорела от пожара, именно внутри каменной стены; и теперь еще в ней видно много развалин и погорелых мест, но уже там сильно работают и обстраиваются вновь.

Удовлетворив отчасти любопытству своих глаз, я испросил у губернатора дозволение снимать, что мне заблагорассудится, на что тотчас же и получил его согласие. Для приведения этого желания моего в исполнение, я отправился на реку в небольшой весельной, но нашел, что течение и волнение реки было до того сильно, что я ничего не мог сделать; поэтому губернатор был так обязателен, что предложил мне большую барку, снабженную якорем; но пошедший в это время дождь осушил мое намерение; а когда погода прояснилась после полудня, я принялся за работу, которую и кончил на другой день.

„Дальше следует описание сделанной де Бруином съемки Астрахани. В числе кораблей (которые видел де Бруин при зарисовке города со стороны Волги) два сели на мель и совершенно сгнили, от недосмотра некоего гамбургского уроженца, по имени Мейера (Meuer), капитана корабля. Несколько выше есть еще 15 других кораблей, прибывших в нынешнем году из Казани. В этой местности стоит множество виселиц, а также и по другой стороне города, и на каждой из них по подюжине обнаженных казаков, одежды с которых распроданы были на торге русскими, которые стащили оные с повешенных. Трупы висевших от солнечного зноя почернели, как смоль, и отвратительны были на вид. Тех, которые повешены были ближе к городу, друзья их большей частью сняли с виселиц. Это были люди, к которым присоединилось несколько бунтовщиков и беглых русских из Астрахани и которые засели в одной местности, называемой Грачан (Gragan), на реке того же имени,¹ с 3-мя пушками и 2-мя знаменами; там-то осадили и окружили их, и они принуждены были сдаться на призывов победителей, после 16-ти дней осады и 8 храброй защиты и сопротивления; случилось это 10-го августа прошлого года. Большая часть побежденных были повешены на границах России, где они главным образом разбойничали; многие подверглись той же казни в Астрахани, кроме 30-ти главных вожаков, которые отосланы были в Москву и там частью обезглавлены, частью тоже повешены; жен же и детей их сослали в Казань. Черкасский князь Альдridge-хан Болатович (Knees Aldridge Chan Bolatuwits) участвовал в этом походе во главе 400 татар своих с г-ном подполковником Лаврентием де Винем (Laurens de Wigne), швейцарцем, с 1000 человек

¹ Вероятно, там, где Грачевская станица и бывшая крепость в Енотаевском уезде при речке Грачевке, на правом берегу Волги. (Примеч. переводчика)

русского войска, под начальством 4-х обер-офицеров 500 стрельцов. Полк де Виня имел 4 пушки и 2 мортиры, а стрельцы 8 пушек, но эти последние прибыли уже тогда, когда местом завладели. Г-н де Винь сказывал мне, что во все время осады этого места, в полночь слышался вой 400-500 шакалов или диких собак, невыразимо неприятный, и что после сдачи осажденных ни одного шакала уже не было ни видно, ни слышно.

Войска, стоявшие в настоящее время в Астрахани, состояли: из одного полка де Виня, в 1000 человек, не считая офицеров, т. е., полковника, 2 майоров, 5 капитанов, 10 поручиков, 10 прапорщиков, сержанты и капралы считались в числе солдат; шестьсот стрельцов московских под начальством 6-ти капитанов и 12 сержантов; еще три других полка стрельцов из местных жителей, каждый полк в 300 человек, под начальством одного полковника, 3 стольников (Stolnicken), как капитанов; из 2-х полков конных, каждый в 500 человек, здешних русских; всего около 3500 человек. Полк де Виня имел 13 пушек, остальные полки более или менее, по соразмерности.

В съестных припасах в этой стране изобилие, за исключением ржи, привозимой из Казани и других мест, но в особенности мясо и рыба. Самая лучшая здесь рыба белуга (Baloege), которая попадаетса иногда сажени в две длиной; стерлядь (Sterletten) бывает величиной в аршин и можно сказать, что это лучшая рыба во всей России. В Москве ее продают живую, по 5, 6, и даже 7 рублей за одну, тогда как здесь по два и по три штивера. Ее готовят и жарят почти так же, как и семгу, и это поистине самая вкусная из рыб. Есть два вида этой рыбы: один с более длинным носом, чем другой, и вообще походит на осетра. Я поручил засушить две таких рыбы, чтобы сохранить их. Севрюга (Sevroeken) ничем не отличается от осетра или, как русские называют ее, осетрины (Assettrine). Икру (Kavejaer) извлекают из белуги, осетрины и севрюги, и развозят ее всюду. Здесь есть еще очень хорошая рыба, называемая судак (Soedak), которую приготавливают таким же образом, как и треску (Kabeljane); потом множество щук, окуней и рыбы, похожей на сельди или небольших лещей. Самые грубые и дешевые суть Modiene (som), с большими головами. Рыбный ряд дважды в день наполняется рыбой, утром и вечером, и Волга доставляет ее в таком огромном количестве, что часть ее, оставшуюся непроданной, отдают свиньям и другим животным. Простому народу дают ее по три и четыре, величиной по футу, за кусок хлеба, который тоже вовсе не дорог. В лещах и карпах недостатка тоже нет. Наконец, прямо у рыбаков, за городом, можно купить севрюгу, величиной с треску, недороже, как за 5, за 6 штиверов, из чего также можно судить о цене здесь на рыбу вообще. Есть еще тут у русских небольшая, круглая, рыба, в три дюйма толщины и соразмерной длины, которую они, называют вьюн (Vioenie) и которая ловится в одном месте, где впадает небольшая речка, как бы в яму.

Уверяют, что вьюны бывают и больше. Я сам наловил их множество разного рода в решето, и сохранил многих из них в спирту, вместе с маленькими судаками. Я набрал бы и сохранил бы и многие другие породы рыб, если б только они были не так велики.

В окрестностях этого города (Астрахани) проживают около 40 семейств армян, которые имеют здесь свои лавки, как я уже заметил об этом выше. Индийцы живут там в своем караван-сарае, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше армян, но жен или женщин у них нет.

Это место довольно обширно, обнесено четырехугольной каменной стеной, в которой есть несколько ворот. У двух главных ворот находится постоянная стража, и вечером эти ворота запирают в известные часы. Армянские купцы, приезжающие и отъезжающие, берут себе здесь помещение, и я также остановился здесь со своими армянами. Есть и такие армяне, которые постоянно живут тут и имеют свои лавки. Они имеют там свои ханы (Chan) или особые отделения. Отделение на время приезжающих в два яруса, с галлереями, а отделение индийцев, находящееся совсем у других ворот, все деревянное. Недавно индийцы выстроили, впрочем, один каменный магазин, из опасения огня, которому наиболее подвержены деревянные строения: это новое строение довольно обширно и поместительно, в 40 квадратных футов. Армяне, следуя их примеру, также начали возводить себе подобное строение, и вывели уже основание в вышину человека.

Вскоре по приезде моем в город Астрахань, товарищ губернатора Никита Иванович Апухтин (Mekiete Iwanits Arochtim), прислал ко мне нарочного просить меня пожаловать к нему. На другой же день я отправился к нему и имел честь увидеть там и г. губернатора, со всем его семейством и с несколькими господами, одетыми и причесанными по-немецки: все они собирались уже уехать, и коляски их дожидались их на дворе. Меня приняли чрезвычайно вежливо и попотчевали вином и пивом, после чего губернатор объявил мне, что князь Борис (Kneas Bories) и сам его царское величество писали обо мне к нему. Затем он обратился ко мне с просьбою „посещать его ежедневно и сказать ему, чем он может служить мне“. Я поблагодарил его, и он тотчас же распрощался и уехал со своим обществом. Когда он ушел из комнаты, помощник его (т. е. губернатора) пригласил меня с одним товарищем по путешествию Яковом Давыдовым в другую комнату, где угощал нас разными персидскими лакомствами, беседовал со мною чрезвычайно любезно и ласково, что казалось в нем весьма естественным и свойственным его природе.

В следующие дни я решил обзреть окрестности, и нашел, что большая часть садов состоит из виноградников и других плодовых деревьев, преимущественно из яблонь, груш, слив и

абрикосов, плоды которых не из лучших родов. Но там есть дыни вкуса удивительного, лучше персидских и всяких других. Виноградники свои русские растят до высоты человека, затем подрезывают их так, чтобы выше они уже не росли, и привязывают их к жердям. Виноградные ягоды на этих кустах были черные, или темно-синие и довольно мясистые, крупные, как это говорили мне, потому что я был там в такое время, когда ягод этих на дереве видеть сам не мог. Виноград, произрастающий в частных садах, у армян и других жителей, собирается и продается большей частью на торгу; но вино выделяется из того винограда, который растет в садах или в упомянутых выше виноградниках, исключительно принадлежащих царю, который получает от этого значительный доход. Вина эти красные и на вкус довольно приятные. Почва земли здесь чрезвычайно песчаная, и так как в ней находится много источников, то жители делают из них большие колодцы в своих садах и проводят в них подземные каналы. Воду из этих колодцев добывают при помощи большого колеса, на которое привязывают ведра, и выливают ее в деревянные жолоба, посредством которых она проходит по всему саду. Один верблюд приводит в движение все подобные колеса, находящиеся в том или другом саду. Сады эти или виноградники находятся в двух или трех верстах от города, и число их увеличивается постоянно. Так как они ничем не огорожены, то выстраиваются довольно высокие будки, в некотором расстоянии одна от другой, и в будках сих помещаются караульные, стерегущие, чтоб не воровали винограда во время его роста и зрелости. Мне рассказывали, что уже более 100 лет, как начали разводить здесь эти виноградники, и, как полагают, первые разводители их были персидские купцы, которые привезли из страны своей виноградные лозы.

Через несколько дней по прибытии моем в Астрахань я пошел навестить Серохан-Бека (Serochan-Beck), посланника персидского царя к королю шведскому. Царь московский, воевавший в это время с Швецией, не пропустил этого уполномоченного через свое государство, и даже приказал взять его под стражу, вследствие чего посол этот и был задержан в Московии целые 3 года. Его сопровождало около 60 человек, и он выехал из Москвы несколькими днями прежде меня. Посол принял меня весьма почетно, сидя на своей софе по-восточному, и тотчас же приказал подать мне кофе и кулабнабат (Kullabnabat); последний напиток был не что иное, как белый ликер, чрезвычайно приятный и составленный из сахара и розовой воды. Серохан-Бек хорошо сложен и приятной наружности. Усы у него тянулись до ушей, а борода висела на четверть аршина ниже подбородка, который был пробрит. На голове у него была белая чалма, а его платье составлял кафтан, опоясан был вокруг тела кушаком из золотой парчи; по правой руке его находился прекрасный ганжар (Ganjaer). Он курил из кальяна по персидскому

обычаю, и по обеим сторонам у него стояли два прислужника. Стоявший по левой его стороне вооружен был большой саблей, рукоять которой выходила из красных ножен. Этот посланник, разговаривая со мною, спросил меня, не хочу ли я ехать вместе с ним в Испань, но я вежливо отказался от его предложения.

Затем я посетил г-на де Виня, человека достойного; после него капитана Вагенера (Vagenaer), который был у меня тотчас по приезде моем в Астрахань. Г-н де Винь пригласил меня на речную прогулку, на 24-весельной барке, в сопровождении 44-х солдат, 10-ти или 12-ти флейтщиков и гобоистов и нескольких барабанщиков, которые играли немецкий марш. Мы поплыли на парусах при благоприятном ветре за 7 верст от Астрахани в одно место, где лет 120 тому назад находился древний город, от которого не осталось теперь ни малейших следов; впрочем, я нашел там в земле несколько человеческих костей. Лет семь тому назад здесь, в горах, открыли присутствие селитры, которую с той поры и добывают там с большим успехом. Место это находится на восток от города, на левой руке от реки, следуя по ее течению. Мы забавлялись там стрельбой голубей и затем возвратились домой, проехав мимо кораблей, стоявших у другого берега реки.

4-го июня была ночью страшная буря, от которой разбился один струг с лесом, стоявший под городом; на струге этом находились 71 человек, из которых 29 утонуло.

6-го числа из Персии прибыли 8 барок, из которых 4 принадлежали русским, а остальные магометанам. На барках этих приехало несколько армянских купцов.

Во все время пребывания моего в Астрахани губернатор постоянно оказывал мне тысячи одолжений, присылая частые подарки и угощая меня на дому у себя всеми возможными персидскими лакомствами; в то же время он неотступно просил меня заявлять ему, чем может он служить и быть полезным мне. Изю всех, впрочем, подарков его я брал только одно пиво, потому что ни за какие деньги не мог достать себе такого, какое было у него, и он не пропускал случая снабжать меня постоянно им в порядочном количестве. Так как он знал, что я должен был пробыть некоторое время в управляемом им городе, то он попросил меня снять портреты с него и сына его, в чем я и не мог отказать ему. Со своей стороны он делал все, чем только мог одолжить меня. Так, между прочим, он подарил мне прекрасную птицу, пойманную в степи, и птица эта живет у меня и до сих пор. Телом и ногами она очень похожа на цаплю, но голова у нее вовсе не цапли, и она очень красива, так же как и клюв ее. На голове у нее белый заостренный хохол; нос черный, длиною в 10 дюймов, шириною в полтора, и конец его походит на две ложки, с желтым пятном. Птицу эту зовут лепелером (Lepelaer), а русские колпицей (Colpitje); говорят, в Персии водятся такие же птицы, и там называют их Goli. Я отрубил голову этой

птицы и взял с собой. В этой стране водятся и цапли, которых называют по-русски Чапура (Seroere). Они бывают разных цветов: белые и фиолетовые, как павлины, серые и черные. Я зарисовал цаплю, изобразив ее с сжатой шеей.

В продолжение моего здесь пребывания я имел случай ознакомиться хорошо с бытом татар, посещая жилища их в сопровождении капитана Вагенера, лежащие в 3-х или 4-х верстах от города. Они живут кучками, каждая семья отдельно от другой и в некотором расстоянии друг от друга. Палатки их сделаны наподобие попугаевых клеток; сплетены они из решетин или планок, шириной в 3 или 4 дюйма, и покрыты войлоком из верблюжьей шерсти, или из конского волоса; некоторые на фут или два от земли и плотно покрыты тростником; более зажиточные или знатные из татар имеют, кроме того, полотняный навес или покрывку; но во всех палатках вообще имеется наверху отверстие для выхода дыма. В палатке находится тоже шест, выходящий на 4 или 5 футов вон, выше ее. На вершине этого шеста татары привязывают нечто в роде паруса разных цветов, который спускается вплоть до земли и висит, а держится на довольно широком ремне, привязанном снаружи палатки к одной из ее сторон: с помощью этого ремня они поворачивают этот парус по произволу своему для защиты себя от ветра или солнечного зноя. По выходе дыма из палатки, когда пожелают сделать у себя потеплее, татары закрывают отверстие, и в палатке делается так же тепло, как в печке. Внутренность и пол палатки покрыты у зажиточных людей прекрасными тканями и коврами, с софой на турецкий образец, представляющей некоторое возвышение и занимающей третью часть всей палатки. Тут же стоят чрезвычайно красивые чемоданы и сундуки, в которых татары хранят все самое ценное и дорогое у них, и вообще все в палатке очень чисто и в совершенном порядке. Когда они переменяют места стоянки, то складывают палатки на телеги и снимают с них верхние покровы. Жены и дети тогда помещаются внутри палаток, а мужья сопутствуют им верхом на лошадях. Эти люди, увидав, что я пришел к ним из одной только любознательности, стали показывать мне все, что мне было угодно; но вначале они представили было некоторые затруднения для этого, потому что вообще не дозволяют никому приближаться к палаткам, в которых живут их жены. Я видел там одну молодую чрезвычайно красивую смуглянку, богато разодетую. Головной убор ее был весьма странный и сделан был из серебра или золоченной меди, покрытый весь золотыми червонцами, жемчугом и драгоценными камнями. Мне так понравился этот убор, что я решился снять с татарки портрет, что и сделал после. Между тем, я снял несколько палаток в том виде, как они раскинуты были одна подле другой. Когда татары раскидывают эти свои палатки, то колеса телеги закрываются палатками. Более простые палатки покрываются только войлоком, равно

как и самый парус, прикрепленный наверху, тоже войлочный, и палатки эти внутри тоже весьма посредственны. Так как народы эти живут только своими стадами, то для кочевков своих они всегда приискивают пастбища получше. Женщины их занимаются, подобно русским, шитьем одежды и других подобных вещей, которые они носят продавать в город. Другие женщины прядут, как у нас, вертящимся веретеном, и наконец расчесывают шерсть для войлоков на свои палатки и прочее так же старательно, как и для пряжи на ткань. Топливо их составляет коровий помет, который они обделывают в круглые куски и сушат почти так же, как у нас торф, складывая его в кучи подле своих палаток, а когда он высохнет, берут его с собою. В то время, как я снимал палатки, татары собрались вокруг меня, смотрели на меня довольно дружелюбно и, казалось, дивились моей одежде, точно так же, как и я удивлялся их одежде: все это доставило мне возможность чувствовать себя свободным между ними. Образ их жизни довольно сходен с образом жизни арабов, и они, казалось, были так довольны своими жилищами, как и мы своими роскошными дворцами и самыми лучшими домами. Все это навело меня на мысль о древнем образе жизни восточных народов, и я воображаю себе, что точно так же жили Авраам и другие патриархи, и если кто привыкнет к нему, то чувствует себя хорошо и ничего лучшего не желает.

Что касается до одежды женщин, то я снял портрет с одной молодой женщины этого народа, бывши во дворце губернатора и при содействии его, следовательно, с большим удобством, чем это мог бы сделать я в палатках их. На ней была красивая верхняя одежда, покрытая белым покрывалом, скрывшим ее лицо; по просьбе моей она сняла покрывало и таким образом показала голову, покрытую другим белым покрывалом, чрезвычайно тонким и прозрачным, повязанным вокруг шеи довольно изящно, сквозь который виден был головной ее убор. Я попросил ее снять и этот второй покров, потому что он закрывал лучшее ее украшение, которое я желал снять, и она явилась мне такою, какими татарки бывают в своем кафтане и в своих палатках. Головной убор ее весь покрыт был золотыми червонцами, как уже выше сказано, формы остроконечной, наподобие митры, и обшит множеством жемчуга, который нанизан был и на нескольких нитках, висевших от убора вниз, вместо кос. Род цветного шарфа, прикрепленного назади к этому головному убору, обмотан был у нее вокруг шеи и частью спускался наперед. Кроме того на плечах у ней были серебряные цепи, и такие же цепи около тела, вместо пояса, и на одной из них висели серебряные же ящички, в которые татарки кладут обыкновенно маленькие молитвенники и другие ценные вещицы. Волосы ее перевязаны были большой черной лентой, с двумя пышными шелковыми пучками на конце, как это видно на сделанном мною снимке. Госпожа эта, с которой я рисовал одежду, принадлежала

к знатной татарской семье; ее сопровождали 3 женщины, бывшие в ее распоряжении, а привел один татарин, знакомый губернатора.

Русские называют татар, живущих в этих местах, юртовскими татарами (*Jurtsge Tartaren*), потому что они здесь туземцы. Таким образом они не платят никакой подати его величеству и обязаны только поставлять несколько сотен своих людей на войну, когда он того потребует. Но в случае надобности они могут выставить в поле до 20.000 войска. Те татары, которых в Астрахани называют индийцами, бреют себе голову довольно странным образом, в одно известное время в году; они приказывают вырывать волосы с корнем кончиком перочинного ножа, так что кровь при этом течет у них ручьями по лицу. Жрец их, или тот, кому поручают производить это бритье, совершает первый прием, и если он сделает это не совсем удачно, то присутствующие сами начинают это бритье, при чем кричат: „*Suksemakse, Suksemakse, или Bassou, Bakson*“, приплясывая и подпрыгивая. Они считают это родом жертвы их идолу „*Suksemakse*“. Такая обрядность совершена была вне города, подле хлебного магазина, за несколько времени до моего прибытия. Совершающие эту обрядность суть индийцы (*Indiaenen*), из коих некоторые живут также в татарской слободе. Ногайские (*Nagayse*) татары живут в палатках, в окрестностях города Терки (*Tirsk*), но крымские (*Crimische*) татары постоянно здесь никогда не живут, а приезжают только по временам, для продажи своих лошадей и рогатого скота.

20-го числа июня губернатор давал большой пир, на который приглашен был и я, где собрались также все главные русские офицеры и знатные купцы из армян. Перед обедом нас ввели в одну комнату, в которой мы нашли супругу губернатора и супругу сына его, находившихся на левой стороне, окруженных множеством прислужниц. На правой стороне этой комнаты стоял стол со всякого рода лакомствами и ликерами, собственными утреннему времени. Немедленно госпожи эти подали каждому из нас по маленькой рюмке водки, как знак почета гостям в этой стране. Из сказанной комнаты прошли мы потом в залу, где был уже готов обеденный рыбный стол, так как был пост; после обеда, вечером, нас развезли по домам в карете. 29-го числа, в день св. Петра, в тезоименитство его царского величества, губернатор давал другой большой обед, на котором присутствовали вся городская знать и патриарх. Я не мог, по нездоровью, ни присутствовать на этом празднике, ни находиться на торжественной губернаторской службе в соборе, как приглашали меня за несколько дней перед тем. На этом празднике очень веселились, под гром пушек на валу, из которых палили несколько раз, и под выстрелы еще одной пушки, выставленной перед дворцом. Госпожи находились в другом покое, по своему обычаю, а на следующий день угощали субалтерных офицеров и других, которых, впрочем, скоро и отпустили по домам.

2-го июля получено было известие, что царское величество со своим войском находился уже в 15-ти верстах от Нарвы (Nerwa), взявши и овладев всем, что только встречалось ему на пути.

В этот же день я отправился в степную сторону, вместе с сыном губернатора и несколькими русскими офицерами, которые имели при себе соколов. В 20-ти верстах от города мы видели много дичи; но мы не могли подойти к ней за водой, которой была покрыта вся здешняя почва. Я выстрелил, впрочем, по одной утке, летевшей около меня. Затем мы забавлялись ловлей сетью рыбы в небольшой речке, и наловили множество окуней и щук, которых приказали изготовить себе и съели. На этом пути мы видели много татар, стоявших здесь в своих палатках, и пастбища лошадей, принадлежащих астраханским господам. Из этих лошадей многие были очень хороши, и мы запрягли несколько их в наши коляски, но животные оказались чрезвычайно дикими, оставаясь летом на траве в прекрасных лугах, которыми изобилует здешняя местность. Замечательно, что все извозчики этого города имеют прекрасных лошадей: у них не найдешь даже ни плохой, ни исхудалой лошади, чего я никогда не видывал нигде в других местах.

Так как время отъезда моего приближалось, то я попросил, и получил, дозволение на столько мест, сколько мне было их нужно в одном из стругов, который мне приглянется. Я избрал самый большой и самый приспособленный для удобного помещения всех моих вещей. Большинство армян также приговлялось к отъезду, равно как и несколько персиян, возвращавшихся из Москвы в Шемаху. Ханский сокольничий тоже был в числе отъезжающих, с 5-ю или 6-ю соколами, которых он вез в Персию. Сокольничий этот приводил московскому царю слона, которого и передал астраханскому губернатору, отправившему его под надзором нескольких русских и одного грузина, но слон этот окочал на дороге от усталости под г. Царицыным. Этот сокольничий просил меня, от имени губернатора, позволить и ему поместиться на избранном мною струге. Чтобы доставить и этому место, я отправился утром на место, и нашел, что армяне так загрузили тот струг, что не оставили в нем никакого места. Я пошел к губернатору, и просил его распорядиться снятием некоторой части клади армян со струга, чтоб очистить в нем место для нас. Он отвечал мне, что в стругах недостатка нет, и что я смогу с избранного мною струга приказать снести всякую кладь, какую только пожелаю, для того, чтобы поместить свои вещи по моему желанию. Я воспользовался его обязательным решением и взял себе все то помещение, которое было мне нужно, так как я испытал уже много неудобств, плывши по Волге, до прибытия моего в этот город.

Г-н де Винь получил в этот день уведомление о том, что его царское величество пожаловал его в полковники, и 11-го числа он задал по этому случаю пир губернатору и главным

офицерам. Я был также на этом пиршестве, и он угостил нас блестящим образом, при громе пушек и под звуки труб и барабанов. По выходе от него, я отправился, с несколькими армянами, за город, подышать чистым воздухом, на одну дачу, лежащую на реке. Виноград был уже довольно зрел; но большая часть других плодов уничтожены были насекомыми.

Когда уже я изготовился совсем к отъезду, запасшись всем необходимым для меня, даже до сетки от мошек, которые невыносимы в этих странах, губернатор прислал мне два небольших бочонка водки, один с лучшей, а другой с простой водкой, небольшой же бочонок уксусу, 4 бочонка пива, один вина, три полости копченой свинины, порядочное количество сушеной рыбы, мешок печенья и другие припасы. Он дозволил также мне взять и небольшое судно, послав его вперед для того, чтобы можно было сложить на него часть груза с большого струга, во время приближения этого последнего к Каспийскому морю: распоряжение необходимое, по причине большой засухи, наступившей в это время в тех местах. Я простился с губернатором в 4 часа после обеда, поблагодарив его за все его одолжение и доброту ко мне в мое тут пребывание. Когда же я вернулся домой, то получил от него еще три запечатанные бутылки с очищенными водками. Наконец, я сел на маленькое судно, в сопровождении 5 солдат, которые даны были мне для перевозки вещей моих на корабль. Три армянина, товарищи мои по путешествию, также отправились каждый на таком же особом судне.

ОТЪЕЗД СОЧИНИТЕЛЯ ИЗ АСТРАХАНИ, СОСТОЯНИЕ ВОЛГИ И ОПИСАНИЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ДЕРБЕНТА. ПРИБЫТИЕ В ПЕРСИЮ

12-го июля, утром, мы сели у Астрахани на судно, чтоб продолжать наше путешествие, и к обеду прибыли к месту, в 3-х верстах от города, где армянские купцы приказали приготовить нам добрый обед и где пропировали с час времени, при звуке нескольких инструментов; затем мы распростились с нашими друзьями и пустились дальше. Спускаясь вниз по реке, мы видели на берегу дюжины татарских палаток, которые разбросаны были довольно далеко во внутрь страны. Вечером мы вышли на берег, в 8 верстах от города, для ночлега, под охраной двух данных мне солдат. Я заснул, не запасшись своей сеткой от мошек, полагая, что не буду еще иметь в ней надобности в первую ночь. Но скоро эти насекомые разбудили меня своим жаленьем и не дали уже мне ни на минуту покоя, и я с нетерпением ожидал рассвета. С началом дня мы продолжали наше плавание, берег был здесь ровный и покрыт кое-где деревьями, появлявшимися все более и более. В семь часов мы увидели, с левой от нас стороны, монастырь св. Иоанна, а немного далее остров на реке и много больших каких-то птиц. В 11 часов мы проследовали

мимо рыболовли, с обеих сторон омываемой рекой, словно какой остров, а напротив этой рыбной заимки возвышается сторожка с солдатами, для наблюдения за суднами, плывущими вверх по реке. Отсюда до Астрахани считается 45 верст. Что до рыболовли, то ее содержат на откупе несколько купцов Нижнего (Niesna), которые наловленную рыбу солят и отправляют далее. Для этого употребляется ими большой струг, который и нагружается рыбой. Река здесь в некоторых местах довольно узка, по причине островов, около которых она разделяется на несколько рукавов. Час спустя отсюда мы нашли другую рыболовлю, кругом которой все зеленело, покрытое множеством высокого тростника, но на самой земле ничего не было особенного: там цвели только цветы, была ежевика и большею частью дикие деревья. В час по полудни пристали мы к сторожке, называемой Четыре Бугра (Satiere Boegre), около которых возвышается четыре холма. Это было в 60-ти верстах от Астрахани. К начальнику этого места я имел письмо от губернатора, в котором приказывалось доставить мне, буде нужно, льду, для охлаждения моих напитков, что я и получил, благодаря его вниманию. Тут река заперта плотиною (перегородкой) с проходами в некоторых местах, наподобие шлюза, для пропуска судов. В два часа мы продолжали наш путь, направляясь к югу, так как до этого места течение реки было, по большей части, на восток, при помощи сильного южного ветра. Это место совершенно поросло высоким тростником, но с левой стороны виднелось несколько небольших деревьев. Около 6 часов мы были уже в 4 верстах от Каспийского моря. Заметив, что мы проехали от Астрахани от 80 до 90 верст, что составляет 17 часов пути, я отпустил солдат, сопровождавших меня, снабдив их письмом к губернатору этой области, в коем писал, что они хорошо прислуживали мне. Мы легли спать в эту ночь в первый раз на нашем судне, и теперь уже я не забыл прикрыться моей сеткой от мошек, которые не дали бы мне уснуть. Случалось, что люди умирали даже иногда от ужаления этих насекомых. Бывшую при мне охотничью собаку, которую получил я в Москве в дар от молодого Лефорта (la Fort), они так крепко кусали, что, наконец, довели до того, что она бросилась в реку, из которой насилу ее вытащили, и потому я принужден был после этого взять и ее под свою сетку, где она и заснула спокойно.

Утром 14-го числа мы продолжали путь наш в шлюпке, через две версты, река сузилась и берега ее покрылись тростником. Проплыв еще с версту, мы нашли наше грузовое судно недалеко от Каспийского моря, где мы и остановились. Кормчий наш, впрочем, отправился к самому морю, для измерения мелей, на которых он нашел воду высотой только на пять ладоней. Так как ветер был в это время южный и прямо в реку, то вода и не могла прибыть на те мели в скором времени. Кормчий поплыл туда вторично, в пять часов, и нашел, что вода

прибавилась еще на две ладони. А как наш струг сидел на 8 ладоней в воде, то мы и надеялись, что можем проплыть по тем песчаным мелям через два или три часа времени. В ожидании этого срока мы забросили сети и наловили довольно-таки окуней и несколько раков. Затем я вышел на берег с тремя или четырьмя особами, в надежде, продвигаясь к морю, найти там дичь, но скоро принуждены были воротиться на струг, потому что местность берега оказалась чрезвычайно болотистой и затопленной. С правой стороны нельзя было достигнуть земли, тоже покрытой высоким тростником, бывшим в воде. Глаза мои напрасно искали здесь, на чем бы можно было остановиться, так как, кроме травы и цветов, ничего не было. Я нашел тут лишь мотыльков чудесной красоты, сверху красных, а снизу белых с крапинками. В 9 часов вечера снесли на берег все, что только было легкого у путешественников, да и сами сошли, кроме 2—3, оставшихся на струге. Затем, когда мы прибыли к устью реки, то нашли его чрезвычайно узким, во многих местах берега вдавались в реку и справа и слева, и, сверх того, у самого входа в море оказались песчаные мели, обозначенные воткнутыми древесными ветками. Настала ночь, и мы должны были приостановиться до рассвета. 15-го числа мы подняли якорь и хотели было проплыть через мели, но сели на них; скоро, впрочем, мы выбрались на чистую воду, перенесши несколько тюков на грузовое судно. Затем мы и в другой раз сели на мель, и потому принуждены были бросить якорь около вечера и опять воспользоваться грузовым судном для того, чтобы отправить на берег товары и всех седоков. Между тем подул северный, весьма благоприятный нам ветер, и потому мы скоро очутились в море и увидели землю, с обеих сторон окруженную как бы венком, но с правой стороны холмистую. Сколько ни искал я глазами берега или места, куда бы можно было сойти, ничего не находил: все было в воде, со множеством бухт, поросших тростником. 16-го утром нас догнало грузовое судно с нашими товарами и седоками. Впереди между нами и открытым уже морем был еще с левой стороны один большой остров. Миновав этот последний остров, мы наехали тоже на последнюю мель, и еще раз имели несчастье засесть на ней; впрочем, мы скоро опять выбрались на воду. Достигнув здесь уже до полуторы сажени глубины, мы позабрали с грузового судна всю нашу кладь и седоков, а самое судно отправили обратно в Астрахань, с письмом, которое я тут же написал к губернатору.

Около полудня мы увидели очень близко четыре горы, которые русские зовут Четыре Красные Бугра (*Krasna sattie boegre*); мы подошли к наиболее выдававшейся части их, называемой Красной Землей (*Krasna Simble*), во ста верстах от Астрахани. Скоро мы потеряли землю из виду, и с ветром, подувшим на юг, тихо продолжали наш путь на юго-запад при отличной погоде; но немного спустя, мы бросили

якорь на глубине полутора сажени, так как ветер поворотил на восток. Утром 17-го мы продолжали наше плавание под северным ветром, на двойных парусах, погнавших нас к южной стороне. Поливший затем дождь изменил было погоду, но вскоре солнце разогнало тучи, начался довольно свежий ветер, который продолжался до вечера и поднял морские волны. Наш кормчий утомившись, захотел было несколько отдохнуть, и потому поручил руль другому, который скорехонько привез бы нас обратно в Астрахань, если б я не заметил его ошибки, благодаря моему компасу, которым я постоянно руководствовался как на море, так и на суше. В продолжении ночи ветер изменился и мгновенно стих, так что мы принуждены были стать на якорь на восьмисаженной глубине. Утром 18-го числа мы снова пустились в путь на парусах, при дождливой погоде; затем настала тишь, но, немного спустя, поднялся с северо-запада ветер, и мы поплыли с ним по направлению к югу. С начала солнце сияло, но вскоре ветер обратился в бурю, отчего все путники чувствовали себя нехорошо, не исключая и матросов, работавших, как и прошлый день, при управлении стругом; кроме их было у нас и несколько солдат, именно стрельцов 21 человек, да путешественников около 50, большей частью армян. Наш струг, о двух небольших бронзовых пушках, мог очень удобно вмещать в себе 250 тюков, которые я уменьшил до 180, для того, чтобы иметь побольше места, как я уже сказал выше. Он был о трех рулях: один назади и по одному на каждом из боков. Подобного рода судна снабжаются обыкновенно одним только большим парусом, который удваивают еще при хорошем ветре, отчего они неспособны делать разные повороты, если не помогать им при этом веслами. В этот день кормчий наш снова принялся за руль после обеда, но, взявши направление чересчур высоко на восток, он не смог достаточно наполнять ветром паруса, и так как в то же время струг не слушал и руля, то нужно было спустить парус. Затем прибегнули к помощи другого руля, чтоб поворотить надлежащим образом струг, и подняли опять парус, что и дало мне понять, что люди эти не лучше и не более греков смыслят в мореплавании. Ветер постоянно дул северный, мы продолжали с ним наш путь, и хотя значительно уже продвинулись вперед в открытое море, но я нашел еще в нем воду приятную и годную для питья, но немного спустя она стала солоновата, цвета более зеленого, а волны морские очень короткие.

Проплыв в этом направлении всю ночь, при ясном освещении луны, 19-го числа, утром, мы увидали, с правой стороны, на западе, одну из персидских гор, называемую Самгаал (Sam-gael), и, подаваясь далее на юг вдоль берега, на добрый час пути от земли, мы удвоили наш парус к 9-ти часам, имея все-таки по одной стороне от нас горы с лесами и песчаный берег. После небольшого затишья поднялся ветер с северо-востока, и

мы продолжали наш путь на юго-восток, идя постоянно вдоль берега, чтоб обогнуть выдавшийся мыс остроконечной горы. Эта часть берега чрезвычайно опасна до самого Дербента, потому что самгалы (Samgalen), живущие на сказанных горах, грабят со всех сторон, так что в сих местах никто не осмеливается приставать к берегу. Самгалы эти магометане, и они расхищают все товары с кораблей, имевших несчастье быть выброшенными на их берег, не отвечая ни в чем ни перед кем, кроме своего князя. В три часа ветер подул на восток, когда мы были у конца горы, в виду и на расстоянии часа от Дербента. Мы бросили здесь якорь, и на этом расстоянии я, не имея возможности познакомиться с городом, снял вид его.

Затем де Бруин описывает Дербент, границы Дагестана и оканчивает эту главу следующим описанием Каспийского моря.

Что до величины этого моря, то оно имеет в длину от 14 до 15 дней плавания при безветрии, в ширину же от 7 до 8 дней. Оно большей частью простирается с севера на юг, а в ширь с востока на запад. Полагают, что от Астрахани до Ферата 100 часов пути, а поперек от Хуареса или Карагана до Черкасии или Ширвана около 90 часов. Море это не имеет ни прилива, ни отлива, и если когда выступает из берегов, то единственно вследствие волнения от сильного ветра. Говорят, что оно по средине бездонно, равно как и около города Дербента; тем не менее дно оказывается, и его находят на глубине 30 или 40 сажень. Вода в нем соленая, как уже сказано выше, и пресность ее у берегов происходит от рек, впадающих в него. Наконец, море это не имеет сообщения ни с каким другим морем, будучи окружено со всех сторон материком и высокими горами. Едва можно представить себе число рек, впадающих в него; их насчитывают до ста. Главнейшие из них суть: Волга, Кура (Cirus) и Аракс. Две последние соединяются, приняв в себя множество других рек, каковы: Быстрая (Bustrouw), Аксай, Койсу, Кизиль-Озен (Kisilosein), Лаик (Laik), Семс (Sems), Ниос (Nois), Оксус (Oxus), Гигон, Аму-Дарья, Арксантес (Arxantes, Iarxartes), Сигон, Сыр-Дарья или Танаис (Tanais) и проч., исчислять которые было бы бесполезно. Самое море в древности называлось Гирканским (Hyrkanische Zee), также морем Баху (Mare de Bachu), у персиян Кульзум (Kulsum), и Астраханским морем (Astrakan Dengies); русские же зовут его Хвалынским (Mare Gualenskoi, Mare Gevalienske). Грузины называют его Sgwa, а армяне Soof. Более всего плавают по нем русские и моры или магометане (Moren of Mahometanen). Хотя царь московский прислал для этого в Астрахань несколько кораблей под начальством капитана Мейера (Meyer), о котором говорено было выше, но купцы предпочитают плавать на простых русских судах для перевозки своих товаров, потому что они менее подвержены течи и, следовательно, товары на них безопаснее от порчи; без этого же первые были бы здесь

более удобны и на них вдвое скорее можно было бы совершать плавание, если только постараться об этом. Впрочем они имеют и другой недостаток, а именно: не будучи также плоскодонными, как простые русские суда, они не могут плотно подойти к берегам Низовой (Nisawey) и Персии, где купеческие корабли проводят иногда и самую зиму.

ОТЪЕЗД ИЗ ШЕМАХИ, ПРИБЫТИЕ В НИЗОВУЮ. ОТЪЕЗД ИЗ НИЗОВОЙ И ПРИБЫТИЕ В АСТРАХАНЬ

8-го июня все было перегружено на суда, и самое малое судно отправилось в Астрахань, откуда в то же самое время прибыло два других судна, и еще одно из Тирка или Тарка. Вечером того же дня я сел на самое большое судно с консулом, несколькими русскими и с 3-мя или 4-мя армянами. Утром я снял и другой вид с Низовой, со стороны северо-восточной, с ее высокими горами, покрытыми вечным снегом. К полудню прибыло одно из упомянутых двух судов из Астрахани, сделало три выстрела и бросило якорь. В два часа прибыл консул со своими, и мы, с тремя другими суднами, распустили парус. Мы имели на струге 80 человек, считая и 30 матросов, прочие же были путешественники. Вечером бросили якорь, по причине наступившего затишья. На другой день мы потому же не трогались, а только вечером достигли Дербента, в 5-ти часах от Низовой, но по причине темноты не в состоянии были уже видеть самый город. В продолжении ночи мы плыли все на север и к рассвету дня потеряли из виду землю; когда же в полдень северный ветер поднялся, мы очутились перед Тирком (Tirck), и 14-го числа стали на якорь у берега, на 30-саженной глубине. Далее мы продолжали наше плавание с восточным ветром, который, впрочем, дул только до вечера, когда он стих, и мы принуждены были в другой раз бросить якорь. 16-го числа и следующий день подавались мы вперед при холодном западном ветре. Тут противный ветер принудил нас простоять на якоре на 24-саженной глубине. 18-го числа ветер подул к востоку-северо-востоку, мы поплыли далее, и вечером были на глубине 10-ти, 9-ти и 8-ми сажен, к утру, на другой день, на глубине 7-ми и 8-ми сажен, а в полдень на глубине 4-х сажен, при чем вода была более беловатая и не столь соленая, как до этого места. Мимо нас здесь прошла одна барка из Астрахани, плывшая в Низовую и консул приказал выпалить из пушки, чтобы заставить хозяина ее явиться к нему на струг. В 4 часа мы нашли воду до такой степени уже пресной, что ее можно было пить, что нам было весьма приятно, потому что наша вода начинала уже портиться, и делаться негодной к употреблению. К вечеру оказалось в этой местности всего только 3½ сажени глубины. С захождением солнца переменявшийся часто ветер принудил нас еще раз стать на якорь на глубине десяти пядей, а так как

струг наш сидел 8 пядей в воде, то мы частенько садились на мель. В таком положении находились мы до 21-го числа, когда ветер, в 3 часа по полудни, повернул на восток - северо-восток; но к вечеру того же дня он опять изменился и, наконец, совсем стих; затем он стал дуть на север и продолжал так целых два, три дня, вследствие чего консул послал приказ неоставлявшей нас другой барке, возможно скорее плыть в Астрахань и выслать оттуда к нам другие барки в случае, если погода не изменится. Однакож, ветер стал дуть на запад, а с ним грянул гром и пошел дождь; море же в этом месте имело всего 8 пядей глубины.

27-го числа, в 3 часа после обеда, мы заметили три судна, которые приняли за принадлежащие морским разбойникам, что и заставило нас быть настороже, хотя опасность и не казалась нам особенно значительной, потому что у нас были две металлических пушки и несколько других огнестрельных орудий. Так как судна эти плыли на веслах, то они скоро приблизились к нам, почему мы пустили в одно из них ядро, и они удалились от нас; затем они опять появились и подплыли к нам; тут только мы увидели, что это были те самые, которых мы требовали из Астрахани, чему мы очень обрадовались, потому что они привезли нам продовольствие, в котором мы сильно нуждались. Тем не менее, прежнее опасение наше не было совершенно обосновательным, потому что в этом море часто встречаются морские разбойники, которые не щадят никого из имеющих несчастье попасть в их руки. Они являются сюда со стороны гор и состоят большей частью из самгалов (Samgales), с примесью русских беглых бунтовщиков.

30-го числа мы подняли якорь при юго-западном ветре и направились к югу, плывя на глубине 8 пядей, но изменчивость ветра заставила нас еще раз стать на якорь. Тут во время ночи страдали мы попрежнему сильно от мошек, почему я принужден был и на этот раз прибегнуть к своей сетке.

2-го июля я, в 8 часов, пересел один на небольшую барку, нанятую только для себя, чтобы свободнее располагать собой и, кроме того, потому, что съестные запасы мои истощились, и я не желал долее отдаваться на волю ветра. Мы поплыли на веслах с помощью паруса, направляясь к северу-северо-югу (?), на глубине 7-ми, 6-ти и 5-ти пядей воды. В час по полудни увидели землю на северо-западе с 3-мя красными горами, о которых я говорил выше и которые отстоят одна от другой почти на одинаковом расстоянии, но четвертая далее прочих. В заключение замечу, что берег здесь не так возвышен, как в Персии.

По мере приближения нашего к лиману или заливу, мы встречали барки, осматривающие товары, находящиеся на приезжих судах, а на берегу в этих местах видели мы сплошной тростник. Мы оставались здесь часть ночи на якорь, по причине затишья.

3-го июля 1707 года мы прибыли, в восемь часов, к одной рыболовной плотине, где у нас вторично осматривали имущество, а в полдень достигли до другой рыболовли, при которой было так мало земли, что к ней с трудом пристают; тем не менее я не пропустил случая съесть здесь отличное рыбное блюдо. В 4 часа пополудни прибыли мы к третьей плотине, при которой и бросили якорь на ночь, так как ветер был противный нам и морской прилив очень высок. 4-го числа, утром рано, когда берег залит был еще водой, мы пустились далее, и в 10 часов наконец, прибыли в Астрахань (Astrakan). Прежде всего я отправился с приветствием к г. губернатору, которым был теперь князь Петр Иванович Хованский (Knees Peter Iwanits Gawanske), человек простой и умный, бывший и прежде уже здесь губернатором, более 20 лет тому назад...¹ Прочитав письма, которые были у меня к нему, он оказал мне большое внимание, предлагая, с своей стороны, все, зависящее от него, на все время пребывания моего в этом городе. Я поблагодарил его и просил только доставить мне помещение в каком-нибудь частном доме, в котором бы я мог расположиться удобнее, чем на караван-сарае. Он немедленно же дал мне переводчика и одного из своих слуг, приказав им отправиться со мной в город и отыскать для меня помещение.

11-го числа прибыл в город и струг наш. Губернатор приказал перенести с него все пожитки мои прямо ко мне на дом, не подвергая их осмотру. В то же время я узнал, что все мои прежние добрые знакомые в Астрахани, вместе с прежним губернатором Тимофеем Ивановичем Ржевским (Timafe Ivanewits Ursowskie) и полковником де Винем, были убиты во время возмущения стрельцов, в августе 1705 года; что из всех тех знакомых спаслось только 3 или 4 человека, которые дня за три до восстания уехали в Москву, а именно: сын губернатора и супруга его, консул, о котором говорено было выше, капитан Вагнер и еще один хирург; что в то же время умерщвлены были и все немцы, с их женами и детьми; что, вследствие такого возмущения, его царское величество прислал в Астрахань войско и приказал казнить смертью большую часть стрельцов и всех сообщников их в этой резне...² Что до меня, то благодарю бога за то, что я находился уже в Персии в то время, когда

¹ Сын боярина Ивана Андреевича, начальника Стрелецкого приказа и предводителя старообрядцев в их возмущении, за что ему с сыном его Андреем, отрублены были головы в сентябре 1682 г., в селе Воздвиженском. (Примеч. переводчика).

² Как известно, возмущение началось уже с половины 1705 года, недовольными разных городов, сбежавшими в Астрахань. Виновные были отправлены в Москву, где их казнено и умерло от розыска 365 человек. Воевода Ржевский в звании стольника помогал до того, в 1698 г. боярину А. С. Шенну усмирять стрельцов, и за это в награду послан губернатором в Астрахань. (Примеч. переводчика).

произошло это событие. Супруга губернатора, избегнувшая рук возмущившихся злодеев, имела несчастье лишиться всего, что было у ней, на пути в Москву, когда сгорел струг, на котором она плыла; прибывши в Москву, она, от постигших ее несчастий, скончалась вскоре.

Когда я возвратился теперь в Астрахань, то нашел там 14 стругов, затопленных нерадением капитана Мейера (Meयर), о котором выше упоминалось уже не раз и который также погиб в помянутом сейчас возмущении. Но месяца 3 тому назад сюда прибыло 5 других стругов, под начальством командора Лаврентия ван дер Бурга (Commandeur Laurens van der Burgh), который вступил в службу его царского величества. Он старался поднять затопленные струги и сделать их годными для плавания по Каспийскому морю, вместе с некоторыми другими, построенными его рабочими, из коих теперь было больных на половину. Перед городом лежало еще три таких судна, а пять подальше от него точно также.

Между тем в Астрахань ежедневно подъезжали и другие голландцы, поступившие на службу его величества. Здесь я узнал с прискорбием, что Г. Мейнард (Maeynard), английский дворянин, которого я встретил в Ширасе (Zjie-raes), потерял зрение и способность двигать некоторыми членами до того, что едва ходит на костылях, и в таком положении он отправился в свое отечество.

Однажды вечером у меня сидели гости, а жена хозяина, у которого я жил, родила в это время сына, так что я ничего о том и не знал, несмотря на то, что комната ее находилась над моей комнатой. Мы видели, впрочем, что к хозяйке прошло много женщин с водкой; но, так как это случалось часто и прежде, то не обратили на это никакого внимания, так что я был очень удивлен, узнавши о новорожденном после того, когда гости уже разошлись. Когда муж хозяйки, служивший писцом в канцелярии, возвратился домой, то я подарил ему несколько персидских плодов, т. е. фисташек, фиников и миндаля, для угощения его гостей. Вечером все эти женщины затянули песни перед постелью родильницы в один голос, показавшийся мне церковным, и так как я ничего подобного до того времени не слыхивал, то я спросил у своего слуги, понимавшего по-русски: „Зачем эти женщины поют?“ Он ответил мне: „Omdat ze dronken zy“ (потому что они пьяны, и что это уже такой обычай у русских при подобных случаях). Но я был еще более удивлен на следующий день, увидевши под вечер родильницу, сидящую под открытым небом, за воротами со своим новорожденным сыном, которого баюкала в колыбели. На другой же день она уже угощала водкой женщин, навещавших ее накануне, да и сама пила ее порядочно. Об этом я слышал от многих, но увидел только сам теперь.

Бывши однажды на торговой площади, я купил там птицу, которую зовут русские бабой (Babbe), а мы водоносом (Waterhaler),

и которую я тщетно искал и в Астрахани, и в Испагани; я давал ей рыбу, но она не стала ее есть, равно как не ела и ничего другого. Я не смог также вытянуть у нее шей, которую она постоянно держала съезженной, и сама казалась как бы полусонной. В этом положении она и представлена мной на изображении. Она была еще молода и, однакож, казалась совершенно плотной, а величиной вчетверо, второе или больше гуся, на которого она отчасти походила и видом и пером; клюв у нее был длиной в фут и три дюйма и шириной в полтора, с небольшим желтым пятном на конце, как у попугая. На конце клюва начинается водяной мешок, который продолжается до самой шей. Он так велик, что вмещает в себе более двух кружек воды. Ноги у нее короткие, внизу же широкие, на конце коих четыре небольших пальца. Я отрубил ей голову с шеей и мешком.

Во время настоящего моего пребывания в Астрахани было много пожаров, большей частью за городом, у татар, которые и хлопотали за тушением их. Так как я подробно говорил уже о татарах, то здесь прибавлю только одно еще известие о них, которого я прежде не знал.

В 1246 году они избрали в начальники всех татар одного Куйна (Куине), которого наименовали гог-ханом (Gog-Cham), т. е. королем или императором, себя же самих моуглами или монголами (Mougles, Mongolen). Этот император и преемники его именovali себя постоянно в своих письмах „силой божьей“, повелителями вселенной. Они приказали вычеканить вокруг своей печати следующие слова: „Один бог на небе, один Куйне хан на земле, сила божья и повелитель рода человеческого“. У них постоянно было пять армий, чтобы держать в повиновении своих подданных. Этот же первый император их победил, на границах Персии, князя Баиотной (Bajothnoi) (Баязида?), который владел всеми землями христиан и сарацин до самого Средиземного моря, Антиохии и на два дня пути еще далее последней, и отнял у него 14 царств, которыми он повелевал от Персии до сих мест. Князь этот назывался собственно Баиот (Bojot), а ной (Noy) означает его достоинство.

Впоследствии татары не имели никогда более великого государя, каковым был у них Батый (Bothii). Армия их состояла из 600 тысяч человек, а именно: 160 тысяч татар и 450 тысяч христиан, не считая неверных. Войско это составляло 5 станом.

Страна эта, лежащая на восток, называется Монголия (Mongal), и заселена 4-мя разными народами, а именно: великие монголы или моалы (Mongalen, Moals), санионгалы (Sani-ongal) или монголы морские, которых называют также татары (Tartaren), по имени реки Татар (Tartar), которая протекает их страну, меркаты и метриты (Merkat, Metrit). Эти четыре народа были сходны между собою, жили одинаковым образом и говорили одним и тем же языком. Между

тем они были разделены друг от друга и имели разных князей, начальников области; говорят еще о некоторых гингисах (Gingis), которые живут в стране Ека (Jeka), в Монголии.

ОТЪЕЗД ИЗ АСТРАХАНИ. КРУШЕНИЕ НА ВОЛГЕ. ТАТАРСКИЕ РАЗБОЙНИКИ. ПРИБЫТИЕ В ЧЕРНОЯР, ЦАРИЦЫН И САРАТОВ. СЛУЧАЙ С АСТРАХАНСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ

Время отъезда моего из Астрахани приближалось, и так как я хотел ехать в Москву вместе с одним грузинским господином (Georgiaensch Heer), отправлявшимся в качестве посланника к польскому королю, то мы с ним просили губернатора, чтобы он приказал дать нам струг, для доставления нас в Саратов, и снабдил бы нас надлежащими пашпортами и предписаниями о даче нам от последнего города повозок и лошадей, для продолжения нашего путешествия. Мне дали подорожную на три подводы, а посланнику на столько, сколько ему потребуется. Мы получили наши бумаги 19-го этого месяца и нашли наше судно готовым к отплытию, с надлежащей прислугой. На следующий день, простившись с губернатором, мы сели пополудни, на струг, и начали наше путешествие, сперва под парусом и пристали к другому берегу реки, где повыше города бросили якорь, чтобы взять еще к себе двух или трех матросов, оставшихся позади, которые подоспели к вечеру. Далее продолжали несколько путь при помощи каната, и остановились на ночь. На другой день плыли тоже на канате, и боролись 8 часов с сильным восточным ветром, неодолимо качавшим и бросавшим наше судно из стороны в сторону, так что мы начали было опасаться, чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Одни хотели послать за другим стругом, другие советовали, чтобы держаться на прежнем, только ближе на восток, но в то же время не предпринимали никакого решения. Что до меня, то видя, что все зло происходит от плохо устроенного струга, я настаивал на том, чтобы приблизиться к берегу, опасаясь, что мы скоро пойдем ко дну. Нас было на судне около 30 человек и, сверх того, у посланника еще две лошади, струг же был очень небольшой, отчего он скоро наполнился водой, близ пороховых заводов, в 7 или 8 верстах от Астрахани, у того места, где некогда стоял Старый город (Seliter Gorod), к коему мы пристали около полудня. Таким образом мы с трудом успели спастись с пожитками нашими, уже бывшими под водой, благодаря нескольким матросам, бросавшимся для спасения нас в оную, и употреблению двух наших небольших лодок. Первой заботой моей было спасти мои бумаги и более замечательные предметы из собранного мною в путешествии, все же остальное, съестные припасы и напитки, я предоставил произволу волн. Судно наше спустя два часа опрокинулось набок, и лошади, по собственному побуждению, выскочили из него в воду и достигли берега. Мы также, хотя и не так

скоро, добрались до берега, и только что взошли на него, как возблагодарили бога за наше избавление, потому что, если б струг опрокинулся посреди реки, то мы непременно погибли бы все. Река в этом месте очень широка и течение ее весьма быстро. Грузинский посланник приказал было, по нашей просьбе своему толмачу немедленно отправиться на лодке в Астрахань, для уведомления губернатора о случившемся с нами и для испрошения у него другого судна, но ветер не унимался, и толмач мог отправиться не ближе, как только на следующий день. Вместе с этим толмачом я послал в шесть часов своего слугу за покупкой кой-каких съестных припасов и для доставления от меня командору ван дер Бургу письма, в котором я поручал ему просить губернатора выслать возможно скорее нам другой струг или, в крайности, хотя лодку, на которой бы я мог возвратиться в Астрахань и ждать там нового благоприятного случая продолжать свое путешествие. В ожидании ответа на мое письмо, я снял место с обоими берегами реки, где мы потерпели крушение.

Вечером около десяти часов, командор Ван дер Бург сам приехал ко мне на шлюпке, прочел свое письмо к губернатору, и ответ его на оное, в котором тот писал, что он крайне огорчен случившимся с нами происшествием и что не замедлит прислать нам непременно новое судно, лучше прежнего. Он желал, впрочем, чтобы прежнее судно постарались пустить опять на воду, для возвращения его в Астрахань. Это последнее желание исполнено было к утру следующего дня, но пущенное в ход судно вторично и скоро дало новую сильную течь, а в другом, уже более глубоком, месте пошло ко дну; все же, что только могли сделать при этом, состояло в том, что успели выбросить из него и спасти снасти да веревки. Командор приехал к нам и на следующий день около вечера, уверяя, что поджидаемое нами судно лучшее и гораздо больше прежнего, что его он сам осматривал, и что оно находится уже на пути к нам. При этом он сказал нам, что струг, отправленный губернатором за день до нашего выезда из Астрахани, с плодами и другими лакомствами для его царского величества, также потерпел крушение, но что все люди его спаслись, он возвратился уже в Астрахань, ограбленный, впрочем, на дороге татарами. Как мы счастливы были, что потерпели крушение с другой стороны города. Утром следующего дня прибыло, наконец, наше новое судно, и мы нашли его лучше и удобнее прежнего. Тотчас же принялись все за переноску вещей на него, желая завтра же пуститься далее в путь. Замечу в заключение, что на пороховом заводе, у которого мы высадились и о котором выше упомянули, почти уже не работают, и мы нашли на нем только 7-8 рабочих.

Грузинский посланник, пользуясь остановкой, пошел прогуляться несколько в сторону в 8 или 9 часов вечера; гуляя же он увидел, что к нему приближаются 8 или 10 неизвестных ему

людей, но люди эти тотчас же разбежались, когда услышали, что посланник стал звать к себе своих людей, которые, являсь, не могли догнать убежавших. На новое наше судно нам дали 15 человек солдат, которые должны были помогать при управлении стругом, и по двое из них обязаны были стоять на часах, в продолжение ночи. Таким образом мы начали снова наше путешествие на этом струге, поместив в нем нашу кладь, самих себя и двух лошадей, и остановились, по причине противного ветра, около двух часов пополудни. Поэтому десять солдат взялись за канат тянуть оный. Река в этом месте была на полча-са шириной, и затем за две мили далее еще на половину уже. Тут ветер переменялся и река стала спокойна. Тут же мы узнали, что еще одно судно, отправившееся прежде нас, тоже потерпело крушение. Это последнее разукрашено было флагами и принадлежало одному из астраханских бургомистров. Мы также имели две небольшие пушки, два флага, спереди и сзади судна, четыре копья, из коих два с значками, несколько другого огнестрельного оружия, луков и стрел, а у солдат по четыре пищали, не считая моих двух больших и двух же малых пистолетов. Таким образом мы были довольно хорошо вооружены, а струг чрезвычайно удобен для плавания. Так как я много говорил уже о реке Волге, и даже замечательнейшие местности на ней снял, то бесполезно было бы прибавлять еще что-либо к сказанному. Замечу только, что, плывя верх против течения, нам часто приходилось тянуть струг канатом, тем более, что когда ветер бывал не совсем благоприятный, то течение реки было весьма быстро. Также приходилось становиться часто на якорь, когда поднимался суровый и противный ветер, а время от времени на берегу появлялись и калмыки.

28-го числа мы проплыли мимо одного сторожевого места, расположенного на одном мысу реки правого берега, где идет рукав, которым Волга впадает в Каспийское море. Волга здесь представляется большим озером. Стража находится тут и на одном судне посреди реки, в особенности на время ночи, для осмотра проходящих судов. Стражники подъехали к нам в гребной лодке, но тотчас удалились прочь. Подвигаясь далее, мы видели много калмыков, ловивших удочками рыбу, и мы кидали им в воду хлеба, за которым они бросались впасть. Около них паслось много их двугорбых верблюдов. Местность эта богата водносами или птицей-бабой, о которой говорено было выше. Так как мы плыли постоянно на канате, то и подходили то к одному, то к другому берегу, смотря по удобности во избежание татар, которые держатся постоянно в этой местности. Через два дня затем мы проплыли другой залив, образуемый Волгой к востоку и, вышедши здесь на берег, нашли там много калмыков, мужчин и женщин, которые с удивлением глядели на мое платье, так как оно казалось им необыкновенным, и подобного ему они никогда еще не видывали. Они осмотрели меня

с головы до пяток, касаясь платья. Так как они ходят босиком и ноги у них очень малы, то они мерили их с моими, так же как и голени, которые у них очень коротки. Женщины у них также малорослы и дородны; как и мужчины. Чтобы удовлетворить их любопытство, я должен был обнажить для них свою грудь, которую женщины с большим любопытством рассматривали, и даже ошупывали, после чего я объяснил им, что желаю взглянуть и на их груди; они засмеялись, но несколько не затруднились исполнить и мое желание. Вся одежда этих людей состоит из чего-то в роде кафтана и овечьей шкуры, которую они меняют смотря по времени года, а все остальные части тела летом ничем не покрывают, оставляя их голыми. Большая часть мальчиков были совершенно голые, и волосы у них также хорошо заплетены, как и у женщин, в две плетенки. Впрочем, были между ними и такие, на которых имелись особого рода шапки, камзолы и кафтаны из простой материи, под коими виднелись порты, но без рубак. У всех их лица большей частью плоские и широкие, щеки одутлые и глаза продолговатые. Видя, что я курю табак, они выпросили у меня его, который запихивали в нос, и жевали одинаково как мужчины, так и женщины.

Дальнейшее путешествие наше продолжали мы по направлению к восточной стороне реки, для избежания татар, которые держались у другого берега. Мы часто должны были переезжать небольшие заливы, в которых находили рыбаков и прекрасную рыбу.

2-го сентября мы причалили у одного места, где живет глава или правитель калмыцкий, который недавно перешел на западную сторону реки, запасшись огнестрельным оружием для охранения этого края от нападений татар, которые несколько дней тому назад угнали у него большой табун лошадей и койкого из его подданных. Мы видели, как многие из его подданных разъезжали на судах по реке вверх и вниз, но преследователи не имели счастья догнать и разыскать похитителей. Нас предостерегали также, что эта местность изобилует ворами-казаками, и известие это заставило нас быть настороже.

7-го числа мы прибыли к Чернояру (Tzenogar) и остановились здесь, по причине жестокого противного ветра. Стоя на месте, мы посылали туда закупать кой-какие припасы. В продолжение ночи поднялась сильнейшая буря, и канат наш натянуло до того, что стремлением реки значительно отнесло нас назад, прежде чем можно было притянуть струг к берегу и привязать его здесь двумя канатами. Затем все улеглись спать, но я не мог сомкнуть глаз, помня все же еще наше недавнее крушение. Это несчастье заставило нас оставить наших долее в городе для подкрепления себя, потому то мы и принуждены были пробыть тут более, чем полчаса.

Я имел обыкновение давать ежедневно по стакану водки каждому матросу, за что спутник мой, г. посланник, чрез переводчика своего, упрекал меня, говоря, что матросы эти были

плуты, не заслуживавшие такой внимательности, да они и без того бегают в город довольно часто. Я отвечал, что имею для этого большой запас водки; что может случиться, что мы будем иметь надобность в сих людях, и что я знаю по опыту, что с ними ничего не выиграешь иначе, как только ласковым обращением, и что нужно делать добро иногда по необходимости. Пословица говорит: „Die met den drommel gescheept is, moet mede eep'riem in de hant nemen, om wet hem over te komen“ (Кто на одном судне плывет с толпой, должен запастись веслом, чтоб с ним доплыть до берега). Когда мы приблизились к городу, то выстрелили раз из ружей, и увидели там множество кораблей.

Мы продолжали наше путешествие, простояв два дня у города, и на пути сделалось так холодно, что мы должны были надеть шубы: обстоятельство весьма необыкновенное в это время года, тем более, что перед тем были большие жары. Так как русские плохие матросы, то мы часто садились на мель и даже потеряли один якорь от нерадения их. У них нет никакого порядка, а последний солдат был еще и кормчим, что привело меня в отчаяние, видя при этом, что всякий день приходилось по 10, 12 раз звать матросов, чтобы заставить их подняться с места; кроме того, я часто заставлял часовых сонными, и вообще нужно было чрезвычайно заботиться, чтобы заставить их трудиться и управлять судном во время дурной погоды. Таким образом я всякий день благодарил бога за то, что он сохранял нас ночью, в особенности же избавлял от разбойников. Здесь мы заметили одно большое судно на берегу реки, в кустарнике, потерпевшее крушение во время половодья.

16-го числа прибыли мы в город Царицын (Zaritzza), где вновь воздвигнута церковь из белого камня, равно как построен вновь, хотя не вполне, и самый город, сгоревший до тла в прошлом году. Мы простояли у Царицына и следующий день для перемены матросов. Накануне туда прибыл из Саратова (Saratof) один струг, ограбленный русскими казаками, и люди, бывшие на нем, сообщили нам, что вся река была полна этими разбойниками, которые сотнями разрезали на маленьких лодках. По этому случаю я предложил г. посланнику попросить у губернатора провожатых, в которых он, конечно, не откажет, если только сделать ему какой-нибудь подарок, потому что без денег в этой стране не получишь ничего. Но он не обратил внимания на совет мой, несмотря на то, что я предложил ему и сам участвовать в сказанном подарке. Между тем хозяева двух сторонних стругов, плывшие так же, как и мы, в Саратов, пришли и заявили нам, что, для большей безопасности, они желали бы плыть вместе с нами, имея на то дозволение губернатора. Третий такой же струг, уже отплывший было вперед, сел на мель, но скоро его сдвинули опять на воду, и когда просушили бывшие на нем товары, то струг присоединился к нам и пошел далее с нами, как два первые струга.

19-го числа мы проплыли мимо рыболовов в таком месте, где река была очень узка. Это заставило нас быть настороже ночью, так как солдаты, тянувшие целый день струг на канате, нуждались в отдохновении. Эти люди были лучше прежних и мы с ними скорее плыли. Некоторые из них не имели ружей и я им ссудил свои. К утру мы встретили один струг, ограбленный 14 ю разбойниками, а затем увидели еще 3 судна, которые встревожили было нас; но когда эти последние приблизились к нам, то мы узнали, что то были барки из Саратова и Казани, везшие солдат в Астрахань. После этого мы переплыли небольшой залив, служивший убежищем разбойникам, коих небольшие лодки прятались за деревьями, покрывавшими оный, что еще раз заставило нас пробыть и другую ночь настороже, и затем мы продолжали наш путь попрежнему, волоком на канате, три часа до рассвета, и все по западной стороне, так как поблизости восточного берега было небезопасно.

Вскоре потом мы сели на мель, на которой и оставались несколько часов, но поднявшийся к востоку ветер загнал нас в какой-то залив недалеко от другого берега, где мы бросили якорь и оставались там до 8 часов утра, так как к противоположному берегу нельзя было пробраться, по причине огромных песчаных мелей, посреди реки лежавших. Затем поплыли на парусах с благоприятным ветром, в сопровождении одного из плывших с нами стругов: два другие уехали прежде вперед.

В полдень мы достигли до другого залива, на западной стороне реки, и на берегу увидели кучу товара, расхищенного разбойниками с того струга, о котором мы выше говорили; товар этот разбойники, повидимому, не успели унести с собой. Затем мы увидели две весельные лодки, которые приняли было за разбойничьи, но то были рыбацьи суда.

Вечером нам попалась еще одна барка, плывшая из Саратова и выехавшая еще прежде нас из Астрахани, в которую теперь она возвращалась назад. Тут мы встретили нового Астраханского губернатора Петра Матвеевича Апраксина (Peter Matfiewits Apraxin).

Этот вельможа плыл в сопровождении 30-ти барок, из которых 7 были большие. Собственно губернаторская барка обита красным сукном, украшена флагами, 2-мя белыми палатками, на корме и на марсе; некоторые обиты синим, другие красным и белым, как и наши струги, а некоторые украшены двумя орлами, служащими гербом его царского величества. Мы продвинулись к берегу, чтобы дать пройти этому небольшому флоту, который представлял довольно приятное зрелище, и на котором находилось много и женщин, смотревших из окон с обеих сторон. Посланник отправил несколько арбузов г-ну губернатору, который прислал поблагодарить за них несколько человек из своих с одним грузинцем: они приплыли на наш струг в шлюпке, устроенной по голландскому образцу, и им поднесли по чарке водки, после чего и они отправились туда, откуда пришли.

В этой местности на берегу есть гора с плоскою вершиной, соединенная с другой: ее зовут Воровской горой, потому что служит убежищем для воров. Наконец, некоторое время начал дуть благоприятный нам ветер, и 28-го числа перед вечером мы прибыли в Саратов (Saratof), в котором немедленно и высадились с удовольствием, потому что чрезвычайно утомились от нашего путешествия; мы разместились по домам, которые назначены были нам местным губернатором.

(Дальнейшее описание путешествия, как не имеющее отношения к нашему краю, нами опускается).

ПУТЕШЕСТВИЕ ЯНА ПОТОЦКОГО В АСТРАХАНЬ И ОКРЕСТНЫЕ СТРАНЫ В 1797 ГОДУ

Потоцкий Ян (1761 — 1815 гг.) — польский историк, помещик, служил при Александре I в русском министерстве иностранных дел. Считался талантливым историком, лингвистом, географом, этнографом, археологом и естествоиспытателем. Ему принадлежит до 24 больших трудов. Потоцкий путешествовал „по всем славянским землям“. Сочинения его большею частью написаны на французском языке. Помещаемое путешествие было впервые напечатано в „Северном Архиве“ за 1828 год, №№ 1 и 2, а затем в „Астраханском сборнике“, откуда и взято нами.

15-го мая.—Золотые башни московские теряются в синей дали. Прощай, Европа, возмущаемая беспокойствами! Еду отдыхать в тихой, спокойной Азии.—Сегодня я намерен подражать жителям востока, у которых первый день пути каравана бывает всегда самый короткий. Обещаю читателю только одно: не закрывать глаз. Расскажу ему все, что увижу; по временам стану присовокуплять замечания, которые, я надеюсь, будут недурно приняты даже людьми учеными; потому что я сделал их не мимоходом, а в такое время, когда еще думал, что всякая истина, касающаяся до истории человека или природы, так важна, что должно с охотою жертвовать ей и покоем, и удовольствиями.

16.—Следую по течению Москва-реки. Страна сия прекрасна и так населена, что всегда видишь несколько деревень вдруг.—В одной из них был праздник.—Какое великолепие у крестьянок! Головные уборы и покрывала, шитые золотом и такой прекрасной работы, как будто выписаны из Константинополя. Многие путешественники говорили о бедности русского мужика. Я описываю то, что сам вижу, а не то, что другие видели; однакож я замечаю, что чем более удаляешься от Москвы, тем реже становятся прекрасные деревни: избы меньше и крыты соломой; вместо окон скважины со стеклами. Я полагаю, что состояние русского мужика много зависит от его господина. Вот, например: деревушка, в которой домов с двенадцать, а господ четверо. Мужикам, я думаю, от этого не лучше.

17.—В похвалу Коломны, последнего селения через которое я сегодня проехал, надобно сказать, что против каждого дома стоят дровни и на них бочка воды, для того, чтобы в случае пожара, она всегда была под рукою.

В Коломне еще видны следы прежнего ее великолепия. За Окою въехал я в другую губернию: тут совсем иная природа. Сосны и березы исчезают и заменяются растениями стран более

полуденных. Жители Рязанской губернии отличаются также от подмосковных и одеждой, и жилищами, и обычаями. На женщинах сверх платья камзол белый с красными закраинками, а на голове род митры, с которой висят бусы; они походят на жриц какого-нибудь древнего божества; между тем они забавляются игрой, похожей на итальянское бочетти, с той только разницей, что вместо шаров служат у них яйца. Страна плодородна и воды в ней довольно.

18.— За Рязанью подумалось, что у женщин на голове бумажные змеи; я не умею лучше этого описать головной убор их.— Я хотел срисовать свою хозяйку, но она, заметив это, спряталась на печь, а мне туда лезть нельзя было. В деревне я действовал не успешнее этого: женщины и девки тотчас от меня убегали, как скоро я хотел подойти к ним.

19.— Рязк город небольшой; в нем было тогда собрание дворян; о многих из них нельзя было сказать: „У него благородный вид“; но их дружеский прием заставлял забывать этот недостаток.

20.— Я на несколько часов остановился и вздумал осмотреть свою библиотеку; к величайшему сожалению увидел я, что забыл взять с собою писателей, которые бы в этих местах были мне всего полезнее; например: Дегиня, д'Эрбело, Пети де ла Кроа, Абулгази и пр.— К счастью, я сделал извлечение из всех писателей: это хронологический атлас, которым иногда буду пользоваться.— Вот его описание: он состоит из тридцати семи исторических карт, которые начинаются за 2000 лет до нашей эры и доходят до нашего времени: каждая карта представляет политическое состояние света в конце каждого века; на поле написаны имена государей.— Между каждыми двумя картами находится список происшествий по хронологическому порядку. Каждый части света посвящен особый атлас в 37 картах: один атлас Азии стоил мне пятилетней постоянной работы; он приобрел мне уважение аббата Бартеlemi: разговор сего знаменитого человека был моим отдохновением. Этот атлас везу с собою в Азию.

21.— Между Козловым и Тамбовом встретил я множество древних укреплений, которые без сомнения относятся к тем временам, когда набеги кочующих народов простирались до этих мест: земляные укрепления держатся чрезвычайно долго; причина этого очевидна; возвышаясь под углом в 45°, они не содержат в себе зародыша разрушения. В Каффе, например, есть одно укрепление, которое без сомнения описано Геродотом, и которое, как он говорит, построено скифскими невольниками во времена Циаксара, царя мидийского.

Мне кажется, что жители Тамбовской губернии не так проворны, как мужики московские. Если хочешь видеть много мужиков и баб, то надобно притти к питейному дому, когда солнце садится и стада возвращаются с поля. В деревне это самое приятное и живое зрелище.

22.—Сегодня в первый раз видел я могилу или tumulus (курган). Это единственные памятники, остающиеся от стольких народов, которые жили в странах сих или только их проходили. Далее нашел я в степи бесчисленное множество маленьких хижин в два фута. Я сначала не мог угадать: что это такое, наконец, во многих местах увидел небольшое животное желтого цвета с черным рыльцем, которое подымало голову и свистало изо всей силы. Люди мои единогласно утверждали, что это обезьяны; и в самом деле они точно также держались, но я скоро узнал, что то были байбаки или большие степные сурки; они, кажется, построили свой главный город около Панова и живут только тут; далее я не видел уже ни одного.

Ново-Хоперская крепость, последний русский город с этой стороны; это ворота, через которые въезжаешь в землю донских казаков. 23 числа пишу я на станции, т. е. на открытом воздухе, у огня, на котором казаки варят рыбу.—То, что они называют станцией, находится посреди степи, в стороне от большой дороги; деревни их видишь только издали. Они уверяют будто это для того, чтобы иметь под рукою лошадей, которые пасутся в степи на свободе.

24.—Перебравшись через несколько рек, я проехал две казачьи станции: тогда было воскресенье; жители гуляли; мужчины хорошо одетые с плеснями и немножко навеселе; женщины разряженные; костюм их совершенно восточный; они особенно стараются отличиться рукавами рубашек; у богатых они шелковые, у бедных полотняные с большими красными, набойными цветами; на тюрбане два рога весьма странного вида. Я провел тут ночь и довольно спокойно; казаки, чтобы разогнать мух, чрезвычайно беспокойных в этой стране, принесли жаровню с горящими угольями, посыпали их травой, от которой пошел густой дым и приятный запах, потом заткнули все скважины, которые они называют окнами и таким образом избавили меня хоть на минуту от этих докучных гостей. Казаки курят таким образом всякий вечер, даже на чистом воздухе и лошади их так хорошо знают действие дыма, что собираются в кружок около огня, как будто грется.

Двое молодых казаков передо мною боролись. Искусство состоит в том, чтобы схватить противника за пояс, потом броситься изо всей силы задом на землю, так чтобы борец полетел через голову; подумаешь, что он переломает себе руки и ноги, но казак не так нежен: при мне они оба встали здоровы и невредимы, как будто просто упали. Эта игра тем более примечательна, что казаки приписывают ей свое происхождение. Когда Владимир завоевал Херсон, сын его Мстислав переехал Воспор и пришел на остров, на котором стоит Тамань, бывший тогда главным городом княжества Тмутараканского. Князь яссов или кософов на нем защищался, решились окончить войну поединком без оружия. Мстислав остался победителем.

Я думаю, что яссы суть ассы путешественников тринадцатого столетия; об этом можно справиться в собрании Рамузия. Я полагаю также, что косоги Нестора, какой бы народ они не были, жили в Казахии императора Константина Багрянородного. Эти косоги, побежденные и бывшие тогда народом полукочующим, принуждены были уйти из Казахии; место их заступили воины Мстислава и приняли имя казаков: так, а не козаками, зовут их ныне.

25.— Я проехал еще одну казацкую станицу. Праздники продолжались: весь народ был в наряде. Девушки гуляли с песнями, держась за руки; мужчины сидели кучками и принимали важный вид. Никогда они не кланялись мне первые; но если я начинал, то все вдруг вставали и наклонялись. Переезд Медведицы довольно странен. Для путешественников держат лодки; казаки на них гребут, а лошади плывут возле. Далее на степи толпились суслики (*mus citillus*), самые опасные враги жатвы в этих странах.

26.— Я наблюдал казаков в будни, но не видал, чтобы кто-нибудь работал. Благородная леность у них в моде. Надобно признаться, что они очень богомольны, по крайней мере, судя об этом по множеству прекрасных церквей, которые встречал я повсюду. Тогда ехал я вдоль Дона, царя всех скифских рек, славного у греческих поэтов под именем Танаиса и который я так часто переезжал со Страбоном, Геродотом и Птолемеем. Наконец, я покинул эти берега и приблизился к узкому пространству земли, отделяющему его от Волги. От этого места, дорога верстах на тридцати чувствительно подымается, из чего можно заключить, что давнишний проект провести тут канал встретит затруднения. Трудно описать, какой вид разрушения представляет эта равнина, подверженная по высокому своему положению всей ярости бурь. Редко увидишь на бесплодном песке стебелек желтой травы, которой нечистый цвет составляет совершенную противоположность с прекрасною зеленью долин, находящихся вдоль старой казацкой линии. Следов обработки нет никаких, даже и в соседстве хуторов.

Неподалеку от Царицына увидел я вдали степную козу, у коей верхняя губа так длинна, что животное может щипать траву не иначе, как идя задом. С одного возвышения вдруг явился предо мною обширный разлив Волги: зрелище величественное, которого и описать невозможно. Я видел разлитие Нила, но большая часть вод его так поглощена каналами, что для поливки полей с рисом нужны машины. Здесь напротив, расстилается передо мною пространный архипелаг; острова соединены между собою лесами, которые выходят из волн. Рыбы играют около дерев, как в потоке, описанном Овидием.

Город Царицын, разрушенный за три года пред сим пожаром, вышел из развалин прекраснее прежнего.

27.— Я переехал реку Царицу и очутился в Азии; по крайней мере, большая часть географов полагает эту речку границею между сею частью света и Европою. Калмыки как будто хотели подкрепить это мнение; они раскинули по ту сторону реки свои палатки, из коих выглядывали их азиатские лица. Они совершенно походят на китайцев, нарисованных на китайских бумажках; шапки их точно грибы; с верхушки головы висят у них длинные косички: у мужчин одна сзади; у женщин две и падают на грудь.

Отсюда я поспел в три часа в Сарепту, колонию, где мирные моравские братья вводят свою промышленность между дикарями; этот город — самое лучшее место для узнания нравов и истории калмыков. Большая часть братьев знает язык их: некоторые даже пишут на нем, потому что по целым годам следуют за ордами; есть даже такие, которые забавляются списыванием калмыцких книг. В этих книгах нет ни языка, ни букв тибетских; они писаны монгольским наречием, которым говорят калмыки. Буквы их также имеют оттенок монгольских.

Калмыки имеют обыкновение приходить к Волге, когда вода сбывает. У тех, которые в то время раскинули палатки свои около Сарепты, было так мало стад, что они не могли ими кормиться, и это заставило их решиться работать, чему весьма нелегко войти в голову калмыка. Здесь, как и во всех странах мало населенных, плата за работу очень высока; посему эти люди могли бы жить в довольстве; но это для них трудно: одна только крайняя необходимость может их заставить чем-нибудь заниматься. Я видел многих из них, которые целый день шатались по городу или лежали на солнце. Другие толпились в лавках, как будто хотели или могли купить все.

Моя собака произвела чрезвычайное впечатление на этих калмыков, и я узнал при этом случае, что они соединяют с понятием о сем животном идею о переселении душ, и потому почитают за величайшую честь быть съедены собаками. Посему они всячески стараются не лишиться такой выгоды; ибо, несмотря на свое уважение к собакам, они кормят их плохо, дорожа молоком до чрезвычайности. Они даже не бросают им палый скот, а съедают его сами. Таким образом бедные собаки принуждены питаться калмыцкими трупами: а когда этой пищи у них мало, они ловят сусликов, которые составляют плохую пищу. Один из жителей Сарепты, ездивший несколько лет с калмыцкою ордою, рассказывал мне об отвратительном зрелище голодных собак, которые с жадностью бросаются на мертвое тело, рвут его и отнимают одна у другой куски мяса.

Страбон, говоря о кочующих скифах, которые жили между согдианами и бактриянами, выражается следующим образом: „В столице бактриян собаку называют особенным именем, которое на нашем языке значит могильщик. Собаки сии должны пожирать всякого, кто пал под бременем болезни или старости.

Вот почему около этого города не видно могил, но между стенами валяется множество костей. Говорят, что Александр Македонский уничтожил это обыкновение“.

Цицерон рассказывает то же самое о гирканцах: „В этой земле, — говорит он¹, — народ содержит на общий счет собак; знатные люди имеют у себя собак, которые должны пожрать их: это почитается у них самым почетным погребением“.

28.— Сегодня я видел караван русских и татарских купцов, ехавших в калмыцкую орду продавать хлеб, вино и мебель, т. е. небольшие, узкие и невысокие скамейки, деревянные сундуки, выкрашенные масляною краскою, и двери, сделанные таким образом, что их можно приставить к кибиткам калмыцким.

Потом явился караван, состоявший слишком из тридцати татарских телег, на которых приехали из Астрахани в Сарепту армяне. Тогда в первый раз слышал я ужасный скрип колес этих телег, называемых арбами; в прежние времена одно поколение получило от этого прозвище Шумного. Еще и ныне татары тдеславятся этим неприятным звуком. „Одни трусы, — говорят они, — смазывают колеса; храбрые люди не боятся, если их слышат от одного конца степи до другого“.

Эти строки пишу я в барке, которая плывет по водам Волги и везет меня в Астрахань. — Хозяин судна скоро со мною сторговался, потому что много рассказывают о разбойниках, грабящих на реке, и он рад был четверем путешественникам, хорошо вооруженным. Мы бросили якорь у небольшого улуса или калмыцкой деревни: калмыки бегают во все стороны, хватают друг друга за ворот, гремят музыкой безумной, играя на всяких инструментах, одним словом, резвы как щенята. Чрезвычайная их живость составляет совершенную противоположность с бесчувственностью татар.

29.— На рассвете мы готовились поднять паруса, но хозяин остался на берегу, обещая ехать за нами на шлюпке. Он не сдержал своего слова. Отсутствие его было причиною, что работники не занимались своим делом и это навлекло нам впоследствии много неприятностей. Во время тиши, которая была нам очень неприятна, мы видели множество пеликанов. Некоторые приплывали к нам очень близко. В два часа, сильное течение пригнало нас к острову, залитому водою и покрытому деревьями. Все усилия отцепить барку, долго оставались тщетными; мы думали, что она уже непременно потонет. — К счастью, мы не соткнулись с большими деревьями; маленькие согнулись, или сломались под баркою, которая, наконец, избежала опасности, но шлюпка наша завязла между деревьями.

Скоро прибыли мы к деревне, где весь берег покрыт был людьми, которых одежда была мне совершенно незнакома. Я узнал, что то была колония татар, чуваш, мордвы, недавно туда

¹ Quaestion Tusculan. c. 55.

переселившихся. Работники вышли на берег нанять лодку, чтобы съездить за тою, которую они оставили на дороге. Я воспользовался этим случаем, чтобы посмотреть народы, которые знал только по имени. Большая часть жителей деревни были татары, весьма плохо одетые. Женщины напротив того, были чрезвычайно разряжены, набелены и накуманы. Холстинная одежда чуваш украшена богатыми цветными бордюрами, изображающими наиболее кресты всех видов. Мордовки, особенно девки, одеваются чрезвычайно странно и фантастически. В ушах носят они большие куски шерсти; в волосы вплетают колокольчики, а на шею повязывают большие медные бубенчики. Они чрезвычайно дики; как скоро мы к ним подошли немножко поближе, они тотчас убежали и прятались в домах. К этой странной смеси народов присоединялись еще русские рыбаки и калмыки, которые нанимаются в пастухи.

Погуляв по колонии, я пил чай у русского, который был директором оной. Мы разговаривали о волжских разбойниках, а он рассказывал мне, что опасность действительно велика. Это, говорил мне русский, не лодочники или ленивцы, которые хотят при случае чем-нибудь поживиться, а разбойники, хорошо вооруженные; атаман их преступник, бежавший из Сибири: вырванные его ноздри и заклеенный лоб свидетельствуют о прежних его злодеяниях. Эти разбойники не только нападают на самые большие суда, но беспокоят также и берега реки, и выходят на них грабить.

Матросы наши возвратились со шлюпкою и мы поехали далее; я рассказал им, что слышал, и это их встревожило. Мы осмотрели наши средства защиты. Оружие на барке состояло в двух пушках, из коих одна была длиною в пядень, другая несколькими дюймами побольше. К счастью, ружья мои были понадежнее сей артиллерии. У меня было английское двухствольное ружье и шесть мушкетеров, все в хорошем состоянии. Я велел положить их на некоторого рода рангоуса, который бызает на всех волжских судах, для того, чтобы на нем мог стоять кормчий. Этот рангоус довольно возвышен, ибо кормчему нельзя было бы править рулем, чрезвычайно высоким, если бы он не стоял несколько выше палубы.

Покуда мы занимались этими приготовлениями к войне, с нами случилось новое несчастье. Судно стало на мель; матросы тщетно истощали всевозможные усилия, чтобы опять спустить его на воду. Ночь была темная и бурная. — Люди наши, измучившись, легли спать и уснули; сон их был так же крепок, как в древности сон Цезаря посреди киликийских пиратов.

На другой день, 30 числа, судно перегрузили и оно опять пошло в ход; но через минуту, к величайшему удивлению, увидели большую лодку, наполненную людьми, которых движения были чрезвычайно подозрительными. Мы тотчас взяли за оружие и сделали несколько выстрелов, дабы показать, что у нас нет

недостатка в средствах обороны и что мы намерены ими пользоваться. Когда мы достигли до поворота реки, течение понесло нас прямо на лодку: мы подошли к ней так близко, что могли пересчитать людей, которые в ней находились: их было десятеро. Мы уже думали, что непременно придется драться: но, к великому нашему удовольствию, лодка вдруг поворотила и скоро ушла из виду. В том месте, где мы провели ночь, нам еще подтвердили справедливость того, что мы слышали об этих волжских разбойниках и присовокупили, что против них отправлен отряд войска

1 июня.—Мы узнали наверное, что точно видели разбойников. Они ограбили судно, которое шло за нами и прибили экипаж.—На нас не напали они потому, что, как сами после рассказывали, видели на палубе два экипажа, окруженные вооруженными людьми.—Хозяин наш, который догнал нас сегодня, заметил их на одном острове, где они варили себе пищу: они не взглянули даже на его рыбацью лодку, в которой не надеялись найти богатой добычи.

Наши матросы были пьяны и мы поехали очень поздно. Мы плыли между островами на равнине, залитой водой. Матросы ловили зайца, запертого на островке водами Волги. Мы также видели множество пеликанов и корморанов, которые держались в отдалении. Вечером прошли мы мимо рыбацких хижин, где надеялись найти съестных припасов; но они были совершенно под водой и покинуты жителями.

Под вечер подошло к нам судно из Астрахани, чтобы спросить нас о разбойниках.—Наконец, мы вышли на берег в Тенелове, но, причаливая, перервали рыбацьи невода, почему вытерпели сильный залп ругательств, на что с нашей стороны было ответствовано тем же. 4 числа, я в первый раз в жизни видел двугорбого верблюда и узнал, что находящиеся у нас в Европе изображения сего животного совсем не похожи. Большая часть из них скопирована с рисунков Бюфоновых, которые не очень хороши. Я пробыл несколько минут в калмыцком стане; нас чрезвычайно забавляло приятное простосердечие калмыков.

Степь, около Теноловы, цвета голубоватого или, лучше сказать, зеленого, как море, что происходит от одного ароматического растения, которого благоухание наполняет воздух. Сказывают, что это род *artemisia*. Тушканчики здесь довольно обыкновенны; нор их не перечесть. Мне очень хотелось поймать хоть одного, чтобы посмотреть, похожи ли они на африканских, но их легко ловить только весной.

5 числа. Я имел удовольствие провести несколько часов с графом Валерианом Зубовым, который возвращался с персидской войны. Я слушал его с удовольствием, но сердце мое обливалось кровью, потому что я принужден был отказаться от многих идей, которые стали мне драгоценны. Я следовал, как только мог лучше, за ходом русской армии по карте восточной части Кав-

каза, которая была весьма тщательно сделана во время похода. Русские, прошедши Хой-су, вошли во владения шамхала таркского; этот князь уже отдался под покровительство русских и потому генералу Зубову не трудно было подвигаться вперед; он овладел Дербентом, городом почти совершенно заключенным во владениях кадия табассеранского. Наконец, Зубов расположил главную свою квартиру на пределах пустыни Муганской. Во всю эту кампанию русские действительно принуждены были сражаться только с лезгинцами, живущими в горах совершенно неприступных. За ними живет Авар-хан; имя Авар, носимое сим ханом, принадлежит одному древнему гунскому народу, и вот причина почему в сравнительном словаре всех языков, изданном в Петербурге, язык сих аваров, поставлен в след за языком венгерским; однакож, я не заметил никакого сходства между ними.

Граф Зубов находился в дружественных связях как с народами кавказскими, так и с другими, гораздо более отдаленными, каковы суть: туркменцы, бухарцы и афганцы. Бухарцы суть древние согдиане; они смешались с туркменцами, которые известны были под именем узбеков.

Наконец, я, к великому моему удовольствию, узнал, что есть округ, именуемый Талышинским, которым управляет особый хан и в котором говорят языком, коего персы не понимают. О существовании сего небольшого государства узнал я сначала из одной немецкой книги;¹ в ней говорится следующее: „В Гилане есть два рода жителей: гиланцы и тальяне, одни живут в долинах, другие в горах; гиланцы говорят языком, который есть нечто иное как наречие персидского; язык тальян совершенно отличен, так что оба эти народа друг друга не понимают; собака по-талышински и по-персидски называется спаке, а по-гилански сек“.

А я помню, что единственное мидийское слово, сохраненное нам Геродотом, есть спак (сука), которое счень похоже на спаке. Неужели тальяне суть остаток мидийцев? Но не станем далеко забираться в поля этимологии, чтобы не насмешить остряков. С. Г. Гмелин в своих путешествиях был близко к Талыши, был, может быть, и там; но для него, как для натуралиста, исторические изыскания о народах составляли предмет посторонний; то же самое можно сказать и о Гильденштете и других путешественниках, членах С.-Петербургской академии.

6 числа получили из Астрахани приказание преследовать разбойников, которые появились на реке Ахтубе. Посему те, которые мы встретили, составляли только отряд сей шайки.

Погода была прекрасная; шли мы очень тихо; ночью принуждены были бросить якорь близ одного острова; качало нас, как

¹ Der Allneuerste Staat von Kasan, Astracan, Georgien и проч. Нюремберг 1724.—1 том в 12 д. л. с рисунками.—Переведенное мною место находится на странице 334.

на открытом море. 7-го погода сделалась еще хуже. Для развлечения, я начал просматривать сравнительный словарь в четырех частях; я нашел в нем около двух сот слов, называемых суздальскими, из коих одна половина чистые русские, а другая не происходит ни от какого славянского наречия: некоторые из сих последних кажутся совершенно греческого происхождения; таковы суть: кирия (рука), галимо (молоко), гир (старик); митес (нос), как в новогреческом языке.

Вечером пришли мы к Чернойярску. Я остановился у богатого рыбака. Оттуда я весьма явственно различал за Ахтубою развалины Селитряного города. Это название получил он от находящихся в нем селитряных заводов; прежнее имя его неизвестно, так же как и имена многих других городов, которых развалины рассеяны по степи.

8.— Мы прошли мимо острова, на котором поразило нас нечто весьма примечательное; то был прекрасный дом, недавно построенный калмыцким князем; имя его Тюмень; ему первому опротивела жизнь кочевая. Однакож он все еще и ныне проводит часть лета под палаткою и остался верным ламайской религии.

Во время буруна, который едва не кинул нас на берег и заставил бросить якорь по середине реки, матросы поехали за водою на близлежащий остров; я воспользовался этим временем и стал писать замечания на Геродота. Отец истории путешествует теперь со мною по Скифии, посетив эту страну за 2.200 лет до меня. С тех пор сто различных народов обитали в стране, в которой я нахожусь: развалины их городов покрывают степь, но имена исчезли. Тысячи государей и славных воинов похоронены в степи и кто их ныне знает? Кто об них слышал? Один Геродот, древнейший из историков, существует в своем творении. Не осталось ни малейшего следа пути сражавшихся; пережило только то, что записал Геродот. Историк, говорил я себе, действительно может несколько гордиться, хотя счастливый генерал смотрит на него с презрением. Придет время, когда он будет жить — по милости историка.

9.— Мы не могли окинуть взорами всего пространства разлива одного из рукавов Волги. Деревни как бы плавали в реке; стада криками своими требовали, чтобы их отвели в места более возвышенные, которые сделались островами. Я с удовольствием смотрел на деятельность, вокруг меня царствовавшую: на правом берегу возвышался ряд калмыцких хижин или кибиток, и их рыбацьи лодки покрывали все реку. Ветер, довольно слабый, по временам прибывал нас к островам, где несколько тысяч воронов свивали гнезда; ужасные крики сих птиц нас совсем оглушали. Я сначала готов был упрекнуть судьбу за то, что так много воронов; но жалоба моя превратилась в удивление providению, когда я узнал от одного астраханского жителя, что во многих округах, орошаемых Волгою, невозможно было бы жить от гниющих рыб, если бы вороны их не клевали.

Наконец, после обеда увидели мы астраханские колокольни; через несколько часов мы подошли к этому городу. Первый человек, которого я встретил, выходя на берег, был индеец с желтым цветком на лбу; после того я уже не сомневался, что я в Азии. В гавани узнали мы, что десятеро из волжских разбойников пойманы.

Пребывание мое в Астрахани доставило мне возможность собрать разные любопытные сведения. Первая орда, встречающаяся на восток от Волги, состоит из татар ногайских, походящих на астраханских. За Уралом или Яиком живут три орды киргизцев, которые, говорят, могут выставить до 150.000 всадников. — После туркменцев, киргизцы самые дурные соседи, каких только можно иметь в Азии. Хотя часть сего народа признает владычество России, но частные люди часто сами ведут войну. Они переплывают Волгу или Яик, ведя лошадей своих за веревку, и горе русскому, который попадется к ним в руки. Его отводят в Хиву и продают. Но и им платят той же монетой; теперь в Астрахани человек тридцать пленных киргизцев. Я видел их плоские лица; они составляют средину между татарами и калмыками, но выше ростом и сильнее сих последних. Каракалпаки или черные шапки составляют ныне орду уже не многочисленную, и кочуют по берегам Аральского озера; они нанимаются в Хиве в поденщики.

Хивинские татары — народ оседлый; у них есть постоянные деревни и главный город. Деревянные их дома выстроены хорошо; внутри смазаны и выкрашены. Хивинский хан пленник в своем собственном замке и те, которые пользуются верховной властью, только действуют его именем; если им недовольны, то посылают его в Бухару и вызывают на его место другого.

Набеги киргизцев доставляют каждому семейству в Хиве по одному или по два русских пленника; если сии последние согласятся сделаться мусульманами, то их тотчас же освобождают. Говорят, что немногие из них на это решаются; те, которые жения, увеличивают народонаселение и промышленность. Подробности сии сообщены мне одним русским, который слишком двадцать лет был невольником в Хиве. В Астрахани всегда бывают купцы из сего города; они приезжают в Россию так смело, как будто не нарушают всеобщего права, покупая русских невольников и поощряя таким образом киргизцев к новым набегам. Я встречался со многими из них; они грубы и необходимы; от них много не узнаешь.

Город Бухара сообщает тон всему Туркестану. Бухарский хан, владетель могущественный и столь искусный, что основывает власть свою на теократии, ибо всегда говорит именем корана. Бухарцы, древние согдиане, и теперь, как прежде производят всю торговлю в Верхней Азии. Они ездят за индейскими товарами в Мультиан, за китайскими в Кашгар, за русскими в Оренбург. Древнее имя их: согдиане, весьма походит на слово судакер, которое, по-персидски, значит купец.

Туркменцы, живущие по берегам Каспийского моря, так же как и киргизцы, народ совершенно кочующий; главная отрасль промышленности их есть грабительство; однакож они производят некоторый торг в Мангшлаке, куда приходят для того русские корабли; но никто не смеет выйти на берег, пока они не дадут заложников; даже эта предосторожность не всегда бывает достаточно. — Посему весьма опасно было бы идти познавать этот народ в его собственной стране. Есть также туркменцы, подвластные России.

За Хоразаном лежит Кандагар, в котором главный народ суть афганцы; князь их называется Земан-Шахом. — В последнее время они сделали значительные завоевания; они владеют многими персидскими провинциями, и говорят то же, что они завладели царством Кашемирским, откуда мы получаем те тонкие шали, которые так нравятся европейским дамам. Ныне в Астрахани живет афганский князь сын Ассад-хана, которого царь грузинский Ираклий содержал в неволе. Я не имел счастья с ним познакомиться, но он, может быть, немного сообщил бы мне о своем отечестве, потому что всю жизнь свою провел в Персии.

Большая часть индейцев, живущих в Астрахани, родом из Мультана. — У них есть брамины, кающиеся, вода из Ганга, одним словом, все что принадлежит к их религии. Я видел как они вечером молились Вишну. В их божественной службе есть наружное великолепие, сколько позволяют место и обстоятельства. Астраханские индейцы питаются мясом, но не едят говядины из уважения к корове. Они часто покупают птиц и выпускают их на волю, кормят собак, бегающих по улицам, и вообще оказывают великую привязанность к животным. Окончив дневную работу, они прогуливаются в саду, который нанимают; курят калеун, едят сарачинское пшено; чудясь, рассматривают прекрасный цветок или травку, удивляются творцу в малейших его творениях и с довольным лицом возвращаются в свои караван-сарай. Они почитают себя весьма счастливыми, если у них есть платье темнозеленое или алое, два цвета, которые они весьма любят. Когда они умирают, тела их предают огню, и пепел отправляют в Индию. Прежде они и при жизни охотно туда возвращались, но теперь начинают чувствовать цену личной свободы.

Я помню, что в том возрасте, когда разум хотел бы вдруг объять все познания, и когда человек исполнен силы и деятельности, я желал прочесть в одно лето все книги об естественной истории, какие только тогда были. Вскоре случай привел меня в институт Болонский, где я с величайшим восхищением нашел все предметы изучения моего, расположенные в порядке. Здесь случилось со мной то же самое. История народов Средней Азии меня много занимала, но только в книгах. Теперь я вижу перед собою все эти народы с их отличительными чертами, с их сходством и различием, с их наречиями и преданиями. Мне не нужно

уже много работать воображением и памятью, чтобы напоминать множество идей, мало связанных между собою. Все, что я собрал об этом предмете, ясно представляется уму моему при первом взгляде и запечатлевается в нем неизгладимо. Но зато я встречаю новые трудности: вижу людей с плоскими лицами, которые, кажется мне, принадлежат к одному народу, но эти люди говорят разными языками. С другой стороны, люди с лицами совершенно не одинаковыми говорят одним и тем же наречием и все почитают себя настоящими татарами Чингис-Хана.

В Астрахани больше купцов персидских, нежели индейских; я видел двести первых, собравшихся в караван-сараяе, который они украсили для праздника Госсейна; здание было освещено большими фонарями в китайском вкусе, что производило прекрасный вид. Но самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть, чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь другом месте земного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать как призывают на молитву крики муедзинов сих последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские христианские общества.

Изыскания мои о древностях, об языке и происхождении персиян доставили мне весьма приятное занятие. В новейшем персидском языке нашел я слова, приводимые Страбоном: паропамиз (покрытый снегом), сарапара (головорез), тигрес (стрела). Это обстоятельство заставляет меня думать, что новейший персидский язык не есть смешение парфянского и что, следовательно, европейские слова, встречающиеся в нем во множестве, не происходят от парфянского. Основываясь на свидетельстве Страбона, я почитаю персиян отраслью мидийцев, покоровшихся еще до времен Кира. С другой стороны, я никак не мог понять отчего персы вдруг исчезают в истории и уступают место свое мардам. Я полагаю, что эти марды, не что иное как мидийцы. Моисей Хоренский утвердил меня в этом мнении тем, что он мидийца называет по-армянски мар, а мидийцев маратами. Ныне турецкий язык распространился почти в целом Азербайджане; но в горах есть разные полу-персидские наречия, которые, может быть, остатки древнего мидийско-персидского языка.

Ежели изыскания мои счастливо доведут меня от народов и языков древних до народов и языков новейших, то этим наиболее обязан я тому, что имел неожиданное счастье найти превосходного учителя, который познакомил меня с нынешними народами и их языками. Учитель этот есть Аббас-Хан, знатный персиянин, человек отличный по уму и сердцу. Ага-Могамед-Хан питал к нему такое уважение, что наименовал его губернатором Испагани, а потом Гиляни. Мустафа-Кули-Хан взял его в плен

в сей последней провинции и увез в Россию, как заложника безопасности его семейства, оставшегося во власти его брата.

Когда я приехал в Астрахань, русское правительство освободило Аббас-Хана. Он собрался к своему повелителю и угваривал меня ехать с ним, обещая мне прием самый благосклонный. Вдруг мы услышали, что Ага-Могамед-Хан убит своими собственными невольниками. Это известие было громовым ударом для Аббас-Хана; он впал в уныние. Немногие его посещали; может быть, страшились прогневать Мустафу. Я удивлялся тому, что человек такого характера, как Аббас-Хан, был так огорчен смертью человека столь жестокого; но он пользовался доверенностью Ага-Могамед-Хана и притом персияне почитают жестокость принадлежностью власти; они думают, что без жестокости в Персии царствовать невозможно и многие предпочитают тиранство анархии. При том Ага-Могамед-Хан имел полное право жаловаться на человечество; один неприятель его отца сделал его евнухом еще в младенчестве; Могамед был потом невольником при дворе Керим-Хана, где он был посвящен во все таинства персидской политики. Наконец, он воспользовался благоприятным случаем выказать свои дарования против несчастного Гедает-Хана, и как у него не осталось уже соперников, то он царствовал почти десять лет в Персии. Предметом его честолюбия было титул Шаха. Он хотел покорить князей кавказских и хоразанских, чтобы еще с большим блеском возложить на себя венец Надира; смерть положила конец гордым его замыслам. Персия снова впала в анархию.

В числе прочих познаний обязан я Аббасу-Хану познанием талышского языка, который есть не что иное как варварское наречие персидского. Персияне говорят фадер¹ (отец), модер (мать), буродер (брат); талыши говорят: фар, мур, бue; они называют собаку не спека, как я сказал выше, но сепа, что не много отличается от Геродотова спако. Впрочем, в небольшой земле Талышинской есть несколько наречий; в моем словаре содержатся те из них, которые употребляются в стране приморской: тамошний купец Хаджи Хиассем диктовал мне их в присутствии Аббаса-Хана, который провел два года в этой стране. Теперь есть в Астрахани посланный талышинского хана, но я его еще не видал, потому что он болен.

13-го августа приехал я казацкой почтой в Замянск, где встретил людей калмыцкого князя Тюменя; они поехали вперед, чтобы уведомить его о моем прибытии. Я поплыл вверх по Волге в лодке, в которой гребли двое казаков, и через несколько часов был уже в орде. Князь встретил меня при входе в палатку, для меня приготовленную. Она была украшена китайской материей и в ней стояла хорошая постель. Мне подали ужин, приготовленный по-европейски; Тюмень и его сын разговаривали

¹ Fader, Moder, Broder, по-шведски и по-датски; сокращенно: Far, Mör, Brör.

со мною весьма свободно по-русски; последний учился в Астрахани и довольно образован.

Слово палатка, которое я употребляю для означения подвижного жилища калмыков, так же не точно как и русское название кибитка, потому что эти хижины сделаны из решеток, покрытых войлоком. Их разбирают и складывают на верблюдов. Можно разобрать решетки, так же как и ивовые жердинки, называемые фулен. Калмыки называют эти жилища гир. Татарские хижины делаются почти также, но только бывают меньше; татары называют их кара-чу.

14-го августа меня разбудила китайская музыка; я тотчас встал и пошел смотреть, как гелонги молятся. Их было человек тридцать в гире. Они пели гимны с аккомпаниментом музыкальных инструментов, которые были мне не совершенно знакомы, потому что я видал их часто на китайских обоях. От времени до времени гелонги делали горлом движение, как будто хотят плюнуть. Кроме этого ничто не нарушало однообразности их пения, которое продолжалось с час. Всего более поразило меня то, что у всех гелонгов были толстые здоровые лица, составлявшие совершенную противоположность с лицами калмыков, которые все, не исключая даже и князей, худы и желты.

Потом пошли мы в гости к ламе, который по старости своей уже не присутствует при молитве; может быть, этого не дозволяет ему и достоинство. Все в его гире было на образец китайский и действительно получено оттуда. Лицо его совершенно соответствовало всему окружающему; оно совершенно напоминало мне пагоды, которые прежде украшали наши камины. Его почитают образцом святости и источником мудрости. Я показывал его святейшему сочинение отца Георгия. Жрец читал весьма свободно тибетские слова, в нем находящиеся и удивлялся, что в Европе есть книги, писанные на этом священном языке, и еще более дивился привилегиям, которые великий лама даровал миссионерам. Я представил ему молодого моего воспитанника, как потомка Амурфаны. Жрец, кажется, сначала сомневался в справедливости сего происхождения; но когда я ему сказал, что Амурфана прижил в Сибири сына, который был отвезен в Польшу, женился там и у него родился этот сын; что, наконец, у меня хранятся все бурханы или идолы, принадлежавшие сему джунгарскому князю, то он начал глубоко размышлять и, наконец, признался, что рассказ мой весьма правдоподобен. Воспоминание о блестящем дворе князя Контайше, при котором он провел свою молодость, так растрогало этого старика, что я принужден был сократить мое посещение; мне после сказывали, что по уходе моем он горько плакал.

Когда я возвратился от духовного начальника, князь Тюмень представил меня княгине Нурджане, супруге своей, женщине молодой и весьма хорошенькой в своем роде; тело ее было ослепительной белизны, которую еще более возвышали два совер-

шенно черные локоны. Она читала монгольскую книгу, в коей описывались знаменитые подвиги Чингис-Хана. Воспользовавшись этим случаем, я спросил, не сохранилось ли у них какого воспоминания об уйгурах, народе, которому приписывают изобретение монгольской азбуки. Тюмень отвечал мне, что калмыки ничего не знают об этом народе, но что у них есть пословица: „Я не понимаю этого человека, он, может быть, уйгур“.

Я старался узнать также, не осталось ли каких следов того почтения, которое монголы оказывали прежде к порогу жилищ их и которое было столь велико, что христианские монахи, которые имели несчастье прикоснуться к нему кончиком ноги, были наказаны палочными ударами и им даже угрожали смертью.

Тюмень уверял меня, что сие уважение сохранилось и поныне; дотронуться до порога можно, но сесть на нем великий грех. Может быть, от этого происходит название Высокой Порты.

Между тем, как мы занимались этими историческими вопросами, княгиня ухаживала за князьком Хувашею, своим четырехлетним сыном. Тюмень прижил с Нурджаною только одного этого ребенка, который заслуживает всю его нежность, потому что он, может быть, самый хорошенький из всех калмыков. Многоженство у калмыков дозволено, но примеров оно встречается немного.

Нам подали водку, приготовленную из кобыльего молока (кумыс) и чай, вареный в масле. Водка некрепка и в ней есть что-то жирное, что мне не понравилось. Чай, который калмыки выписывают из Китая, собственно для себя, совсем не похож на наш. Он состоит в толстых дощечках, твердых почти как кирпич и покрытых тонкой бумагой, исписанной множеством литер. Калмыки варят этот чай с молоком и маслом и делают таким образом из него питье здоровое и крепительное. Все татары приняли это обыкновение.

Мало-помалу собирались фигуры, истинно чрезвычайные, и уселись около нас. То были татары кундурские, кочевавшие в окрестностях; они пришли засвидетельствовать нам свое почтение. Тюмень велел подать им кумысу; впрочем, он, казалось, не очень уважал их; напротив того, эти кундуры оказывали ему величайшее уважение. Мне казалось удивительно, что гордые мусульмане унижаются таким образом пред идолопоклонником. Но они уважали в чем кровь Чингис-Хана, его богатства и твердый характер его, действительно почтенный, которому отдают полную справедливость и русские, и кочевые народы от берегов Яика до Кубани.

За обедом, я, из учтивости, оказывал предпочтение лошадиному мясу; даже просил его. Певец, который играл в то же время на ялге, струнном инструменте, забавлял нас за столом музыкой; больше я об нем ничего не могу сказать, потому что инструмент его несколько не походил на наши. Одна песня его напомнила мне известные куплеты: *Ramonez—ci, ramonez—là*, и проч. После обеда пришли два князя из фамилии Дондук-Омбо;

один назывался Нукуилином, имя другого я забыл. Они по-русски не понимали и имели понятие не выше своего народа.

Тогда началась блестящая охота; калмыцкие князья отправились с соколами, кундурские татары также приняли участие в оной, и вся равнина покрылась всадниками. Цаплей наловили столько, сколько хотели, и всякий возвратился весьма доволен.

Утром 15 числа я срисовал бурханы или истуканы в часовнях, кибитки и все, что принадлежит к ламайскому богослужению. Все было весьма богато; бурханы украшены жемчугом; музыкальные инструменты обделаны серебром и драгоценными камнями. Духовенство чрезвычайно многочисленно. В этой орде, состоящей только из тысячи гиров или 3000 душ, духовных всех классов считается 220 человек; но они люди не бесполезные; одни обучают юношество; другие искусны в медицине и особенно в познании простых лечебных средств. Гелонги сии не имеют нужды просить милостыни, народ, без их просьбы, приносит им все нужное. После обеда присутствовал я при духовной церемонии, совершенно отличной от первой. Гелонги одеты были в небольшие, но весьма богатые мантии; на них были передники из китайской материи и драгоценные митры, украшенные фигурами. Костюм их походил на одеяние китайских бонз. При этом не играли ни на каком инструменте; всякий монах держал в левой руке медную гремушку, а в правой орудие, которого я не знаю ни имени, ни употребления; у каждого была сверх того медная чаша и семена, завернутые в холстину. Перед молитвой они держали пред глазами кусок тафты, потом бормотали потихоньку какие-то слова, производя по временам звук, который я заметил накануне. Иногда они складывали руки, точно так, как мы, когда молимся, потом бросали семена на воздух. Один из них встал, зажег на алтаре фимиам, взял сосуд, в котором был пух, налил из него какую-то желтую жидкость в раковину, а оттуда разлил ее в чашки всех монахов; они ее пили, намочили ею лоб, а остальное поднесли богам. Все сии обряды производились, кажется, по установленному порядку; так как они кончились не скоро, то я имел время срисовать монахов и место, где они находились.

16-го осматривали мы хугор; я видел там довольно хороших пастушек, которые доили кобыл. Возвращаясь к Тюменю, мы поймали еще несколько цаплей. Калмык не делает ни шагу без своего сокола. У каждого есть свой, которого сам кормит и почти целый день им занимается.

После обеда судили двух человек, которые нарушили законы целомудрия. Преступники были: кундурский татарин, довольно уже пожилой, и калмычка очень молоденькая, но чрезвычайно непригожая. Обольстителю определено было дать несколько ударов канчуком, которые и были даны с величайшей благопристойностью и, смею сказать, к удовольствию и бившего, и битого. Надобно заметить, что преступный татарин принял на себя труд

бучить в хуторе дикую лошадь, что расположило калмыков в его пользу. Он, казалось, чрезвычайно радовался, что отделался так дешево, ибо боялся, что принужден будет оставить у себя свою красавицу. Завтра мы будем обедать в орде этого любовника, битого и довольного.

В первые дни пребывания моего в орде, дули морские ветры, весьма холодные, после сделались очень жаркими и пронзительными. Переменчивость погоды причинила многим калмыкам насморки, что с ними случается редко, а другим лихорадки. Тюмень также сделался болен, и я не избавился от этого и страдал более всех. Посему я выехал из стана и перешел в прекрасный дом, который хозяин мой выстроил для житья зимою. Перемена жилища и старания, которые обо мне прилагали, скоро восстановили мое здоровье; завтра могу я следовать за ордою, которая должна перекочевать. Мы будем на свадьбе. Дин-Эслам, богатейший из татар кундурских, выдает дочь замуж; меня уверяют, что великолепие пира, который он дает, превзойдет все, что только можно вообразить.

20-го я рано поутру отправился в орду, которая была уже на походе. Чрезвычайное множество верблюдов везло палатки и багаж. Их вели женщины верхами; у некоторых были наперед сидла дети. Бедным надобно было немного времени, чтобы скласть на верблюда все им принадлежащее. Никто не шел пешком: все были верхами, даже и старый лама, который ехал впереди своего синода.

Следовав несколько времени за колонною, мы поворотили вправо и въехали на земли кундурских татар, где шествие наше часто прерывалось, потому что надобно было переезжать, образом выше описанным, несколько сотен речек, впадающих в Волгу и мы часто принуждены были их переплывать. Мы ехали мимо множества кундурских аулов и, наконец, прибыли к аулу Дин-Эслама, который узнали издали по толпе, его окружавшей. Первые знаки почтения оказали мне девушки, которые качались на одном пригорке. Когда мы приближались, они перестали играть и сжались так плотно, что мы видели одни их шелковые платочки. Князь Тюмень приветствовал их на калмыцком языке и просил их не уходить от нас, потому что мы приехали только для того, чтобы посмотреть на их пляску. Сии вежливые слова и звук инструментов, сделали молодых нимф благосклоннее; они подняли несколько свои покрывала и показали нам концы своих приплюснутых носов; две даже встали и подошли к нам. Музыкант снял с них покрывала; при сем знаке они начали плясать, но так потупили глаза, что они казались совсем закрытыми. Хотя они ничего почти не видали, но не теряли такта и в движениях их было довольно приятности. По окончании пляски, они закрыли лицо руками, чтобы скрыть детское смущение, музыкант возвратил им покрывала и они ушли с чрезвычайной скромностью. Одежда сих молодых девушек была весьма странна по

множеству серебряных цепочек, дощечек, наручников, пуговиц, ладонек и других подобных вещей, которыми они были обременены; на носу у них были кольца, украшенные драгоценными камнями.

Потом пошли мы к женщинам, которые одевали невесту. Ничего не было забыто для того, чтобы пир был сделан блестящим. Убили четырех лошадей, четырех быков и четырех овец. Старшины принесли хвосты жирных овец, кишки, головы и другие лакомства. Я невольно вспомнил свадьбу Гамаха. Для нас приготовлена была палатка; я разговаривал в ней с Бег-Алием, кундурским муллою. Для ногайца, он весьма учен и что еще реже, желает научиться более. Ему сказывали, что у меня есть турецкая грамматика. Ему очень хотелось ее видеть. Мы много говорили об истории кундурцев: они настоящие ногайцы, но приняли обычай жить в гирах калмыцких, отчего аул их не походит на другие татарские аулы. Зимой они живут в домах близ Красноярска. Однакож у них еще находится в употреблении гильдерга, род тележки с дышлом, которую они ставят возле палатки и которая служит им сундуком. Обычай сей весьма древен, ибо о нем упоминается в посольствах Менадра. Станы их отличаются от станов астраханских татар тем, что каждое семейство занимает в нем большое пространство.

Обед подавали в больших и малых корытах. В одном из самых больших была четверть кобылятины, в других баранина, сарачинское пшено и просо.

После обеда все сели на лошадей; началась блестящая скачка, за которой должна была следовать борьба; но по причине нашего отъезда мы не могли дожидаться ее.

До захождения солнца приехали мы на берега Ахтубы, где ожидали нас верблюды, для того, чтобы на них могли переправиться через реку важнейшие люди из нашего общества; другие перебрались через нее вплавь. Уже довольно поздно ночью прибыли мы в новый стан орды; в этот день проехали мы около пяти немецких миль, что очень довольно для человека едва выдерживающего. Я отдыхал и записывал дневные происшествия, когда Тюмень пришел показать мне свои кольчуги; каждая из них имела свое имя, как меч Роланда назывался Дурандалем, а сабля Болеслава, короля польского, Щербцом. Самое примечательное вооружение Тюменя называется Китчин-Килинтук (рубашка Китчин-Хана). Она известна у всех татар и даже на Кавказе.

22 числа поехал я в Джид-Хаджи, который русские называют Селитряным городком. Целью сего путешествия было осмотреть развалины татарских строений. Надежда моя была совершенно не исполнена. Ныне остались только огромные кучи кирпичей; некоторые из них муравлены, с одной стороны, голубым, зеленым или белым цветом; встречаются даже остатки мозаика. Четыре видимые там башни построены в новейшие времена; они, так

же как и стены в Астрахани, построены из старых кирпичей. Доказательством недавнего построения их служит смазка, которая состоит из дурной глины и нейдет в сравнение с той, которую татары употребляли прежде; потом оконные рамы, сделанные в новейшем вкусе; наконец, муравленные черепицы, перемешанные с другими, которые татары употребляют только на двери и гуськи. Кажется, что русские хотели прежде сделать здесь крепостцу для защиты плавания их по Ахтубе; на одной из сих башен была даже сделана деревянная будка, которая и теперь еще существует.

Путешественники, которые говорили о могилах с кирпичными сводами, ошиблись. Под словами могила, курган и бугор из кирпичей, русские разумеют не что иное как развалины или кучу обломков. Между четырьмя башнями, о которых говорил я, заметны также следы деревянных домов, без крыш, без дверей и без окон; в них живут только змеи и тарантулы. Одно бедное русское семейство поселилось здесь в надежде завести небольшой торг с кочующими народами. Я не понимаю, как змеи могут жить в месте столь высоком и сухом; а между тем нельзя сделать ни шагу, не встретив одну из сих гадин. Бывшие тут татары и калмыки казались чрезвычайно удивленными при встрече с иностранцами. Вечером услышали мы других обитателей сей страны; то были волки, которых вой распространял страх между собаками, составлявшими единственный гарнизон сей древней крепости. Я не посоветую ни одному ипохондрику оставаться долго посреди развалин Джид-Хаджи, потому что зрелище оных и бедняков, в них обитающих, степь, окружающая их со всех сторон и теряющаяся из вида, свист змей и вой волков делает сию страну самым ужаснейшим жилищем во всем свете.

На три дня езды к северо-западу от дороги в Джид-Хаджи, уединенная гора возвышается посреди степи; русские называют ее Богдо-Гора. Калмыки Богдо-Ула. Богдо, слово монгольское, и значит святой, великий, величественный. Посему когда русский кабинет дает китайскому императору титул его Богдо-Ханского величества, то это не значит хан, данный небом; в этом случае употребляют старинное слово, которое, вероятно, принято было в России в то время, когда уже монголы владычествовали в Китае. Здесь многие рассказывают об этой горе Богдо; между прочим, говорят, что на вершине оной обитает калмыцкий гений, который не выпускает на нее никого далее известной высоты и низвергает в пропасть каждого, кто осмелится ему противиться. Приключение столь необычайное было бы для меня довольно привлекательно; но ночи становились уже холодными и даже дни не так жарки, чтобы, вымочась, на сильном дожде или при переходе через реку, можно было высохнуть. Лихорадка, от которой я едва отделался, пугает меня более, нежели гений; и посему я отказываюсь от славы забраться в его эфирное жилище.

23-го числа я возвратился в орду довольно поздно; я видел многочисленные обряды, с которыми гелонги объявляли пост,

называемый Матрег. Вечером приехали черкесы, которых мы заставили плясать. Пляска сего народа походит на казацкую и это неудивительно, потому что оба народа живут так близко один с другим. Но отчего пляска норвежцев походит на казацкую? Этого я никак не умею объяснить, хотя и видел ее в Копенгагене. Как я уже начал говорить о жителях Кавказа, то прибавлю, что я много их видел в Астрахани и между прочими одну чеченскую княжну; война принудила ее удалиться в этот город. Она довольно хороша и довольно образована по своему, т. е. она знает турецкий язык, так как на нем говорят в Персии. Впрочем она не избавилась от своих национальных предубеждений. Ей было очень скучно в такой земле, где на дорогах не грабят вооруженной рукой; украденная ленточка приятнее для нее жемчужного ожерелья, купленного. Она тщеславилась тем, что, с самого начала света, князья ее дома, всегда грабили по дороге в Тифлис и Баку; и она была бы в отчаянии, если бы ее родственницы и приятельницы узнали, что она вышла замуж за человека, который живет не разбоем. Я думал, что это преувеличение, но Тюмень, который хорошо знает отечество этой женщины, потому что несколько раз был там в походах, рассказывал мне, что, ежели какой-нибудь князь недовольно ревностно занимается благородным ремеслом разбойника, то проходящие складывают перед его жилищем кучи камней, расположенных известным образом, чтобы обесславить его на всю жизнь. Вообще кавказские народы являют странную смесь необразованности и великодушия; они лгуны, воры и обманщики с иностранцами, но оказывают геройское презрение к жизни и ненарушимое уважение к гостеприимству; наконец, они друзья искренние.

Сегодня, 24-го числа, во всей орде и между прочим у княгини Нурджаны производились разные обряды ламайской веры. У нее на коленях была книга, состоящая из отдельных листов, которые она раздавала всем присутствующим, и они пели написанное в оных как священную песнь. В других гирах также пели и вертели курдесы, род клепала; у ламаитов это занятие стоит молитвы.

Я ходил прощаться с ламою; и говорил с ним о дворе Галдан-Церенга, при котором этот первосвященник в молодости жил. Он мне сказывал, что народонаселение четырех калмыцких поколений полагали в это время в 300.000 гиров или по русскому счислению в 18.600.000 душ. Сверх того, татар, повинующихся Кентайше, в Малой Бухарии могло быть душ 400.000. Татары сии совершенно походят на астраханских, живут в городах и возделывают сады. Галдан-Церенг вызвал многих из них, чтобы развести сады по берегам реки Или. В этой стране есть также гора Богдо-Ула, которой гелонги поклоняются.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА И АКАДЕМИКА НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕКИНА

ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА;

1768 и 1769 году.

Часть I.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.
1795 году.

ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА И АКАДЕМИИ НАУК АДЪЮНКТА ИВАНА ЛЕПЕХИНА ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАР- СТВА В 1768 И 1769 ГОДУ

Лепехин Иван Иванович (1740—1802 гг.), известный путешественник и ботаник. Изучал также медицину в Страсбурге. Лепехин вел переписку с Ломоносовым, который предназначал его к занятию кафедры ботаники в Академии. Получив в 1767 г. степень д-ра медицины, Лепехин вернулся в Петербург и был определен адъюнктом, а с 1771 г. академиком по естественным наукам. В 1768-72 гг. Лепехин предпринял, — частью один, частью с Палласом, — путешествие с научной целью по ЮВ и отчасти северу Европейской России, причем составил замечательные для своего времени ботанические коллекции. В 1773-74 гг. Л. путешествовал по Белоруссии. По возвращении был назначен директором ботанического сада. Лепехин напечатал: „Дневные записки путешествия“ (Петербург, 1771, три части; 2-е изд. 1795, „Размышления о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастаний“ (Петербург, 1783), „Краткое руководство к разведению шелков в России“ (1798); и др. „Дневные записки“ переведены на немецкий яз. (1774-83).

Нами взяты отрывки из первого тома „Записок“, изданных Академией наук 1771 г., где Лепехин описывает свое пребывание в Нижнем Поволжье.

Оставя село Грязнуху, продолжали наш путь дальше до Борисовых хуторов, в 60 верстах от Грязнухи находящихся. Дорога до сих хуторов по большей части была степная. В редких местах видны были небольшие перелески. Между Грязнухой и Борисовыми хуторами на дороге были разные иностранцев селения.

Первое стояло при речке Елшанке, по которой и прозывалось. От сего в шести верстах лежало селение Каменка, на речке того же имени. За Каменкою следовала Пановка, в десяти верстах отстоящая. От Пановки в семи верстах построено было Илавлинское селение на самой реке Илавле, в котором сооружена изрядная деревянная католическая церковь. За Илавлинским селением в шести верстах лежала Усть-Грязнуха, заведенная при устье речки Грязнухи. Последнее по Илавле селение называлось Верхняя Грязнуха на той же речке построенное, отстоящее от прежнего только в четырех верстах. О порядках новопоселенцев говорил я выше: итак, нет нужды более об них распространять толкование. В сей, впрочем, немалый переезд по Илавле, ничего нам отменного в растениях приметить не случилось, кроме что по Илавлинским поемным местам в великом изобилии росли проскурняк и большой чистотел, так что сими, на врачевание употребляемыми растениями, можно удовлетворять все нужды.

За последним селением иностранцев по берегу реки Иавлы целый лесок, обширностью около версты, состоял из вишенника, в котором мы никакой отмены сыскать не могли от вишенника, везде по степям Оренбургской губернии самопроизвольно растущего: однако илавлинский вишенник как величиною дерева, так и сладким вкусом ягод много превосходит Оренбургский, так без сомнения от тучности и влаги поемных илавлинских мест

происходить должно. Не доезжая до Борисовых хуторов версты с три, в низменных илавлинских горах обыскали мы много железной охры и глиноватой железной руды, которая почти на самой поверхности гор находится.

Город Дмитриевск отстоял только в 15 верстах от помянутых хуторов, из которого должно было нам пробираться через степь на Яик подле реки Ярослана по возвращении из Царицына; почему для большого уверения о сем пути отправились в помянутый город. Дорога к нему лежала подле заведенного канала еще блаженной и вечностойной памяти государем императором Петром Великим, в намерении соединить реку Камышенку, впадающую в Волгу, с Илавлєю, которая свои изливает воды в Дон, и тем открыть сообщение внутренних российских мест с Азовским и Черным морями, и так далее. Каналов заведено два, из которых один нарочито вырыт глубоко, и в нем беспрестанная стоит вода, заходящая в половодье из разливающейся Илавлы. Другой прорыт не так глубоко и совсем безводен. Оба конца сих каналов еще не доведены до их предмета, то есть, ниже до Илавлы, ниже до Камышенки. Не мое дело, да и сил недостает говорить о сем, толь важном для нашего отечества предприятии. Оное остается искусным в таких делах мерятелем. Сие только скажу, что прославляемая между нашими простолюдинами река Камышенка так мала, что в межень местами и перескочить можно: но от стремительного ее течения и впадающих в нее небольших речек такого же свойства, может статься, могут воды возвыситься до желаемого предмета.

Не доехав до Дмитриевска верст с шесть, при самой дороге находятся три горы, Уши называемые. Они нарочито отдалены от хребта волжских гор, и вышиною своею ни мало волжским горам не уступают. Первая от них совсем отделена, и ближе к Волге подвинулась. Другие две между собою смежны, и от первой отстоят сажень сот на пять. Весь их краешь составляет белый сухой кварц, который от воздушных действий местами в мелкий песок претворился. Куски сего камня, будучи друг об друга терты, испускают сильный серный запах. При каждой горе находятся глубокие овраги, глубиною своею почти высоте гор соответствующие. В горах много видно пещер; но проходы к ним так узки, что никоим образом в них спуститься было невозможно. Мы опускали в сии подземные провалы камня, от которых отдавался звук обширной пустоты. Как над провалами, так и по бокам гор висели огромные глыбы оторванного камня: иные были из них четвероугольные и гладкие, и походили на дела рук человеческих, другие не имели никакого правильного очертания. Тут стояли торчмя большие гробмады; инде лежали взвонченные друг на друга каменные кабаны; да и самые гор породы устланы были отрывками своими. Все сие гласит, что горы Уши начало свое должныствуют силе сокрытого в челюстях земных горючего вещества.

Город Дмитриевск стоит на самом волжском берегу. В восточную сторону протекает речка Камышенка, а в полуденную Волга. Он причисляется к Астраханской губернии; уезду никакого не имеет: почему в нем только одна комендантская канцелярия находится. Самое большое достоинство сего города составляет соляная пристань. Укрепление в городе, которое состоит в низменном земляном валу с палисадом, уже нарочито обветшало: однако ныне старанием главнокомандующих паки возобновляется. Строение в городе деревянное. Церквей только три, две деревянные и одна каменная. Промыслы купецкие состоят по большей части в рыбе, отпуске хлеба и скотины, которую они получают от кочующих в соседстве калмыков. Других товаров в городе весьма мало, да и то на крестьянскую руку. Большую часть прикожего народа питает соляная пристань.

Расспрашивая о дороге на Яик, от всех единогласно были уверены, что проложенная на Яик дорога с Эльтонского озера уже давно запала потому, что Яицкие казаки более за солью на Эльтонское озеро не ездят, и во всем Дмитриевске невозможно отыскать знающего дорогу на Яик.

Эльтонское озеро, находящееся на луговой стороне Волги, как наидостопамятнейшую вещь в сем нашем путешествии не хотели оставить без осмотра; ибо к оному саближайший был переезд из Дмитриевска: и так мы 29 перебравшись за Волгу приустроили все нужное к степному походу.

Слобода Никольская, построенная против самого Дмитриевска на луговой стороне, уже показывала нам преддверие к соляным степным местам. Несмотря на соседство Волги и песчаные места, окружающие сию слободу, в неглубоком земных недр разделии везде оказывалась солодовья вода, что доказывали выкопанные в слободе колодцы. Слобода сия нарочито пространна, и поселены в ней малороссияны, приписанные к Эльтонскому озеру, которые наиболее участия имеют в поставке соли. С них никаких оброчных денег нет; но единственно они обязаны сделать до несколько поездок на Эльтонское озеро за солью, и поставить оную до волжского берега.

Соль они возят на волах, в сделанных нарочито для того фурах. За каждый пуд соли получают они из казны по четыре копейки с половиной. На паре волов возят по сто пудов и с лишком. Обеднявшие по какому-нибудь случаю, которые не в состоянии купить волов, получают на то казенные деньги с тем, чтобы на них завозить соль.

Кроме сих поставщиков есть много и других охотников, которые приезжают из Малороссии с тем, чтобы им дозволено было развозить соль во внутренние российские места. Всяк из таких наемщиков обязан, прежде нежели получит дозволение везти соль, куда ему потребно, сделать три поездки в пользу соляной пристани, за указанную цену.

Но как волы в ходу своем медлительны, при том и степь почти безводная; то на каждые две пары волов берется третья пара под воду, которой и подводчики и волы довольствуются. По безлесью в сих местах казна принужденной находится снабжать проводчиков бочками для воды с малым за оные вычетом.

Выехав из Никольской слободы околом трех верст, степь вся покрыта была глубокими песками, где никакой травы не видно было кроме дуркамана или малого дурнишника. Песчаные места служили покойным убежищем освященным жукам. Редкое сие по нашим местам насекомое понуждало нас обстоятельнее рассмотреть его домостроительство, но труд наш был тщетен, ибо ни одного гнезда найти не могли. Как скоро поднялись на степь, то по всем сторонам видны были беспрерывные обозы взад и вперед идущие, и вся почти степь покрыта была пасущимися волами. Дорог к Эльтону столь много, что и перечестъ их трудно; и сие единственно сделано для лучшего содержания рабочего скота: но со всем тем степь от чрезмерной засухи так была бестравна, что волы более насыщались соленою землею, нежели растениями. Подвинувшись верст с семь от Никольской слободы, наехали на так называемое Пресное озеро, которое почти все заросло осокой. Вода в нем тиновата и противного вкуса. Округа оною около версты составляет. Озеро сие пускающим ся в степь подводчикам первым бывает прибежищем. Тут они запасаются водою к дальнейшему степному походу. От пресного озера в 35 верстах находится другое озеро, Могута называемое. Озеро сие, так как и прежнее, заросло осокой и камышом, весьма вязко и тиновато. В поперечнике его не с большим верста почитается; а в округе будет около двадцати верст. Пресная вода и защита от болотных трав привлекают к нему великое множество различных водяных птиц, как-то: уток, чапур, лебедей и диких гусей. Подле сего озера на пользу проезжающих заведены копани, в которых вода, проседающая сквозь песчаное место, нарочито пресна, и может употребляема быть на пишу. Тут же построены умиоты для отдохновения проезжающим и для прохлады усталого скота. Казацкий караул служит защитой возчикам от кочующих по степи калмык и охранением, построенным умиотам. Около сего умиота первый раз попалось нам восточное растение, от Додарта прозванное. Его было тут очень много в цвету и с семенами.

30 числа продолжали наш путь далее через 35 верст. К обеду приехали к Балухтинскому умиоту. Умиот сей назван по двум озерам, Балухта прозываемым. Они отдалены от умиота верстах в четырех.

Обширность их в сравнении с прежним очень мала: ибо большее из них только около версты в округе своей имеет. От Балухты 37 верст почитается до Круглого озера, в котором вода пресная; однако чрезмерно болотиста. Озеро сие также не

велико; лежит при самой росоши дорог с Эльтонского озера в Дмитриевск и в Саратов. От Круглого озера только в пяти верстах отстоит самое озеро Эльтон. Подъезжая к Эльтону, представлялось глазам нашим на небе великое зарево, подобное тому, какое в темные ночи бывает при несчастных пожарных случаях. Зарево сие происходило от озера, в котором тузлук или рапа такой же имела цвет. По берегам озера с приезда были построены бедные шалаши и землянки, в которых жили ломщики. Тут находится довольная команда казаков и других военных людей для предохранения рабочих. Рабочие люди все вольные и никакой казенной платы не получают, но единственно питаются продажей соли возчикам, которую они добывают в озере и привозят на озерный берег. Возчикам за воз соли платят разное, смотря по времени, когда соль добывается. Самая дешевая плата за воз бывает по 50 копеек, а в трудное добывание иногда и по рублю. Соль добывают они на тех местах, где меньше рапы. Солеломное орудие состоит только из искривленной с широким лезвием пешни, где при конце дратовища делается костыль, дабы способнее было в лягать грудью. Работу свою всегда отправляют артелями: ибо одному отворачивать глыбы невмочь. Тот, который долее работает на озере, выбирает место, где удобнее запустить пешню: ибо каждый год новый слой соли нарастает. Пробив слой, запускает свою пешню наось и отделяет оной от нижнего; а артельщики с других сторон стараются отделить тот же слой, чтобы вышла глыба. Отделив глыбу, поднимают руками и кладут в лодки, потому что иногда верст шесть и более в озеро за солью ездят. Нагрузив лодку, отвозят к берегам столь далеко, сколько лодка подойти может, ибо к берегам рапа мелка; почему принуждены бывают из одной лодки перегружать во многие, при которой перегрузке нередко повреждают себе члены. Но как в открытое отовсюду озеро много ветрами наносит пыли, то соль бывает чрезмерно грязна; почему приставы смотрят строго, чтобы ломщики соль перечищали. Вся перечистка состоит только в промывании. На такой конец всякая ломщиков артель делает покатый ток, который убивают глиною. Около тока прокапывают неглубокие ручейки, чтобы рапа могла сбежать в озеро. На току большие глыбы токмачами разбивают в мелкие куски и поливают озерной рапой, которая, смывая, дряг с собою уносит, и соль оставляет чистой: ибо рапа, будучи сама насыщена солью, оной мало разводит.

Самое озеро Эльтон в окружности своей имеет с лишком шестьдесят верст. Берега его местами отлогие, а местами крутваты, особливо около урочища, Яицкий шлях называемого. Отлогие пади состоят по большей части из глины разных цветов, как по синей, желтоватой, красноватой, из которых последняя более всех изобилует. Крутецы берегов наполнены известным камнем, в котором видны знаки окаменелых черепкожных.

С известным камнем перемешан красноватый камень, шист называемый. Дно озера от берегов на несколько сажен состоит из вязкого ила, который имеет вкус обыкновенной поваренной соли; прочее дно озера устилает соль. Десять лет тому назад, как озеро сие покрыто было солью наподобие льда, но ныне год от году рапа прибавляется. В нашу бытность в самых мелких местах рапы было около пяти четвертей, а в дождливые годы иногда во грудь человеку возрастает, что много препятствует рабочим людям в ломке: ибо рапа, будучи тяжела, людей подымает наверх, как пузырь. Сосудец, который с отварной волжской водой весил один с половиной унц и один с половиной скрупул, эльтонской рапой наполненный, потянул один унц с половиной две драхмы и два скрупула. Вываренные пятнадцать фунтов рапы дали пять фунтов с половиной соли, которая, кроме обыкновенного вкуса, имела в себе и пряность.

Порядок нас ведет, чтобы по возможности сил наших описать и источники, которые соль на озере рождают. За главные источники соли почитать должно впадающие в озеро соленые речки. Первая из них называется Горький ерик. Она неширока, и не в дальнем расстоянии из степи выходит. Впадает в озеро с северо-западной стороны. За Горьким ериком, верстах в пяти, протекает нарочито большая река шириной сажен на пятнадцать, называемая Хары Хаза. Она начинается из степи почти от самой саратовской дороги при переезде через Ярослав реку. Дно у нее весьма вязко, и ил сильно пахнет серной печенкой.

Между Горьким ериком и Хары Хазою впадает еще речка, называемая Улан Хаза, шириной своей много Хары Хаза уступающая. К северо-восточной стороне вдался в озеро мыс, на коем многие пробивают ключики, криницы называемые, с пресной и приятной водой. С восточной стороны втекают еще две большие реки, Хары Хаза не мало не уступающие, из которых первая называется Большая Сморода, а другая Меньшая Сморода; кроме сих рек весьма часто попадаютс небольшие и безымянные ключики, вытекающие из возвышенных берегов. Сии суть первые источники соленого вещества; но мне кажется, что их еще недостаточно: ибо Хары Хаза, которая из всех других солонее, не столько содержит в себе соли, как озеро. Я выварил ее воду, и из 15 фунтов получил только четыре фунта соли. Сей простой опыт мнится быть довольным к подтверждению сказанного.

Правда, что в озере стоячая вода более может из себя испускать паров, и тем споспешествовать сгущению соляного вещества: однако, мне кажется, что от сего такой знатной разности быть не может. Сверх сего, впадающие пресные в озеро ключи должны разводить озерную рапу. Итак, поищем другой ему причины.

Около урочища, Извошикова гать называемого, находящегося к западной стороне озера, часто попадаютс отменные места,

которые во время жаров ломщикам служат убежищем, потому что рапа тут холоднее бывает; да и самая соль от обыкновенной озерной соли разнится. Она срастается в глыбы, составленные из больших, весьма чистых и прозрачных, четвероугольных хрусталей, которые плотнее озерной соли бывают. Такие особенные в озере места заставляют думать, что тут находятся соляные гнезда, имеющие свое начало от самого соли материка. Я предлагаю одну догадку: ибо за глубиной рапы точно сего испытать невозможно было.

Красной рапы цвет доказать — дело сверх моего понятия. Хотя химики доказывают, что цветы по большей части в белых телах рождаются от примеси к ним в разном количестве возгораемого начала, что разными утверждают опытами. В Эльтонском озере такого не достает начала: доказывает запах гнилых яиц в озерном иле, и слабительная соль, которая попадаетея между соляными слоями, и состоит, как то всякому известно, из купоросной кислоты, составляющей большую часть серы, и из щелочного начала поваренной соли. Но к чему примесясь возгораемое начало серы производит красноватый цвет, за подлинно сказать не могу. К точному испытанию сего явления требуется довольно время, способы и опыты.

Остается теперь сказать о причинах убыли соли в Эльтонском озере. Мне нет нужды упоминать о мнении простолюдинов, которые некоторое сведение приписывают озеру, о качестве разного народа на нем работающего, которым озеро в возмездие за их худую жизнь причиняет более труда. Я не предвижу также надобности забираться умствованием в отдаленные причины; как, например, в истощенный долготою времени материк, который год от году убывая, не может столько протекающей через него воды сообщить соли, сколько сообщал прежде в полных своих силах. Вероятнее всего, мне кажется, производить сие от чрезмерной вывозки соли, несоответствующей ссадке: ибо по справке в соляной конторе, с половины мая, в которое время обыкновенно ломка начинается, до первого июля в одни Дмитриевские соляные амбары до двух миллионов пудов вывезено. В Саратов и в разные места вольновозчики не менее сего количества развезли. Итак, если вычислить вывоз целого лета во все места, то без дальних замыслов прибывание рапы и уменьшение соли скажется.

Как около Эльтонского озера, так и на самых падях оно, в великом изобилии растут различные соляные травы, как то: соляная лебеда, козлиная солянка, розовая солянка, павилишная солянка, соляная солянка, листовая анабазис, травяная саликорния, каспийская саликорния, желтокорень татарский, желтокорень чепыжный.

Все сии травы изобилуют соляным веществом, которые при пережигании трав в пепел дают ископаемую щелочную соль, называемую сода. Сколько мне известно, соду получаем мы из

других мест на наши надобности, несмотря на то, что к деланию ее имеем все способы.

Есть ли ободрить только самых соловозчиков к пережиганию помянутых соляных трав, то немалое количество соды можем получить с Эльтонского озера и с окружающей оное степи. Такое учреждение со времен может не только делать великое подспорье в казне, которая ежегодно на покупку соды тратится, но еще много будет служить к сбережению наших лесов, употребляемых на поташное дело: ибо сия щелочная соль почти на все потребности пригодна, на какие и поташ употребляется.

Возвращаясь с Эльтонского озера, заехали мы на так называемое Горькое озеро. Оно верстах в пяти находится от Балухтанского умиота в сторону. Ширины в нем не более полуверсты; но длина его с шириной насравненна: ибо в округе его по сказкам верст около сорока будет.

Оно не глубоко, но чрезмерно вязко. Вода в нем солоновата с пригоречью, и ее не только люди употреблять, но и скот пить не может. Мы выварили в дорожном котле озерной воды 15 фунтов, и получили сухой соли два унца одну драхму и пятнадцать гран, которая была черновата и имела в себе горьковатый вкус.

Дальная перечистка соли показала нам, что в ней, кроме обыкновенной поваренной соли, три драхмы находились слабительной соли, во всем удивительной глауберовой соли подобной, отчего не трудно было нам после узнать и причину горькости в воде.

Вонючий ил, составляющий дно озера, содержал в себе серные признаки: ибо, кроме запаха, показывали сие и опыты. Мышь, будучи с ним перегонен, несколько пожелтел и селитра в горшке гремела.

По берегам сего озера много росло калмыцкого ладана, которым деревцом калмыки окуривают своих бурханов или богов. Где были песчаные места, тут занимала место зиманиха, которая еще в то время не цвела. Гладкая Франкения произрастала между ними целыми кустиками.

Ст Горького озера около осьми верст находится еще небольшое озерко, лиман называемое, которое в длину не более полуверсты, а в ширину около четверти версты занимает. Вода в нем никакого особенного запаха не имеет, но гораздо солее Горького озера. Вываренные десять фунтов воды дали 4 унца и два скрупула обыкновенной поваренной соли.

С лимана поворотили мы к Могутинскому умоту, и выезжая на торную дорогу, верстах в осьми понизе Балухтанского умиота, заметили обширные на степи впадины, которые все покрыты были соляною скорлупою, толщиною близ линии. Концы сих впадин сопрягались с Горьким озером; почему их за отрасли сего озера почитать должно. К вечеру приехали мы на Могутинский умот, где и ночевали.

Из пресмыкающихся в степи приметить нам только случилось ехидн, которые перед глазами нашими везде пресмыкались: однако, ни скоту, ни людям никакой пакости от них не слышно.

Тарантулы в степи приутожили нам новое зрелище. Мы, выкапывая их гнезда, приметили, какое оружие тварь сия противу гонящих себя употребляет. Как она видит, что ей все средства пресечены к побегу, становится неподвижно, и надувшись прыскает из спины белый сок аршина на два, подобно как бы он пущен был из насоса. Я заподлинно уверить не могу, ядовит ли сей сок или нет: ибо никто из нас не хотел сделать такого опасного опыта. Впрочем караульные казаки на Могутинском умюте уверяли нас, что одна малороссиянка в Никольской слободе, к великому своему несчастью, ядовитость сего сока извела. Она, вырыв такого паука в своем огороде и ворочая его палочкою, опрыснута была помянутым соком, от которого в скором времени рука разгорелась и опухла с нетерпеливой болью; и, конечно, с нею могли бы худые следствия случиться, ежели бы не употреблено было вскоре врачевание. За самое лучшее средство против тарантул почитаются сами же тарантулы. Их кладут живых в деревянное масло, и с оными настаивают до тех пор, пока нужда потребует. Тогда мажут только рану или опрыснутое место, и получают исцеление, не имея нужды прибегать к музыке: да и взяты ее негде, потому что весь хор у простаков составляет чебысга или дудочка, которая в верховых городах сиповкою прозывается, и делается или из камыша, или из дягильных стеблей, или из таловых прутьев.

Другое позорище представили нам посаженные тарантулы в хрустальную банку. Их в тюрьме сидело два десятка. Сперва они покушались вырваться из заключения, и всяк про себя делал паутинную лестницу, по которой взбирались вверх, и суетясь друг перед другом вытти из банки, пришли в суматоху, от которой произошло кровавое сражение. Побежденные и уязвленные старались от победителей спастись бегством, но победители, всегда за ними гоняясь, налагали новые раны до тех пор, пока неприятелей своих не положили на месте. Сим они еще не были довольны, но, по примеру некоторых древних американцев, пожирала тела, оставшиеся на сражении. Вражда их еще совсем не миновалась, но они продолжали свой бой, по русской пословице, кто ково смога, тот тово и в рога, до тех пор, пока из всех один остался победоносцем.

Сказывают, что черные овцы бывают великие неприятельницы на сих земляных пауков. Они их выкапывают из земли и с великим удовольствием пожирают, почему такие овцы в отменном почтении бывают у калмыков, которые тарантул весьма боятся, так что никогда на том месте не становятся, где тарантулы водятся, но проходят далее; хотя бы они и их скот от перехода утомлены были.

Последней забавой в степи служили нам земляные зайчики. Сие животное странное имеет телосложение. С наружного вида оно много схоже на зайца, и рылом так же моргает, как и заяц, но только оно тупо и как бы отрублено. Шерсть на спине у него серая, а на брюхе белая. Хвост чрезмерно длинный, белый и на конце лопаточкой, которую составляют длинные волосы, от основания до половины белые, а от половины до концов черные. Задние ноги также очень длинные, а передние чрезмерно коротки. На задних ногах он ходит и прыгает, а передними только поддерживает пищу. Живет он на степных местах в земле, где вырывает нору глубиной в колено с излучинами. Делает также и отнорки, подобные сусликовым, дабы в случае гонения можно было ему скорее укрыться.

Около Могутинского уюта водилось их очень много, и мы нарыли их до десятка, только молодых: ибо старики, выкормив своих детей, прежние норы на их пользу оставляют, а сами переселяются на другое место. Редко попадаются в одной норе по два, но каждый имеет себе особливую нору. Хотя они были еще очень слабы, однако такой имели стремительный бег, что никакая собака догнать их была не в состоянии. Мы пускали их в своем кругу, имея каждый по палке; однако, ни одного не могли убить: ибо они не прямо прыгали, но во все стороны, куда им захотелось, виляли, управляя свой бег хвостом, а иногда оным подпираясь, делали скачки с лишком аршина на два. Мы им отрубали хвосты в разной длине, отчего извилистый их бег соответственно уменьшался, а кургузые совсем не в состоянии были бежать, но, став на задние лапы, и не имея от хвоста опоры, через спину кувыркались.

К вечеру приехали мы в Никольскую слободу, где принуждены были ночевать, за сильною на Волге погодою, и не прежде могли переправиться в Дмитриевск, как на другой день после обеда.

7-го числа оставили город Дмитриевск, и перебрались паки на Илавлу. В проезд наш при самом начатии каналов нашли мы много в цвету сплюснутого гороха, и серратулы многоцветной. В берегах канала проседали местами солонцы, которые все заняты были древесной солянкой, которая тогда еще цвести начинала. Вода во многих местах покрыта была павуном, которого листья собирают жители и употребляют на припарки, когда у какой скотины от удара член опухнет. Наступающую грозусви́стом своим предвещали чекалки, которые при самом малом движении людей уходили в свои подземные норы. Луни плавали на воздухе, ища себе определенной пищи.

8-го числа продолжали наш путь далее по Илавле до хуторов Княжниных, отстоящих от канала в 18 верстах. Тут, пока собирали подводы, ходя по илавлинскому берегу, приметили ехидну, которая упражнялась в рыбаченье. Мы не могли приметить, какую она приману пускала в воду, в которой рыба толпами собира-

лась; и она засунув голову в воду выбирала себе любой кусок. Хотя пасть ее не велика, однако она хватала рыбу вдвое себя толще, и, держа в челюстях своих, мало-помалу проглатывала.

Из Княжнинных хуторов отправились в Саламатовы хутора, заведенное в осьми верстах от Княжнинных, а из Саламатовых хуторов приехали в Большие хутора, принадлежащие дубовским казакам.

Дубовские казаки составляют особый казачий полк и прозываются волжским войском. Начало их происходит от донских казаков. Наименование дубовских казаков дано от речки Дубовки, на которой построен их главный городок, Дубовка прозываемый, во 127 верстах от Дмитриевска. Они имеют собственного атамана, и от донских казаков ни мало не зависят, но только от царьинской комендантской канцелярии.

При Больших хуторах на правом берегу, по течению реки Илавлы, нашли мы грудной каменный болван на калмыцкую обрзину. Он представлял нагую женщину, у которой руки прижаты были к поясу, в ушах вырезаны были огромные серьги, а шея унизана перлами. Подписи на нем никакой не видно было, и никто не знает, кем он тут поставлен: но всяк говорил, что и деды наши не запомнят того, кем сей болван тут поставлен. При сем случае рассказывали мне одну басенку о дмитриевском купце, который из любопытства перевез сей болван на свои хутора; и как скоро он перевезен был, любопытный купец впал в тяжкую болезнь и был ею одержим до тех пор, пока не вспомнил о болване, и не приказал его отвезти на прежнее место. Сие случайное с купцом приключение возбудило в жителях страх, так что ныне никто до него прикоснуться не смеет.

Около сих хуторов на Илавле начинаются большие черни или перелески, в которых много растет диких яблоней и груш, боярыни и терновика, отчего жители на хуторах немалую себе получают пользу, и развозят по окольным местам плоды своего леса. В оном лесу в первый раз заметили мы сивограков или сивоворонок, которые могут похвастаться за одних из прекраснейших наших птиц. По берегам и тоням илавлинским везде перепархивали зимородки, красотою перьев сивогракам ни мало неуступающие.

Из Больших хуторов ехали мы до Рогожских хуторов, отстоящих в 12 верстах.

При сих хуторах начинаются так называемые Илавлинские горы. Они окружают правый берег реки Илавлы даже до донского ее устья. Горы сии состоят по большей части из мелу, а местами из белой опоки.

При подошвах сих гор глубокими слоями лежит белая и всяма вязкая глина, которая без сумнения будет пригодна на всякие домостроительные потребности, на какие тонкая и вязкая глина употребляется. Тут же по горам в великом изобилии рос тейкер

головастый. По подгорью стояла в цвету атаманфа цервация. Иволистая серпуха почти целые составляла кустарники. Шеферов жук не редок был около самых хуторов. Морщеватому гробокопателью столь же приятны были казачьи избы, как лапонские хижины. Многоугольный хрущ так же на Илавле прибывал весело, как и в Египте. Суринамский кожеед не менее портил казацкое снадобье, как и в сродной ему стране.

Сей день селитьба, прозываемая хутора Дмитрия Савельевича, в двадцати верстах отстоящая, положила предел нашему походу, в которой мы, переночевав, со светом вдруг поднялись в наш путь, и через 8 верст приехали в Ситниковы хутора. Против сих хуторов, в горах много находится известного камня, который ломают и развозят в окольные места. Осматривая известные ямы, заметили другой каменный болван, который представлял мужское изображение, и желая получить какое-нибудь изъяснение об оном, спрашивали рабочих людей. Этот болван, отвечали они, взят с меловой горы, на которой находится разрытый курган, в котором, как сказывают, много найдено было сокровища.

Любопытство нас побуждало посетить сию могилу. Она от Илавлы не более версты отстояла, и была чрезмерно обширна, так что в округе вырыто сажень около 40. В сторонах кургана видны были остатки небольших печек, подобных тем, которые употребляют в химических лабораториях. Подпечек усыпан был разными металлов огарками. Тут валялись обломки плавильных горшков, инде ледажи разбитые стекла, а в углу в кучку собран был человеческий скелет. Вожатый наш сказывал, что при разрытии сей могилы много найдено было всякого железного снаряду, как-то: клещей, крюков и проч. Я не знаю, что сделать из сего кургана: сделать ли из него химическую лабораторию или какого-нибудь татарского металлурга могилу? Последнее вероятно кажется: ибо печки имели только один вид литейных печек. При том в химической лаборатории не нужно сохранять огарки и всякий дрязг, а человеческие кости совсем с металлургическими трудами сообщения не имеют.

Сверх сего из гражданской истории известно, что древние татары имели обычай отменных своих людей предавать земле со всем тем прибором, который в жизни их был главным упражнением. Впрочем, пусть будет сей курган татарская лаборатория или могила славного между ними металлурга; мне в сем нужды мало, но она тем примечания достойна, что показывает искусство древних волжских обитателей во всем к выгоде человеческой жизни нужном. Что касается до болвана, ничего о нем точного сказать не могу. Представлял ли он вид погребенного на сем месте покойника или изображен в нем был вид какого-нибудь божества, ибо никаких надписей на нем приметить не могли, но только слинялые и отершиеся черты довольно показывали его древность.

Оставя в покое кости мнимого нашего металлурга, продолжали наш поход чрез осьмнадцать верст до Красных хуторов, принадлежащих донским казакам Илавлинской станицы.

От Красных хуторов к вечеру приехали мы в Илавлинскую станицу, отстоящую в 25 верстах. Тут нам ничего отменного приметить не случилось, кроме что по песчаным местам изобильно росла дикая ярица.

В Илавлинской станице живут донские казаки, которая называется от устья Илавы реки, которым она впадает при оной станице в Дон.

Происшествие донских казаков, образ их жития, узаконения и обряды довольно из других книг известны; и чего об них недостает, довольно дополнено будет от тех, которые имели случай осмотреть весь Дон и все казачьи жительство. Я в двух словах скажу о Илавлинской станице. Станицей у донских казаков называется усадьба, где они, известная часть казаков, живут. Они имеют тут станичного атамана и помощателя ему или рассыльщика, которого они есаулом называют.

Станичный атаман выбирается у них из числа сожительствующих по большинству голосов в кругу. Он имеет заседание в станичной избе, разбирает всякие между казаками мелочи. Одним словом: станичный атаман у донских казаков то же значит, что и в наших селах выборный или староста; однако его власть более ограничена, ибо он ничего без согласия мирян предпринять не может, но все делает с общего совета. Когда какая нужда потребует, посылает своего есаула, чтобы собрал круг, который должен пройти все улицы и кричать: атаманы-молодцы, собирайтесь в круг! Когда круг соберется, атаман выходит из станичной избы и предлагает казакам дело, которые, выслушав, решат по своему хотению. В станице у них господствует совершенная вольность и равенство. Атаман только тогда почтителен, когда выходит в круг; а в другое время никто перед ним и шапочки не ломает. Мне случилось у них видеть один обряд, который у них зимовая называется.

Донским казакам, так как и другим, выдается ежегодно военный припас, как-то: порох и пули, который получают они от военной коллегии. Припас сей хранится в главном их городке, Черкасск называемом. К сему военному припасу оказывают они особенное почтение. Как скоро он окажется на Дону, то жители каждой станицы обязаны сделать ему встречу. Они собираются во всем своем военном доспехе и на конях, палат из ружей, и приклоняют свои прапоры: потом всячески споспешествуют его провозу по Дону; ибо Дон в межень местами такие имеет отмели, что и малому судну пройти трудно.

Строение в Илавлинской станице все деревянное. Избы их построены без всякого порядка, а дворов или другой пристройки совсем не видно, но только одна изба с крыльцом на улицу все составляет строение. Несчастные пожарные случаи научили

их особливому средству сберегать свою пажить. Они делают особливые хижины вне их станицы, которые огораживают плетнем, и в оных держут свой скот, отчего и улицы у них весьма чисты, и во время пожарного несчастья скот их всегда остается цел. Желать надобно, чтоб и наши крестьяне казацкому примеру последовали. Они не лишились бы, по крайней мере, своего скота при частых пожарных случаях, о которых говорено выше.

Описывать казацкое платье, нужды не предвижу: всякому оно известно. Но женский их убор, особливо головной, заслуживает внимания. Они носят на головах высокие шапки, которые кончаются двумя рогами. Лоб и затылок шапок укладывают или позументом или другой какой прикрасой: рога увивают или полотенцем белым, или шелковыми платками, смотря по достатку. Прочее у них платье длинное и на казацкой покрой много схоже.

В Илавлинской станице мало я находил таких, которые бы с татарами, как многие пишут, были сходны, но облик их совсем русский. О нравах их также говорить много не могу, быв только в одной станице, и то на короткое время. В Илавлинской станице, по крайней мере, показались они мне весьма грубы и надменны.

О Илавле много говорить также нужды не имею. Что мне приметить на ней случалось, сказано выше. Сие только прибавить остается, что окольные илавлинские места при истоке сей реки тучны и хлебородны, но чем они ближе к устью ее поднимаются, тем песчанее становятся. Из замеченного пространства нашего переезда заключать не трудно, что по ней почти все место необитаемо, начиная от последнего селения иностранцев: ибо хутора и за жило почитать не должно. Крупного и годного на строение лесу очень мало. В ней всякая мелкая рыба изобильна, кроме коренной. Из Дону заходит, но только редко, одному Дону и Нилу сродная рыба, вырезуб называемая.

Я говорю о сей рыбе только по сказкам и по описанию, ибо самой рыбы видеть мне не удалось. К водяным илавлинским жителям должно причислять и черепах, которых я в других реках не видывал, но в Илавле такое их множество, что в красный день песчаные пади все были ими устланы.

Из Илавлинской станицы ехали мы через 14 верст до Донской крепости, которая близ самого Дону построена. Ее содержат донские казаки и Царицынского баталиона служивые. От сей крепости начинается так называемая царицынская линия, которая продолжается через шестьдесят верст даже до самой Волги. Линия сия состоит из земляного вала с палисадом, имеет еще четыре крепости: Мечетную, Грачи, Калдыбанскую и Осокорь. Между сими земляными крепостцами расставлено 25 форпостов. Царицынская линия ныне служит пределом кочевью некрещенных калмыков на загорной стороне, а прежде была защитой от набегов кубанских. По ту сторону и по другую линии

совершенная степь, и лесу нигде не видно, кроме как в буграках, которые наполнены терновником, боярыней и дикими яблонами, привлекающими к себе прекрасную породу птиц, напюкие дрозды называемую. Дрозды сии имеют голову сизую, крылья и хвост черные, а прочее тело розоватого цвета; но красоте их перьев ни мало пение не соответствует. Степь вся покрыта была диким льном, который ни мало сеянному не уступал, но сие полезное для нас растение исчезало втуне; ибо вся степь была необитаема.

Сего дня под вечер приехали мы в Царицын. Город Царицын стоит при конце линии на самом волжском берегу, обведен земляным валом с раскатами с трех сторон, а четвертую сторону защищает его река Волга. Строение в нем все деревянное, выключая три каменные церкви. Уезда никакого не имеет, почему в нем, как и в Дмитриевске, только одна комендантская канцелярия. Купечество в нем зажиточно, и больший их доход состоит в рыбных промыслах. Бедные жители питаются от посева дынь и арбузов, которые вкусом и астраханских превосходят. Они занимают все поля, ибо ни в каком другом посева жители не упражняются. Вкусное, сладкое и сочное сие растение, которым мы много против других земель хвалиться можем, требует особенного внимания.

По урожаю в сих местах арбузов продаются они весьма дешевой ценой, так что иногда за деньгу большой арбуз купить можно. Нежный сей плод не может быть сохранен через долгое время без повреждения: и так насадитель арбузов принужденным находится иногда плоды своего труда отдавать за бесценок. Хотя арбузы для дальнего времени стараются сохранять солением; однако тут уже совсем другой и ни мало на прежний не похожий бывает вкус. В благоустроенных обществах, как-то всякому известно, никакие плоды не пропадают втуне, примером французов, которые при великом изобилии в их странах винограда не бросают и излишние яблоки, но делают из них приятное питье, сидр называемое. Наши арбузы без сомнения дадут приятное и хмельное питье, которое может быть и многим иностранным винам ни мало не уступит. Мне нет нужды доказывать, что из арбузного сока может родиться вино. Всяк, кто знает, каким образом рождается вино из соков, и кто едал арбузы, без моего толкования ясно понимает. И так царицынские жители, вместо малого награждения, могли бы иметь и сугубую прибыль от своих трудов; да и многие отдаленные жители от сих мест пользовались бы сим напитком не хуже другого иностранного. Другую отрасль промысла бедным царицынским жителям предлагают дикие яблоки, а особливо терновник. Его можно также употреблять на сию водку, мочить и делать приятные наливки.

Виноградные сады в Царицыне не с худым успехом разводятся. Редкий год случается, в который бы виноград не дошел

до своей зрелости, но тот в нем недостаток, что он не может дать долговременного вина; ибо оно, как у нас всякому известно, скоро окисает и портится. Причины сему другой я сыскать не могу, кроме солончаков, которые в здешних местах изобильны, ибо виноград, будучи питаем соляным веществом, сверх меры оное в себя вбирает; отчего в нем избыльнее бывают соляные частицы перед масличными. Но как химики доказывают, что доброта вина зависит от соединения масличных частиц с водою через союз сродной соли растениям, к которым малая часть и земли присовокупляется; то кажется мне, что недостаток в наших винах усмотреть не трудно. По недостатку масличных частиц в нашем винограде много остается соли необузданной, которая по сродному ей свойству всегда от воды разрушается; отчего в вине беспрестанноебывает движение, которое, мало-помалу увеличиваясь, паки расторгает союз масла с солью, более соляные частицы обнажает и рождает кислоту. Если моя мысль не ложна, то и виноградные наши сады поправить не трудно, когда теперь знаем, в чем они недостаточны. Другая неудобность в наших виноградах перед иностранными та, что должно наш виноград поливать почти ежедневно; иначе труды и иждивение будут тщетны: ибо сухая и иловатая земля от жаров, какие обыкновенно в сих местах бывают, глубоко иссыхает и лишает гроздья надлежащей пищи; почему те, коим не привел случай завести свой сад в близости горы, родниками избыливающей, принужденными находятся строить мельницы для поднятия воды в сад.

Сохранение в зиму виноградных лоз состоит только в том, что перед каждой лозой вырывают яму и в оную ее на зиму погребают.

В числе первейших полезных заведений в соседстве с Царицыным должно почитать шелковую казенную фабрику. Она заведена верстах в семи от ахтубинского верхнего устья и имеет все желаемые выгоды. К ней приписаны две слободы, которые поблизу и поселены. Тутовые деревья почти целыми рощицами, перемесясь с другими деревьями, произрастают на поемных ахтубинских местах, и дают приятный корм шелковичным червям. Одна неудобность в сих заводах, что шелковичные черви вылупляются в то самое время, когда бывает разлитие реки Волги и с нею Ахтубы; отчего рабочим людям должно в лес ездить на лодках и по оному собирать тутовое листье. Но как здесь бывают поденщики, то не успевают они довольно навозить листа, чтобы прокормить своих питомцев; почему не редко черви, не имея довольного содержания, исчезают. По моему мнению, сему недостатку пособить бы не трудно, если бы только при тех местах, где тутовые растут перелески, завести небольшие амбары на сваях; то бы меньшим числом людей можно было содержать большее количество червей и тем размножить прибыль от сей фабрики. Начального заведения сих

тутовых деревьев никто не запомнит; да и никаких письменных свидетельств об них не находится. Развалины каменных строений, которыми, так сказать, вся степь унизана, несомненно дают догадку, что насадители сих деревьев были татары, которые жили в сей степи и под именем Золотой Орды были известны. Завод сей доказывает ясно, что мы имеем ко всему удобные климаты, и чем другие роскошествуют, самим тем же и мы хвалиться можем. О развалинах ничего сказать не могу, ибо ни одна из них никакого не имела подобия прежнего своего вида; но все были рассеяны по степи и составляли небольшие груды кирпичца.

В тридцати верстах от завода, как я после спроведал, находятся остатки древнего татарского города, называемого Царевы Поды, и сказывают, что он был столичным городом Золотой Орды.

Конец волжских гор при Царицыне (ибо от Царицына уже Волга только крутой имеет берег) изобилует железной рудой. Доказывают то пробивающие из гор ручейки, выносящие в собой охру, которая садится на лежащие в ручейках камешки.

24 июля выехали мы из Царицына, где под самым городом переехали речку Царицынку, которая выходит из степи и течет возле самых стен царицынских. Она весьма узка и более на ручей, нежели на речку, походит. Левый ее берег или городской по большей части состоит из известного камня и весьма крут, и служит не малым укреплением городу.

Верстах в четырех от города протекала другая небольшая речка, впадающая в Волгу, Верхняя Елшанка называемая. От оной в трех верстах была Средняя Елшанка. При переезде через сию речку чувствовали мы тяжелый запах, который понуждал нас остановиться. Запах завел нас от нашего обозу с полверсты вниз по помянутой речке, где обрывистый берег содержал в себе черную рыхлую селитренную землю. Она составляла слой толщиной аршина в четыре; а сколь далеко простиралась, видеть было невозможно: ибо не во всех местах берег осыпался. Близ берегового уступа на горе раскопали мы глубокую лошину, и видели, что слой пошел в гору. От Средней Елшанки верстах в четырех течет, так называемая, Нижняя Елшанка, которая не менее изобиловала селитрою, как и Верхняя. К вечеру приехали мы в Сарпинское селение, отстоящее от Царицына в осьмнадцати верстах.

Сарпинское селение прозывается от реки Сарпы, при устье которой заведена сия селитьба. В нем обитают вышедшие из разных мест называемые герен-гитер, которые не иное что суть, как исповедующие особливую секту реформатского закона, как то всякому известно. Предмет их поселения на пустошесы и вне линии не до меня касается: но сие можно сказать им в похвалу, что между ними совершенная братская любовь господствует, и виден пример истинного и порядочного домостроитель-

ства. Они сограждан своих разделяют на три статьи. Первая составляет женатых мужей, другая холостых, а третья девиц. Всякий женатый имеет себе особливую небольшую связь с нужной по его художеству пристройкой. Холостые живут в особой связи и имеют особенное содержание; один из них определен расходчиком, который печется о всех их нуждах. К связи их приделана особенная церковь, куда холостые ежедневно по три раза собираются для отправления своей молитвы. Девицы на таком же содержатся учреждении. Они все вообще люди трудолюбивые, и в сем малом селении можно почти все то найти, чем наши большие города хвалятся. Главу сего сообщества составляет называемый предстатель, который печется как о порядках, так и о нуждах всего сообщества. Ему совместен их священник, а третью особу представляет собственный их доктор. Но что в незнаемой им стране со всеми иметь сообщество, то из отборного юношества разосланы в разные места для изучения нужных в сей стране языков, как-то: российского, калмыцкого, армянского, персидского и татарского. Кроме разного звания ремесленных людей есть у них и такие, которые упражняются в хлебопашестве. Они примером своим доказывают, что и кубанская степь, бесплодную почитаемая, может с лихвою награждать труд своих хлебопашцев.

Сколь их внутреннее учреждение порядочно, столь и наружное. Селение их обнесено земляным валом с принадлежащими ему раскатами. Нынешнее военное время побудило их для большей безопасности и защиты от кубанских набегов уставить сие укрепление пушками. Река Сарпа служила им к заведению изрядных мельниц как пильных, так и мучных, которые правильно построены и со всеми теми выгодами, каких лучше и от самого искусного механика ожидать невозможно. Низменные горы, слишком в версте от их усадьбы находящиеся, снабдевают их прозрачной и приятной водой. Они с сих гор провели деревянные трубы и посреди своего жилища соорудили обширное водоемистилище с насосами, из которого довольствуются и все проезжающие.

Из сего ж водоемистилища во все жила проведены трубы на голландский образец, где каждая хозяйка в своей поварне за-всегда столько имеет воды, сколько ей потребно. У них можно видеть изрядные сады, не так для увеселения глазам, как для их всеобщей пользы. У доктора заведен также особенный аптекарский сад, где посеяны многие лечебные травы. К проезжим они весьма ласковы и угостительны, и у всех снискивают себе любовь и почтение даже до калмыков.

В сем приятном обиталище ничего мы не нашли собственного до нашего предмета, кроме небольшого серного ключика, который из берегу реки Сарпы вытекает и во всем серным ключам при Сергиевске подобен; из чего о серном материке, в сем месте сокрытом, некоторым образом заключать можно.

26 числа оставили мы Сарпинское селение и продолжали наш путь до крепости Черный Яр называемой, отстоящей от Царицына во 127 верстах. Дорога была совершенно степная, и в редких местах видеть можно было в оврагах не так лес, как кустарники; кроме поемных волжских падей, на которых много находилось мягкого леса. Степь была необитаема, кроме кочующих калмыков, которых стада почти всю степь занимали, и так были истощены, что без жалости смотреть на них было невозможно. Сие происходило от недостатка корма как от засухи нынешнего года, так и от долговременного калмыков на сем месте кочевания; ибо их за Волгу для малолюдства и опасности от киргизцев не перепускали.

Между небольшими речками, изливающими свои воды в Волгу, особливое примечания достойна называемая Вязовка. Она выходит из степи и при Ступишном Яру впадает в Волгу. Свойство ее совсем схоже с речкой Хары-Хазой, впадающей в Эльтонское озеро. Дно у ней весьма вязко, отчего и называется Вязовкою. Тина имеет крепкий запах серной печонки, и вода чрезмерно солона с пригоречью.

Черный Яр стоит на самом волжском берегу, обнесен высоким и крепким валом, и не последнее представляет укрепленное место. Строение все деревянное, и по малости сего места одна деревянная в нем церковь. Купечества хотя мало, однако оно не беззажиточное. Промысел их состоит в рыбных ватагах и отпуске рогатого скота, который они выменивают у калмыков, и отпускают в верховые города. Впрочем, пашни жители совсем не имеют, кроме небольшого посева арбузов.

Из Черного Яра было наше намерение перебраться через степь на Яик, но, не к малому нашему сожалению, никого не могли найти, кто бы пожелал быть нашим через сие пространное пустоплесье вожатым. Всяк отговаривался незнанием и представлял нам очевидную гибель в необитаемой и безводной степи. Итак, нам в сей крайности только два оставались средства: или воротиться той же дорогой до Сисрана, откуда лежит проезжая дорога на Яик, или продолжать наш путь до Астрахани, до которой не с большим 200 верст оставалось, и перебраться на Яик по Каспийскому морю. Последнее показалось нам способнейшим: почему, не упуская времени, 29 числа оставили Черный Яр, и 3 августа приехали в Астрахань. От Черного Яра до Астрахани только один городок находится, называемый Енотаевская крепость. Она также стоит при самой Волге и гораздо более укреплена, нежели Черный Яр. Прочее пустоплесье старанием г. астраханского губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова заселено ныне козачьими станицами из астраханских казаков. Таких станиц между Черным Яром и Енотаевской крепостью находится три: Грачевская, Вертлянская и Копанская; а между Енотаевской крепостью и Астраханью четыре: Касилина, Митина, Замьян и Лебяжья. Все сии станицы укреплены земляным валом с принадлежащими

им рвами. Строение в сих станицах по безлесью все турлучное, то есть, состоящее из плетня, умазанного снаружи и снутри глиной, и покрыто дерном. Дорога от Черного Яра до Енотаевской крепости песчана, а от Енотаевской крепости почти до самой Астрахани состоит из песчаных бугров, так что и проезд не без трудности.

(Этим мы заканчиваем записки, так как далее Лепехин переходит к описанию своего путешествия на Яик, куда он направился через Гурьев, уже имеющего отношения к нашему краю).

П. С. Палласа,
Доктора Медицины, Профессора Натуральной
исторіи и члена Россійской Императорской Ака-
деміи Наукъ, и Санктпетербургскаго Вольнаго
Экономическаго Общества, также Римской Импе-
раторской Академіи испытателей естества и
Королевскаго Англическаго ученаго собранія,

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
разнымъ провинціямъ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Часть первая.

Цена 3 руб. 50 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1773 года.

ПЕТРА СИМОНА ПАЛЛАСА МЕДИЦИНЫ ДОКТОРА, НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПРОФЕССОРА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ, КОРОЛЕВСКОГО АНГЛИЙСКОГО СОБРАНИЯ И ЧЛЕНА БЕРЛИНСКОГО ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Паллас Петр Симон (1741—1811)—знаменитый натуралист и путешественник; родом из Пруссии. В 1767 г. был приглашен в Россию в качестве адъюнкта Академии наук. В 1768 г. предпринял большое путешествие на Кавказ и в Закаспий. Коллекции, собранные во время этого путешествия, легли в основу коллекций академической кунсткамеры—музея Академии наук. В 1779 г. он назначен был членом топографического отдела, в 1782—коллегии советником, 1787—историографом адмиралтейской коллегии. В 1793-94 г. изучал климатологию юга России и для описания климата Крыма в 1796 г. был командирован в Симферополь. В 1810 г. вернулся в Берлин, где и умер 8 сентября 1811 г. В своих многочисленных печатных работах Паллас проявил себя как наблюдательный путешественник, зоолог, ботаник, палеонтолог, минералог, геолог, топограф, географ, медик, этнолог, археолог, филолог, даже знаток сельского хозяйства и технолог. И, несмотря на такое разнообразие специальностей, он не был поверхностным ученым. Насколько серьезны и глубоки были его понятия по зоологии, можно видеть из того, что он во многом опередил ученых своего времени.

Во время путешествия по юго-восточным степям нашего края, он подметил следы прежнего высшего стояния уровня Каспийского моря и довольно точно определил часть древних его берегов.

Паллас, исследуя многие части Европ. России и Сибири, издал много печатных работ по всем отраслям естествознания на латинском, немецком и французском языках. Некоторые переведены на русский язык. Паллас—автор первого описания русской флоры (*Flora Rossia* 1784). Нами взяты отдельные места описания его путешествия из I-го тома, касающиеся нашего Поволжья. (Издание Академии наук 1779 г.).

(Путешествуя по степям Заволжья и вдоль Уральского хребта, Паллас в 1769 году направился к берегам Ахтубы и Волги, куда и прибыл в конце 1769 г. Отсюда мы и начинаем его записки).

Вдоль по Ахтубе, по берегу коей ехали мы к Чигишу, цвела *Harmala*, запах подобный падалищу от себя издающая в великом множестве, и вся низменность наполнена солодковым корнем: особенно любит груды щебню и соленую селитрою изобилующую землю; по сей причине во всей стране вдоль Ахтубы, где повсюду валяются кирпичи и щебень от Чагита, и показываются основания древних татарских жилищ, *Harmala* есть обыкновенная негодная трава, которой гадкий запах и самому скоту чинит красивые цветки негодными. На сих кирпичных обломках растет также *Bromus tectorum*.

Старинный селитренный городок, в котором я переночевал, стоит по средине цепи холмов, на десять верст простирающийся, на коем вдоль по Ахтубе в ширину на версту или на две ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выложенных рвов бывшего здесь доселе знатного ногайского города. Небольшая, для прикрытия селитренной работы построенная, но ныне со всеми в ней находящимися строениями в крайний упадок пришедшая крепость, лежит на том холму, на котором, вероятно, главнейшее и великолепнейшее строение города и как кажется большой стеной окруженный замок находился. Там видны еще великие остатки от двух зданий, из коих великолепнейшее, по случаю новой селитренной работы и от желания искать богатств, от развилин, в коих оное находилось, очищено было; другое же, судя по оставшимся следам, кажется было жилым домом со многими небольшими отделениями. Первое строение по оголившимся стенам основания и по сводам могил, из коих доселе великие богатства и гробы совершенно серебром обитые выкапывали, ни

за что иное почитать можно, как за могилу, в которой погребен какой-нибудь хан или за памятник с часовнею построенной. Все здание представляет вид продолговатого четверугольника от северо-северо-востока к юго-западу в длину на двенадцать сажен и по фасаду в южную сторону, простирающемуся, повидимому, почти девять сажен с половиною в ширину имеет. В нем ясно приметны два почти равные отделения, из коих к северу лежащее заключало в себе настоящую могилу, где еще видны, скрытые гробы. Напротив того, южное отделение, особливо по фасаду, которого стены в высоту почти девять сажен, а основание в толщину более двух локтей имеет, было украшено готическими пиластрами, столбами и сводами, коих остатки еще поныне видны.

На всех еще поныне оставшихся стенах, кои из прекрасных кирпичных плит весьма правильно построенных, видно великолепие и красота, какой я еще нигде при татарских развалинах не видел. Внешняя сторона стен не только по некоторым пространствам, во всех уступах с муравленными украшениями из глины зеленого, желтого, белого и синего цвета треугольниками и другими фигурами украшена, но также на главнейшем фасаде сего строения приметны остатки готической шекатуры, которая такими же муравленными фигурами, представляющими цветы улиткового изображения, даже целыми изразцами наподобие мозаики усажена была. Но время, а еще более корыстолюбие черни, давно уже преобратили все сии достопамятные остатки древности в груды камня. Доселе целые суда нагружали кирпичом и перевозили в Астрахань; причем ради затверделой извести при разбирании целых строений, чтоб получить тысячу цельных кирпичей, по крайней мере две тысячи разбивано и в щебень претворяемо было. Еще и по ныне слышно о монетах и драгоценностях, кои прежде сего здесь собираемы и выкапываемы были; но было ли многое из того спасено от грубого корыстолюбия и перешло ли в руки настоящих любителей или в хранилище отечественных древностей, каковое находится при императорской Академии наук, я сомневаюсь.

Около полуверсты от селитренного городка к северу достопамятен большой, ныне совершенно разрытый курган, к которому кундуровские и другие татары, когда только близ одного бывают, суеверием побуждаемые ходят по обещанию для отправления при оном их молитв, ибо по их преданию погребен там один святой из их (магометанской) веры. По той причине называют они сие место Жигит-Гадши, отчего происходит также и то, что и селитренный городок называют многие вообще именем Жигит. Упомянутые татары уверяют, что оный святой и поныне творит чудеса, исцеляет больных и им иногда является во сне; сие, конечно, также произошло как и многими другими святыми явлениями, и чудеса, кои в просвещенные времена от человеческой силы воображения столь обильно происходили.

Что касается до здешних селитренных заводов, которые за многие перед сим годы от некоторого по прозванию Молостова вначале построены были, а потом сняты в казну, и, наконец, нынешнему их содержанию астраханскому купцу Кобыякову проданы, то употребляются теперь некоторые поправки, дабы оные опять привести в действо. Но медленность, с каковою они поправляются, и несостояние содержания не подают никакой надежды к получению великих выгод. Однако там находится много самолучшей селитренной земли, лежащей толстым слоем на поверхности всей страны; а наипаче изобильна она в известных местах селитрою, но при этом перемешана с поваренною солью, из чего заключить можно, что обилие селитры происходит от находящейся в земляной почве соли и от превращения оной в селитру. Мнение сие подтверждается и тем, что в старых коях вываренная земля паки селитренными частицами наполнилась. От прежнего заведения остались еще котлы, и многие другие потребные к тому сосуды, и содержатели сами признаются, что здесь к их собственной и той страны выгоде многие тысячи пудов селитры вываривать можно, которая в казну за дешевую проходила цену, и притом заводчик может возвращать свои издержки вдвое и слишком. На разных местах по берегу находится в красноватой глине с песком перемешанный слоистый и шариками сросшийся селенит темножелтого цвета.

Нигде не видел я толикого множества змей, сколько их здесь между развалинами татарских городков и во всех яминах находится. Соленоватая селитренная почва производит весьма различные растения, такую почву любящие, между коими растет особливо в великом множестве столь на заманиху похожей европейской *Zizium*. Весной в сей стране растет также весьма много *Hieracium pendulum* и изрядного *Ornithogalum*, кои после того по случаю были собраны.

Я не хотел для подробнейшего описания сей страны здесь более медлить частью для того, что я от здешних жителей слышал, что сие учинено уже всевозможным старанием г. профессора Гмелина в прошлое лето, частью для того, что я должен был поспешить к переправе, для коей и получил, частью добром, частью с бранью, стоявшее при селитренном заводе судно, которое должен был возвратить 200 яицких казаков, которые отряжены были на кубанскую границу, и также ожидали переправы. Оттуда поехали мы в полдень, когда противный ветер несколько утих. Из Ахтубы идет дорога на извилистый рукав речки Банной, а из оного через Мечетную на разлившуюся Волгу; во всей переправе через сию великую реку, и разлившиеся рукава оные, при стоящей тогда высокой воде, считалось от селитренного городка вниз до Сероглазовской станицы, куда мы к вечеру прибыли, около 30 верст.

Сероглазовская станица есть одна из тех, которые астраханский губернатор Бекетов за несколько лет к облегчению почты

и ездящих из Астрахани в Чернояр населил. В каждой из сих станиц находится от 50 и до 80 казаков, кои частью из плетня и фашиннику поделанные и глиной вымазанные, частью деревянные дома имеют. Их жилища укреплены, наподобие малых окопов, валом, малыми бастиянами и рвами, прикрытыми фашинником.

Поелику я был в 86 верстах от Астрахани, и мне весьма нужны были деньги как на путевые расходы, так и на раздачу моим спутникам потребного жалованья, то при сем случае вознамерился я сам посетить сие славное место, и поехал туда один еще 10 июня в вечеру на почтовых лошадях, оставя всех, при мне находящихся, в помянутой станице.

Дорога от Сероглазовской станицы до Астрахани по причине непрерывающихся песчаных гор, из коих некоторые состоят из чистого наносного песка, весьма затруднительна. Ближняя подстава называется Круглой или Шамьянов городок. Последнее название получило сие место от недавно умершего калмыцкого князя Шамьяна, которому здесь на казенном иждивении построен прекрасный деревянный дом с церковью и со всеми угодиями. В нем живут обыкновенно зимою его супруга и наследник, и имеют при себе караул из казаков. Все сие место лежит на наносном песку, который крепость и крайнейшие дома частью покрыл, и из которого лошади едва выбиться могут. В близости от сего места находится несколько в сторону от Волги лежащее небольшое, горькой солью изобилующее, озеро. Ночью проехал я Лебешу, и прибыл к утру по причине глубокого песка в Дурновскую подставу, от коей до переправы в Астрахань, которая обыкновенно в высокую воду бывает, еще 22 версты числится. Я умолчу о виденных мною в стороне на моем пути изрядных ватагах или рыбацких деревнях, и о Шареном бугре, лежащем от 6 до 7 верст выше переправы через Волгу, где равным образом кирпичные кучи и взрытая селитренная земля доказывают, что здесь был некогда город, но коего остатки далеко не такой важности, как остатки Жигитского городка. Все достопамятности в сей стране довольно уже другими путешественниками исследованы и описаны, и я непристойно бы поступил, если б хотел при оных останавливаться.

В Астрахани, где застал я г. профессора Гмелина, приготовляющего ко второму столь неблагополучно после того окончившемуся путешествию в Персию, пробыл я до 16 числа, и в сей день, окончив свои дела, отправился я в обратный путь поплудни, и в ту же ночь по прежней дороге приехал в Сероглазовскую станицу. На той же версте выше сего места проезжал я мимо так называемой Черный гряд, большей частью рыбаками населенной, укрепленной слободы, где в высоком иловатом волжском берегу находятся небольшие довольно окаменелые слои, наполненные морскими раковинами, между коими весьма ясно различить можно в Каспийском море обыкновенно водя-

щихся черепокожных. Степь от сего места становится глинистее и тверже; но песок до Енотаевской крепости разными местами еще виден бывает. Сегодня приехал в оную через две перемены, из коих в последней обыкновенно платят только за 14 верст, потому что сперва сделаны были неверные измерения, которые по новейшим и точным измерениям и, повидимому, 24 версты в себе заключают.

Крепость Енотаевка, или Шимья-Балгазун (Новый город) у калмыков называемая, весьма мало населена; в ней живут 8 небогатых купцов, отставные солдаты и казаки. Самая крепость представляет четверугольник из хорошего земляного вала с четырьмя бастиянами; лежит на высоком берегу одного волжского рукава, по причине песчаной земли непрочно. Внутри оной находится только одно казенное строение, между коим знатнейшее есть дом коменданта, который прежде сего калмыцкому хану жилищем был назначен, и дом при калмыцкой орде для надзирания определенного пристава. В доме, прежде сего для хана назначенном, живет ныне калмыцкий князь торгутского поколения, который в крещении наречен Алексеем Дондуковым, возвращен в императорском шляхетном кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, и дослужился после того полковником. Жилища простых людей по южную сторону крепости составляют предместье, а выше оного находится ватага.

Мне незачем было медлить в Енотаевке, и так следующего полдня начал я продолжать свое путешествие. Ближняя подстава называется Копановская и населена дубовскими казаками. Отсюда до Вертлянской станицы считается 21 верста, а далее до Грачевской 33 версты; обе населены астраханскими казаками и порядочно выстроены. До сего места степь была столь суха и бесплодна, что выключая во множестве растущего алфуга, на коем теперь малые серые пауки плели паутину, едва некоторые зеленеющие рассеянные растения видны были. Но при Грачевской, по крайней мере, берега довольно изобиловали травами и посему промедлил я здесь 18-го числа до полудни, для собрания цветущих летних растений. Сии были: *Phlomis herbaventi*, *Dracoscephalum thymiflorum*, *Salvia nemorosa*, *Silfimbium altissimum*, *Scabiosa Veronica*, *Alium descendens*, *Lavatera thuringica*, *Thalictrum flavum*, *Echinops Ritro*, *Dirfacus laciniatus*, *Achillea odorata*, *Galium glaucum*, *Salfola prostrataeauricodes*, *Bromus Sguarratus*, а в низменных местах болотный молочай. Солодковый корень уже отцвел, также и вероника австрийская в великом множестве на иловом берегу находилась, которая уже приносила семена;¹ впрочем, по Волге даже за Дубовку была обыкновенная трава.

По сем упражнении совершил я сегодня свой остальной путь через сухую, несколько холмистую степь, и низменный залив

¹ Трава сия во всем отменна от сибирской вероники с разрезанными листьями, хотя она в сибирской флоре часть III, стр. 222 за одну с нею почтена.

до Черноярской крепости. По причине чрезвычайной жары, и поелику летние растения большей частью уже отцвели, почему и не для чего было мне долго медлить, то и остался я там на несколько дней, а между тем посылал некоторых к соленому на другом берегу реки Волги несколько выше лежащему озеру, которое у калмыков Богдо-Дабассун называется, для изведения состояния соленных растений, коих рассматривание назначил я себе в наступающую осень. Но однако весьма еще было рано и большая часть оных теперь лишь начала показывать свои стебли. Приморская *Afclerias* цвела и рассеяна была по разным местам при сем соленом озере. Потом я оную нашел на некоторых солончаках Волги и при Елтонском соленом озере. *Staticetrigona* и *Polispermum monandrum* нигде в таком множестве не встречались, как около Чернояра, а особливо последнее на северной стороне крепостного рва и при ближней выше Чернояра подставе.

Черноярская крепость лежит на весьма высоком иловатом берегу, который от 8 до 10 сажен вверх простирается, и где разными местами от 6 до 8 сажен поверх воды омытые морские раковины целыми слоями, также и в песке во множестве рассеянные черепа показываются. Самая нижняя часть берега заключает в себе отверделые глиняные слои, и повсюду видны из песку выдавшиеся камни весьма изрядных видов.

Новая крепость пространна, и построена правильно с крепким валом и бастионами, и довольно много населена; потому что сие место застроено было более ста лет прежде Енотаевки, которая в 1744 году для отражения калмыцких орд построена и казаками населена. Прямо внизу новой Черноярской крепости находится четвероугольный окоп, который был местом старой крепости прежде заложения нового города в 1634 году, а ниже того зеленое место против Волги составляет низкий из чернозема состоящий берег, от коего кажется и название сему месту дано.

24-го числа поехал я из Чернояра далее. От сего места до Царицына подставы содержат донские казаки, которые каждые четыре месяца сменяются, и живут в худых хижинах и в некоторых зимних подземных жилищах. Для безопасности укреплены их малые жилища валом и рвом, наподобие редута. Первая подстава за Чернояром называется Мазанская или поближе лежащей ватаге Стулинская. На пути к оной, где был чернозем, показывалась во множестве изрядная восточная капуста уже с созревшими семенами. В сем состоянии изображает она многочисленными ветвями кругловатый хворост, ветром колеблемый, как то в нынешнее время бывает с *Sefeli pumilum*, а осенью с простым *Polispermum* и со *Statice*, которая сродна наиболее с *Limonium*. Донские казаки едят обыкновенно сырые молодые стебли вышесказанной капусты и называют сию траву белым катраном; напротив того, упомянутая *Statice* называется у них

красным или настоящим катраном, и особенно по той причине на Дону весьма известна, что в южных безлесных местах дикие ее корни с великим трудом вырывают и употребляют на дубенке кож, которые от сего скорее приготавливаются, нежели от дубовой коры.

Выше Чернояра на поемных и других местах к Волге простирающихся, которые ниже сего никаких растений кроме ив и лозняка не имели, более становится кустарников, между коими особенно рос во множестве терновник.

Ближняя подстава называется Каменская, и получила сие название от находящегося в степи недалеко от одного надгробного камня. Между сей и следующей подставой идет дорога по длинному мосту, который казался очень обветшалым, через глубокий и пространный буерак, в который речка Вязовка к Волге протекает. Сия затхлая и весной весьма наводняемая речка называется у калмыков Багырдай, и происходит слишком за 25 верст в западную сторону из тамошнего степного, тростником заросшего, болота, из которого проходит к Сарпе другой воднистый ров, называемый Гологой и в нескольких верстах выше Геренгутского Сарпинского селения, не имея точного устья, оканчивается, и показывается только в высокую воду.

Около того места, где Богардай совокупно с Гологом происходит, видны остатки каменного строения, доказывающие, что здесь находились прежде сего хорошие, может быть, ногайские жилища. Также видно по всему тому месту даже до Чернояра и вниз по Гологою множество весьма высоких курганов, в коих лежат тела отчасти в местах кирпичом окладенных по одиночке, отчасти тела многих чайтельно простолюдимов, обыкновенно в деревянных могилах. Нередко же седла и сбруи с серебряной оправой, с прочими дорогими вещами награждали труды гробкопателей; и посему редкие из сих курганов не раскопаны. На каменской подставе настигла нас ночь.

За сей следующая подстава называется Золотникова, и лежит при одной ватаге сего имени. Дорога идет туда через места различных свойств, на которых малорослая мята везде росла и, будучи растоптывана лошадьми, наполняла воздух своим запахом. Недалеко от подставы идет дорога через два глубокие ключами и дождевой водой промытые крутые буераки, называемые соленые буераки, потому что глинистый берег и земля оных весьма солена, и почти ничего не производит, кроме изрядных повсюду рассеянных соленых растений и тамарисковых кустов. Столь же изобилует солью страна и все от дождевой воды происшедшие лужины около подставы, и земля в таком состоянии простирается большей частью до Сарпы. По каждую сторону упомянутых соленых буераков виден толстый слой хорошей темносерой мыловатой глины, каковая также и на волжских берегах в сей стране и даже за Царицыным находится. Сей почти горизонтально лежащий слой, который однако несколько к югу отлогим быть кажется,

и лежит, повидимому, при Царицыне выше, а в берегах упомянутой Вязовки гораздо толще, чаятельно есть причиной солёности на нем лежащей глинистой земли, коей солёные частицы или не могут от больших дождей так размываться и входить в глубину, или от сего же самого глинистого слоя или других где-нибудь на нем лежащих приумножаются. На некоторых местах, особливо при Царицыне, сия глина весьма способна к горшечной работе, и когда обжигается, то столь же почти красна и нежна с виду, как китайская тонкая глина. Из сей глины делали, особливо некоторые военнопленные турки в Царицыне, разную мелкую посуду, чернильницы, курительные трубки и тому подобные вещи. В солёных буераках как и в вышепомянутой Вязовке находится в сей же самой глине много рассеянного мелкого мелениту. Наиболее сия страна, где такие ямы находятся, учинилась достопамятною последним и конечным поражением Пугачева и его сообщников в августе 1774 года.

До Поповицкой подставы почти ничего на дороге не растёт, кроме солончаки любящих растений; в сухой и глинистой степи под поверхностью находится равным образом великое множество хамитов и других раковин, о чем из рвов легко удостовериться можно. Но от вышепомянутой подставы становится земля несколько выше, песчана и трависта, и в таком состоянии простирается до Татьяновской подставы, от которой в 5 верстах находится река Сарпа, и изрядное за 8 лет там заведенное селение Моравского братского общества, которому основатели дали библейное наименование Сарепты; там должен я был, как для наступления ночи, так и для ужасной грозы и сильного ливня, пребыть до другого дня.

Сие Сарпинское селение основано в 1765 от секты, известной под именем Братского общества или Моравских братьев, по полученному высочайшему позволению совершенно с отменною милостью и преимуществами. Основание так называемых братьев, которые, как посланные для избрания места к строению и страны для поселения, в вышеозначенном году сюда прибыли. После того приумножалось оное ежегодно добровольно из Голландии и Германии стекающимися переселенцами упомянутого общества, так что в оном теперь 250 душ обоего пола считается, коих число всякий год несколькими новыми пришельцами возрастает. Место по учиненному расположению еще не выстроено; но состоит уже и теперь из довольноного числа хорошо выстроенных частью деревянных домов, частью мазанок, к которым ежегодно новые присокупаются.¹

Селение укреплено валом, рвом и рогатками, и снабдено шестью батареями, из коих на каждой по две пушки находится для обороны; также через Сарпу и разные крутые овраги имеет

¹ Часть записок, с описанием Сарепты, мы опускаем, так как об этом сообщалось у других авторов, в частности у Гмелина.

оно столь выгодное местоположение, что может похвастаться весьма крепким, по крайней мере, против степных народов; весьма малый гарнизон солдат живет в тамошних казармах и сменяется из Царицына.

Менее версты от сего селения лежит на высоком месте деревушка или скотный двор, где весьма много держат скотины, и довольно упражняются в землепашестве. Поелику сие строение лежит на мокрой и болотной земле; то по сие время не могли там разводить овец. Равным образом много падает молодой рогатой скотины. Позади сего строения находится быстрый источник, который трубами, проведенными в то место и ко всем общественным домам, снабжает жителей хорошей водой.

В двух верстах повыше сего селения, при подошве увалов вниз по Волге простирающихся, начали строить деревню, которая потом от находящегося при оной обделанного быстрого ручья получила название Шенбрунн. Теперь состоит она только из 6 крестьян, но должна умножиться до 20. Ее местоположение приятно, и она имеет на увале довольно пахотной земли, также и лугов. Но по сухости того места ничего невозможно ожидать от земледелия, и хлебопашцы до сего времени более всего кормились от посева табачного. Земля при селении вообще даже до ската и буераков высоких песчаных мест, из коих плодороднейшее, называемое Чегурник, по-калмыцки Боштуту, по причине далекого расстояния и малого числа хлебопашцев не могло еще употреблено быть в пользу, худа для пашни, и почва ее по большей части суха и солена, и в обыкновенные здешние летние засухи никаким образом лучшей и плодороднейшей быть не может. Обывательские огороды должно бы было расположить ниже при Сарпе, либо весьма поливать, если не всему на высоких местах посохнуть должно; один только лен, повидимому, с выгодой сеять можно; потому что здесь, как и в донских степях, растет его много дикого, и находится как в природном ему месте. Из хлеба хорошо бы было здесь сеять египетское жито, которое наиболее засуху сносить может. Сенокосы находятся на волжских поемных местах, и на так называемом Сарпинском острове, равным образом вверх по Сарпе, также и дров к домостроительству про нужду довольно, но немного дуба, растущего в расселинах возвышенных мест и на упомянутом острове, которого едва только стает на нужду; а строевой лес должно привозить из волжских верховьев. Рыбная ловля на Волге, где селение некоторые места откупает, прибыточна. В Сарпе водится также простая рыба, сазаны, а теперь и раки, кои в ней разведены, но она не совсем принадлежит к селению, и жители царицынские оспаривают оную сим поселянам. Водяных диких птиц находится здесь довольно весной, а зимой множество рябчиков и зайцев; весной и осенью более всего бывает на Сарпе диких гусей, и всякой породы уток, из коих также многие в тростнике озера или залива, составляющегося от сей реки, обыкновенно выют себе гнезда.

Общественное содержание селения состоит, кроме вышепомянутой рыболовли, держания многого скота, нужного, но редко производимого и на пищу недостающего, хлебопашества, и довольно прибыточных табачных посевов, особливо в курении вина, которое от казны на откуп отдается и весьма прибыльно; в постоялом дворе, который также небесполезен; в лавках, хорошо снабженных товарами, от коих однако прибыль не мог, кажется, быть велик, и после того еще более уменьшился, по причине ухода калмыцких орд; в свечной фабрике, в которой весьма великий расход на товар бывает; в табачной фабрике, которая от приходящих туда многих калмыков великие получает выгоды; в хлебном торге, который также по причине побега ханских калмыков уменьшился, и, наконец, в хлебной и пильной мельницах, из коих последняя мало выгоды доселе приносила, и коей недостаток должен первой быть награждаем.¹ Все способы к прокормлению могли бы здесь получить приращение, если бы посредством мира заключен был торговый договор с бессарабскими, в куманских степях ныне обитающими татарами, и обращен на сие селение.

Речка Сарпа, по которой на одну версту от ее устья к Волге, на самом берегу обширного низменного места, расположено селение Моравских братьев, происходит из сухой соленоватой между Доном и Волгою к югу простирающейся степи, и составляет, как и многие другие в степях протекающие речки, от ее истока многие глубокие и великие тростниками покрытые заливы или озера, между коими небольшие соединительные протоки находятся. На двух таких озерах, выше сего селения одно за другим следующих, из коих одно в 4-х, а другое в 7-ми верстах от того места находится, поделаны спуски, также вырыта яма, чтоб во время безводия в летнее время можно было доставлять потребную воду мельнице. Третье озеро гораздо более первых двух, и наполнено тростником, где большей частью водятся дикие водяные птицы; за сим следует самое большое и воднистое озеро, которое у калмыков называется Цагганнор, потому что в нем мало тростника и чистая вода. По левую или западную сторону Сарпы простирается вдоль по оной со многими заливами и предгориями в южную сторону степи возвышенная земля, которая с низменнейшей степи подобной кажется холмами покрытым слоистым горам; но сие есть не что иное, как конец от севера равно лежащей высокой и несколько холмистой земли, которая при соленоватых сухих и глинистых волжских и куманских степях здесь оканчивается, и составляет берег, пресекаемый источни-

¹ Хотя Сарпинское селение наполнено было по несчастью 1774 года в августе главными по ныне благополучно истребленными яицкими опустошительными бунтовщиками, однако, предложенное здесь описание и для будущего времени служить может, потому что здесь живущим братьям, хотя с потерей большей части их имущества посчастливилось спастись, частью водой частью сухим путем в Астрахань.

ками и от растаившего снега происходящими ручьями, также и широкими долинами, откуда в Сарпу наиболее воды протекает. Число сих долин и земных углублений вдоль по Сарпе калмыки определяют с небольшим 60, между коими столько же должно быть носов или предгорий (хаммур), которые как и долины особливymi наименованиями различаются. У самого Сарпинского селения возвышенная земля составляет мыс, песчаными горами покрытым и называемый калмыцким словом моо-хаммур (худой или голый нос или мыс).

От оного высокий берег поворачивается вдоль по Волге к северу и оставляет до средней Елшанки, текущей в 12 верстах выше селения в Волгу, иногда более нежели на 2 версты в ширину простирающийся уступ, который как все к югу лежащие степи по большей части на целые 10 сажен выше разливной воды, а еще более выше поемных волжских мест возвышен.

При упомянутой Елшанке простирается возвышенная страна равной крутизной до поемных мест; при верхней Елшанке изобилует известью и слоями, и как к Царицыну, так и по течению Волги к Дону столь нарочито возвышается, что всю широту поемных мест между обеими реками занимает, и на правом берегу Волги прерывается, следовательно, вся на левой стороне лежащая степь не токмо здесь, но даже и в верховьях Буруслана, исключая некоторые при реке лежащие места, с обширную южную степь имеет одинакое свойство и высоту.

* * *

26 числа продолжал я путь свой вдоль по Волге в Царицын через три ручья Елшанки, куда дорога ради недавно бывшего дождя была весьма водяниста и скользка.

Здесь я нашел студента Быкова, который зимой был послан из Сибири на Волгу и препроводил здесь всю весну в собирании примечания достойных растений и насекомых. Другой студент Соколов, приехавший в сию страну вместе с Быковым, предпринял вскоре по наступлении весны путешествие через куманскую степь и тогда еще не возвратился.

Но не задолго перед моим приездом, прибыл в Царицын и третий студент Кашкарев, отправившийся с повозками по Каме.

Для наступающей осени избрал я сей город для своего пребывания; ибо сия страна весьма удобна к учинению много различных наблюдений в естественной истории. Между тем, препроводив последние числа июня и весь июль недалеко отсюда между Доном и Волгой кочующими калмыками, нашел я случай объяснить собранные мною о сем народе известия, что из напечатанных известий о монгульских народах довольно явствует.

Вышеупомянутый студент Соколов, возвратившись с своего весеннего путешествия через куманскую степь не без опасности

в казацкой, при реке Терек у подошвы Кавказа лежащей, городок Моздок продолжал свой возвратный путь вдоль по Терёку через Кизляр и Астрахань, прибыл сюда в исходе июня и здесь приобщается примечание достойное из его дневных записок.

* * *

Студент Соколов, отправившись четырнадцатого декабря 1772 года из Красноярска в Сибирь, прибыл 7 марта в Царицын еще по зимнему пути; но вскоре по наступлении весны в сих странах пролетными птицами в половине одного месяца предвозвещенной, скучное медление начальника, не соблаговолившего дать ему вскоре прикрытие на путешествие через куманскую степь, отсрочило его отъезд до 15 апреля, когда бы наш путешественник сперва поехать в Сарпинское селение, а отсюда продолжать свой путь вверх по Сарпе до необитаемой степи мог.

Степная дорога вела его в Моздок вдоль по Сарпе с южно-западной стороны по крутой соляной глинистой, редко 2 и по большей части менее одной версты в ширину имеющей равнине, которая с возвышенной многими кряжами и мысами выдавшейся и долинами разделенной страны к Сарпе в левой стороне со своими тростником обросшим заливами и озерами, находящийся склоняется. На другом берегу Сарпы ни лесу, ни гор—ничего, кроме глинистой степи, не видно.

В 15 верстах от Сарпинского селения стоит при Сарпе первая рыбацья хижина, куда иногда для безопасности от кочующих народов или для другой какой предосторожности посылается из Царицына караул. Около 20 верст отселе впадает в Сарпу с западной стороны возвышенной земли речка, называемая калмыками Ирген, на другом берегу коей на одном высунувшемся высоком кряже, из коих многие усеяны курганами, стояла более локтя вышиною надгробная доска, которой южная сторона представляла человеческий образ и вместо пояса несколько поперечных черт. Таких надгробных знаков, которые россияне обыкновенно болванами называют, находится в куманской степи весьма много, так как и далее к северу по весьма мало населенным полям, между Доном и Волгой, лежащим в окрестностях Илавли и Медведицы, весьма много превеликих курганов и могил без болванов рассеяных находятся.

Около 10 верст протекает другой ручей через глубокую долину, ради своей красноватой земли называемой калмыками Состу-Шира и впадает в Сарпу, при коей там находится нарочито пространное рыбье займище и другая рыбацья хижина, которой Сарпинское селение, особливо осенью, рыбу ловить повелевает; и она хижина есть последняя сарпинская селитьба. В верхней части долины, из коей вытекает помянутый ручей, растут в нарочитом количестве дикие тутовые деревья. В 9 верстах от Состу-Шира протекает по пространной низменности третий ручей, вытекающий из той возвышенной страны долины, которая кал-

мыками под именем Хармут-Шира известна и при двух при его устье растущих ясенных лесах, примечается. Немного повыше упомянутого устья стоит на сарпинском берегу калмыцкая часовня (цаца), сооруженная на несколько сажен вышиною наподобие конуса и вокруг обвешенная разными лоскутьями. Повыше оной находится последняя пажить на берегу Сарпы, склоняющейся уже в сторону от обыкновенной дороги; ибо ее источники прямо с юга протекают и дорога, сопровождающая выдавшиеся края возвышенной стороны, лежит более на юго-запад. Между возвышенной страной и сарпинской низменностью, склоняющейся мало-по-малу в левую сторону, лежит ровная, крутая соляная и глинистая степь, рассекаемая частыми из губ возвышенной страны бьющими и в Сарпу впадающими ключами. Впрочем, в южной и в юго-западной стороне ничего не видно, кроме обширной повсюду безгорной, безлесной и голой сухой равнины.

4 августа предпринял путешествие от Царицына вверх по Волге, дабы одну часть степи, лежащей на левой стороне оной, и выше Дмитриевска находящиеся немецкие селения осмотреть. На возвышениях, через которые в нижней Мечетне дорога простирается, разведены на открытой степи огороды арбузные или бахчи с арбузами без всякого присмотра, где сии плоды без поливания довольно велики и вкусны бывают. Царицынские арбузы превосходнее почти астраханских, но здешние дыни не могут сравняться с теми, кои растут в южной стороне. Все сии плоды находятся здесь в великом множестве, потому что ничего более не требуют, как только, чтобы степь сохой ровно была взорана, и плод при времени созревания оного от птиц и воров охранен был. Сии возвышения и многие другие до Дубовки имеют также весьма выгодные положения для виноградных садов, и что виноград здесь хорошо удается, доказывают находящиеся на упомянутой Мечетне и Волге огород и виноградный сад царицынского коменданта полковника Циплетева, который за 4 года доселе разведен и ежегодно около 20 пудов прекрасного винограду приносит.

Сей сад занимает место прежде начатого сада, и не только что чрезмерно распространен, но и весьма порядочно устроен и приятен, поелику же оной лежит на отлогом месте к Волге, то можно его с великой удобностью орошать посредством двух сверху плотинами заплоченных и каналом соединенных прекрасных прудов, наполняемых источниками, там находящимися. Он наполнен разными овощными деревьями, венгерским и астраханским виноградом, который весьма хорошо удается; только в северной, а особливо в верхнем углу выступает обильно горькая соль, которая, повидимому, от скрытых ключей происходит и, может быть, на прилежащих малых возвышениях такой же купоросный слой показывает, какой находится ниже при Елшанке. Близ сада лежит на краю берега Волги деревушка, а на Нижней Мечетне хутор с мельницей того же помещика, так как не-

сколько выше при той же речке имеет свое положение мало-российская деревня.

Сия же самая страна, между Нижней и Верхней Мечетною находящаяся к Волге, примечания достойна изрядными остатками древнего татарского города, который почти с землею сравнен. Большие основания и следы четверугольной крепостной стены, показываются на крутом соленом буераке, рассекающем берег и лежащем почти в середине между обоими ручьями Мечетны. Стена, повидимому, имела одни ворота, и неподалеку от оной, несколько далее в сторону от берега, находятся явные следы большого каменного строения, которое было караван-сараем или гостиним двором; основание оного представляет большой четверугольник, имеющий в середине широкий ход, по правую сторону ряд один подле другого лежащих малых отделений, а по левую несколько больших и два малых покоя. От буерака до Верхней Мечетной ровная плоскость вдоль берега лежащая, наполнена кучами камней и ямами, кои частью от развалившихся погребов, частью от копателей сокровищ произошли. Мало находится тут кирпичей, но множество бутового камня, который служил для строений, а ныне для пользы помещика той области собирается на продажу.

Неподалеку от Верхней Мечетной, близ кирпичного завода там заведенного, разрыто при утесе берега довольно великое подземное здание, которое по различным признакам почитают за кузницу или за литейную палату. Где ныне находится загородный дом вышеупомянутого коменданта, там, как сказывают, были остатки одной мечети. Говорят, что там прежде сего различные выкопаны были драгоценности, и между другими две золотые седельные бляхи изящной работы. На возвышенной земле в сторону от прочих развалин, находятся еще порознь лежащие развалины, кои как кажется суть остатки караульных башен. Все селение представляло род предместья того татарского главного города, коего остатки несколько пониже Царицына на Ахтубе находятся и о коих ниже сего при другом случае упомянуто будет. Сообщение между обеими облегчаемо было островом, который от устья Ахтубы, отходящей от Волги несколько выше Верхней Мечетны, почти до Царицына простирается и имеет имя Денежной.

Обыкновенная дорога, простирающаяся по возвышениям, оставляет все сии достопамятности, в довольном от себя отдалении в правой стороне. В 10 верстах от Царицына пересекает она Нижнюю Мечетну, текущую в крутых берегах, а в нескольких верстах далее Верхнюю Мечетну, столь же крутые берега имеющую, при которой разведены огороды с огурцами и дынями. Здесь и почти во всех огуречных огородах на Нижней Волге. *Portulaca oratoria* вдоль по всем бороздам обыкновенная трава. Она находится также в некоторых промоинах, происшедших от дождей в волжских берегах, так как дикая трава. Россияне мало

ее употребляют, но, напротив того, астраханские армяне наиболее в похлебках вместо зелени. На берегах Мечетной и на других к южной Волге текущих ручьях произрастает большой выродок *Zizorus*, Мориссоном изображенный, и *Trifolium resupinatum*.

Около нижней или малой Пичуги проехали мы через некоторые песчаные, кустарником поросшие, углубления, потом достигли до заложенной на упомянутом ручье подставы, в которой порядочных жилищ нет, но только несколько казаков живут в хижинах, покрытых соломой, кои от дубовских весьма отличны. Здесь должно мне было переночевать.

На песчаных берегах сего ручья, также и на большей части ручьев и рек в Нижнюю Волгу втекающих, весьма обыкновенны дивесил и особый род мать-мачехи (*Tuffilago hybrida*). По холмам вдоль Волги, простирающимся от Царицына до Камышенки обыкновеннейшая трава есть особый выродок.¹ *Carduus japonides* с широкими зубчатыми листьями около стебля. По некоторым берегам попадалась мне редкая *Chenopodium fcoraria* в великом множестве, иногда по местам, по большей части при Царицыне выше предместья. Между возвышениями находятся весьма травистые песчаные места, на коих между обыкновеннейшими растениями примечания достойнейшие роды суть: весьма высокорастущая *Statice* или так называемый катран, перекати-поле (*Gipfophila paniculata*), украинка (*Scabiofaveronica*), *Xerantsetum amum* и *Eringium campestre*. Последнее из сих растений особенно между Царицыным и Дубовкою весьма обыкновенно, но выше Камышенки уже более не попадает. Солодковый корень с гладкими стручками покрывает почти все возвышения: напротив того с шероховатыми стручками и с иглистыми головками растет только в изобилии по волжской низменности.

Прежде на сей Пичуге, в недалеком от дороги расстоянии, была мельница, которая теперь выше перенесена. В 16 верстах от Малой Пичуги должно переправляться через Большую Пичугу, по ту сторону которой начинаются состоящие из песку, весьма каменистые, но также и солодковым корнем поросшие холмы; далее же в 7 верстах попался нам ручей Дубовка, а за оным лежащий казачий городок, получивший свое название от ручья.

Сей городок лежит на покатости холмов на самой Волге, которая прежде сего имела в том месте крутой берег и столь глубока была, что при сем городке суда могли приставать. Однакож весенними водополями и стремлением почти каждый год свои мели и берега переменяющая Волга и здесь также иной вид получила. Ибо один песочный остров при устье ручья Песковатки,

¹ Сей выродок с первого взгляда неизвестным кающийся и принадлежащий ко многоцветным породам сего произрастения (*Polichonos*), изображен младшим профессором Гмелиным в 1 части его путешествий по России на 24 листе и назван *Centauria laciniata*.

сверх того прекрасными сенокосами и лесом снабденный, которого за несколько лет весьма мало водою отмывало, при нынешней высокой воде, напоследок почти совсем оторвало, кроме некоторого пространства и песок одного по большей части принесло к берегам Дубовки, так что теперь вода, когда она убудет, удалена бывает от городка по большей части сухой, песчаной, более нежели на ста сажень простирающейся глыбой, да и все околное место в реке учинилось мелким.

В Дубовке находится одна старая деревянная и одна каменная еще не совсем достроенная церковь и несколько сот домов. Дом покойного атамана Порзицкого, жившего до глубокой старости до 120 лет и бывшего при заложении сего городка, построен весь из тесаного камня весьма прочным и пространным хотя совсем на готический вкус. Хозяин сего дома не дожил до тех пор, пока он совершенно построился, и теперь стоит почти пустым, ибо владельцы одного живут в деревянных домах. Сверх сего завел он также строение публичного запасного дома и гостиного двора из каменных иверней. Для всех сих строений ломали камень на берегах Волги, а известь на Илавле.

Дубовские или волжские казаки в начале сего столетия произошли от донских и сюда переведены для безопасности Волги. При первом их учреждении, числом было их тысяча семнадцать человек годных к войне, но поелику за три года 500 семей переведено на Терек в ряд с гребенскими казаками, то число дубовских казаков уменьшилось до 517, кои однакож по старому своему учреждению имеют своего войскового атамана, дьяка, старшин и станичных атаманов, под коими они разделены на 6 станиц. Три из них живут в Дубовке, а три разделены по упомянутым городкам: Антиповке, Каравайной и Балыклее. Все сии места невзирая на вышеупомянутый вывод, еще изрядно населены, ибо по большей части молодые, недавно женившиеся казаки на Терек переселены. Дубовские казаки по большей части весьма зажиточны и богаты наипаче рогатым скотом, ради коего они вниз по Илавле, также по обеим сторонам Волги в области своей настроили множество хуторов, из коих некоторые лежат совокупно наподобие небольших деревень. По Волге область их от Верхней Пичуги простирается до Нижней Сестренки, и в сторону от Волги, на другой стороне коей лежащая пространная и лесистая низменность им также принадлежит, даже до половины степи между Илавлей и Медведией. По углублениям сей гористой высокой страны имеют они много доброй пахотной земли и пользуются частью оной. На Дону отправляют они прибыточный торг досками, бревнами, дегтем и смолою, также совсем готовыми лодками, а иногда довольно большими судами. Все сие с Волги перевозится на волах до донской станицы Качальной, приезжающими сюда малороссиянами, а потом отправляется далее вниз по реке в нижние безлесные селения донских казаков. Большие суда величиною в 6 или 8 сажень ставятся на

катки и тащены бывают 15-ю, иногда и 20-ю волами. Во все лето видно почти каждый день великое число повозок, отъезжающих из Дубовки со всякой деревянной посудой и другими отрядами для судов потребными, кои из вышних стран Волги, а особливо с Камы сюда приходят.

За Дубовкою следуют голые и сухие возвышения. В 7 верстах переехали мы через ручей Песковатку, который так, как и все с нагорной стороны в Волгу текущие ручьи, протекает по глубокой и крутой ложбине. В 8 верстах ручей Оленья впадает в Волгу, от коего дорога довольно отдалается. Упомянутый ручей назван от рогов диких лапландских оленей, кои прежде сего на вымытых песчаных берегах иногда показывались. Удивительным, может быть, покажется, что в сей южной столь сухой и безлесной стране находятся остатки лапландских оленей; но когда кто увидает, что многие теперь открытые страны, между Доном и Волгою лежащие, прежде сего лесом покрыты были, и что на Кавказских горах даже до Куры реки водятся еще лапландские олени, коих в зимнее время иногда и на краю степи калмыки убивают, то сие неудивительным становится. По берегам ручья Оленья растет много лесу и находятся хутора. Еще более заселен такими хуторами следующий за сим водяной буерак, кои однакоже в декабре месяце сего года претерпели несчастье от двоекратного набега киргизских воровских шаек, причем все почти жители со скотом уведены были.

Между водяным широким буераком растет на некоторых косогорах вышеупомянутый прекрасный раkitник в великом изобилии. Другое осеннее растение, от сей страны до самого Саратова попадающееся, есть *Eufrafia luthea*.

В вечеру уже поздно достигли мы ручья Пролейки, на коем казаки верхних станиц в 43 верстах содержат подставу.

От глубокой долины, по которой Пролейки протекают, взехали мы на высокую гористую степь, где всякая трава летом прежде времени засыхает, исключая только одну в сие время цветущую светложелтую одышную траву, которая по всей Нижней Волге на высоких и сухих степях одна почти цветет осенью. Близ дороги видны две большие груды каменьев, вырытые из весьма великих курганов, кои составлены были из песчаного камня. В 21 версте от Пролейки лежит казакская станица Балыклейская на высоком угорке на углу, которой устье быстрого ручья Балыклей с Волгой при сем местечке составляет. Другой небольшой ручей Березовка соединяется с оным в недалеком расстоянии от устья. Оба сии ручья протекают по долине отделившейся каменистую гору к Волге простирающуюся от знатных песчаных и каменистых гор, выше Балыклеи находящихся. Станица подобна большой худовыстроенной деревне, кроме только что в ней находится одна деревянная церковь, так называемая станичная или судебная изба и атаман. Число домов и до 100 не простирается.

Потом дорога идет через каменистые возвышения, которые, умножаясь, занимают узкую полосу между Волгой и Балыклею, почти параллельно с нею текущую и по большей части покрыты песком, происшедшим, повидимому, от распавшегося полевого камня. По ложбинам находится изрядная пахотная земля, которую казаки однакож не всю в пользу себе обращают. Теперь уже хлеб везде дожинали.

Дабы достигнуть до Каравайкинской или Караванской станицы, по причине крутых, к Волге идущих, буераков, надобно сделать объезд и тем увеличить дорогу. Сие местечко с Балыклейской станицей имеет подобное местоположение, находясь между двумя буераками на высоком угорье при одном протоке Волги. Равным образом и в ней находятся церковь, станичная и атаман.

К вечеру прибыл я в Антипин городок или в Антипинскую станицу в 4-е и вышнее селение дубовских казаков, в коем и переночевал. Она так, как и преждеупомянутые обе станицы, лежит на высоком угорье между двумя крутыми буераками, к Волге простирающимися. Верхний буерак простирается от Волги далеко в сторону, и никакого названия не имеет. По другому же течет в Волгу небольшой ручей Антиповка, который в нескольких верстах от станицы выходит на том же месте, где самый буерак начинается.

Высокая коса, на коей находится казачий городок, на Антиповке в крутом своем берегу показывает слой, открывающий против всякого чаяния причину начала столь многих соленых луж, озер и ключей, в ровной волжской степи. Слой сей состоит из глины и лежит на 5 сажен выше ручья, а в толщину имеет от 3 до 4 сажен, цветом оный красноват и желтоват смешанно, и по местам столь сильно солью напитан, что она даже и на поверхности воды выступает, хотя никаких скрытых ключей не приметно. Такие потаенные солью напитанные слои глины могут к тому служить, что, например, снабжают изобильно соленые ручьи и ключи, в Елтонское озеро текущие, кои по многим солончакам степи лежат открыты или таковые места весной от соляных ключей наводняются. Всего достопамятнее то, что большие соляные жилы Елтонского озера, на другой стороне степи, почти против самого Антиповского городка начинаются.

Антиповский берег ради сего соленого свойства порос наипаче *Euphorbia chamaefice*, *Tribulusterfft* и *Jnula foetida*. Некоторые потерянные арбузные семена выросли здесь дикими и уже двели, чему подобное видел я также на другом берегу Волги. Однакож плоды таковых диких произрастений никогда до спелости не достигают; ибо они уже поздно, а именно по истечении большей высокой воды выходят.

Ниже устья Антиповки на волжском берегу открыта каменоломня, в которой для строения в Астрахани канала и для другого общенародного употребления, ломают камень преступники.

Еще мало по ныне оногo вывезено, кроме одного судна, которое, оным перегружено будучи, потонуло.

От Антиповки принуждены мы были ради буераков сделать большой округ по возвышениям. По некоторым местам видны были поздние цветы некоторого *Astragalus*, *Stochis annua*, *Melampyrum avvenfe* и *Euphrasia lutea*. По 16 верстах с лишком достигли мы до двух ручьев, по глубоким ложбинам в Волгу впадающих, называемых Сестренками или Сестреницами. При втором или верхнем построен хутор и мельница камышинского коменданта и оттуда считается 7 верст до крепости. Вскоре потом ехали мы через сухое углубление, которое от некоторых Сухой Сестренкой называется. Еще ближе к Камышенке по левую сторону дороги находятся песчаные холмы, на коих в сие еще время в великом изобилии цвел *Dianthus arenarius* и *sherardis*. Сии холмы ручьем Камышенкой и широкой оногo ложбиной отделяются от той гористой возвышенной страны, которая, прилежа к левому берегу сего ручья, кончится высоким берегом, состоящим из синего сланца и под оным из извести, составленной из раковин. Первый род камня по опытам г. профессора Ловица, будучи раскален, дает весьма точные гигрометрические кружки, коих тяжесть верно показывает переменявшуюся сырость воздуха.

Крепость Дмитриевск или Камышенка находится теперь на прежнем мысу, который составляет ручей Камышенка с Волгой, на низменной и сырой земле. Первая в прошедшем столетии заложенная крепость имела гораздо здоровейшее и выгоднейшее положение, на холме выше ручья, где еще и по ныне виден земляной вал. Нынешняя крепость занимает высочайший и внешний мыс ниже ручья и с помянутого возвышения все в оном городе видеть можно; состоит из 4-х болверков, из коих один, против высокой-воды, размывающей оной, выложен кирпичной стеной. Сии болверки окружены глубоким рвом и палисадами, и заключают в себе каменную церковь, хорошо построенную канцелярию, комендантский дом и некоторые другие жилища. Город имеет свое положение вниз по Волге параллельными длинными улицами, между коими и великим множеством лавок, застроенная главная улица идет от крепости до самого поля, на коем находятся соленные магазины. Сверх того, в городе еще находятся две деревянные церкви, из коих одна еще строится; в лавках, по причине частого проезда соловозов, от коих великие расходы бывают на съестные припасы и на снадобья, к повозкам принадлежащие. Прежде всего отправлялся здесь также великий торг с калмыками, а особливо в лежащей на той стороне Волги Никольской слободе, однакож поелику калмыки откочевали из Волжской степи, то и торговля перестала, и тем убавила прибытку, в сем местечке получаемого.

Тем большую бы получали здешние жители пользу, если бы к окончанию приведен был тот канал, который (назначен по плану императора Петра Великого, а довершение его осталось великой

его преемнице) должен был соединить Дон с Волгой посредством сообщения с Илавлой. Тут я нашел господина профессора Ловица с г. адъютантом Иноходцовым, приготовляющихся измерять наклонение страны, через которую сей канал должен проведен быть; еще видно начало сего канала, сделанное во время государя императора Петра английским капитаном Перри. Положение долины, по которой ручей Камышенка протекает, довольно рыхлое сложение вершин Камышенку от Илавлы отделяющих их водою обилующие источники, подают к произведению в действо сего великого дела основательную надежду.

Область Дмитриевской крепости подлежащая, начинается снизу по Волге, между Нижней Сестренкой и Дефиле Розие, и простирается вверх до Ураковки, а в сторону, до Илавлы. Она лесом скудна и имеет, особливо ниже Дмитриевска, по большей части плодородную землю, которой однако почти совсем не пользуются. Рыбная ловля по Волге от Щербаковки вниз до Антиповки принадлежит к сей области.

Намерение мое было, от Дмитриевска переехав на левую сторону Волги, посетить сколько можно более впусте лежащих стран степи, а особливо вдоль по Еруслану, а потом объездить поселения, заложенные на левой стороне Волги; а поелику сие обозрение до Саратовской страны меня доведет, то на возвратном моем пути осведомлюсь я мимоходом о нынешнем состоянии по сию сторону Волги реки заведенных немецких поселений.

Итак, 8 числа августа, после полудни, переправился я через Волгу и в Никольской слободе взял нужных себе лошадей. Сия слобода лежит вкось к Камышенке несколько выше, на песчаной пологости одного рукава, составленного Волгой. Ее населяют по большей части малороссияне, кои тут ради соленого проводу поселились. Сие местечко имеет более трех сот домов, одну деревянную, хорошо построенную церковь, и множество мелочных лавок, кои по большей части живущим тут россиянам принадлежата, для провозу соли из Елтонского озера экспедиция, где низовой соляной конторы член находится с потребными для оной писцами и командой. Как при самом местечке, так и на ближайшей двумя островами отделенной Воложке Солянке, отделенной от слободы на три версты простирающимися песками, построены большие соляные магазины и анбары, из коих нагружают суда, отправляемые вверх по Волге. Около слободы на песчаных возвышениях построены многие ветряные мельницы по малороссийскому образцу, а на рукаве реки Волги, по которому вода весьма стремительное течение имеет, содержатся некоторые мельницы на судах.

САМУИЛ ГЕОРГ ГМЕЛИН

САМУИЛА ГЕОРГА ГМЕЛИНА, ДОКТОРА ВРАЧЕБНЫХ НАУК, ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ЛОНДОНСКОГО, ГАРЛЕМСКОГО И ВОЛЬНОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЧЛЕНА

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРЕХ ЦАРСТВ ПРИРОДЫ

(перевод с немецкого)

Часть вторая. Путешествие из Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года.

Гмелин Самуил. путешественник — натуралист. Родился в 1745 г. в Тюбингене (Германия). В 1766 году был приглашен в Петербург в Академию наук. По поручению Академии наук принял в 1768 г. путешествие для изучения прикаспийских стран. В 1769 г. посетил Астрахань. В 1770 г. морем отправился в Дербент, отсюда сухим путем в Баку, Шемаху и Сальяны, затем морем в Энзели. В 1771 г. был в Реште. В начале 1772 г. вернулся в Астрахань, откуда направился через Сарепту в кубанскую степь и Могадок; затем Терекон и степью вернулся в Астрахань. В июне 1772 г. снова выехал морем в Персию, в сопровождении нескольких помощников и военной команды из 40 человек. Осмотрев восточный берег моря до Энзели, Гмелин намеревался сухим путем пройти в Кизляр. Но, выехав из Дербента, он был задержан хайтыцким ханом Усеем в расчете получить за него выкуп. В плену Гмелин заболел и умер в 1774 г. в деревне Ахметкенте, где находился заключенным. Самое важное сочинение Гмелина „Reise durch Russland zur Untersuchung d. drei Naturreiche“, 4 части (изданы в 1770 — 1784).

Вторая часть этого труда, отрывки из которой мы берем, дает много интересного материала о Царицыне и Астрахани, подробно описывает этот город, всю Нижнюю Волгу, рыболовство и проч.

В виду обширности материала, собранного Гмелиным, всю вторую часть его записок поместить не представлялось возможным. Здесь мы печатаем только отрывки из этой книги; стиль, название рек, городов и проч мы сохраняем. Историческую часть, главным образом, историю Астрахани, опускаем, в виду того, что в ней много повторений того, что есть у других авторов, печатаемых в этой книге.

Вторая часть была издана впервые на русском языке в Петербурге в 1777 году.

...В сей степи [речь идет о донских степях] в зимнее время бывают дикие лошади, о коих в первом томе сих дневных записок много объявлено было. Жители утверждают, что они приходят с большой степи, между Азовом и Астраханью лежащей, и опять туда возвращаются. Вечером подле огня увидели мы по восемнадцати ног на стороне имеющую сколопендру,¹ которая в темноте светилась. Саженого в огородах винограда почти большая часть созрела, и виноград был весьма вкусен. Хлеб уже весь был сжат. Четвертого на десять к вечеру мы приехали в Мелетово, а на другой день через Раздоры, где Донец в Дон впадает, в станицу Кундруцкую, которая от Аксая отстоит во ста тридцати верстах. Отсюда до двадцать пятого числа продолжали мы путь до Качалиной, потому что я, в известных мне местах, не имел причины долго медлить. При станице Беляевской переправился через Дон и того же дня прибыл в станицу Качалинскую, а из нее, по простествии двух дней, едуци вдоль Царицынской линии, в город Царицын.

ГОРОД ЦАРИЦЫН

Но как большая часть из путешествующих при физических экспедициях академиков в сем городе долгое время были, и я, по меньшей мере, о двух уведомился, что они исторические известия, до сего города касающиеся, прилежно собрали, то для меня довольно будет, когда моим читателям сообщу описание некоторых достопамятностей, близ Царицына находящихся, которые я в первых числах сентября осматривал.

О Ахтубе буду говорить в другом месте, а здесь только упомяну о сем, что берег сей реки от начала ее инде высок и

¹ Scolopendra.

крут, а инде бугрист и состоит из глины, с песком смешанной. В том месте, где перевоз через сию реку находится, берег ее на пять верст вверх и на пять верст вниз с берегом волжским совершенно сходен, с тем только различием, что, где один берег реки ближе к воде подходит, там другой на противоположной стороне и на том же самом месте далее в степь уклоняется; одним словом, всегда разность между обоими находится, и один от другого удаляется.

При начале Ахтубы, на иждивении государевом, учрежден шелковый завод, в расстоянии около пятнадцати верст от Царицына, который уже весьма многим несчастным приключениям подвержен был. Для него заведены два селения, из людей, не помнящих родства, кои посему и называются Безродными. Ими управляет особый начальник, и в немногих годах оных начальников было весьма много. Были также и такие, кои в опасности жизни находились; столь далеко простиралась или злоба переселенцев, или начальники их так неосторожно поступали, и в такую, наконец, приходили крайность, что радовались, когда сменялись. Потребные для кормления шелковых червей тутовые деревья, кои суть персидских отродье, растут дикие не далеко от завода в царицынском займище. Они уже нарочито стары, а чтобы молодые разводить, о том мало помышляют. Никогда еще шелку по пуду в год собрано не было, и мне кажется, что от всего вообще учреждения ничего хорошего ожидать невозможно.

В сорока верстах ниже сего шелкового завода, при берегу реки Ахтубы и в волжском займище, на самом краю яицкой степи, находятся остатки старинного города, который был столицею царя великой Татарии Ахмета. Они свидетельствуют, сколь перемены обстоятельства человеческие, а особливо тех людей, коих гордость есть предвозвестницею их падения.

Сии остатки россияне называют Царевыми Падами или царскими лугами. От истока Ахтубы на яицкой степи, недалеко от займища волжского, находятся три камышом обросшие озера, а за оными на степном краю премного, по большей части раскопаны, из кирпичей состоящих, и только землею покрытых, наделано курганов, за коими следуют опять большие курганы, величиною с малыми горками равняющиеся, и как по степному краю, так и по займищу везде рассеянные; около оных видны явные следы дворов, также и остатки стен, кои последним служат пределом. Из оных стен нет теперь ни одной целой, кроме той, которая при доме некоторой царицы стоит на высоком месте, около тридцати верст занимающем, а близ оной находится озеро, которое татары называют сахарным по следующей сказке:

Некоторый великой Татарии хан, от татар Джамбеком называемый, имел две жены, одну княжеской, а другую простой породы; и как последняя для чрезвычайной красоты была предпочитаема первой, то сие княжеской породы царице было прискорбно и побудило ее царю советовать, чтобы он от нее

отстал и своей благородной крови не смешивал с подлою; а чтобы та через сие ничего не потеряла, тоб дал ей позволение из знатных и благородных юношей выбрать себе в супружество такого, коего любви своей почтет она достойным. Как царь, так и царица, на сие были согласны. Приготовлен был великий пир, на котором друг с другом пили много, а кончился оный таким образом: царь со знатными, от вина обессиливший, отнесен был в свою спальню. Царица простой породы, употребив сей случай в свою пользу, вошла туда, где ее муж был, и как он был без памяти, то отвела его в свою комнату.

Царь, проснувшийся на другой день и видя подле себя лежащую прежнюю свою супругу, рассердился и делал ей жестокие угрозы, но царица напротив того сказала, что она ни в чем против воли царской не поступила, когда ей представлено было выбрать себе такого, коего любви почтет достойным, а как она царя всегда любила и сей склонности до смерти лишиться не хочет, для того и осмелилась она его ввести в свою спальню, потому что не находит она никого другого, кому б свое сердце отдать могла. Царь, сим изъяснением будучи тронут и выполняя совет от царицы княжеской породы данный, приказал помянутый дом построить и в оной отвести царицу. А как он весьма любил соколью охоту, что царице было неизвестно, для того она в приведенное и близ дома находящееся озеро бросала ежедневно великое множество сахару и сим приманила очень много лебедей и гусей, которым изобилием птиц царь, как об оном проведая, так пользовался, что всякий день у одного озера бывал. По окончании охоты отдыхал у царицы и таким образом до смерти имел ее своей женою.

Что вода в сем озере слаще, нежели в других реках, это справедливо и сие обстоятельство довольно было послужить к сплетению сей сказки...

В трех или четырех верстах от сего дома из степи выходит река Царевка и впадает в Ахтубу. Ахтуба напротив того гораздо прежде, нежели подходит к сим развалинам, течение свое склоняет к Волге, а потом вдруг с силой оборачивается, как будто бы необходимо ей надобно было соединиться с Царевкою, отчего сия страна получает особливую приятность и красоту. Кряк степной по обеим сторонам Царевки очень высок, один отдаленный ее берег кажется еще выше и на оном виден превысокий холм, о котором всяк думает, что там были царские палаты. Сие мнение, величина оных, широта двора, оные окружающего, и прекрасное положение одного действительно подтверждают.

Позади сего холма следуют еще три или четыре дома, кои также из кирпича построены были, а теперь землею завалены и получили вид, подобный другим холмам. Позади сих видно много других маленьких холмиков, отчасти несколько порядочно, а отчасти беспорядочно рассеянных. Сии остатки в длину по

кряжу степному простираются на тридцать восемь верст, а в ширину только на одну. Однако татары сказывают, что на яйцкой степи, до самой реки Яика, еще много и других таких остатков находится. Из истории известно, что сия столица великой Татари великим князем Иваном Васильевичем, дедом царя сего имени, в 1462 году по рождестве христове разорена, а по прошествии нескольких лет от ногайцев с землею сравнена, и по сему несправедливо калмыки объявляют, что будто бы отцы их по приближении своем к российским границам город сей с соединенным с ним прибавком еще в совершенном его великолепии застали.

Есть еще много таких, кои думают, что в помянутых развалинах великое сокровище спрятано, да и царицынские казаки для искания оного всякий год ходят; однако, обыкновенно возвращаются с пустыми руками. Простой народ берет оттуда кирпичи для делания печей и разных домашних нужд, и при сем случае приносят иногда с собою малые монеты, серьги, кольца, золотые и серебряные и прочее сему подобное. От помянутого шелкового завода до реки Царевки можно было бы удобно завести селения, потому что ни в лесе, ни в лугах для скотоводства нет недостатка.

Хлеб по примеру безродных переселенцев, кои, между прочим, также и свиней много водят, мог бы там хорошо родиться, и изобилие в сих странах рыбы подало б разные выгоды.

Поездку, которую я хотя в другое время из Царицына до горы Богды имел, можно также сюда внести, при которой упомянуто будет о соляном Баскунчакском озере.

Гора Богда находится, около ста сорока верст внутрь яйцкой степи, и так около двадцати верст от крепости Черноярской. Астраханских казаков станица Грачевская построена против оной. Едучи от севера к югу, показывается она на правой стороне Соляного озера, и отстоит от оного на одну версту.

В рассуждении Соляного озера лежит она прямо между югом и западом. Подошва оной во всей окружности имеет около осьми верст, а вышина на глазомер около семидесяти сажень.

С северной стороны она посредством пяти холмов срослась в эту смесь, которая по степеням наклонное положение имеет. С восточной стороны инде пологая, а инде крутая, а с западной целый ряд холмов представляет, как около четвертой части всей ее вышины имеют и на четыре версты в длину к Волге простираются, а потом мало-помалу с плоскою землею сравнивается. Они при начале своем очень круты и состоят из крепких песчаных камней, на коих много выдолблено дырочек, степным птицам вместо гнезда служащим.

Южная сторона горы крутизною походит на каменную стену и из столь великих расселин и глубоких пропастей состоит, что ежели с вершины горы камень в оные бросить, то ни звуку не услышишь, ниже увидишь, где он упал. Пропасти посредством

малых холмов одна от другой отделяются и между оной есть один такой, который весь состоит из красной тонкой глины, которую калмыки употребляют на крашение решеток к своим кибиткам. Впрочем видны в сих ущельях различно перемежающиеся слои, кои состоят из желтого, белого и красноватого песку и из разной глины, а самые нижние из известного камня. Попадаются также гипсовые и алебастровые слои, коих во всех южных областях Российского государства нигде столь много нет, как там, где в чрезмерном количестве соль показывается. На верху Богды находятся целые кучи камня, которые некогда служили поводом к построению калмыцкого храма, Цаца называемого. Таких храмов по тем местам, где калмыки кочуют, как, например, на Кубанской степи, по реке Сарпе, также на яицкой степи, против Дмитриевска, и на других местах есть много. В оных калмыки приносят жертвы своим бурханам, кладут в оные деньги, обветшалые книги, изображения идольские, хотя бы они на простом только холсте писаны или уже совсем испорчены были. Многие из мимо едущих, не имея ничего, чем бы воображаемым ими божествам благоговение изъяснить могли, отрывают или по лоскуту своего платья, или по куску кожи от сапогов, или по клочку шерсти из лошадей и все сие кладут туда вместо дара.

В недалеком расстоянии с южной стороны Богды и позади оной на ровном месте видна пещера, многими проходами поперек извиваясь в землю идущая, которая, как сказывают иногда, была чрезвычайно глубока, но ныне заплывла песком. Ее калмыки чрезвычайно почитают. Они кладут в нее деньги, целое платье, стрелы, луки, понжуири, духовные книги, листы из оных, письмом писанный холст и идольные изображения. Вообще всю гору Богду они имеют в великом почитании. Нет ни одного из них, который бы мимо оной прошед, при подошве ее не взял камня и его наверх не внес (отчего уповательно и помянутые кучки сделались), там не исправил своей молитвы, не пал ниц на землю или монет из одной, двух, пяти и десяти копеек состоящей, если есть деньги, или, по крайней мере, лоскут от своего платья в знак своего почтения не положил. Ибо они как Богду почитают за нечто во всем необычайное, так и находящееся близ оной озеро, и для того рассказывают о ней следующую повесть, что Богда прежде стоял при реке Яике, но двое калмыцких святых предприняли оную перенести к Волге.

Они прежде, нежели приступили к своему трудному делу, молились и постились долгое время, потом подыали ее на свои плечи; но как уже совершенно были близ Волги, то один осквернил себя злым помышлением; другие же истории объясняют, что он действительно учинил блудодеяние, после чего-то с ним сделалось, что он тотчас лишился своих сил и тяжестью горы вдавлен в землю, которую омочил своею кровью, отчего один бок горы сделался красным, а гора осталась на том месте, потому

что товарищ его один не был в состоянии подвинуть ее далее; калмыки сим изъясняют особый вид горы, которая с первоначальной стороны цела, а с другой расселась.

Баскунчакское соленое озеро в длину простирается на шестнадцать, а в ширину, в самом широком месте, на девять верст, глубину ж оного я определить не могу, потому что мой горный бурав в то время, когда я оно осматривал, был в худом состоянии. Толщину верхнего слоя полагаю я в пять дюймов. Соль в сем озере белизною снегу не уступает и лучше всякой астраханской, по крайней мере, сходствует с тою, которая берется из Большого Басинского озера, потому что она в себе меньше содержит горькой соли, а для того и не распускается так скоро. Ломают ее ныне только у берега. Наломав в мелкие куски, разбивают, собирают в кучи и, поливая тузлуком, очищают, а как тузлук опять стечет и соль ветром обсушится, тогда кладут ее на арбы и к пристани возят. В свойстве ветров работники имеют великую надобность. Северные ветры силу свою истощают в делании тузлука, и работники должны дожидаться южного ветра, если не хотят работать вдвое. Однако при сем соленом озере есть много пресной воды в выкопанных в долинах Богды колодцах. На самой горе, позади южной стороны соленого озера, есть природный чистый источник, несмотря на то, что близ его другой совсем соленый находится.

В шестидесяти верстах от Соленого озера на том самом месте, где Ахтуба и пролив волжский, Володимерка называемый, соединяются, заведена соленая пристань, до коей на быках, запряженных под фуры в пять, а на лошадях в три дня оборачивать можно. Работники, соль ломающие, получают плату или pogodно или попудно. В последнем случае берут они по денежке с пуда или по три полушки, а в первом за год или за лето более осьмнадцати рублей. Тот, кто соль ставить подрядился, должен стараться о нужных к тому инструментах и дровах, кои для варенья пищи работникам нужны, он же платит за перевоз соли по три копейки с пуда, а теперешний подрядчик обязался ставить в казну до Саратова по восьми копеек с пуда. О сем озере калмыки, рассказывая, баснословят, будто бы на сем месте один раз далай-лама, которого они, принимая за истину переселение душ, за бессмертного почитают, обедал и несколько после обеда оставшейся соленой похлебке на землю вылил, то вдруг от оной сделалось сперва небольшое озеро, которое мало-помалу прибавлялось, наконец, пришло в ту величину, которой теперь удивляются. К сему калмыки эти добавляют, что Богда сделалась велика от того, что этот же далай-лама на оной иногда ночевал. Однако из сих есть и такие, кои не хотят тому верить, чтобы ее в той величине, в которой она есть, от реки Яика в сию сторону два человека перенести могли. В двадцати верстах от Баскунчакского озера в полдню

есть другой бугор, вышиною гораздо меньше Богды; однако и подле него находится особое озеро. Калмыки называют его Малою Богдою и там также обыкновенно отправляют свое идолослужение.

Отчего сделалась на открытой степи такая гора, какова есть Богда? Сей вопрос есть такой, который скоро предложить, однако на оный не скоро ответить можно. К решению сего дела не принадлежит ли так же и Соленое озеро? Не должно ли при сем и то показать наипаче, что вся гора наполнена достопамятными окаменелостями таких животных, кои нигде, как только в море, жить могут? Мне по всему кажется, что гора сия есть ясным доказательством бывшей в незапомненные нами времена перемены. Я думаю, что на месте теперешней твердой земли была прежде вода. Вся страна вниз по Волге, из морских раковин состоящая, и соленое свойство кубанской и яйцкой степей кажется с сим мнением согласуются и если б я яснейшее понятие имел о Каспийском море в рассуждении того состояния, в котором оно ныне находится, то б мне и причина Богды гораздо была понятнее.

На таблице зарисована гора сия, и я еще напоминаю, что спереди степь к Царицыну имеет положение высокое, а к Астрахани низкое, и что ниже Богды при Волге на степном краю почти против станицы Ветляницкой находится Саскольский стан, где трухменские татары, как подданные калмыцкие, свое местожительство имеют. Иные приписывают пребывание оных в сем месте Зайсангу Хорлику, который в 1593 году по рождении христове первый с пятьюдесятью тысячами из Мунгалии пришел в Россию и на дороге трухменцев удержав, триста фамилий взял с собою. А другие думают, что сие уже Аюка хан гораздо позже сделал, и только с его владения сей народ у калмык находится в невольничестве. Трухменцы живут по-калмыцки, держатся магометанского закона, говорят особливым татарским языком, однако оный астраханские татары разумеют. Они ростом высоки и лицо имеют не смуглое или черноватое, но белое. Бреют свои головы, как астраханские татары; да и платье носят такое ж. Есть между ними много художников и слынут хорошими хозяевами. Они богаче калмык и на бою проворнее.

Травы около Богды растут суть те же самые, о коих я ниже сего при астраханских буграх упоминать буду. Между оными, кои вдоль по Соленому озеру растут, есть много Замани¹ и Франкени, а вблизи нередко также попадаетея и черенковый ремень.

В самой степи обыкновенно растут кусты калмыцкого ладана, а полевая малина² есть наиприятнейшая пища для лисиц

¹ Nitraria.

² Ephedra monostachia.

сайгаков, степных зверьков, дудаков и журавлей. Она растет кудрявыми кустиками. На противной стороне озера Баскунчакского в длину на двадцать пять верст, а в ширину на десять к востоку идут места совсем черные, иловатые, кои калмыкам, особливо во время перекочевков, делают затруднение. Калмыки их хакками называют.

Тут кончатся, при славном Елтонском озере недалеко от Саратова начинающиеся и вдоль степи идущие песчаные бугры, ухвостья коих калмыки называют нарин, а татары рынь. Песками проименовали их россияне. Во время полои воды калмыки туда уходят и бывают там до тех пор, когда уже Волга совсем опять в свои берега вступит. Сам я в той стороне не был; однако, мне о ней так сказывали, что она чрезвычайно плодоносна и что в оной родятся совсем другие травы, нежели какие обыкновенно растут при Волге.

СЕЛЕНИЕ САРПИНСКОЕ

Находящееся на южном берегу Волги, заложенное в 1765 году в двадцати пяти верстах от Царицынской крепости на углу волжского бугра, калмыками Монгаммер называемого, селение евангелического общества, или так называемых меренских братьев, есть истинное украшение как Царицынского уезда, так и всей Астраханской губернии. Оно основано на особом всемилостивейшем вызове ее императорского величества, ныне достохвальновладеющей государыни и в рассуждении того, что от оного с самого его начала много хорошего клонящегося в пользу Российского государства ожидаемо было, для того и даны ему такие вольности и преимущества, которым никакие другие переселенцы перед оным никак похвалиться не могут. Я, во-первых, буду говорить об оных, а потом присовокуплю нужное до состояния Сарепты, отчасти как имения, а отчасти как собрания евангелических братьев касающиеся.

Землю братскому обществу данною может оно так, как и прочие, имеющие в собственности земли в государстве его императорского величества, всячески пользоваться по своему произведению; с тем только различием, что ни малой части оно другому, к селению не принадлежащему, ни продать и ни под каким видом уделить невозможно. Ему дозволяется по своему произволению в своих дачах города, села, деревни, церкви с колокольнями закладывать, оным по своему обыкновению пользоваться, строить публичные училища и такие дома, в которых оно может распределение чинить по своему церковному уставу, а сверх сего еще может оно также по пустым, короне принадлежащим, землям к ближайшим местам, рекам и странам прокладывать дороги так, как оные для себя нужными, способными и полезными почитет.

О заложении же города и каждого села ему давать знать опекунской канцелярии, в оную посылать план и обстоятельное описание, как самого учреждения, так положения оногo, принадлежащих к сему полей и прочих обстоятельств и сообщить описание училищных домов и других публичных строений. Кроме сего дозволяется им судные между собою дела по собственным мнениям отправлять и распоряжать, так что российские судебные ме та в их установлениях, обязательствах, наследствах, опекунствах и других подобных гражданских делах никакого участия не имеют, но напротив того, они сами из своего общества таких людей выбирают и поставлять могут, кои по общему гражданскому праву благоустройство и добрый порядок наблюдать должны и удовлетворение законом они же отправить имеют под ведением астраханского губернатора.

Им дозволяется везде, где они поселятся всеми пользоваться гражданскими правами, торговать, производить всякие рукоделия и ремесла заводить по своему изволению фабрики и мануфактуры, для собственной своей нужды и для проезжающих, варить пиво, гнать вино, всякие строить мельницы, в своих дачах ловить рыбу, охотой и правом лесов без всякого исключения равномерно, как и дровами пользоваться свободно. Никому не дозволяется на их земле нигде строиться, ставить для продажи пиво, вина и водки питейные дома, отправлять рукоделия, селиться или там жить, разве то сделано будет с собственного их согласия. Напротив того им и их потомкам дана вольность располагать и собою, и своим движимым и недвижимым имением так, что они с оным по учинении положенного из оногo вычета, куда захотят отойти могут.

Первые братья, отправленные в Астраханскую губернию для изыскания земли под братское учреждение, особливо желали, чтобы на оной были хорошие ключи, река, несколько лесу с пахотною землею и лугами и в своих намерениях нарочито успели.

Часть земли, братскому обществу данная в вечное владение, содержит в себе пять тысяч восемьсот семьдесят десятин и простирается по берегу Волги на семь верст. Однако находится на сей земле, а особливо близ Сарпинского селения, по Царицынской дороге много негодных мест или так называемых содончаков, кои не только ни под какую пашню не годятся, но также по причине там находящихся водою вымытых буераков, кои всегда вдаль простираются, трудными и современем для всего селения опасными быть могут.

Берег Волги, который в сем месте высок и крут, повсегодно несколько осыпается, через что жители по прошествии немногих лет ниже устья реки Сарпы знатной части земли лишились. Расстояние около одной версты от сего берега на северо-западном берегу реки Сарпы заложено новое Сарпинское селение. В нем уже есть нарочитое число домов и, хотя они порядочно по-

строены, однако настоящего расположения всего селения по оным еще представить невозможно, потому что они составляют только заднее строение, которое жители по необходимой нужде для своего прикрытия и для управления своих рукоделий сделали деревянное, пока со временем в состоянии построить будут по четырехугольнику¹ расположенные каменные дома, чему уже в сем году одним семейным домом из кирпичей там обожженных весьма хороших и прочно и сделали их начало.²

Знатнейшие строения, кои теперь там находятся, суть следующие: братский дом с принадлежащими к нему мастерскими покоями и другой девичьей. Промеж обоих сих домов стоит зала³ собрания, а подле оной дом, в котором живет их проповедник и председатель с своим помощником и их семьями. Прочие же дома принадлежат одиноким семьям, кои в своих рукоделиях упражняются.

На Сарпе реке сии трудолюбивые переселенцы с великим трудом и иждивением сделали крепкую плотину и спуск воды, а ниже оного заложили две, одну мучную, а другую пильную, мельницы. Последняя в прошлом 1768 году действовала, от которой они получают не только доски и гонт для строения, но можно так же на оной и бревна пилить надвое, что в рассуждении леса, так и работы, выгодно.⁴

В полуверсте от селения Сарпинского при подошве горы построен скотский двор, где упражняются в земледелии и скотоводстве, а чтоб способнее пользоваться землею, то в двух верстах от селения Сарпинского при подошве горы и при истоке хорошего ключа построена деревушка Шенбуры, хороший колодезь называемая, где также построено несколько крестьянских домов.

Что же касается до земледелия, то хотя об оном весьма стараются в селении Сарпинском, однако опыт показывает, что оное во время переменной и сухой погоды не может быть довольным средством для пропитания земледельца, если он не

¹ В таком состоянии было Сарпинское селение как я там был. Из новых главнейших строений с исхода сего 1769 года по сие время построено четыре с деревянными простенками каменные семейные дома, один флигель девичьего дома, а сверх сего разные конюшни и амбары. Удивления также достойна новая, обширная, без столбов, из камней, крепко построенная церковная зала. Городские часы и органы придадут ей еще более красы.

² Впрочем, кирпичи, в Астраханской губернии сделанные, не хвалят, ибо говорят утвердительно, что они не прочны. Не соленая ли вода тому причиною?

³ После построения новой церковной залы сию залу собрания сделали домом третьего помощника.

⁴ Во время засухи часто за недостатком воды заложенные при реке Сарпе мельницы останавливаются, то для сего в расстоянии одной версты от селения Сарпинского для удержания полои весенней воды и сохранения оной впредь для употребления на мельницах, на ильменах Сарпинских сделаны шлюзы с земляным вадом; но сим еще не будучи довольны, почли за нужное для лучшего стечения Сарпы через ильмени провести ров на версту длиною.

присовокупит к оному скотоводство, и не имеет случая продать все свои произведения на наличные деньги, чего за недостатком людей в сей степной стране временем сделать невозможно. Не меньше еще тем примечания достойно селение Сарпинское, что как вспахана была большая часть земли, то и тогда также несколько переменилось, и туманы и росы, чего прежде в сей стране неслыхано, начали появляться.

Недалеко от скотского двора есть большой ключ, который посредством деревянных труб приведен в селение Сарпинское, где он прямо втекает в большое вместилище и как жителей, так и приходящих во время великого жара и жестокой засухи безоскудно довольствует свежою и чистою водою. Он придает совершенную красу сему селению. Из него проведена вода в сады и в некоторые кухни, что самое летом за недостатком дождя великую приносит пользу.

В 1769 году сарпинских жителей обоего пола было не с большим шестьдесят человек, но в исходе сего года сие число через одно общество не с большим из тридцати и через другое осенью 1771 года прибывшее из шестидесяти человек состоящее умножилось.

При установлении знатнейших художеств и рукоделий с начала поступлено было несколько медлительно для того, что трудно было доставать материалы, кои издалека сюда возить надлежало, так же и некоторые мастера, нужные орудия, как, например, ткачи свои станы, хлебники просевальную машину, помощью бы которой одною рукою рожь и пшеницу просеивать, и тем трудного и дорогого просеивания российской уже молотой муки избежать можно было, кожевник для мятья кож лошадьми действующую мельницу и прочее сами делать принуждены были.

Однако рукоделия как в рассуждении мастеров и подмастерьев, так и в рассуждении установления фабрик теперь приметным образом умножаются, но великие издержки для вывозу людей из иностранных земель причиняют в сем деле великие препятствия, и, хотя они старания жителей сарпинских не прекращают, однако труд их надлежащим образом не награждают.

Нынешняя война¹ сделала также сарпинским жителям много препятствий в их предприятиях, ибо они, боясь набегов от кубанских татар, принуждены были около своего селения вести ров и вал, по углам оного сделать шесть батарей, каждую о двух пушках, весь вал обнести рогатками, а в некоторых местах и палисадом. Сады позади знатнейших строений простираются до самого зала, и насажены отчасти плодоносными деревьями, позади которых находится новая аллея из гороховых деревьев состоящая, кои здесь от семени рождаются и по учинению опыта над другими деревьями всех лучше вырастают.

¹ Имеется в виду война с Турцией (1772—1773)

Но как рачительным сарпинским жителям в сих необитаемых странах соседи их мало помогают, то сие есть главною причиною, что сие учреждение не может притти в такое состояние, в какое б ему по его желанию и прилагаемым трудам притти надлежало. Строение селения за недостатком леса и каменщиков очень медлительно происходит и, несмотря на то, что они за все весьма дорого платят, а по большей части, к великому вреду земледелия, во время сенокоса и жатвы недостает работников. Ибо во время сухой и жаркой погоды хлеб весьма скоро зреет, то часто половина семян на землю высыпается. Надобно б было думать, что соседство Царицына для Сарпинского полезно, но при всем том выходит противное. Царицынские жители вообще беспорядочны, беспокойны, немиролюбивы и неприятельские мысли имеющие, обижают они сарпинских жителей, когда и где могут. При закупке привозимых на российских судах товаров они им всегда препятствуют. За участие, кое сарпинские жители вместе с ними в Сарпинском острове имеют, затевают непримиримые ссоры, и рыбная ловля в реке Сарпе, которую они у сарпинцев отнять хотели, всему сему ясным доказательством быть может.

Еще достойна примечания в селении Сарпинском изрядно сделанная лавка,¹ в которой как их фабрик произведения, так и другие товары, кои отчасти для своей нужды, а отчасти и для удовольствия приезжающему выписывают, продаются. Подле сей лавки есть трактир, который однакож не может равняться с немецким.

Теперь там представителем Даниил Генрих Фик, а помощником Гассе и Сутор. Как у всех моравских братьев некоторое господствует равенство, и сие-то равенство в последнее полное собрание было причиною вольности голосов, а особливо того, что ныне простой народ не может говорить вольнее, нежели говорил прежде, то и сказать заподлинно неможно, представителя ли более в селении Сарпинском почитают или его помощников. Хотя им брат не дозволяет одному перед другим брать преимущества, однако как во всем, так и во всех частях Сарпинского общества явно господствует большинство и подчиненность, несмотря на то, что некоторая часть ни своего подданства, ни своего господства не чувствует, и чувствовать не может.

И так представитель неусыпно за все смотрит, тож делают и его помощники. Они не только стараются о общем управлении, но имеют также и особенные должности, например, один ведет щетные книги, другой корреспонденцию, один смотрит за строением, другой за рыбной ловлею, ходатаем от общества и пр.²

¹ Чрез побег калмык весьма много в лавке убытку сделалось. Ибо сие степные жители много питали селение и, так сказать, оными купечество жило и оживлялось.

² Большую часть описания жизни сарпинских колонистов мы опускаем.

Сарпинские жители ходят не в дорогом, но только в хорошем и чистом платье.

Можно бы думать, что имя Сарепта, коим сарпинцы свое селение называют, собственно от реки Сарпы происходит, но я думаю, что 26 стих 4 главы евангелиста Луки так оное приименовать служил поводом.

Между Царицыным и селением Сарпинским, на западной стороне Волги, из гор, от города Самары, вдоль Волги до сего места наподобие плоскослойных холмов простираются, и при селении Сарпинском в кубанскую степь уклоняющихся, вытекают три речки, кои вообще Ельшанками называются, и различаются одна от другой только сим наименованием, первая, вторая и третья Ельшанки. Первая в семи, вторая в двенадцати и третья в осьмнадцати верстах отстоят от Царицына. При самом Царицыне с южной стороны крепости из тех же гор вытекает еще другая маленькая речка, через которую летом пешком ходить можно и имеет чрезмерно высокие крутые берега, а близ оной находятся страшные, глубокие пропасти и осыпи.

Я намерен был из Царицына в Астрахань ехать водою; для того, купив судно, перебрался на оное и, приехав к средней Ельшанке, остановился у оной в том намерении, чтоб осмотреть Сарпинские горы. Я приказал их в некоторых местах разрыть, а в других изведовал посредством горного бурава, и узнал, что во внутренности оных с малым только различием находятся те же самые тела, кои страна около Самары рождает, и для того, тем более в сем мнении утвердился, что сии горы с самарскими имеют соединение.

Будучи там целую неделю, нашел великое множество самого лучшего железа, купоросу, железной руды, серного колчедана и следы каменных углей, а в илу во множестве опять показывался примеченный на Дону селенит; были также явные признаки квасцов.

Купоросная земля столь богата купоросом, что третья часть оной состоит совсем из чистого купороса и при последней осадке садится столь чистым, что его в рукоделии употреблять можно.

Между сими горами находятся опять глубокие, от обвала земли сделавшиеся ямы, в коих видны примечания достойные растения; чернокленник, тавалга¹ и татарская жимолость². Близ тех мест, где горы в степь уклоняются, приметил я два источника с серною водою, которой вкус и запах явно доказывали находящийся в ней серный спирт, да и по учинению других опытов тож оказалось, а сверх сего есть в оной небольшая примесь средней соли, которая имеет свойство соли слабительной.

¹ *Spirea crenata*.

² *Lonicera tatarica*.

В десяти верстах от Царицына, где нынешний царицынский комендант завел сад, есть также другой на берегу Волги находящийся источник, в котором вода с вышеописанным совершенно сходствует, а во всех оказывается горькая соль с железною смешанная землею. Стоило б труда, чтоб получить пользу, еще основательнее исследовать страну сию, а мне на сие не доставало времени и случая.

САРПИНСКИЙ ОСТРОВ

Двадцать первого сентября, оставив я страну сию, при неспособном ветре продолжал путь мой в Астрахань. Переехав одну версту, имели мы в левой стороне Сарпинский остров. Он в длину от пятнадцати до двадцати, в ширину на десять верст простирается, и, несмотря на песчаное место, нарочито плодороден: на нем водится разная дичина, богат лесом, а по течению полый воды родится много спаржи, весьма выгоден для сенокоса, на нем же находятся пятьдесят шалашей рыбачьих, царицынским жителям принадлежащих, да и сарпинские жители владеют также небольшою частию сего острова. Ночью поднялась буря, для того мы были принуждены пристать с судном у устья реки Сарпы.

Но как я был очень близко от селения Сарпинского, то не мог миновать, чтоб еще не побывать в сем изрядно учрежденном селении. Я разговаривал с некоторыми знатными членами сего общества и по окончании разговора оставил их с весьма справедливым примечанием, что высшее состояние людей может быть живым свидетелем доброго и худого расположения их душ.

Сегодня буря хотя и утихла, однако ветер дул тот же, что и прошлого дня, и для того ехали очень тихо.

Бабы-птицы летели вниз Волги, а кроме их и серых чаек еще никакие стальные птицы к слету не собирались.

Западный берег Волги состоял всегда из слоев, друг на дружке лежащих и возвышенных глинистых гор, в коих во множестве, показавшиеся паки селенит, о котором я в первом томе при Ногаевской станице упоминал, а теперь уже увидел оный и недалеко от Царицына.

Горы иногда больше, иногда меньше возвышались, берег от различного сильного действия Волги был различного свойства.

С удивлением увидел я на верху гор между кустарником растения дикий или волчий перец¹ называемое и в полном цвете малый дикий миндаль. Сие уже доказывает хороший климат страны сей. В сем месяце ел также я стручки и бобы, кои сим летом созрели, и опять из посаженных семян выросли. Татьянаинский остров, отстоящий от Царицына в тридцати двух вер-

¹ *Daphne mezereum*.

стах, имеет в длину пять, а в ширину две версты, изобилен лесом и необработан.

Мы мимо оного проехав вечером, ночью очень поздно пристали к берегу у Поповицкого форпоста, который отстоит от Царицына в пятидесяти верстах. Сей форпост есть такого состояния: всякий год или через два, обыкновенно посылаются в Царицын шестьсот донских казаков, кои святятся с другими регулярными войсками как по царицынской линии и в трех от оной настоящих крепостях, так и употребляются к тому, чтоб дорогу по Волге между Царицыным и Черным Яром от-давно уже там известных разбойников, коих еще и ныне несколько бывает, совершенно очищать.

Итак, на каждых двадцати пяти или тридцати верстах на западном берегу Волги, которой уже давно определен для почтовой дороги до Черного Яра, находятся порядочно, небольшим редутом окруженные караульни, и при оных живут в бедных землянках по двадцати четыре казака, кои состоят под смотрением сотника. По прошествии каждых четырех месяцев они сменяются и по году или около двух лет служат на линии.

Сии на форпостах находящиеся казаки отправляют также и почты: они должны проезжающим с порядочными подорожными давать подводы и на казенных судах употребляемы быть в греблю. Если хочешь бедную тварь в свете себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчины своей казаки посылаются самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою ни деньгами от сей тяжести освободиться. Здесь поступают с ними так, как едва ль прилежный хозяин поступает со своим скотом. При величайшей бедности, в которой казак едва сухим хлебом голод свой утолять в состоянии бывает, должен в худой одежде сносить тяжесть жара и жестокость стужи или со своими товарищами укрываться в темную конуру, в которой непривыкшему ни одной минуты пребыть невозможно, потому что воздух, который они в оной в себя принимают, есть жилого свойства, а для одной или двух своих лошадей, в коих состоит все его стяжание, не имеет он такого корма, который для понесения таких трудов, коим лошади сих казаков подвержены требуется. Наконец, по прошествии сего несносного времени возвращается он со своими измученными лошадьми, если только удалось и свою и их спасти жизни, в свое отечество беднее прежнего.

Есть между ними и такие, кои принося свое имение с собою, тем самым служат к отягощению бедных, ибо как говорят, что они своими деньгами умножают доходы начальствующих с тем, чтоб, по крайней мере, прежде прошествия определенного времени домой возвратиться.

От двадцать третьего до двадцать пятого несчастные приключения, коих в сие время на воде ожидать можно, сильно на нас устремлялись. Я досадовал прежде на противный ветер, на

тихую погоду, а теперь узнали, что сие происходит от провидения, которое нас от очевидной гибели спасает. Лишь только от'ехали мы от помянутого форпоста несколько верст, то с запада столь сильная поднялася буря, что волны через наше судно ходили, и гребцы, будучи в сем деле не искусные, совсем не знали как продолжать путь свой. При самой крайней нужде, в которой мы находились, двадцать третьего числа пополудни, может быть к нашему счастью, попали мы на мель, с которой, лишены будучи всей помощи, не прежде полуночи сойти могли, но спокойствие наше не долго продолжалось; ибо погодою нас носило то на ту, то на другую сторону Волги и сие было причиною, что мы до другого утра шесть мелей об'езжать принуждены были, пока, наконец, приехали к каменному форпосту. Тут уже погода для нас была благополучнее; и так мы в полдень прибыли к форпосту Мазанскому и сего ж дня приехали и в Черный Яр, еслиб под вечер у нас не отломился руль и не принудил нас, бросив якорь, остановиться. На другое утро, освободившись от сего несчастья, поехали мы далее.

За птицами-бабами, коих я за несколько дней в теплые страны перебирающихся видел, летели сего дня великими стадами бакланы, и я приметил, что они летели всегда с бабами и обеих пород многими сотнями собиралось. Перелетающих колпиц видел я сего дня в первый раз, но они летели всегда от бакланов и баб всегда отдельно. Солянку, которой Буксбаум в третьей сотне своих растений на шестой на десять таблице рисунок представил, и с винтовидными стручками мышачий горох, которого я никогда на Дону не видывал, господин Габлиц принес мне сего дня в первый раз; его по волжскому берегу растет очень много. Листы у сего последнего растения всегда, по крайней мере по краям, мохнаты, а не такие как Буксбаум приметил. Прочие же растения, кои мне по сие время при Волге попадались, суть те ж самые, которые я между Царицыным и бывшим моим на средней Ельшанке станом имел случай описывать.

ЧЕРНЫЙ ЯР

В Черный Яр приехали мы двадцать пятого числа около одиннадцатого часа. Сия крепость во владение царя Михаила Федоровича в 1626 году из Москвы нарочно посланными воеводами Андреем Глуховским и Матвеем Львовым заложена, тогда Чернойским новым острогом названа. В 1633 по указу помянутого царя сделана крепостью и по воспоследовавшем шестого числа августа 1741 года пожаре опять в 1742 году порядочно выстроена и валом и палисадом обнесена. Она имеет в длину не с большим сто пятьдесят сажен и ровными с обеих сторон улицами поперек пересекается. В ней как казенные, так и обывательские дома деревянные, а соборная церковь, которая посреди города находится, каменная — на оной есть и хорошие боевые часы.

Яр на российском языке значит возвышенный крутой берег,

который состоит из черной, жирной земли, то посему и называется Черным Яром. О сей берег, который чрезвычайно крут, Волга весною, во время полой воды, очень сильно ударяется, и уже из давних лет знатную часть оногo затопляет и ныне сказать можно, что по прошествии тридцати лет не будет более Черного Яра, если Волга не перестанет столь преимущественно склонять течения своего на запад.

Сие ж самое, хотя несколько в меньшей степени, начинается и при Царицыне. Земля, к владению Сарпинскому принадлежащая, лишается всякий год некоторой части своих дач. Между тем, весенняя вода, с Волжских плоскослойных гор катящаяся, делает ямы в сих странах, под именем буераков известные, и через то претерпевает вред твердая земля. Если в Ингерманландии теперь стараются болотистые страны так осушить, чтоб они к сеянию хлеба были годны, и если сии труды награждениями ободраются, тоб старающиеся о домостроительстве патриоты заслужили немалую благодарность, если б показали как сделать оплот, который бы стремительному рвению Волги силою, крепостью и без многих издержек, наконец, положил предел, так же и тот, который бы подал расположение для прекращения вреда, буераками причиняемого.

Кроме гарнизона, полковником управляемого, который как в Царицыне, так и во всяком городе отправляет комендантскую должность, живут в Черном Яру казаки, судовые промышленники и малое число купцов, кои, однакож, по своему достатку знамениты. Если я не мог хвалить поведение жития царицынских жителей, то тем благосклоннее отдаю похвалу жителям черномоярским. Главный их промысел, коим они содержатся, беспрекословно есть рыболовство. Получают также прибыль и от соли, которую берут из лежащего при Большой Богде, на яицкой степи, в двадцати верстах ниже Черного Яра, Баскунчакского озера, которое находится в шестидесяти верстах от соляной пристани. Сверх сего торгуют они с калмыками, также и тем промышляют, что сих степных рыцарей на нарочно сделанных судах через Волгу туда и сюда перевозят. Сей последний промысел не так мал, как может быть иной подумать может, ибо одно такое судно в год, если послужит счасть, около пяти сот рублей доходу принести может.

Выехал я из Черного Яра в вечеру и имел счастье получить тут дружеское письмо через канцелярию, которое ей господин доктор Лепехин для отдачи их мне вручил. Переплыв двадцать пять верст, ехали мы мимо Мартынинского острова. Он лежит посреди Волги, однако более к левой стороне оной, луговою называемой, подается. Левый берег Волги для того называется луговым, что он весь по большей части украшен лугами и полями, а правый, напротив того, нагорным, потому что он весь состоит уже из частых гор. Мартынинский остров имеет в длину три, а в ширину две версты. На нем много ивняку, а елей редко видно.

ГРАЧЕВСКИЙ ОСТРОВ

В двадцати пяти верстах от одного лежит другой на реке ж. только более подается к правой стороне оной и называется Грачевским. Он несколько длиннее прежнего, но меньше его. Впрочем, оба одинакового свойства.

Мы приехали в оному двадцать шестого числа по утру. От него получила свое название небольшая станица Грачевская, в которой живут волжские казаки.

Итак, из астраханских, волжских и собственно дубовских казаков для шести станиц, для трех то есть между Черным Яром и Енотаевской крепостью, и для трех между Енотаевской крепостью и Астраханью столько семей выбрал, сколько для каждой довольно быть рассудилось, и по пятидесяти семей для станицы с начала почтено было за довольное число. Если теперь я опишу станицу Грачевскую, то и все также описанными почитать должно; ибо она постройкою и расположением так на другие походит, как один калмык на другого.

Итак, пятьдесят домов, из глины сделанных, пятидесяти семьям в Грачевской станице живущим служат жилищем, и станица на глинистых горах построена по правилам архитектуры. В ней дома чистые, внутри мелом выбелены и избы с каминами. Это довольно хорошо, что глина с такою пользою употребляется. Хотя сказывают, что она не держит тепла, и что на ней очень много садится сажи, но я думаю, что оба сии беспокойства миновались бы, если б она хорошо была высушена.

Станица вокруг ровом и валом укреплена, а на оном выставлено по несколько пушек. Входы в оную загорожены рогатками. Казаки жалованья как в военное, так и в мирное время получают по двенадцати рублей. Станицею управляет сотник. В земледелии уже начали немного упражняться, а более упражняются в сенокосе и насаждении огородных овощей. Пользуются также выгодами от реки, которая всем порядочно станицам отмерена. Кроме упомянутых пятидесяти семей находятся здесь еще двадцать пять казаков, кои должны отправлять почту, давать подводы и проводить до другой станицы казенные суда. Они сюда посылаются из Царицына и обыкновенно через два месяца сменяются.

Переехав восемь верст, ехали мы мимо острова Казачьего. Он богат лесом и имеет в длину четыре, в ширину полторы версты.

К Ветляницкому острову, который пять верст в длину и три в ширину имеет, прибыли мы поздно вечером. От него построенный на горе, и в нем кроме шестидесяти семей волжских казаков живут еще двадцать четыре казака, кои всякий месяц для отправления почты из Черного Яра сюда посылаются. Сия станица и прежде оной упомянутая, суть только такие, с коих пришлое казаки почтовые беспокойства на себя снимать должны, а прочие все оные отправляют сами.

КОПАНОВСКАЯ И ЕНОТАЕВСКАЯ СТАНИЦЫ

Двадцать седьмого, продолжая путь наш при тихой погоде: через двадцать пять верст прибыли в станицу Копановскую. В ней живут только тридцать казаков, потому что некоторые из них за год перед сим или более померли.

Близ той станицы находится почтовая станция, на которую из станицы надлежащее число людей присылается. У крепости Енотаевской пристали мы с судном ночью. Она уже с давних лет, а именно в 1741 году против калмык построена и уже в недавних годах сделаны в ней настоящие коменданты. Крепость наименование свое получила от протока с западной стороны Волги, при ней вытекающего и на восток простирающегося, который в длину имеет двадцать семь, а в ширину пять верст; в ней есть небольшой гарнизон регулярных солдат; впрочем, большая часть жителей состоит из волжских казаков. В ней живет калмыцкий пристав, когда он с калмыками не кочует в степи. Близ оной расставлено много калмыцких кибиток, их калмыки и в зимнее время совсем не перемещают.

Енотаевская крепость построена, собственно, для того, чтоб калмыцкий хан, который тогда был Дондук Даши со своими зайсангами привыкал жить по-европейски на одном месте и для того в оной построен великолепный для него дом и ему подарен. Однако он в нем не жил, да еще через столь себя почел обиженным, что в него совсем не ходил; конечно, тогда и калмыцкий пристав должен был зимовать в Енотаевской крепости, и во время калмыцкого какого-нибудь смятения туда ж скрываться.

Жители Енотаевские все требуемое для человеческой жизни получают из Астрахани или из других городов, потому что их огороды и поля ничего им не приносят. Они особливо принадлежат к скотоводству. Стада летом пасутся в степи, а на зиму довольно получают сена с луговой стороны и близ лежащего острова. Сенокос по течении полой воды начинается в первых числах августа и продолжается весь сей месяц. Сентябрь определяется на сгребание травы и превращение оной в сено.

Южный и северный ветры, если несколько сильно дуют, причиняют жителям великое мучение, ибо несут они с собою в крепость степной песок, так что, не закрывши глаз, по улицам ходить невозможно. Напротив того, самые же сии ветры делают пользу тем, что комаров отгоняют. Кроме комаров, бывают также во время тихой погоды весьма маленькие и почти невидимые в невероятном множестве мошки, кои особливо к ночи, с острова прилетают; от сего рот, нос и глаза претерпевают вред, так что кашель, чиханье и мокрота в глазах делается. Впрочем, от комаров защищаются также и жжением лошадиного и воловьего помета, который для того на всех дворах летом курится, а для защищения от мошки покрывают голову тонкою, мягко сделанною и дегтем намазанною сеточкою, которого запаха мошки терпеть

не могут. Они видны бывают только во время прибывания и убывания воды. В сие время у всякого рода людей бывает много поносов. Не мисгирам (асарус) ли оные некоторым образом приписать должно?

Близ Енотаевской крепости находятся следующие острова: Енотаевский остров. Он в длину простирается до Черной гряды, а в самом широком месте не шире двух верст. На нем тальнику и осокоя находится много и для хороших покосов сена, которого на нем более, нежели на других островах, родится, много построено хуторов.

Чечеринский остров. Он лежит против Енотаевской крепости, имеет в длину пять верст, и родятся на нем те ж самые деревья, что и на прежнем. Его с правой стороны окружает Волга, а с левой выходящая из оной и опять в нее ж впадающая река Чечера, на которой есть также небольшой остров, Малый Чечеринский называемый.

Между Енотаевской крепостью и Чечеринским островом по протекающей Волге большим судам ходить никак невозможно, ибо она в том месте как узка, так и мелка. Итак, суда нагруженные ходят по Чечерке.

Повыше сей крепости в двух верстах находится Арбузный остров, десять верст в длину имеющий. С нагорной стороны он малым ручейком. Подстепной Ерик называемым, а с левой окружен Волгой. На нем водятся разные породы осин и тальнику, а на конце наносного песку поделаны разные рыбацьи станы; однако, сенокоса на оном не бывает, потому что князь Дондуков летом со своими калмыками живет на оном.

Немного пониже Енотаевской крепости еще есть небольшой остров, весь песком наполненный и разными породами осин обросший, по правую сторону которого во время полои воды ручеек, Завоеванный называемый, а по левую река Енотаевка протекает. Сказывают, что кубанцы часто для грабежа приходили к Волге, что наконец россиянам столь несносно было, что они, собравшись человек со ста с дротиками и ружьями на том месте, где теперь стоит Енотаевская крепость, караулили кубанцев, кои по своему обыкновению и действительно пришли; но русские от множества оных бежать принуждены были и посредством небольшого судна, которое при себе имели, скрылись на сем острове. Ночью ж, как кубанцы спали, вышел на берег и сперва отогнав у неприятеля лошадей, всех побили наголову, для того и поныне сей остров Завоеванным называется. Дома в Енотаевской крепости построены на российский образец и предместье более крепости; крепость же построена правильно. Мы выехали отсюда двадцать осьмого числа поутру, около десятого часа.

Правый берег Волги, который до сих мест ни из чего другого, как из глинистых состоял гор, переменялся вдруг в песчаные бугры, между коими глина только редко попадалась. Сия перемена и на растения имела нарочитое действие.

Вечером очень поздно прибыли мы в станицу Косикинскую в двадцати четырех верстах от Енотаевской крепости отстоящую, а двадцать девятого числа поутру в станицу Сероглазовскую. Прямо против сей станицы лежащий восточный берег Волги не называется лугою стороною, но черною грядою, так же и находящаяся там большая деревня, в которой живут сплошь рыболовы, сим же именем называется. Сказывают, что тут некогда было много черной земли, а теперь ее совсем песком замыло. Сильная с востока буря принудила нас весь день лежать на якоре. Около пятого часа ветер дул более с запада и как мы сей перемену воспользоваться надеялись, то поехали далее и приказали судно наше тянуть бичевою. Последнего числа сего месяца прибыли мы в станицу Лебяжинскую в полдень, и первого числа октября рано поутру увидели город Астрахань.

ИСТОРИЯ АСТРАХАНСКАЯ

Как сей обширный татарский уезд в прежние времена имел двойное наименование, сперва он назывался Рапшаком, потому что будто б в пустом дереве родился начальнический сын, а потом Ногаиею переименован, так и город Астрахань¹ в древние времена назывался Тмутораканом, но потом проименован Аджи Дарханом, а россияне его прозвали Астраханью.

В осьми верстах ниже нижнего города Астрахани, на западном гористом берегу Волги, почти на том месте, где купца Ключарева находится ватага и на том самом, где прежде копали селитру, видны на одном бугре оставшиеся развалины старинного города, где еще и поныне корыстолюбивые люди упражняются в копании, потому что прежде сего старые татарские серебряные и золотые монеты, кольца, серьги, зарукавья и проч. там находили. Россияне сие место называют Жареным бугром.

Сколь долго Астрахань стояла на том месте, по тех пор и называлась она Тмутораканом, и повествование г. Ломоносова находящееся, что царь Ярослав Владимирович с братом своим Мстиславом имел войну и с князем Тмуторакановым и, наконец, вступил с ним в союз, отчасти доказывает, что требование России на Астрахань еще к временам прежде владения царя Ивана Васильевича относится, и с другой стороны справедливость, что прежде Астрахань называлась Тмутораканом сим же подтверждается. Впрочем, я не знаю, чтоб было причиною, не только переименовав имя Тмуторакань, назвать Аджи Дарханом, но и перенести город с западного берега Волги на восточный, на то место, на котором он взят победоносным оружием царя Ивана Васильевича.

¹ Сии повествования соединяют то между собою, что у г. Стаденберга на 320 странице и в седьмом томе собраний Российской истории на 75 странице стоит в примечании.

Слово Аджи Дархан значит сие: меккский богомолец дал свободу; после сего наименования следующие: некто знатный татарин из путешествия для богомолия предпринимаемого в то самое время, когда делал основание перенесенному городу, возвратился, то или чтоб дело счастливо происходило, или по магометанским установлениям за благополучно законченное путешествие в изъявление своей благодарности богу, одного из своих рабов пустил на волю, чем жители проникнуты будучи, новый свой город назвали Аджи Дарханом, дабы тем изъявить свое желание, чтобы город вечно хранил свою вольность. Татары еще и по ныне Астрахань называют Аджи Дарханом, и в том винят россиян, что слово Астрахань от них произведено, а сии напротив того в оправдание своего наименования говорят, что слово Астрахань сложено из Аштар и хан, по имени некоего в сем месте владельца Аштара, но для сего должно быть Астрахань и называть Аштраханом, или Астрахань от Астра и хан производят, говоря, что именем Астра называется некий астраханский царь. Однако, ныне в росписи царей сего государства ни одного такого не находится, который бы Аштар или Астра назывался. И так видно, что татары с своей стороны правы, разве только кто скажет, что слово Астра не иначе принято быть должно как за прозвание, потому что такие прибавления у восточных князей в употреблении, ибо Астра на тогдашнем языке означало черного, для того и слово Астрахань могло изъяснять свойство царя, черное лицо имеющего. Однако, заподлинно определить невозможно, который собственно царь так прозывался, а после городу и земле причинил такое наименование.

Еще я повторяю, что Астрахань и прежде, нежели россияне сим городом паки храбростью царя Ивана Васильевича овладели, была в руках у них же. Ибо я нахожу в архиве повествования, что первый российский владеец был Мстислав Владимирович, который построил в Тмутаракане каменную церковь и одну посвятил богоматери уже в то время, как Батый, которого татары Баталом называют, то есть в 1237 году, опустошал всю Россию и всю Волгу населил татарами, потеряли россияне царство Астраханское и через многие годы всю свою жизнь должны были препровождать в беспрестанных войнах, пока, наконец, великая Татария чувствительный удар получила, казанские войны воспоследовали и Иван Васильевич вознес главу свою.

В те времена правил царством Казанским Абдыргахман, который славою и храбростью царевому тронут будучи, вместе с другими татарскими князьками вступил с россиянами в дружеский союз. Многие знатные татары и многие от царской крови происшедшие, прибыли в Москву и почитали себя счастливыми, когда в службу российскую вступить могли. По Абдыргахмане следовал в правлении Емтурчей. Его имя пишут различно, как-то: Емтурчий, Илмгурчей, Емгурчей, а татары его называют Джамтурчеем. Он старался также о снискании дружества

россиян и для того в 7059 году по греческому счислению от сотворения мира отправил в Москву посланником князя Ишима с прошением к царю, чтоб он его самого и все его царство принял под свое покровительство и содержал бы его так, как он обыкновенно касимовского князя Ших Алея и других татарских князей содержит.

Царь принял посла милостиво, согласился на его прошение, и на другой год отослал его обратно к Емтурчею, вместе со своим посланником. Сей посланник назывался Себастьян (Савастьян). Ему приказано с Емтурчеем начатые договоры привести к окончанию и подданных его склонять к большему повиновению царю. Однако, вместо того, татарский владетель, имея довольную причину, чтобы российского посла принять надлежащим образом, поступил с ним бесчестно, и тем подал случай к скоро потом воспоследовавшей войне. В 7061 году от сотворения мира прибыли в Москву из Ногаи от Исмаил Мурзы и других татарских князей другие послы, кои жаловались перед царем о многих неправосудиях и обидах, кои они от Емтурчея сносить должны были. Они просили его о помощи и обещались ему служить, не щадя жизни своей, если он вступит со своим войском в Ногаию. Все сие российский царь приняв за благо, еще к тому прибавил, что покуда он не покорит царства астраханского, то должен по тех пор присланный в Москву от Исмаил Мурзы его сын там быть аманатом, а он сам должен чинить нападение на владеющего по ту сторону Яика князя Исупа, потому что он поступив бесчестно с российским послом, еще и по сие время его в плене содержал.

Исмаил Мурза на предложения согласился, только сам в астраханскую войну за недостатком довольной силы вступить не хотел. Царь, будучи и сим доволен, послал в Астрахань наступающею весною 7063 года три ополчения.

Первое из сих называлось большим. В нем начальниками были князь Юрья Иванович Пронский и Михайло Петрович Головин, а над обоими еще сверх сего поставлен был князь Александр Владимирович Вяземский с вятским воинством. Другое ополчение называлось передовое, а управляли оным Игнатий Вишняков и Ширий Кобяков. Третье называлось сторожевое и состояло под предводительством Степана Сидорова и князя Андрея Барятинского; а над всеми тремя ополчениями был начальствующим касимовский князь Дербиш Але. Казаков, состоящих под командою атамана Федора Павлова, нарочитое число стрельцов и из разных городов пришедших дворян, таким образом учрежденное, пушками и ружьями снабденное войско, девятого на десять мая 7063 года появилось в той стране, где ныне стоит город Царицын.

Князь Вяземский и атаман Федор Павлов, пошед вперед со множеством легкой конницы, чтоб узнать, где неприятельское войско, сошлись с некоторым числом войска из астраханских

татар состоящего, которое Емтурчей для сего ж самого отправил и нападши на оное повыше Черного острова, все наголову побили, выключая чебольшое число и предводительствующего оным, которого Вяземский прислал в свое войско. Пленники объявили, что Емтурчей, оставя город, в осьми верстах ниже оного дожидался российского войска и разослал опрошников, кои б движения оного примечали, и, что, наконец, в Астрахани почти совсем жителей нет, потому что большая часть от страха на островах и в деревнях скрылась.

По получении сей ведомости оставили командующие большие суда, на которых до сих мест ехали, и поехав со своими войсками на мелких, пристали у черного острова. Здесь вручил им князь Вяземский и других в полон взятых опрошников, кои хотя то, что прежние сказывали, подтвердили, однако, более никакого известия дать не могли.

Итак, подняв опять якоря, приехали к Каменскому острову и против сего места, то есть при описанных уже мною славных остатках старинного города, Царевы Поды называемых, кои также россияне и Большим Сараем называют, остановились. Здесь пойманы в третий раз неприятельские лазутчики, кои прежде сказанное еще подтвердили. И для того главнокомандующие полковников и капитанов князя Даниила Бордукова, Тимофея Кропоткина, Григория Золотова и Данила Шилкова со многими дворянами и некоторыми войсками отправили на помощь к Вяземскому, приказав, чтобы он нападал на стан Емтурчеев, а сами поехали прямо на Астрахань и прибыли со своими судами мая 29 дня к городу. Небольшое число (жителей) как скоро увидели, что пришли россияне, отворив градские врата побежали в известные им потайные места. Но большая часть во время самого бегства попалась в руки христианам, для того и город взят последними без кровопролития. В то ж самое время Вяземский, пошед на стан Емтурчеев, бился с астраханскими татарами очень сильно и, наконец, хотя не без великого сопротивления, вошел в стан, где он нашел множество пушек больших и полковых, а из неприятелей не застал никого; кои как сии страны знающие люди на быстрых своих лошадях уехали.

Как скоро Емтурчей уведомился о пришествии российской армии и о будущей осаде своего города, то тот час перенес все свои сокровища с женами на суда, кои в море бежать должны были, да и сам незадолго перед сим, как пришел Вяземский, ушел, оставя весь свой стан. Думать надобно, что сей стан был за протоком волжским Кутум называемым; или на том месте, где ныне дом купца Шарыпина и построенная им церковь находится; ибо сие место еще и поныне астраханские жители Емтурчевым городком или Емтурчевой крепостью называют, или он был ниже нынешней астраханской крепости при Цареве протоке, где живут татары, и потому собрание их жилищ

или татарское предместье Царевым называется. Однако, вероятнее, что сей помянутый стан был на том месте, которое Емтурчеевым городком называется; ибо оно, как само собою природную крепость представляет, так и узкость реки вход судам делает затруднительным, а Царево есть место ровное, никаких перепоны не имеющее, и прямо против Волги лежащее, где суда сколько угодно приставать могут.

Князь Вяземский, овладевший неприятельским станом, послал атамана Федора Павлова с вооруженными казаками и стрельцами искать убежавших неприятелей. Который и действительно привел со стрелками и огнестрельным оружием великое множество, а князь у пленных допытаться не мог, куда точно Емтурчей убежал, то он возвратился в город где Дербиш Але объявлен царем астраханским, и те татары, кои или в Астрахани остались, или в бегстве пойманы, России и новому их владельцу в верности присягали. Между тем, главнокомандующие имели между собою военный совет, на котором положено за приведенным в страх Емтурчеем гнаться. Для того снабдили нового астраханского царя достаточным гарнизоном, а над оным начальствующим сделали князя Андрея Барятинского и Петра Тургенева, а армию разделили на многие части. Та, с которою Вяземский взял неприятельский лагерь, осталась при нем и он с нею отправился в море.

Предводители передового полка заняли протоки волжские Ризан, и Чаган, и Иванчук полковники Полихтий Тимофеев и князь Давид Кордуров, другие ж протоки стерегли другие начальники. Все команды собрали знатное число варваров, кои или в лодках, или на берегу находились. Многие так же из россиян, кои у них из давних лет как пленники служить принуждены были, получили свою вольность; наконец, узнали, что Емтурчей с великим числом войска на ту сторону Волги, которая Мочак называется и Кизлярскую степь напояет, в сторону Белого озера ушел. Россияне, за ним погнавшись и пришед к тому месту, услышали только сие, что он убежал в Тюмень.

Вся дорога, туда ведущая, была занята, а сверх сего легкие войска разосланы по островам, близ берега находящимся. Сии захватили великое число сообщников Емтурчевых с деньгами, сокровищами и ружьями, и от них узнали, что жены Емтурчевы живут в стороне Сшимошагской, а об нем самом никакого известия не получили. Итак, Павлов и Федор Рышков с имеющимися при них войсками туда поехали, а чтоб никакого о сем подозрения не было, то ехали денно и ночью, и противились, порубили и овладели сокровищами.

Царицы было четыре: первая называлась Тевкель, вторая Камбуза, третья Ертугана и четвертая Гиринна. Сия последняя в плену родила сына и назвала его Яриштом. С женами Емтурчевыми попались также в руки россиянам и царские дети, старшего сына жена Мергивана и дочь; так же и внука Емтур-

чева Барбиш. Тогда узнали, что Емтурчей со всем астраханским дворянством и великим войском через узкое Мочановское болото ушел в Карабулат.

Предводители, собрав своих войск столько, сколько потребно было, отправились поспешно в путь и седьмого числа июля пришли к озеру Карабулату и, найдя там неприятельский лагерь, всех в оном побии. Однако, Емтурчей с некоторыми из храбрейших людей ушел и убежал к Белому озеру, но когда и там его россияне нагнали, то он и тут спасшися бегством, с двадцатью сотоварищами своими прибежал в Азов, о чем после узано было; оставшиеся же татары были или побиты или в полон взяты. Как скоро о сем конечном поражении Емтурчея получено было известие, то все татары, кои до сего времени прятались, собрались вместе и отправили к победоносным предводителям послов с прошением, чтобы они поступили с ними по своей милости, а не по их заслугам, и оказали б над ними то милосердие, коим пользоваться имели счастье, как оставшиеся в городе при взятии оногo, так и в побеге пойманные.

Итак, назначен был от россиян день, в который каждый, кто российской милости участником быть желает, явился бы в Астрахань. Посему пришли князь Ираклеш, который из помянутых послов был знатнейший, Ишим и Али со всеми их сродственниками, подданными. Прибыл также и Енгуваш Асей с 3000 вооруженной конницы, пять сот мурз и князей и 7000 простых татар. Сии все присягали торжественно, чтоб им и их потомкам вечно быть российскими подданными и платить российскому монарху подати в год по четыре тысячи рублей, и всех российских пленников отдать обратно, а, наконец, по смерти Дербиш Алея просить нового царя у государя российского.

После сих договоров российского войска предводители взяли всех из давних времен в полон попавших россиян, а им обратно отдали полоненных татар и приказали знатым и благородным жить в городе, а чернь отослали в деревни. 29 дня июля Пронский и прочие генералы со всею армиею отправились обратно в Москву, оставив при Дербиш Алее довольный гарнизон. Командующие, объявив письменно о благополучном успехе их экспедиции государю, россияне в сие счастливое время вольность получивших, и Емтурчеву фамилию взяли с собой. В октябре сего ж года прибыли они в Москву, где приняты с чрезвычайными похвалами и получили за свою верную, победоносным концом увенчанную, службу от государя достойные награждения¹.

Во время краткого владения царя Федора Алексеевича в Астраханской губернии ничего важного не случилось. В 1705 году приключилось бедственное кровопролитие, которое тогда быв-

¹ Дальнейшие страницы описания истории Астрахани, главным образом историю восстания Разина, повторяющую общеизвестные факты, мы опускаем.

шие стрельцы в оной учинили. В 1722 и следующие года, в которые славный персидский поход отправляем был через оную, сделали город Астрахань очень известным; но мне об оном говорить не для чего, потому что почтенный российский историограф, коллежский советник господин Миллер журнал г. Соймонова внес в свои собрания. В бывшее в 1727 году моровое поветрие померло много астраханских жителей; между многими пожарами случившийся в 1767 году, был всех разорительней. Впрочем, после одного, выключая канал проведенный между Волгою и Кутумом и новый план, по которому предписано выстраивать город, никакой знатной перемены в Астрахани не случилось. Итак, сие меня побуждает сделать совершенное географическое описание Астрахани и соседственных ей мест, которые я, упомянув прежде, нужное о Волге сообщу немедленно.

ОПИСАНИЕ ВОЛГИ

Волга, которую древние писатели, Раа, калмыки — Едшиль, а татары Етель называют, есть наибольшая и примечания достойнейшая река в свете. Она выходит в сорока милях выше Ярославля, в Ржевском уезде из Волхонского леса, где маленький ручеек впадши в одно озеро, в двух милях оттуда находящееся проходит в другое озеро Волгой называемое и через оное вытекает.

Волга, в которую бесчисленное множество рек и речек впадает, по причине многих излучин, заливов, мелей, островов и наносных песков для езды опасна и только в мае и в июне месяцах, в которые, особливо к северу лежащие реки от растаявшего снега сильно наводнившись, сей реке свою воду сообщают, большие суда по ней обыкновенно безопасно ходят. Ибо тогда не только низкие острова затопляемы бывают, что через оные ездить можно, но и вся около лежащая там низкая земля так водою покрывается, что одни только верхушки высоких дерев видны бывают. Итак, Волга, в рассуждении сего, подобна Нилу, что в Египте, и тем еще более, что после наводнения, весною бываемого, земля становится весьма плодородна, что особливо на лугах приметно. Половина течения Волги почитается в Саратове. До сих мест и отсюда течет сия река от полуденного своего истока прямо на север пространною долиною, которая у россиян займищем зовется и оно повыше Царицына не выше пяти верст. От Царицына же она склоняет свое течение прямо на юг и займище ее чрезвычайно широко: которое против Царицына, как сказывают, простирается слишком на шестьдесят верст; а мне кажется, что при форпосте Каменском, где самая большая его почитается широта, едва ль занимает 30 верст. От помянутого форпоста до Астрахани делается оно от часу уже и составляет только от пятнадцати до двадцати верст и из последней положенной меры никогда не выступает.

Правый берег Волги так как у всех российско астраханских в сих странах рек, то есть у Дона, Воронежа, Хопра, Медведицы и прочих, высок и горист, а левый низок и для того, как выше сказано, высокая сторона нагорною, а низкая луговою называются. Стремление Волги и всех здесь вышеупомянутых рек бывает наипаче на правой берег, отчего оному превеликий вред делается и для того я упоминал о Черном Яре, что может быть по прошествии тридцати лет не будет более сей крепости. От Царицына до Астрахани Волга очень широка и в редких только местах бывает она шириною на одну версту. Для переезда через Волгу выбираются особливо узкие места, из коих два весьма славными почитаются; одно находится при Замьяновом городке, где ширина Волги не более ста сажен составляет, а другое при станице Ветляницкой, где она почти равную с помянутым местом ширину имеет; однако, место при Замьяновском городке за самое лучшее почитается, потому что, переехав Волгу, можно еще переправляться через имеющийся на яйцкой степи; к Волге лежащий проток, который так мелок, что татарские арбы через оный удобно переезжать могут.

Ахтуба также в разных местах высыхает или, по крайней мере, во многих местах течение ее прерывается. Кроме сих, есть еще перевозки при станице Копановской и при форпосте Каменском; однако, последний всех хуже. Впрочем, везде Волги ширина более версты составляет, а глубина оной, кроме сказанных мест, знаменита, и для того способно по ней ходить и самым большим судам.

Из путешествия моего от Царицына до Астрахани уже видно, что Волга очень много делает островов и знатнейшие из них суть: Сарпинский против селения братского общества, Чечеринский и Арбузный, из коих первый в пяти верстах выше крепости Енотаевской, а последний лежит против самой крепости. Около Астрахани находится островов весьма много, и чем больше Волга к своему концу приближается, тем более они умножаются, ибо неизвестно, чтобы из какой другой реки столь много протоков выходило, сколько из Волги в сем ее течении.

Первый проток волжеский, под именем Ахтубы известный, выходит с левой стороны Волги в десяти верстах выше Царицына, на том месте, где вышеупомянутый шелковый завод находится и для оного заведены два селения, из коих одно из трех сот семей состоит и Верхним Безродным городком называется, а другое называемое Нижним Безродным городком имеет в себе пятьдесят дворов. Сия, на помянутом месте из Волги выходящая, Ахтуба протекает через все левое волжское займище до Красного Яра и сюда, извиваясь, и течет то ближе к Волге, то край яйцкой степи напояет, который россияне по примеру других степных начал кряжем называют; наконец, у Красного Яра впадает в Бузан и посредством оного сообщает свою воду Каспийскому морю.

А как Ахтуба только во время весеннего наводнения имеет порядочное течение, в прочем во всем с стоячею водою сходствует, то во многих местах высыхает, а иногда так наносными песками пресекается, что едва следы воды останутся, то не без основания спросить можно настоящим ли она протоком волжским или лучше прудом названа быть может? Она в самом широком месте не более тридцати сажен составляет, и в самом большом удалении от Волги в Яицкую степь расстояния не более тридцати верст составляет.

Великое множество волжских истоков и от них сделавшиеся ручьи напояют займище волжское и тем не малое в перевозе с Яицкой степи на Куманскую делают затруднение, но, с другой стороны, суть причиною того преимущества, которое в рассуждении плодородия восточный берег пред западным имеет и какое усматривается на сей стороне, особливо между Царицыным и Черным Яром, коим преимуществом калмыки в летнее время надлежащим образом пользоваться умеют.

Второй главнейший волжский проток называется Бузан. Он в сорока верстах выше Астрахани у станицы Лебяжинской выходит из Волги, течет несколько мимо Красного Яра и, приняв в себя Ахтубу, впадает в море.

Третий, в трех верстах выше Астрахани из Волги выходящий проток волжский, есть Болда, четвертый Кутум, который при самой Астрахани также вытекает из Волги и, склонясь на север, опять течение свое оттуда обращает к югу, наконец, соединившись с Болдою, вместе с оною выходит в море.

Несколько пониже города Астрахани при татарской деревне Цареве отделяется от Волги другой проток, Царевым называемый. За оным следует Башмаковка, потом Чаган и Иванчук, а после сих самая Волга и по правую сторону оной проток, Бехтимир называемый.

Сии суть знатнейшие, из Волги выходящие истоки. Но есть также и такие, кои то в те, то в другие протоки впадают, между собой соединяются и опять один от другого отделяются, так что для дальнейшего своего течения столь славная Волга через сие еще тем славнее делается, что она более, нежели семьюдесятью горловинами впадает в Каспийское море. Из сего можно иметь понятие, как о изобилии, которое волжским рыбным ловлям приписывается и о, которых я в настоящее время говорить буду, так и представить себе те болотистые стороны, из коих вся околичность между Астраханью и Каспийским морем состоит, которые ни для чего другого сему городу не служат, как только жителям оного в рассуждении здоровья причиняют вредное следствие, кои в любителях отечества должны возбудить ревность, дабы впредь богатством, от волжского рыболовства происходящим, так пользоваться можно было, чтобы оное не причиняло более того вреда, который до сего времени единственно оно одно делало.

Как я уже о Красном Яре в одном месте упоминал и более об оном в моих дневных записках писать не будет случая, то прошу извинить, когда я, обратясь к оному, внесу здесь краткое об оном повествование.

Красный Яр от нынешней Астрахани отстоит в тридцати верстах, а построен во время владения царя Алексея Михайловича. Намерения, для коих сей город заложить за благо рассудилось, были сии, чтобы жители оного за разбойническими предприятиями донских казаков, кои из Волги в Бузан выходили, а оттуда проходили в Каспийское море, как уже о сем недавно говорено, прилежно смотрели, чтоб выходить им в море не давали, чтоб сверх сего неприятельские движения, тогда еще не совсем в добрый порядок приведенных калмыков, удерживали, и чтобы весьма часто случающиеся от киргиз-кайсаков нападения отворачивали. Для того пять сотен человек из Астрахани и из других российских городов переселено в Красный Яр и там снабдены всеми нужными для жития касающимися потребностями. Земля, по праву сему городу принадлежащая, с лесами, лугами и рыбными изобильными водами вверх от оного по Бузану на семь верст на двести сорок одну сажень, а вниз на тринадцать верст и триста сажень простирается, а в каждой версте по старинному положению считается в длину семьсот сажень. В 1729—1730 годах в Красном Яру несколько купцов из доброй воли и охотно поселились и для того в 1745 году уничтожена ратуша. В прежние времена в сем городе настоящего коменданта не бывало, а только в оный из Астрахани штаб и обер-офицеров с некоторым числом солдат посылали, а в недавних годах сделаны в оном настоящие коменданты и учреждена также канцелярия.

Из происшедших от пятьсот сюда переселившихся семей потомков выбрали пятьдесят человек молодых людей, и оные названы красноярскими казаками, коих сие число и поныне содержится, и как скоро один остареет, то другой младший его место заступает. Над ними поставлен хорунжий, который жалования получает в год по тридцати рублей, а простые казаки по тринадцати рублей и по семидесяти четыре копейки, и сим жалованием должны каждый стараться завести лошадь, ружье, стрелы и лук. Дается также каждому на государев счет по одному фунту пороху и некоторое число пуль. Сих красноярских казаков не употребляют в дальнюю посылку, а употребляют они только в нужных случаях в рассуждении калмык или должны вместо курьеров бегать в Астрахань и, наконец, по пятнадцати человек из оных по новому учреждению, к чему нынешний лебяжинский сотник подал повод, в летнее время быть с почтовыми лошадьми в деревне Дурновке, чтоб тем обеспечить тягость астраханских и лебяжинских казаков, почту отправляющих. Кроме гарнизона считается нерегулярного войска и всякого звания людей в Красном Яру мужеска пола восемьсот тридцать человек, а женска триста тридцать душ.

Красный Яр лежит при протоке Бузана на кругловатом, в округе песчаном, а в середине солью и селитрой наполненном, бугре, который сколько длинен, столько и широк, и оба диаметра одного имеют почти по две версты. Если б на оном нарочно ивы насажены не были, то б лесу совсем не было.

Напротив того соленые травы там раскошествоуют, и между оными особливо господствует заманиха. С восточной стороны окружает сей город река Алгара, которая гораздо выше одного из Ахтубы выходит, и собственным своим устьем впадает в Каспийское море. С южной и западной стороны текут вместе реки Бузан и Ахтуба, а к северу находится узкий и чрезвычайно кривой ручей, Огородный называемый, который при соединении Ахтубы с Бузаном выходит и впадает в Алгару. Итак, бугор, на котором Красный Яр построен, есть настоящий остров, который хотя очень высок, однако, везде покатиное положение имеет, не выключая также и тех мест, кои реки Бузан и Ахтуба наполняют. Внутренние слои красноярского берега, из глины и песку состоящие, в разных местах красный имеют цвет, что и подало причину сей город назвать Красным Яром, потому что на татарском языке яр значит весьма крутой берег.

В сем городе считается двести тридцать семь дворов, кои по большей части лежат к полудню, все же деревянным, ныне почти обвалившимся, обнесены крепостным строением. Однако, в Красном Яру в кремле находится и хорошая каменная церковь. Улицы в нем столь узки, что в оных едва две арбы развезать могут, и дома так тесно построены, что один сильный пожар весь Красный Яр в ничто обратить может. Посреди красноярского бугра видны ямы, из коих с 1715 по 1747 год с пользою выкапывали селитру, а теперь сия работа прекратилась. Причину сего красноярцы приписывают недостатку селитренной материи, а я не знаю их. На северной стороне города, также и там, где прежде бывших селитренных ям ширина оканчивалась, находятся славные красноярские овощные огороды, кои с открытой стороны насажены превеликими ивами от насильствия ветров защищаются. Они своим хозяевам приносят не малую прибыль, потому что всякая овощь, в Астрахань летом и осенью продаваемая, привозится из Красного Яра. Славен также сей город чрезвычайной величины родящимися луковицами, кои часто вырастают величиною в два мужских кулака. Женский пол особливо упражняется в сажании луковиц и я здесь сие привожу вместо примечания, что отцы красноярских девок особое усиление в том поставляют, чтобы трудом своих дочерей насаженные луковицы продавать, им деньги отдавать, а они б на оные девическое свое украшение покупать могли. Впрочем, известно, что есть много бедных баб и вдов, кои совсем одиноки будучи, сажанием луковиц кормятся.

Красноярские жители упражняются также и в скотоводстве, и нет ни одного столь бедного, который бы не имел лошади

или коровы. Сие место дает также коровам особливое преимущество, то есть, они более и молочнее других бывают. В 1743 и 46 годах жителям Красного Яра много зла причинили киргиз кайсаки, кои, у них в то время отогнав скот, сожгли и скотные их дворы, потом было моровое поветрие на людей и лошадей, коим причиненный урон и поныне еще чувствителен. Что ж касается до рыбной ловли, то упражняются в оной одни калмыки и малое число других людей, и астраханские ватаги, у коих она состоит на откупу, получают также от нее превеликую прибыль. Жители красноярские вообще бедны и выручаемые ими от огородов и рыбных ловлей деньги за другие нужные вещи должны они уступать Астрахани. Обращение с калмыками приносит им некоторую пользу и потому красноярцы, как и царицынские, черноморские и енотаевские жители, говорить умеют по-калмыцки.

НАВОДНЕНИЕ ВОЛГИ

Наводнения, в весеннее и летнее время Волгою причиняемые, наипаче в отдаленных российских странах растаявшему снегу приписываемые, также и от бываемого с моря южного происходящие ветра, который не только оные производит, но и на самую Волгу сильно действует, заслуживают всякое внимание: ибо после одного, так как в Египте при разлитии Нила, следует плодородие, а другое мореплавание каспийское делает легчайшим, потому, что близ своих устьев очень мелкая и ничем другим как наносными песками наполненная река, оттого столь много воды получает, что суда, кои иногда по месяцу в пути бывают, пока от Астрахани до Четырех Бугров дойдут, в то время сей сто четыре версты составляющий путь в двое суток оканчивают.

Двадцать пятое число апреля по учиненным мною опытам полагаю я за то время, в которое вода в Волге при Астрахани прибывать начинает и не ложным знаком, за коим сия перемена давать имеет, служит потом цвет Волги, которая совсем белою делается. Вода в реке прибывает до первого числа июня, до той степени повышения, до которой ее самая большая прибыль довела; после сего опять мало-помалу убывает и в конце июня опять бывает уже Волга в своих берегах¹.

ПОГИБЕЛЬ ЗАЙЦЕВ И МЫШЕЙ

Займище или долина, которую волжская вода заливают, наподобие океана, к превеликому вреду и бедствию зайцев и мышей, покрывается. Большие звери, как-то: волки, ли-

¹ Часть записок, где автор приводит подробные данные о прибытии воды по своим наблюдениям мы опускаем.

сицы, кабаны и прочие или время, в которое время Волга прибывает, уже знают, или по крайней мере начало прибывания оной примечают, и для того уходят в глубь степи, а зайцы, когда к ним полая вода подступает и когда оною везде окружены бывают, ищут для своего убежища в займище возвышеннейших мест, а если и сии потоплены будут, то ни один своей гибели избежать не может; если ж они для своей безопасности выберут такие высокие места, выше коих полая вода никогда не всходит, то ожидают их на оных о сем знающие охотники и в сем случае сих зверьков живых ловят руками; для того заячья охота ни в какое другое время славнее не бывает, как в сие. Различные роды мышей, в волжском займище живущих, во время полои воды стараются спастись двояким образом, но как один, так и другой, по большей части опасный бывают. Есть между ними такие, кои вдаются в плавание, для того к самой Волге стадами прибегают, чтоб через оную с восточного берега переплыть на западный, и действительно находятся при сем такие, кои по три версты и более по оной переплывают, пока, наконец, совсем ослабевшие, смертью своею то изведать принуждены бывают, что им природа никаких для плавания не дала членов, и так в ту же гибель, только что несколько позже тех своих товарищей, кои оной за недостатком сил и способности себя прежде подвергли, впадают, а другие, ища себе убежища, на деревья оные влезают, но там сверху караулят их хищные птицы, коим они служат приятною добычею, а внизу ожидают их сомы, кои, как скоро мышь на низу дерева увидят, то так сильно своими хвостами об оное дерево ударяют, что мыши, тем ударом приведены будучи в беспорядок, по необходимости вниз падают и потом наижесточайшим образом пожираемы бывают. Таким же образом достают сомы и молодых ворон, еще летать не могущих, то есть они играют в воде до тех пор, пока одна или со всем гнездом упадет, а потом хватают свою жадною пастью желанную добычу и тем показывают для чего они играли.

Если после наводнения Волги по восточному берегу сей реки лежащее займище делается плодородным, то говорил я уже в одном месте, что от оного ж наводнения западный берег всякий год вред претерпевает, который от того происходит, что стремление Волги, по примеру других в сих странах рек, преимущественно действует на правую сторону оной. Для сего, может быть, татары город Астрахань с западного берега перенесли на восточный. И, может быть, по прошествии многих или немногих лет сему примеру будут последовать и другие города. По крайней мере, сей совет не был бы излишен, чтобы впредь не очень близко к западной стороне Волги строились. Легче претерпевать меньшее зло, нежели сносить большее, и если свет еще не скоро скончается, то однакож всегда стараться должно для потомков.

О ВЕТРАХ АСТРАХАНСКИХ

Южный ветер, который здесь вообще моряною или морским ветром называют, дует не в известное время, однако, весьма много оного случается в последних летних месяцах, бывает так же очень часто при начале и конце зимы. Если сие известно, что он способствует каспийскому мореплаванию, то напротив того производит сие вредное действие, что болотистая сторона между Астраханью и устьями Волги еще болотистее делается, а иногда и вся водою затопляется, так что никогда от Астрахани до Четырех Бугров сухим путем ездить невозможно. Он умножает почти несносный летний жар; а когда зимою бывает, то очень часто причиняет лихорадки с кашлем и горячки, истину чего два раза я сам на себе изведаль. А как он особливо способствует к деланию около Астрахани болот, то для сего ниже Астрахани живущие должны чувствовать еще сильнейшие следствия, какие низкие места в теле человеческого причиняют. Но, к великому счастью здесь живущих, нет недостатка в буграх. Если б оным впредь лучше пользоваться умели, как теперь, и вводить в обыкновение если б старались, чтоб болота так как и Ингерманландии и Финляндии осушены были, и если б сделали плотины и если б возбудили желание к подражанию примера нынешнего господина губернатора, то б можно было надеяться, что южные ветры в Астрахани производить бы более не могли тех опасных действий, кои теперь причиняют. Среди зимы по большей части дуют северные и восточные ветры, и от них-то в Астрахани зима делается, а весною по большей части северные и северо-западные ветры бывают.

ОПИСАНИЕ УСТЬЯ ВОЛГИ

Несмотря на то, Волга, не доходя до Астрахани, на различные уже протоки разделяется, однак река еще и при городе в ширину две тысячи двести футов имеет. Зимою, которая иногда один, а иногда два месяца продолжается, замерзает она так крепко, что с тяжелыми возами через нее ездить можно. Однако, не проходит ни одного года, чтоб в зимнее время несколько неосторожных людей в Волге или в Кутуме не потонуло. Не только многие протоки, на которые Волга ниже Астрахани разделяется, но и многие острова оттого делающиеся суть тому причиною, что иногда в ней только от осьми даже до пяти футов глубина воды бывает.

ОПИСАНИЕ АСТРАХАНИ¹

Во-первых, я буду говорить о городе. Кремль заложен к полуденной стороне на высокой части бугра, на самом первом углу оной, и построен правильным треугольником, который сто

¹ Опускаем подробности описания расположения Астрахани.

двадцать сажен в длину имеет, в ширину восемьдесят и окружен сделанною из кирпичей стеною, вышины около трех сажен имеющую, а сверху, по древнему строению крепостей образцу, оканчивается она многими нарочито один от другого отстоящими зубцами. Подле сего Кремля с полуденной стороны находится еще другая маленькая крепостца, в длину восемьдесят, а в ширину сорок сажен имеющая, и также кирпичною стеною обнесенная, которая однакож теперь разваливается и подкрепляется только деревянными палисадами. Сия крепость называется Житным двором, что означает то место, где всякий нужный запас лежит. Ибо там есть государевы амбары, в коих жито, известия и другие материалы хранятся. Прежде всего в сию маленькую крепостцу ходили через ее собственные ворота, к западу лежащие, Житными называемые, а ныне ездят из Кремля сквозь самую городскую стену, которая при архиерейском дворе совсем разломана. В Кремле только двое ворот, из коих одни Никольскими называются. Другие сделаны на восточной стороне городской стены и называются Пречистенскими, что до слова значит самые чистые ворота, на коих прежде была построена превысокая башня и на оной находились городские часы.

С восточной стороны с Кремлем соединяется крепость, Белый город называемая. Она в длину от стены Кремля простирается до восточной своей стены, где находятся Вознесенские ворота, а ширина ее превосходит ширину Кремля (считая тут же и Житный двор) несколькими саженями. Сия крепость есть четверугольная, обнесена такою же стеною, как и Кремль и идет от него вдоль по хребту Заячьего бугра на восток. Она имеет восемь ворот, из коих двое на полуденной, двое на восточной, и четверо на северной стороне стены находятся. Первые на полдень лежащие и в недалеком расстоянии от угла Кремля находящиеся, называются Мачаговскими воротами. Хотя они и на полуденной стороне сей стены сделаны, однако построены вкось и для того конец их выходит на запад, на ту сторону, которая Башмачком называется. Другие, на полдень лежащие ворота, отстоят от первых во ста саженях и называются Решеточными, а от чего произошло сие наименование, того я доведаться не мог. Сии ворота также сломаны до основания и через проломанное место есть ход в крепость. От Мачаговских до сих ворот стена еще в хорошем состоянии, а от сих мест до восточной своей стороны во многих местах развалилась, несмотря на то, что повсегодно подкреплена бывает палисадом; однако, совсем не хотят сею помощью наперед отвратить скоро последовать имеющего опасного разрушения астраханских стен, хотя на нее много денег и столько же исходит, что можно было оными сии стены давно уже в надлежащее оборонительное привести состояние, если счесть всю ту сумму, которая из давних лет изшла на деревянное укрепление.¹

¹ Часть записок мы опускаем.

Приступаю теперь к строениям в городе находящимся. В Кремле ж восточной стороне городской стены находятся в рассуждении величины знаменитая соборная церковь, которую митрополит Самсон собственным своим иждивением в 1696 году построил.

В крепости Белом городе большое строение от большого пожара 1767 года, в августе случившегося, о котором я упоминал, почти все погорело, выключая малое число, которое по особливому счастью на полуценной и восточной стороне стены от оного спаслось. Начиная у стены Кремля от Пречистенских до Вознесенских ворот, идет улица, Большая называемая. На левой стороне оной, если от Кремля идти к Вознесенским воротам, находится знатный российский гостинный двор. Он сделан четвероугольником из кирпичей, очень пространен в округ, обнесен лавками и амбарами и построен на казенное иждивение. Для того купцы, лавки в оном находящиеся нанимающие, должны за каждую в год платить по двадцать четыре рубля. На восточной стороне, к Кремлю от Пречистенских ворот на полдень, находятся деревянные лавки, в коих мелочные, но для употребления в жизни человеческой нужные товары; одним словом: в них и такие мелочи продаются, коим продажа одним только торгашам свойственна. Сии лавки вместе с гостинным российским двором называются Большим или Русским базаром, а между тем кремлевская стена от рынка и того порядка дворов, кои от упомянутой улицы лежат не попутно, другою нарочито широкою улицею, которая также Большим базаром называется, отделяется. Между помянутой Большой улицей и помянутой белогородскою крепостною стеною находятся еще две другие улицы, кои так, как и последняя, в длину с запада на восток простираются. Первая никакого особого наименования не имеет, а другая архиерейскою называется.

Улицы между Мачаговскими и Решеточными воротами никакого прозвания не имеют и по находящимся посреди их церквям прозываются.

От Решеточных ворот, до восточной стены на низу Полуценной находится Канонерская улица и называется так потому, что в оной живет много солдат, к артиллерийской команде принадлежащих, а лежащие слободы к самой восточной стене вообще называются Вознесенскими. Средняя часть крепости и вся северная сторона оной совсем погорела, выключая малое число каменных строений; однако, и на оных крышки, потому что были только деревянные, сгорели. Индейский и армянский гостинный двор, который недалеко от Спасского монастыря в середине крепости находится; все строения оного в одном четвероугольнике вмещаются и который одинаковое положение и вид с российским гостинным двором имеет, столько же широк, как и тот, однако, почти в половину российского короче. Он так же, как и российский, построен от казны и за наем каждой лавки платится в год по двенадцать рублей, отчего

в казну большие тысячи рублей доходу получают. Пять каменных церквей, внутри крепости стоящих, из коих три недалеко от кремля к рынку находятся. Первая называется Гостиная, потому что она построена между российским гостиним двором и северною стороною городской стены и посвящена Николаю чудотворцу. Другая стоит прямо против сей на Большой улице и называется Входскою. Третья на низу к полуденной стене лежащая Знаменскою называется. Четвертая, стоящая посреди крепости на Большой улице близ Вознесенских ворот, в память рождения богородицы построенная, Рождественскою именуемая. Пятая и последняя, о которой уже говорено, находящаяся на северном углу крепости между Проломанными и Спасскими воротами — Смоленская. Казенных строений внутри сей крепости находится только два. Первое — публичная государственная аптека на Гостином российском дворе, четвертую часть одного к северу занимающая, другое — полиция на Большой улице близ Вознесенских ворот, которое недавно перед сим принадлежало частному человеку, и только что за год перед сим для полиции куплено на государя. Сверх сего находится несколько на разных местах сделанных питейных домов.

После жалостного состояния последним пожаром в Астрахани причиненного по представлению нынешнего господина губернатора обнародован был указ, которым предписано не только весь город снова выстроить, но чтобы везде в оном было каменное строение по правилам архитектуры. На сей конец сделан был нарочитый план, и оный на рассуждение и для апробации послан в Санкт-Петербург, и как он был апробован, то ее императорское величество благоволила приказать выдать вперед на строение из здешнего банка, о котором я ниже пространнее говорить буду, сто семьдесят тысяч рублей. Корона взяла на себя стараться о строении, и готовые дома отдавать жителям по такой цене, какой они самой ей стоили, также и дан срок немущим и охотникам для заплаты денег на десять лет. Похвальное и всенижайшей благодарности достойное учреждение. Я не буду более теперь изъяснять тех мнений, кои я в рассуждении преимуществ, Астрахань впредь славную сделать могущих, в разных местах предлагал.

Астрахань есть глава преславной провинции, которой с полуденной стороны пределы Российскому государству и Каспийскому морю полагает, и который мог бы быть преславным купеческим местом целого Востока, куда многие различные стекаются народы, получил и снаружи такой вид, который бы с внутренними изрядными качествами согласовался. Но в рассуждении исполнения сего желания показываются еще только малые признаки. Строение отправляется столь медлительно, что требует целого человеческого века, пока Астрахань готова будет, если при выстроении оной не употреблено будет лучшей поспешности. Довольно, что в пять лет со времени обнародования указа,

построено только два каменных дома казенных и три частным людям принадлежащих, из коих однакож один только совершенно строением закончен.

Приступая к астраханским предместьям, буду, во-первых, говорить о тех, кои к крепости лежат весьма близко, и с нею на одном бугре находятся. На берегу Волги между кремлем и устьем канала стоит адмиралтейство, ровом и валом укрепленное. Все строения, к оному принадлежащие, суть деревянные и теперь уже нарочито стары. Расстояние между кремлем и устьем канала будет более ста сажен, и все сие место занимает адмиралтейское строение. В небольшом расстоянии, позади сего адмиралтейства, к самому валу канала находится деревянная церковь Петра и Павла, а между оною и кремлем все пусто; потом следует довольно число частных домов, из коих одна половина приход помянутой церкви составляет и от нее они свое наименование имеют. Другая половина между каналом и кремлем до Мачаговских ворот составляет татарский базар, потому что посредине на сей стороне есть татарские лавки, подле коих также россияне и малое число армян свои содержат. Торгуют здесь с утра до полудни, а на русском базаре, напротив того, все сходится около вечера, несмотря на то, что лавки во весь день стоят отворены. От Мачаговских ворот до крайнего угла крепости между стеною и каналом идет соленое озеро, Солончак называемое, которое в зимнее время чрезмерным количеством поваренной и горькой соли наполнено бывает, и для того в самую сильную стужу едва замерзает; летом же соленая влажность выходит парами и после остается только один ил. При сем озере и поблизости оного во время сухой погоды показываются порядочные соленые хрустали; напротив того, когда воздух мокр бывает или когда и дождь идет, соль пропадает и цвет, которой, впрочем, обыкновенно в сей стороне бывает белый, при сем случае исчезает. Сие озеро занимает все место между каналом и стеною и в ширину имеет около пятидесяти сажен. Между Мачаговскими и Решеточными воротами находится Соянова слобода или улица, которая на самом низу к крепости лежит, и с западной стороны с татарским базаром соединяется. Она стоит на том месте озера, где оное весьма мало воды имеет. Прямо против Мачаговских ворот сделан палисадом окруженный острог, в котором всякие люди по разным делам, а подле оного другая тюрьма, каторга называемая, в которой в криминальных делах приличившиеся содержатся под караулом. От Решеточных ворот до канала сделана дорога, ведущая в татарскую и армянскую слободы. Соленое озеро завалено щебнем и через канал сделан худой деревянный мост. Посреди озера от Решеточных ворот до конца крепости построена слобода, Кузнецким рядом называемая, которое имя от многих кузниц происходит, кои россияне и армяне в сей слободе построили.

За крепостью на восток, а именно от Вознесенских ворот,

Заячий бугор переменяется в нарочито ровную плоскость, которая вскоре потом распространяясь идет на полдень: по правую сторону или к полдню близ канала живут армяне. На самом углу крепости есть армянский базар, на котором торгуют армяне и грузины. Там продаются всякие съестные товары, как плоды, огородные растения, рыба, мясо, коровье масло, сорочинское ишено и прочие сему подобные припасы, персидские гумматы, пряные зелья и прочее; лавки также чрез весь день отворены бывают. За сим базаром против угла крепости находится из кирпичей построенная старая армянская церковь; между каналом и церковью есть четыре армянские улицы и выше последней три, кои вообще в длину простираются на восток и почти до конца бугра, где его Кутум окружает расширяются.¹

РЫБНАЯ КОНТОРА, БИРЖА И НИКОЛЬСКАЯ ПРИСТАНЬ

Позади армянских улиц, о которых я недавно говорил, подле худых российских, при окончании вышеупомянутой плоскости находящихся дворов, стоит к каналу рыбная контора, которая четырьмя за несколько перед сим лет по государеву указу астраханским купцам подаренными улусами управляет и, как о рыболовстве, так и о продаже рыбы имеет попечение. Немногие строения, к оной принадлежащие, суть стары и почти совсем развалились.

Северная сторона Заячьего бугра, лежащая за городом между Волгою и кремлем, чрезвычайно узка. Между северным углом Заячьего бугра и Никольскими воротами находится биржа, при которой из моря приходящие суда пристают и выгружаются. Для сего построены там амбары, но как сии, так и самая биржа, клонятся к разрушению. Посреди биржи, на берегу, выстроена вновь деревянная таможня.

Против Никольских ворот находится пристань, где с грузом суда, из России по Волге приходящие, пристают и выгружаются и она называется Никольскою. Она заложена в 1767 году четырехугольником на сваях, посредине Волги вбитых, на коих построен мост, подобный переходам. При самых Никольских воротах построены деревянные соляные амбары, в которых привозимая с озер соль для удовольствования астраханских жителей содержится и по мелочам пуд оной по пятнадцати копеек продается. От сего места до Кабашных ворот берег Волги пуст и узок, так что между стеною и водою расстояние едва на десять сажен остается. Равным образом и имеющееся между началом кремля и Никольскими воротами расстояние, где биржа и таможня находятся, узко, а ширее и ниже его то, которое граничит с Агарянскими, Староиссадскими и Спасскими воро-

¹ Часть записок здесь опускается.

тами и оное многими приватными домами населено, кои свое наименование так, как другие вышеупомянутые, от церквей и от ворот получают. Сия, за крепостью находящаяся, северная сторона Заячьего бугра лежит между стеною, Волгою и Кутумом, который во время полои воды, выключая находящиеся к стене на несколько возвышенном месте против Староисадских и Армянских ворот слободы, прочие до самой почти крепости заливают. Берег Волги и Кутума между обоими устьями канала везде застроен пристанями. Ибо, начиная с полуденной стороны, до западного устья канала находится следующее: первое адмиралтейство, после оного биржа, потом Никольская пристань, за сею Спасская, далее из кирпичей сделанная при начале Садовой улицы купца Демидова и, наконец, Иссадская, о которой уже я то, что надобно было, говорил.

Теперь обращаясь к другому, большому предместью, лежащему на другом бугре, на южной стороне крепости, которое от Заячьего бугра отделяется каналом. На западной, несколько более возвышенной оного, стороне, Киселевым бугром называемой, выстроена слобода Безродная, из многих улиц и домов состоящая, сто пятьдесят сажен в длину и около ста в ширину имеющая. С западной стороны пресекается она берегом Волги в том месте, где за пятнадцать пред сим лет построена от Персидской компании пристань, Компанейской называемая. Между каналом и Безродинским бугром есть соленое озеро, называемое также как и прежнее Солончаком. При устье канала находится из немногих дворов состоящая слобода, Морскою называемая, потому что там живут много матросов. При селении Безродном, на восток посредине бугра, стоит церковь Иоанна Златоустого. По причине соленого озера, которое до сих мест простирается, по левую сторону сей церкви, если оборотиться лицом на север, до канала все расстояние пусто. А по правую руку оной находятся два дома, один маленький, другой большой, имеющий знатный виноградный огород. Последний принадлежит господину губернатору. Потом следуют три татарские слободы, дворами называемые, из коих первый называется Агрыжанским. Агрыжан есть татарское слово и на российском языке значит выроodka, то есть живут в оных такие татары, кои произошли от индейцев, потому эти индейцы, поселившись в Астрахани, женились на татарках, прижили с ними детей, и сии так размножились, что ими настоящую слободу населить можно было; и так назван сей новый род татар от их смешанного происхождения агрыжанскими, да и жилища их названы по ним же, агрыжанам — Агрыжанским двором. Второй татарский двор есть Бухарский, а третий Гилянский, потому что в оных живут так называемые бухарские и гилянские татары. Все сии вместе три двора в длину занимают около полуверсты и в ширину от пятидесяти до шестидесяти сажен; в длину идущих пять, а поперечных шесть улиц в оных находятся, и сии последние один двор от другого

отделяют. Поперечная улица, отделяющая Агрыжанский двор от Бухарского, находится при нововыстроенной большой татарской мечети. Она деревянная, однако, построена на каменном основании. Бухарское селение имеет равную длину с Агрыжанским, но несколько его шире и, представляя в длину идущих пять улиц, от Гилянского другою поперечною улицей отделяется, за которой следует самое Гилянское селение, которое с Бухарским одинаковую ширину и длину имеет, и оканчивается третьей поперечною улицей, которую россияне Окалдою, или пропастью от глубокой там находящейся болотины называют, которая лежит на полдень так, что в сем месте точный конец Киселеву бугру поставить можно.¹

Как татарские, армянские, так и находящиеся между ними российские дома построены все по порядку. Они имеют неравную ширину да и стоят один от другого в нарочитом расстоянии и не так как в прочих предместиях, где и не дивно, что они мало-помалу от одного только пожара все истребились. Однако кроме трех или четырех каменных домов нет никаких других, кроме деревянных, и между сими татарскими и армянскими домами улицы, ими составляемые, широки и прямы. Жителям безродинским причиняет еще не малый вред, что канал низок; по сей причине почти всегда соленой водой наполнен бывает, и для того, как никоим образом хороших погребов выкопать не можно, так и через большую часть года глина и грязь так велика бывает, что с великим только трудом по улицам, к каналу лежащим, ходить можно. Посредством четырех мостов, через канал сделанных, из крепости ходят в сии предместья. Первый мост, находящийся при Троицкой церкви, от своего положения Троицким называется и сие предместье с Иссадами соединяет. Второй, Никольский, который содержит сообщение от Никольской церкви до армянского базара, для пеших, потому что через оный для его узости ни на телегах, ни верхом для его безопасности ездить невозможно. О третьем, от Решеточных ворот в армянские слободы ведущем, я уже говорил, а четвертый есть тот, который от большой татарской мечети ведет на татарский базар. Оба устья канала завалены щебнем, а сверх сего забиты деревянными сваями. Посреди земляного вала сделаны окошки, кои всегда стоят отворены, чтобы Волга и Кутум волный вход в канал имели и тем бы содержащаяся в канале соленая вода чистою волжскою водою разводилась. В самом деле, еслиб сей предосторожности принято не было, то б и из канала такие ж бы вонючие и заразительные пары подымались, какие подымались из озера, когда канал закладывали. В истине чего увериться можно летом во время полой воды, когда помянутые окошки запирать необходимо должно, чтоб татарских и армянских слобод не потопило, как то в 1768 году случилось, когда

¹ Часть запасок мы здесь опускаем.

плотина прорвалась и когда все, близ канала лежащие, армянские и почти все татарские улицы затоплены были. В Астрахани утверждают, что худого состояния улиц, около канала лежащих, сей потоп есть причиной. Но они и прежде были не лучше и, хотя я соглашусь, что они от того сделались худшими, но однакож и то справедливо, что более на наполненный всегда водою канал жаловаться должно, в котором вода, когда полуденный ветер дует, на аршин и полтора аршина прибывает. Нemoжно ли окошки, в плотине сделанные, запереть и воду из канала посредством другой какой-либо машины выливать? Нemoжно ли таким образом и озеро, Солончак называемое, совсем высушить и через то улицы сделать чище. Если б от времени до времени свежую воду от Волги и Кутума в канал впускать, опять оную выливать и опять дополнять свежее, то б нemoжно было совсем спастись от канала, никакого расхождения худых паров. Канал стал во 100.000 рублей, но, сверх того, что может быть некоторые надзиратели, при оном бывшие, несколько набогательлись, он не окончен, не приносит никакой пользы, да и по внешнему виду кажется, что он еще отделается не скоро, несмотря на то, что уже начали туда возить камни, чтоб оными выкласть оба берега. Течение оногo от адмиралтейства до Троицкой церкви, в которой вся его длина от Волги до Кутума состоит, составляет не более полутора версты.

СЕЛЕНИЕ ЦАРЕВО

Большое селение татарское, которое общим именем Царево называется, а татары оные Тиек именуют, начинается вскоре позади Безродной улицы на запад, и всею своею длиною идет по берегу Волги. Оно состоит из многих улиц. Дома, так как и в прежних татарских слободах, суть деревянные и расположены правильно. Средняя всех прочих величиною превосходящая слобода есть Казанская, которая потому так называется, что в оной живут татары, приезжающие из Казанской губернии. В прочих, также и на другой стороне Царева протока, живут собственно астраханские или гортовские татары. Они беднее других, потому что торговать почти совсем не в состоянии, а только что кормятся земледелием и рукоделием, употребляются во всякие государственные нужды, и, между прочим, обязаны давать подводы до Кизляра, о чем я при другом случае пространнее говорить буду.

СЛОБОДЫ НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ КУТУМА

Сторона, за Кутумом лежащая, есть такого состояния: весь берег сей реки от истока ее из Волги до того места, где она обочивается на восток и, лежащая за оным земля, не с большим полверсты составляющая, вся без исключения занята российски-

ми строениями, кои удобно на четыре слободы разделить можно. Первая, при начале Кутума находящаяся, но имеющейся там церкви казанской богоматери посвященной, Казанской называется. Она состоит из многих улиц и домов, кои с полуденной стороны оканчиваются небольшим ручьем, который от лежащего на берегу государственного аптекарского сада аптекарским, а впрочем также и Петуховым ериком называется. Между сим ериком и Луковкою - рекою находится другая слобода, которая никакого особенного наименования не имеет, а только известна под именем стороны за Кутумом. Она в длину имеет не с большим четверть версты, а в ширину имеет около пятидесяти сажен. Дома в ней деревянные, построены вдоль по берегу. На самом берегу Луковки, при конце сей слободы, находятся остатки государева сада, в котором еще незадолго перед сим разные роды зверей и птиц, кои, как здесь при Каспийском море, так в ближней Персии водятся, содержаны и живые в Санкт-Петербург отсылаемы были; но ныне сие учреждение совсем оставлено, потому что как на сад, так и на перевоз требовалось много расходов, а наипаче для того, что едва пятидесятая часть из посылаемого из Астрахани в Петербург доходила. Ибо при содержании сих зверей и перевозе оных непростительные ошибки и ужасные обманы происходили, то и быть не могло иначе, так что двором сие дело отменено, которого исполнения, отчасти для забавы, а отчасти для украшения оного служило. Знающие люди со мною подтвердят, что очень бы не великого изживения требовалось содержать такой зверинец для совершенного удовлетворения двора, да еще и в гораздо лучшем состоянии, нежели каких рушившийся зверинец хватиться мѡг. Обе недавно упомянутые слободы во время полоой воды совсем затопляются, и люди принуждены бывают на небольших рыбацких лодках от одного места ездить до другого. В оных живут купцы, кои были принуждены после большого в городе бывшего пожара переменить место жилища; есть также там солдатам и другим людям принадлежащие дома.

Третья слобода лежит между Луковкою и тем безымянным бугром, о котором я говорил, что на оном находится монастырь Афанасия афонского. Её длина по берегу Кутума составляет четверть версты, а ширина несколько более, в ширину, с восточной стороны всякий год несколько прибывает, потому что солдаты и другие разночинцы по оной стороне всегда строятся продолжают. Дома все новые, расположены порядочным образом, отделены широкими улицами, деревянные, выключая один Кобяков, который каменный нарочито просторен и стоит при самом Кутуме, да и Изановский монастырь построен также из кирпичей и также стеною обнесен. Он по новому синодскому учреждению сделан приходской церковью.

Есть еще, наконец, по ту сторону Кутума четвертая слобода, Емтурчеевою называемая, которая по берегу Кутума не с боль-

шим четверть версты в длину, а в ширину около ста сажен расстояние составляет. В ней живут солдаты, купцы и простые люди и она из одних только деревянных и, по большей части, мелких домов состоит.

АПТЕКАРСКИЙ АСТРАХАНСКИЙ САД

Третий на север от Кутума лежащий бугор, который я уже описывал, и о котором сказано, что он с Заячьим бугром находится в параллельном положении, состоит только из частных садов, включая один большой к Петухову ерику лежащий аптекарский сад. Сей находится близ второго за Кутумом лежащего предместия в рассуждении высоты и низости на непосредственном месте, однако, окружен валом и рвом, чтоб во время полои воды никакого вреда не было. Он в длину имеет около семидесяти сажен, да и ширина его составляет столько же. Главнейшее строение в оном есть большой деревянный, о двух жильях дом, в котором живет аптекарь. Для работных людей сделано две казармы, изрядная химическая лаборатория, в которой соли из трав, астраханская горькая соль, солодковый сок, экстракты, пахучие воды и прочее тому подобное готовится; итак, с одной стороны, лаборатория, а с другой—оранжерея, парники и теплицы показывают намерения сего учреждения. Ибо все лекарственные травы, кои для государственных российских аптек нужны, в Астраханской губернии растут или дикие, или их в Астрахани легко вырастить можно, привозятся отсюда, и, если они не всегда получаются, то непременно, или аптекарь, или сад тому причиною, по крайней мере, корона, для исполнения сего намерения не жалест иждивения; а что впредь из сих трав в Астрахани самым легчайшим способом в большем количестве заготовить должно, о том также надзиратель сего сада имеет попечение. Как, например, снабжает он всю Россию солодковым корнем и горькою солью, да и о доставлении произведений из царства животных и минералов он же стараться должен. И как из ближней Персии много иностранных дорогих и простых лекарств дешево достать можно, то также приказывается ему о снабжении оным имеющиеся в Петербурге и в Москве материальные палаты.¹

МЕСТНОСТЬ ЧЕРЕПАХА

Местность Черепаха, имеющая свое наименование от реки сего ж имени, текущей между Болдою и так называемым новым Кутумом, есть настоящий остров, который сии три реки и, так называемый, Кутум делают, и к ним сверх сего присоединяются еще два больших озера, из коих знатнейшее в Болду, а другое,

¹ Опускается часть записок.

с одной стороны, в новый, а с другой—в старый Кутум впадает. Легко представить можно, что для окруженной водою земли весьма много труда требовалось, чтобы оную для пахания сделать способной; однако, господин Бекешев имел счастье преодолеть все трудности, чему сто шестьдесят пять десятин и двести пятьдесят сажен из болот и озер сделанной сухой земли, на которой уже теперь шелковичные деревья и виноградные лозы насажены, живым свидетелем быть могут. Черепаха заложена как село, в котором находится в пятнадцати домах мужского пола сорок восемь душ, так и деревня, в которой в пятнадцати домах живет двенадцать душ. Татары, подданные господина губернатора, составляют также число черепашинских переселенцев. Большой деревянный дом, с которого все село Началово видать можно, и вместо которого, сказывают, что в кратком времени построен будет каменный, служит сему господину увеселительным домом. Недалеко от одного в глубоко выкопанном погребе сохраняется много вина, собираемого на Черепахе, которое уже и теперь повсегодно доходу до несколько тысяч составляет. Кроме винограда, в сей местности уже и с другими растениями с пользою чинены были опыты. А наипаче прилежат там к скотоводству, которому изрядный конский завод придает первейшую красоту.

ИЛЬИНСКИЙ БУГОР И ГОСУДАРЕВА САДОВАЯ КОНТОРА

На полуденной стороне астраханских предместий, во-первых, об Ильинском бугре рассуждать должно. На самом высоком месте оного находится церковь Ильи пророка, от которой и весь бугор, из одних садов состоящий, получает свое наименование. При оной есть несколько дворов, астраханским купцам принадлежащих и небольшую слободу составляющих, которая одишкою особливого наименования не имеет, но только под именем сей церкви известна, ибо, если двор означить хочешь, то говорится двор у Ильи пророка.

Достойная примечания государева садовая контора находится не в дальнем расстоянии за Ильинским бугром, на так называемом Порабичевом бугре, при конце которого есть также причисляемый к оной виноградный сад; с западной стороны предместье еще не населено, а потом следуют дворы садовников и рабочих людей, составляющие небольшое селение, которое из трех вдоль идущих и одной поперечной улицы состоит. Ибо знать надлежит, что сия садовая контора не только о всех нуждах, до садов касающихся, но также и о трехстах людей, под ее ведомством состоящих, имеет попечение, кои по большей части суть ее собственные и к умножению ее доходов, а также в разных делах и сажании винограда упражняются. А как, например, она старается о заготовлении для двора всяких плодов,

то посылает иногда судно в Персию, обжигает кирпичи, продает дрова, имеет водочный завод и прочее.

Вдоль по хребту бугра на восток простираются также в беспрерывном порядке виноградные сады, кои оканчиваются двумя армянскими садами, потому что самый конец бугра пуст. Олеарий повествует, что один австрийский престарелый монах, пленником сюда привезенный и после греческий закон принявший, первый в Астрахани посадил персидские виноградные лозы и оных с изрядным успехом возрастил. А как он сперва из одной своей собственной охоты принялся за сию работу, то ободрен будучи после, исправлял оную с вящею охотою, и в 1613 году по царскому указу заложил государев виноградный сад, многие из мещан последовали его примеру и в 1640 году Яков Ботман готторский уроженец определен в Астрахани настоящим садовником виноградных садов. Однако, чтоб и в сем деле учинить надлежащее поправление, предоставлено до времен Петра Великого. Сей великий и бессмертия достойный государь учредил первую нынешнюю садовую контору. Ибо он думал, что она скорее в лучшее состояние придет, если на то определен будет собственный его кошт, то он, не жалея его, для общественной пользы сделал над садовою конторою главным надзирателем некоего француза, именем Поссуэта, который в рассуждении отправления своей должности с надлежащего верностью был как прилежен, так и способен, и, правя оною тридцать семь лет, просил для старости об отставке, которую в 1752 году и получил, и майор Порабич с потерей его собственного сада сделал по нем приемником оного. Всякий, имеющий понятие об Астрахани и проницательность в домостроительстве, в рассуждении сего последнего то ж, что и прочие, сказать должен, что астраханские сады его искусством и его неутомимым рачением столь изрядно поправлены, и если никто за него в сем деле засвидетельствовать не пожелает, то засвидетельствует самое экономическое состояние конторы, коим она во время Порабичева правления довольствовалась. Теперь над сим учреждением имеет надзирание господин полковник Бекетов, который повиноваться должен приказаниям губернаторским, а прежде сего контора подсудна была одному только кабинету. В астраханских садах садятся всякого рода поваренные растения, салат, свекла, морковь, репа, редька, горчица, огурцы, тыква, арбузы, а из европейских овощей недостает картофеля, земляных яблок и артишоков, но вместо оных садят в великом множестве бадьяну или демьянок и стручкового перцу. Из плодоносных деревьев обыкновеннейшие суть: груши, яблоны, вишни, персики и шелковичные деревья, но, как их по большей части во время расцветания черви поедают, то они мало плодов приносят. В зиму виноградные ветви покрывают землею, когда ж летом бывает великий жар, а дождя мало, то поливают посредством обыкновенных ветряных мельниц, близ рек и ручьев поставленных, кои воду вверх в желобы под-

нимают и таким образом сады напояют. Из предыдущего видно, что сады ни на каком другом месте не находятся, как только при берегах, и, если они ветряных мельниц иметь не могут, потому что они очень дороги становятся, то однакож, по крайней мере, на каналах и реках ставятся высокие водяные колеса, кои лошадыми вкруг обращааясь, воду деревянным желобом так сообщают, что она до возвышеннейшей части садов доходит и от оной, смотря по обстоятельствам, по всем грядам проводится.

Во всей Астрахани, по учиненной после большого пожара переписи, считается две тысячи пятьсот жителей.

Сорок один дом, кроме церквей и находящихся в Кремле строений, также и кроме новопостроенных при Ивановском монастыре солдатских домов. Российских церквей всех вообще считается двадцать пять, а главнейших монастырей два, то есть Саский и Благовещенский. Армяне имеют две церкви, лютеране одну, о которой я немедленно говорить намерен, а о католической уже упомянуто было. На Цареве находится пятнадцать мечетей, а в селениях Агрыжанском, Бухарском и Гилянском четыре. Индейцы посреди своего гостиного двора содержат небольшой идольский храм. В следующих домах в Астрахани отправляются судебные дела. Знатнейшие из оных суть губернаторская канцелярия, потом следует оберкомендантская и четыре батальонных канцелярий, а после сих консистория, к суду которой принадлежат священники и монахи, магистрат, адмиралтейская контора и словесный суд. Азиатский татарский суд разбирает ссоры между агрыжанами, бухарами и гилянами, в Астрахани живущими случающихся, татарская контора решает дела юртовских татар, а армянский гатраус выбирается ежегодно двое судей, оба родом из армян; но один из них армянского, а другой католического должен быть исповедания. К сим присовокупляется еще один судья, обыкновенно обер-офицерского чина, из россиян, который как в гатраусе, так и в татарском суде отправляет прокурорскую должность. Двое из юртовских татар бывают по году президентами в татарской конторе, а из прочих трех татарских слобод выбирается из каждой по особливому человеку для отправления азиатского татарского суда. В Астрахани считается двадцать два питейных дома. О других государственных строениях, как-то: полиции, таможне, рыбной и садовой конторах, также и о банковской, я уже упоминал; однако, о последней, как и обещался, привожу еще следующее. Она сделана очень недавно, равно как и многие другие полезные учреждения, для того и за нее господину губернатору Бекетову благодарить должно. Ибо соединенное с оною намерение стремится единственно в пользу астраханского купечества, потому что кто в деньгах нужду имеет, тот может на вексель с надежными закладами и подписками с платежом шести процентов столько получить, сколько ему нужно, а только должен он ту сумму по прошествии вексель-

ного срока обратно внести исправно, и сие то иногда тем людям вред наносит, кои легче вексель написать, нежели по оному заплатить могут, и для того к сему банку прибегают только те, коих несчастье лишило всех других средств в рассуждении занятия денег. Что продолжение строения в Астрахани от оной получить должно себе подмогу, о том я в другом месте кратко упоминал.

Что касается до частных домов, в Астрахани находящихся, то на стороне за Кутумом в татарских и армянских слободах, также и на Цареве как каменные, так и деревянные находятся самые лучшие: они нарочито хороши и стоят один от другого в довольном расстоянии. Напротив того, в предместьях, ниже крепости лежащих, на татарском базаре, в Саяновой слободе, на Порабичевском бугре, близ Вознесенских, Агарянских и Староиссадных ворот суть самые худшие и от древности уже совсем поврежденные, да и о том уже упомянуто, что и оставшиеся после большого пожара в Белом городе ничем их не лучше.

(Далее Гмелин подробно описывает быт и обычаи астраханских татар и армян. Описание это мы опускаем. Ниже даем сжатое описание населения Астрахани).

Астраханские казаки составляют третью часть здешних жителей и, как во всем российском государстве, так равным образом и в Астрахани, по общему Петра Великого учреждению сделаны после стрельцов, коих беспокойное поведение было причиною их уничтожения. Вместо стрельцов не настоящие сперва казаки, но убежавшие от своих господ или иного основательно о своем происхождении незнающие заступили и составили роту из трехсот человек состоящую, которая трехсотною командою называлась. Они получали то же самое жалованье, какое нынешние астраханские казаки получают, исправляли те службы, посылались на степные станции и приезжающих курьеров отвозили, посылались также для разведывания в те места, кои в рассуждении неприятельского нападения подозрительными были, дабы о свойстве обстоятельств в надлежащие места подать известия. Они обязаны были провожать находящихся в службе государственной людей, а наипаче отправлять почту между Астраханью и Черным Яром, в чем им и волжские казаки помогали.

Капралы и урядники из унтер, а хорунжие и сотники из обер-офицеров были начальниками в сей роте, а полковник, напротив того, вместо шефа, и состоял под ведением астраханской губернской канцелярии. Таким полковником, будучи Слободчиков в 1750 г. в Санкт-Петербурге военной коллегии представил, что трехсот человек недовольно для исправления всех тех дел, кои от них требуются, то приказано было не только число их умножить прибавкою других двухсот человек, но чтоб также, переименовав трехсотную команду, называться ей астраханским конным казачьим полком. Итак, с того времени сей полк имеет собст-

венных полковников, а каждая рота, из ста человек состоящая, одного сотника, одного хорунжего (знаменосца) двух урядников и четырех капралов. Полковник получает в год жалованья двести сорок пять рублей, сотники по тридцать рублей, знаменосцы по двадцать два, урядники (унтер-офицеры) по восемнадцати, капралы по пятнадцати, а казаки по четырнадцати рублей. Они теперь отправляют те же самые службы, кои они и во время прежнего их состояния отправляли, с тем только различием, что в рассуждении отправления почты между Астраханью и Черным Яром по причине заложения станиц гораздо меньше дела имеют, но в той части, которая еще ныне до сих принадлежит, волжским казакам им не помогают.

О ПРОЧИХ АСТРАХАНСКИХ ЖИТЕЛЯХ

Из других российских жителей в Астрахани находится купцов тысяча триста девять человек, а тех, кои цеховыми и разночинцами называются, тысяч четыреста шестьдесят четыре. Под разночинцами, которое наименование слово в слово означает людей разного чина, разумеются те, кои суть между цеховыми и купцами как бы средние. Цеховые и разночинцы состоят под судом магистратским, где они в некоторых торгах и ссорах между собою судиться должны. Сказочные суть те, кои в последнюю перепись, которую наша монархия учинить благоволила, при астраханской губернской канцелярии свои имена объявили и для того сказочными названы. Ибо как сию перепись нечаянно учинить приказано было, то многие, кои для рыболовства и других обстоятельств в Астрахани жили, в скорости в свое отечество не могли возвратиться, чтобы там прописаться; и таким образом здесь приписались, почему их можно почесть за астраханских крестьян, однако только за таких, кои в Астрахани жительства не имеют; ибо во время новой будущей переписи опять они в надлежащие места отосланы быть имеют. Они платят в год по рублю по двадцати копеек, состоят под ведением губернской канцелярии и суть люди всякого рода, а наипаче русские крестьяне. Может быть есть между ними также и беглые. Жители астраханские, безродными называемые, суть почти те же самые, что и сказочные, с тем только различием, что они уже во время последней переписи имена свои объявили. Ибо как многие из них сказали, что они ни домов, ни родителей, ни сродственников не имеют, ниже знают, приписаны ли они где-нибудь, то потому они и названы безродными или людьми, сродственников не имеющими. Но их есть два класса. Одни принадлежат к губернской канцелярии, имеют те же самые вольности, коими пользуются сказочные, и для того называются безродными, а другие употребляются в государевы работы, как то при садовой конторе, как выше сказано, при шелковом заводе и так далее, и им дается

жалованье, равное солдатскому. Наконец, к астраханским жителям принадлежат еще сто сорок семь человек переведенцев, кои в услужении при школе находятся.

В заключение всего к астраханским жителям принадлежат еще инженерская и артиллерийская команды, о коих я при описании публичных учреждений сего города упомянуть забыл. Можно также еще здесь привести и сие, что в Астрахани над всеми медицинскими чинами главным находится один от государственной медицинской коллегии определенный физик, над строением — архитектора, а над землями, кои делить можно, один землемер.

Астраханские жители для пропитания своего по большей части упражняются в рыбодовстве, купечестве и содержании фабрик, о первом ниже сего пространно говорено будет, о втором я тоже отчасти говорил и отчасти еще о нужном при описании волжских судов предварительно упомянуть не премину. Итак, остается только кратко объявить об астраханских фабриках. Больших теперь фабрик очень мало. Однако, как во многих домах много станов находится, то число их простирается до несколько сот. В домах, где станы имеются, делают шелковые или бумажные или также смешанные из шелка и хлопчатой бумаги материи. Есть между фабрикантами такие, кои от короны в разведении многих имели вспоможение. Славнейшая фабрика есть та, которую завел некоторый персиянин именем Садык, и на оной повременно делаются все персидские материи. Это удивительно, что хотя много учреждений в пользу астраханских фабрик чинено было, однако сие на оных мало успеха видно. Думать надобно, что тому причиной работники и работницы, кои суть люди самые подлые, и работают на станах так, как хотят, и к тому нет над ними прилежнейшего смотра, и для того делают материи такие, кои, как красивого не имея вида, так и не прочны. Однако, они весьма скоро расходятся, и кроме других носовых платков помногу тысяч в Россию вывозят. За каждый стан в казну платят по одному рублю, а во время нынешней войны — по два. Фабриканты от своих полицейских тягостей уволены и имеют некоторым образом такие вольности, какие имеют дворяне.

Астраханский красный и желтый сафьян очень славен, да и славу сию заслуживает по всякой справедливости.

Если астраханский виноград никогда не дает хорошего вина, по крайней мере, хорошего европейского, однакож приносит он весьма великую пользу, и как она столь велика, то труд бы довольно награжден был, если б жители со всякой ревностью принялись за сии заводы; ибо я, чиня многоразличные опыты, узнал, что от них получается хорошая французская водка и потому надеюсь, что знатная сумма денег, которая ежегодно за французскую и гданскую водку из государства выходит, впредь останется в оном, ибо чтоб наградить тот убыток, то может также корона, налагаемую на иностранную водку дань наложить на астраханскую.

ОПИСАНИЕ АСТРАХАНСКОГО РЫБОЛОВСТВА

Все рыбы, в Астрахани находящиеся, попросту говоря, разделить можно на три класса. Первые два класса принадлежат к большому, а третий к малому рыболовству. Первый класс содержит в себе красную рыбу, второй по чрезвычайно знатному ее множеству частиковую, а третий самую худшую, мелочную называемую. Красной рыбой называются белуги, осетры, шипы, севрюги, стерляди и густеры; под вторым классом разумеются сазаны, сомы, белая рыба, лососи, берши, щуки и судаки, а третий класс составляют великое множество малых чешуйчатых рыб.

Орудия, посредством которых в Астрахани рыбу ловят, удобно разделить можно на три класса: то есть, рыбные перегородки, крючки и сети. Рыбные перегородки суть также двойного рода. Они называются или забойками или перебойками и колованами. Забойка делается таким образом: сперва поперек реки перебивают толстые сваи, расстоянием одну от другой на поларшина. В том месте, где вода быстрое имеет течение, в извилистом положении, а где тихое по прямой линии. Если сваи готовы будут, то ставят против течения реки также из толстых почти наподобие сердца между собою соединенных свай состоящие избы, посредине которых делаются различные проходы, кои отстоят друг от друга на три сажени, и промежутки их рыбаки полями называют, коих столбы наконец при входе в отверстие гораздо слабее вколачиваются, чтоб, если большая рыба приблизится к своей гибели, они величине ее место давать могли. Устье сих изб бывает величиной в два локтя, а находящийся при углах проход едва ль будет в полтора. Во всей окружности такой избы бывает около шести сажен, напротив того, число их по различию величин рек различно.

Бывает их по тринадцать, одиннадцать и десяти. Средняя из них называется матерею, потому что в нее полное течение воды прямо входит, то и попадают в нее обыкновенно матерые белуги.

Сию забойку два раза в году, то есть, весной и осенью, а иногда также и по стечении полои воды, починивать должно. Причем, наипаче водолазы употребляются, коих на каждом учуге содержится по два. Сии люди опускаются в глубину воды и осматривают там подробно все части забойки. Они стараются осматривать состояние свай, и если испорченную или поврежденную найдут, то такую вон вытаскивают и объявляют об обстоятельстве находящимся на лодке и при осмотре бывающему приказчику. Если поврежденная опять вставлена будет, то водолазы снова таким же образом перегородку осматривают, и чтоб никакой ошибки произойти не могло, то другой водолаз, с чужого учуга, о предложении своего товарища судит, и если оно основательно, свидетельством утверждается и не принято бывает, если найдется ложным. Должность водолазов особливо требует смотреть, хорошо ли до дна достают перегородки; в противном же случае

обязаны они пустые места заваливать землею, наполненными мешками, немцами называемыми.

Они прежде, нежели приступят к оной, выпивают по стакану водки, около четырех унций, потом входят в весьма горячую баню, при самой перегородке находящуюся, и бывают в оной по получаса, потом одеваются шубою, входят в назначенную для них лодку, раздеваются на том месте, где осмотр уже был сделан, огораживают чело крестом трижды и, наконец, малопомалу опускаются в воду до дна. В сем состоянии опускаются они то вверх, то вниз, чтоб о состоянии перегородки получить совершенное сведение, по тех пор, пока наконец необходимо для принятия воздуха наверх подняться должны будут, где они потом высывают свои головы для принятия в себя жизненного бальзама и по сем прохладении опять в глубину опускаются, и сие повторяют по тех пор, пока все тело околеет и дрожать начнут. Потом поспешают опять в баню, пьют в другой раз водку, входят опять в воду и повторяют перемены стужи и теплоты по тех пор, пока, наконец, кровь из носу и из ушей пойдет, и они почти бездушны в следующую за ними беспрестанно лодку броситься должны. Самый сильный водолаз за один раз не может быть в воде более семи минут и не может вытерпеть в день более пяти раз тех перемен, кои жаркая баня, холодная вода и недостаток воздуха влекут с собою. Однако, он, как слабейший человек, в рассуждении здоровья очень много зла претерпевает. Во все сие время ежедневно водолаз подвержен бывает следствиям превеличайшей глухоты. По крайней мере, ни один не достигает до той цели жития, которую природа людям положила. Ни один не бывает в состоянии более десяти лет отправлять сего ремесла. Многие после трех и четырех лет умирают, получают водяную болезнь и лом в костях.

(В конце книги Гмелин весьма подробно, со множеством деталей рассказывает о способах ловли рыбы удочками, сетями и пр. Так как это описание никакого исторического интереса не представляет, мы сочли возможным его опустить.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

- Аббас-хан, губернатор Испагани и Гиляна, 209, 210.
 Абдыргакман, царь казанский, 288.
 Абдулгази, писатель, 198.
 Ага-Могамер-хан, шах персид., 209, 210.
 Авар-хан, повелитель лезгин, 205.
 Авриль, миссионер иезуит, 26.
 Александр Великий, 20, 202.
 Александр I, 24, 195.
 Алексей Алексеевич, астрах. приказный, 136.
 Алексей Романов (Алексей Михайлович), царь московский, 24, 106, 294.
 Алексей Савинович (Романчиков), посланник московский, 56, 71, 73, 74, 75, 77, 80, 89, 92.
 Али Султан, калмыцкий князь, 143.
 Альберт Плиний, натуралист, 80.
 Альберте Ян, рулевой, 116, 143.
 Альбрехт Мартын, спутник Олеария, 91.
 Альдрованд, натуралист XVI—XVII вв., 80, 81, 82.
 Аальридж-хан Болатович, князь черкесский, 169.
 Амурфана, 211.
 Анисоли, посол, 35, 36.
 Апраксин П. М., астр. губернатор, 193.
 Апухтин Н. И., 171.
 Аренс Питер, спутник Бутлера, 143, 144.
 Аристотель, 81.
 Арпенбек Ганс, переводчик, 56.
 Ассад-хан, князь афганский, 208.
 Астра-хан (Астр Аштар), легенд. основатель Астрахани, 15, 66, 287.
 Ахмет, царь татарский, 266.
 Аюка, хан тат. 151, 271.
 Базецкий Август, посол персидский, 74.
 Байтной (Баиот), князь, 187.
 Байль (Бейль, Бейли) Т., строитель Камышина, 26, 122, 132.
 Бальден Г., голландский резидент, 145.
 Барбаро, венецианский посол, 7, 11, 14.
 Барентс Виллем, штурман, 143.
 Барсов П. П., переводчик Олеария и де-Бруна, 50, 61, 159.
 Бартелеми, аббат, 198.
 Бартельс Питер, боцман, 143.
 Барятинский А., князь, нач. сторож. ополчения, 288, 291.
 Батый (Батал), хан Золотой орды, 9, 11, 187, 287.
 Бекетов Н. А., астрах. губернатор, 245, 282, 283, 312, 313, 315.
 Белль Джон, шотландский врач, 147, 149.
 Бент Ф. Л., голландский резидент, 145.
 Ботман Яков, садовник, 313.
 Богданов (Плохово?) Л., астрах. военачальник, 114, 127, 128.
 Бордуков Д., полковник, 290.
 Борис Алексеевич, князь, 165, 171.
 Бородин Э., 96.
 Ботман Яков, виноградарь, 68.
 Брак Корнелиус, матрос, 116, 143.
 Бранд (Брант) Карстен (Корстен), матрос, 129, 133, 137, 142, 144.
 Бранд Христиан, матрос, 116.
 Брекель, нем. инж., 23.
 Бругман Отто, посол Шлезвиг—Гольштейн, 49, 54, 60, 63, 78, 81, 86, 88, 89, 90.
 Бруин-де Корнилий, путешественник, 159, 182.
 Бугсбаум, натуралист, 280.
 Булавин К. И., вождь восстания донских казаков, 28, 29.
 Булат Кондалович, черкесский князь, 141.
 Бутлер Давид, капитан „Орла“, 28, 95, 109, 115, 121, 125, 137.
 Бьянис, хирург, 145.

- Быков, студент, 253.
 Бюфон, живописец, 204.
 Вагенер, капитан, 173, 174, 185.
 Ван дер Бург, командир судов, 186, 189.
 Василий III, царь московский, 33, 44.
 Ведерс Ян, астрах. полковник, 111, 132.
 Винь Л., полковник, 169, 170, 173, 177, 185.
 Видзен, путешественник, 26.
 Виндронг Яков, астрах. офицер, 115, 128, 131.
 Вишняков И., нач. передов. ополчения, 288.
 Владимир, князь, 199.
 Волынский А. П., московский посол, 147.
 Вяземский А. В., князь, нач. вятского воинства, 288, 289, 290.
 Габлиц, 280.
 Ганзен Яков, слуга Олеария, 64.
 Галдан-Церентг, повелитель калмыков, 217.
 Гваньин, исследователь татарских орд, 66.
 Гедает, хан персид., 210.
 Гейн (Гейт?) Роберт, англ. капитан, 115, 128.
 Гельт Ламберт Якобс, шкипер Стрейса, 116.
 Герберштейн, путешественник, 9, 14, 66.
 Геродот, 198, 200, 205, 206, 210.
 Гильденштедт, 205.
 Гирин, царица астрах., 291.
 Глуховской, А., воевода, 280.
 Гмелин С. Г., академик, 27, 205, 244, 246, 250, 257, 263, 315, 320.
 Голицын, князь, астрах. воевода, 23.
 Головин, нач. астрах. ополчения, 288.
 Граман Гартман, спутник Олеария, 88.
 Грос Ян (Эдан Мартин), польский дворянин, 144.
 Гуссейн, шах перс., 149.
 Давыдов Яков, спутник де Бруина, 166, 171.
 Дегиня, писатель, 198.
 Дербеш-Али, касимовский князь, 289, 291.
 Де Бруин, см. Бруин.
 Де Фриз Корнелиус, канонир, 143, 144.
 Д'Эрбело, писатель, 198.
 Джанин-бек, татарский хан, 12.
 Джембех, татарский хан, 266.
 Джонкинсон, А., англ. посланник, 7, 41.
 Джонсон Ричард, спутник Джонкинсона, 43, 47.
 Джонсон Роберт, спутник Джонкинсона, 43, 47.
 Дмитрий, спутник Контарини, 38.
 Долгорукий Ю. А., князь, москов. воевода, 106.
 Дондук-Дами, калмыцкий хан, 284.
 Дондуков А., калмыцкий князь, 247.
 Дондук-Омбо, калмыцкие князья, 212.
 Ейбак-Учик, тат. владыка, 151.
 Екатерина II, 24.
 Енгувал-Асей, нач. конницы, 291.
 Ентурчей (Илмтурчей, Емтурчей, Емгурчей, Джамтурчей), царь казанский, 288, 289, 290, 291.
 Еругана, царица казанская, 291.
 Ечан, тат. владыка, 151.
 Зайганг Хорлик, трухменский хан, 271.
 Золотов Г., капитан, 290.
 Зубов, граф, 205.
 Ибн-Батут (Ибыбатут), арабский путешественник, 9.
 Имам Кули Султан, перс. посол, 90.
 Иноходцев, адъютант, 262.
 Иоанн, служитель Контарини, 35, 37, 38.
 Иоанн IV (Иоанн Грозный, Иван Васильевич Грозный), 15, 26, 31, 41, 44, 68, 69, 102, 152, 268, 287.
 Иоанн III, вел. князь московский, 31.
 Ираклеш, князь, 291.
 Исмаил-Мурза, князь татарский, 288.
 Исуп, князь якинский, 288.
 Ишим, князь, 288, 291.
 Казенброт Рейнир, голландск. резидент, 145.
 Казим-хан, государь цитраханский, 35.
 Калачев Н., исследователь, 24.
 Камбуза, царица казанская, 291.
 Керим-хан, перс. хан, 210.
 Кир, царь перс., 209.
 Кирентов Кузьма, конвоир ссыльных, 107.
 Китта-Гайсан, тат. владыка, 151.
 Клас Корнелиус, строитель старой астрах. крепости, 130.
 Кленк Каунрад, пушкарь, 96.
 Кобяков, астр. купец, 244.
 Кобяков III, нач. передового ополчения, 288.
 Кок (Турк) Якоб, приказчик, 141.
 Контайше, князь, 211.

Константин Багрянород-
ный. 200.
Контарини А., венецианский по-
сол, 7, 11, 14, 31.
Кордуров Д., князь, 291.
Корнелис Данил, матрос и ка-
нонир, 143, 145.
Крафт. инж.. 24.
Кребс Генрих, голштинский столь-
ник, 90.
Кропоткин Д., полковник, 290.
Крочин, инженер, 23.
Краузе Филипп, голштинский
посол, 49, 93.
Куйна (Куйне), гог-хан, 187,
Лезуль, француз из Смирны, 145.
Ленин В. И., 4, 29.
Леопольдов, 10.
Лепехин И. И., акад., 29, 30, 219,
240, 281.
Лефорт, 149.
Ловиц, астроном, 24, 261, 262.
Ломоносов М., акад., 219, 286.
Лопатин М., полковник, 134.
Львов М., воевода, 280.
Львов С. И., князь, астрах. вое-
начальник, 107, 108, 115, 122, 123,
128.
Малебаш, 151.
Мандельсло И. А., спутник Олеа-
рия, 56, 57.
Масса Исаак, картограф, 59.
Мегенандер, спутник Бутлера,
144.
Мейер, капитан, 169, 182, 186.
Мейнард, англ. дворянин, 186.
Мейндерс Мейндерт, блочный
мастер, 143.
Мельвиль Т., спугник Олеария, 56.
Меховский Матфей, польский
писатель XV в., 65, 66.
Мин А., исследователь, 11, 12, 23.
Михаил, вел. князь, 92.
Михаил Федорович, царь мо-
сковский, 49, 280.
Моисей Хоренский, историк,
209.
Мориссон, натуралист, 257.
Метислав, князь, 199, 200, 286, 287.
Мусала (Мусал, Мусул), князь
татарский, 56, 53, 64, 71, 73, 74, 75,
78, 82, 85.
Мустафа-Кули, хан персид., 209,
210.
Мюнсер Антон, старший бог-
ман, 143.
Надир, шах перс., 210.
Наурус, перс. купец, 73, 76, 77.
Нащокин М. И., вижегородский
воевода, 121.

Некрасов Н. А., поэт, 3.
Некрасов, полковник, 29.
Нестор, летописец, 200.
Никитин Григорий, московский
купец, 53.
Николай I, 24.
Нуреддин Магуммед, персидск.
купец, 73, 77.
Нурджана, калмыцкая княгиня,
211, 217.
Овидий, 200.
Озерцовский, акад., 24.
Олеарий Адам, ученый исследо-
ватель XVII в., 7, 26, 49, 50, 86, 104,
130.
Орешкин, доктор, 147.
Павел, генуэзский капитан, 14.
Павлов Ф., атаман, 289, 290, 291.
Паллас П. С., акад., 29, 30, 219, 241,
243.
Перри, строитель Волго-Донского
канала, 23, 152, 262.
Петрей, автор московской летописи,
67.
Пети дела Кроа, писатель,
193.
Петри Соломон, голштинский
пастор, 88.
Петр I, 16, 20, 23, 24, 147, 149, 222,
261, 262, 313, 315.
Питерс Эльс, матрос, 143.
Полло М., венецианский путеше-
ственник, 12.
Полло Н., венецианский путеше-
ственник, 12.
Поппес Вигерр, матрос, 143.
Попов А., 107, 110, 114.
Попов М., 147.
Попов Н., 19.
Порабичев, 313.
Порзицкий, атаман, 258.
Потоцкий Ян, историк, 195.
Прозоровский И. С., князь,
астрах. воевода, 107, 108, 109, 111,
112, 114, 115, 116, 123, 135.
Прозоровский М. С., князь, брат
предыдущего, 123, 131.
Прозоровский П. С., князь, мо-
сков. губернатор, 141.
Пронский Ю. И., князь, 288, 291.
Птоломей, 65, 200.
Пугачев Емельян, вождь крестьян-
ской революции XVIII в., 24, 26,
29, 250.
Raw (Иоанн), исследователь, 66.
Разин Степан (Стенька, Сте-
фан), вождь крестьянской револю-
ции XVII в., 12, 27, 28, 95, 100, 105,
106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113,
115, 118, 122, 123, 127, 292, 302.

- Рейтенфельс, автор описания Астрахани, 15, 17.
 Рейснер Андрей, голштинский посланник, 89, 90.
 Ржевский Т. И., астрах. воевода, 29, 165, 185.
 Родионов Василий, старый казак, 137.
 Родион, астрах. пристав, 78.
 Россо Марк, москов. посол, 33, 34, 35, 36, 37, 38.
 Рубруквис, англ. путешественник, 12.
 Рудольф Пауль, немецк. офицер, 115, 128, 135, 137.
 Ружинский Ив., астрахан. полковник, 115, 128.
 Рышков Ф., капитан, 290.
 Рюц Давид, голштинский-поверенный в Москве, 88.
 Рюшель, француз. посланник, 89.
 Садым, перс. купец, 317.
 Санкций Франциск, путешественник, 81.
 Сампсоний, митрополит, 167.
 Сваммердам Я. Я., амстердамский коллекционер, 103.
 Свиньян П. П., 159.
 Себастиан (Севастьян), посланник, 288.
 Селим, тур. султан, 19, 23, 24.
 Серодонин С., 41.
 Серохан-бек, перс. посланник, 172.
 Сидоров С., 288.
 Слободчиков, полк., 316.
 Смилл, ногайский мурза, 46.
 Соколов, студент, 253, 254.
 Сталенберг, историк, 286.
 Сталин И. В., 4, 29.
 Страбон, географ, 65, 200, 209.
 Стефан, венецианский священник, 35, 37, 38.
 Стрейс Я. Я., путешественник, парусный мастер, 7, 22, 26, 28, 95, 96, 104, 105, 107, 121, 125, 143, 144.
 Тамерлан, император татаро-монгольской империи, 14, 58, 97, 98, 100.
 Татищев, В. Н., 19.
 Тевкель, царица казанская, 291.
 Терещенко А., 12.
 Термунде Ян Фан, спутник Я. Я. Стрейса, 116, 144.
 Тизенгаузен, 8, 10.
 Тимофеев П., полковник, 291.
 Тмутараканов, князь, 286.
 Торгоут Орлюк, калмыц. князь, 150, 151.
 Трапси Яков (Яков), матрос, 161, 117, 133.
 Трубецкой Ю. П., князь, казанский воевода, 121.
 Тургенев П., нач. астрах. гарнизона, 291.
 Туркин (Турок) Ив., приказчик москов. князя, 132, 141.
 Турлекуев (Турликов) Данила, гонец, 130, 141.
 Тюмень, калмыц. князь, 206, 210, 211, 215, 217.
 Узбек, хан татарский, 10.
 Узул Гасан, перс. шах, 31, 33.
 Урак, князь, 55, 100.
 Усмей, хайтыцкий хан, 264.
 Ус, сподвижник Степана Разина, 109.
 Утерицфон, голштинский посланник, 56, 87.
 Фабрициус Л., немецкий офицер, 128, 135, 136, 137, 142, 144.
 Федор Алексеевич, царь моск., 292.
 Федор Васильевич, астрах. воевода, 72.
 Фик Даниил Генрих, представитель, 276.
 Флеминг Павел, спутник Олеария, поэт, 52, 57, 88.
 Флетчер Д., 20, 21.
 Фридрих, герцог голштинский, 49, 50.
 Хабелла, татарский князь, 142.
 Хаджи-Хиасем, 210.
 Хованский П. И., князь, астрах. губернатор, 185.
 Хуваша, сын Тюменя, 212.
 Циплетев, полковник, 255.
 Цидерон, 202.
 Чекалин Ф., 27.
 Черкасский И. Б., князь, москов. боярин, 74.
 Чеслер, 7.
 Чингис-хан, 209, 212.
 Шак Николай, лейтенант Бутлера, 115.
 Шамьян, калмыцкий князь, 246.
 Шенк А. С. боярин, 185.
 Шилков Д., капитан, 290.
 Ших-Алей (Шиг-Алей), татарский князь, 43, 288.
 Шрам Яков, толмач Бутлера, 143.
 Шумахер И., спутник Олеария, 88.
 Щеглов С. А., 24.
 Яришт, царевич казанский, 291.
 Ярослав Владимирович, князь, 286.

ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ

- Агрыжанское, с., 307, 314.
 Адрыбы, г., 98.
 Адрыбы, р., 98.
 Азербайджан, 209.
 Азия, 6, 13, 16, 17, 27, 55, 65, 101, 161, 197, 198, 207.
 Азов (Тапа), 23, 34, 46, 90, 265, 290.
 Азовское море (Понтийское море, Понт), 13, 23, 56, 65, 66, 90, 161, 222.
 Аксай, р., 162.
 Аксай, ст., 265.
 Аларх-Улаы (Пестрая гора), 150.
 Алгала, р., 296.
 Амстель, р., 97.
 Амстердам, 95, 96, 103, 159.
 Аму-Дарья, р., 182.
 Англия, 6, 21, 22, 47.
 Андре-Дерефат, 142.
 Антиохия, 187.
 Антиповка (Антипинская станица, Антипин городок) 258, 260, 261, 262.
 Антиповка, ручей, 260.
 Аракс, р., 48, 62, 182.
 Аральское озеро, 207.
 Арбухим гора, 98.
 Арбузный остров, 293.
 Ардебиль, г., 50, 86, 144, 145.
 Арксантес, р., 182.
 Армения, 15, 67, 74.
 Архангельск, 22, 24, 96, 159.
 Аскула, р., 51.
 Аскула, с., 51.
 Ассирия, 21.
 Астрабад, г., 110.
 Астраханская губ., 15, 20, 223, 272, 273, 274, 282, 311.
 Астрахань (Хазтаракань, Тмутаракан, Атель, Итель, Цитракан, Аджи-Дархан), гор., 6, 8, 9, 11, 13—15, 17—19, 20, 22—28, 31, 33, 34, 35, 38, 43—51, 54, 57—60, 62—70, 74, 77—80, 82, 84—92, 95, 97, 100—103, 105, 107, 110—116, 120—122, 125, 127, 128, 130, 133, 134, 137, 138, 141—143, 145, 147, 152, 153, 155, 156, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 189, 193, 195, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 216, 217, 239, 240, 244, 245, 246, 252, 254, 260, 263, 265, 271, 277, 278, 282, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 309, 311, 313, 314, 315, 316, 317, 318.
 Астраханское царство, 15, 166.
 Атель, см. Астрахань.
 Ахматская гора, 54.
 Ахматский остров, 55.
 Ахметкент, дер., 263.
 Ахтуба (Ахтубеска) р., 9, 11, 12, 15, 16, 20, 61, 64, 205, 206, 215, 216, 236, 243, 256, 265, 266, 267, 270, 293, 294.
 Ахтубинско (Ахтубично) Устье, р., 58, 61.
 Ашалу, р., 12.
 Bawhiata, остр., 47.
 Бакурия, 15, 41.
 Баку, г., 110, 217, 263.
 Балтийское море, 84.
 Балухта, озеро, 224.
 Балыклея (Балыклея станица), 258, 259.
 Балыклея, р., 58, 162.
 Бальчик, р., 64.
 Банная, речка, 244.
 Баньшин остров, 99.
 Бармак, гора, 110.
 Басинское озеро (Большое), 270.
 Баскунчак, озеро, 268, 270, 272, 281.
 Батраки, с., 52.
 Батрак, остров, 51.
 Батрацкий перевоз, 52.
 Башмаковка, р., 294.
 Башмаковское озеро, 300.
 Безродное, 12, 20, 294, 307.
 Белоруссия, 219.
 Бельджамен, 12.
 Беляевская, ст., 265.
 Березовка, ручей, 289.
 Берлин, 241.
 Богдо-гора (Богдо-Ула), 216, 217, 268, 270, 271, 281.
 Богдо-Добасун, озеро, 248.
 Бойнак (Бойнах), 142, 143.
 Болда, р., 294, 312.
 Большие хутора, 231.
 Борисовский остров, 283.
 Борисовы хутора, 221.
 Ботьма, р., 97.
 Быстрая, р., 182.
 Бузан, остров, 64, 91.
 Бузан, р., 64, 293, 296.
 Бузин, гора, 67.
 Булгар, 8.
 Буруслан, р., 253.
 Бухара (Бухария), 6, 15, 21, 41, 43, 47, 48, 153, 155, 156, 207.
 Бухарское, с., 308, 314.
 Бухвостовая, р., 63.

- Быстрая, 119.
 Василь-город, 44.
 Венецианская республика, 31.
 Венеция, 6, 95.
 Вертленская, 239, 247.
 Верхне-Ахтубинское (Безродное), с, 11, 12.
 Верхний Хутор, 12.
 Верхняя Грязнуха, с, 221.
 Вертляницкая, ст., 271, 283, 293.
 Виамен, 127.
 Владимировка (Володимировка), с, 12, 61, 270.
 Владимировское Устье, р., 61.
 Воздвиженское, с, 185.
 Волга (Едель, Етель, Ра, Едшиль, Мочак), 3, 4, 6—9, 11—4, 26—29, 31, 33—36, 38, 44—49, 51—55, 58—67, 80, 82, 85, 87—89, 91, 97, 101, 103, 104, 106—109, 111, 113—115, 117—119, 127, 130, 149, 151, 152, 156, 159, 161, 162, 163, 166, 167, 169, 182, 188, 190, 200, 201, 202, 207, 210, 214, 222, 223, 234, 236, 237, 239, 243, 249, 251—262, 266, 269, 271—273, 277—281, 283, 285, 286, 287, 291, 292, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 301, 306, 307, 308, 309, 310.
 Волжское займище, 266.
 Волго-Дон, 4.
 Вологда, 106.
 Воровская гора, 194.
 Воронеж, р, 293.
 Воспор, 199.
 Вязовка (Багырдай), р., 61, 239, 249.
 Вязовское (Вязовка), с, 61.
 Вязовый (Вязноватый), остров, 61, 01.
 Вятка г., 44.
 Гаата, 159.
 Гамбург, 90.
 Ганг, 208.
 Гарлей, 263.
 Гвинея, 80.
 Гвоздовское озеро, 67.
 Гем, р, 48.
 Генуя, 95.
 Германия, 69, 250, 263.
 Гигон, р., 182.
 Гилян (Гилян), г., 56, 157, 209.
 Гилянское, с, 308, 314.
 Гнилуша, р., 65.
 Голландия, 6, 22, 59, 81, 95, 96, 127, 135.
 Голштиния, 79.
 Гологой, р, 249.
 Говбруи, 145.
 Горький ерик, 226.
 Горькое озеро, 228.
 Готторп (Готторф), 49, 68.
 Грачи, крепость, 234.
 Грачан, 169.
 Грачевка, р., 169.
 Грачевская станица, 169, 239, 246, 268, 282, 283.
 Грачевский остров, 282.
 Греция, 95.
 Грузия, 26, 205.
 Грязнуха, 218.
 Гурьев, 240.
 Дагестан, 96, 125, 182.
 Даниловское устье, р, 63.
 Дединово, д, 121.
 Денежный остров, 256.
 Дербент, 20, 21, 34, 49, 50, 85, 86, 141, 142, 143, 144, 147, 157, 178, 182, 183, 205, 263.
 Дитмарш, 96.
 Дмитриевск (Камышин), см. Камышин.
 Днепр (Борисфен), 105.
 Долгий остров, 66, 166.
 Донец, р, 265.
 Дон (Танаис), р., 8, 13, 15, 18, 23, 24, 27, 35, 38, 46, 55, 58, 59, 65, 90, 100, 104, 106, 107, 110, 111, 113, 114, 122, 137, 152, 161, 163, 200, 222, 233, 234, 248, 252, 253, 254, 259, 262, 265, 277.
 Донская обл., 29.
 Дубовка, 12, 13, 161, 231, 246, 255—259.
 Дурновская подстава (Дурновка), 246, 296.
 Евксинское (Эаксинское) море, 46, 48.
 Европа, 16, 55, 65, 101, 152, 161, 197, 213, 204.
 Египет, 10, 232, 292, 297.
 Едель, (см. Волга).
 Ека, 183.
 Елшанка (Ельшанка), р., 221, 237, 253, 255, 260.
 Емба (Эмба), р, 151.
 Емтурчеева, сл., 311.
 Енотаевский (Шема-Балгазун, Новый город), 20, 239, 240, 247, 248, 282—286, 293.
 Енотаевская гора, 165.
 Енотаевский остров, 285.
 Еруслан (Ярослан, Яраслан, Ярусан, Ruslan), р, 55, 100, 113, 222, 226, 262.
 Жигит-хаджи, 244.
 Закаспий, 241.
 Замяньск (Замьян, Замьянов городок), 210, 239, 293.
 Заплавное, 12.

Заячий бугор, 300, 306.
 Зимовная, станица, 29.
 Змеевая (Змеиная) гора, 53, 79, 99.
 Золотникова подставка, 249.
 Золотая гора, 55, 100, 161.
 Золотая Орда, 8—15, 17, 237.
 Золотой остров, 55.
 Зубовка, с., 11, 12.
 Иванчуг (Иванов учуг), 80, 133, 291, 294.
 Иен, 12.
 Извозчикова гать, урочище, 226.
 Или, 217.
 Илова (Иловлинское), с., 161, 221, 230, 231, 233.
 Иловай (Илова), р., 15, 23, 24, 26, 55, 221, 254, 258, 261, 262.
 Ингерманландия, 299.
 Индия, 6, 7, 14, 15, 65, 77, 150, 153, 159, 208.
 Ирак, 10.
 Ирген, р., 254.
 Испогань (Исфогань, Испоган), г., 50, 86, 124, 144, 145, 149, 187, 209.
 Иссады, 308.
 Италия, 95, 159.
 Итель, см. Астрахань.
 Ицтурский остров, 64.
 Кабанья гора, 64.
 Кабанья мель, 64.
 Кавказские горы, 8, 48, 259.
 Кавказ, 26, 204, 215, 217, 241, 254.
 Кагальник, 111.
 Казанка, р., 44, 121.
 Казанская, сл., 168.
 Казанское государство, 15, 288.
 Казань г., 15, 17, 24, 43, 44, 45, 48, 51, 59, 68, 90, 102, 121, 130, 149, 165, 169, 170, 193.
 Казахстан, 200, 205.
 Казацкая (Казацья) гора, 51, 52, 99.
 Казачий остров, 283.
 Казбин (Касвин, Казвин), г., 50, 86.
 Каинково озеро, 66.
 Калдыбанская крепость, 234.
 Калькутта, 11.
 Кама, р., 44, 45, 97, 259.
 Кам, г., 50, 86.
 Каменка, с., 221.
 Каменный остров, 289.
 Каменоярское (Каменская подставка, Каменский форпост), с., 61, 248, 293.

Каменный бугор, 12.
 Каменный Яр, гора, 61.
 Камоус (Калаус), 59.
 Камышинка (Камышенка), р., 23, 24, 26, 55, 58, 122, 161, 162, 222, 223, 256, 261, 262.
 Камышинка (Камышинка, Дмитриевск), Дмитриев, Дмитриевская крепость), г., 20, 23, 24, 26, 27, 100, 113, 121, 152, 161, 223, 225, 235, 255, 256, 261, 262, 269.
 Кандагар, 208.
 Карабулат, озеро, 291.
 Каравайка (Каравайкинская Караванская станица), 258, 260.
 Касилина, 239.
 Касимов, г., 43.
 Каспийское море (Гирканское, Астраханское, Хвалынское, Бакинское море, Soof, Sgwo, Külsüm, Bafy), 6, 7, 9, 14—17, 21—26, 33, 44, 45, 47—49, 58, 63—67, 71, 72, 77, 79—82, 85, 95, 99, 101, 102, 107, 108, 117, 122, 125, 134, 177, 138, 152, 155, 156, 157, 166, 167, 169, 178, 179, 182, 186, 190, 208, 239, 241, 246, 271, 293, 294, 295, 296, 304, 310.
 Катеринской остров, 63.
 Каффа, г., 46, 198.
 Качалино (Качальная), 8, 19, 23, 258, 265.
 Кашан, г., 50, 86.
 Кашгар, 207.
 Кашемир, 208.
 Кейленберг, 127.
 Киев, 24.
 Киевская обл., 105.
 Кизель-озень, р., 182.
 Кизилар, залив, 119.
 Кизиларский колтук (Золотой луч), остров, 119.
 Кизилар, р., 119.
 Кизляр, 20, 86, 254, 263, 283, 309.
 Кизлярская степь, 291.
 Киселев бугор, 300.
 Кистоватый, остров, 98.
 Кисяр, остров, 63, 101.
 Китай, 7, 103, 212, 216.
 Княжино, с., 12.
 Княжьи хутора, 231.
 Козлов, 198.
 Койсу (Коксу), р., 80, 182.
 Колобовка, с., 11, 12.
 Коломна, 43, 197.
 Колотов, остров, 53, 99.
 Константинополь (Стамбул), 57, 147, 197.
 Копанов, остров, 63.

- Копанова, гора, 63.
 Копановская подстава (станции), 247, 287, 293.
 Копенгаген, 217.
 Красная земля, 180.
 Красный Яр (Красноярск), 20, 215, 293, 294, 295, 296, 297.
 Красноярск, гор., 254.
 Кривизна (Криуша), остров, 54, 100.
 Круглое озеро, 244.
 Крым, 56, 74, 117, 241.
 Кубанская степь, 266, 271.
 Куманская степь, 266.
 Кундруцкая, ст., 265.
 Кура (Кур), р., 48, 182.
 Курск, 24.
 Кутум, р., 167, 289, 291, 294, 300, 307, 308, 309, 310, 311, 314.
 Ланк, р., 182.
 Лапоть, д., 55.
 Лебеша, 246.
 Лебятинская, ст., 286, 294.
 Лебятин, 239.
 Левинск, г., 10.
 Ливанское море, 48.
 Ливорно, 95.
 Лифляндия, 95.
 Ловы, р., 107.
 Лондон, 147, 293.
 Лопатин остров, 51.
 Луковка, р., 310.
 Любск, 49.
 Мазанская (Стулинская) подстава, 248, 280.
 Малая Азия, 159.
 Малая Воложка, 61.
 Мамаевское, 12.
 Мангшлах (Мангишлак), 208.
 Маныч, 59.
 Мардов, 110.
 Мартынинский остров, 281.
 Медведица, р., 200, 254, 258, 293.
 Мексика, 81.
 Мелетово, ст., 265.
 Меловая гора, 55.
 Мертвый Култук, 47.
 Мечетка (Мечетная), р., 11, 245, 255, 256, 257.
 Мечетная, д., 256.
 Мидия, 20, 21, 48, 62, 75, 95.
 Митилея, 159.
 Митина, 239.
 Митуска, р., 64.
 Моздок, 254, 263.
 Монгамер, бугор, 272.
 Монголия (Мунглая), 187, 188, 271.
 Мордвы земля, 44.
 Морская, сл., 307.
 Москва, г., 9, 10, 14, 17, 19, 31, 35, 41, 43, 46, 48, 49, 50, 54, 57, 59, 68, 78, 87, 89, 91, 98, 101, 104, 116, 121, 127, 128, 129, 131, 141, 142, 149, 154, 159, 161, 169, 185, 188, 197, 288, 291, 311.
 Москва, р., 43, 49.
 Московское государство (Московия), 6, 7, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 22, 26, 33, 34, 37, 49, 95, 124, 159, 172.
 Мочаковское, озеро, 66.
 Мугань, 205.
 Мультиан, 207, 208.
 Муром, 43, 48.
 Мячный бугор, 12.
 Нарва, 177.
 Насоновский остров, 60.
 Нижний Новгород (Нижний), 43, 89, 103, 121, 179.
 Низибад, г., 110.
 Низовая, р., 183.
 Ниен, 166.
 Никольская, сл., 223, 224, 262.
 Нил, 234, 292.
 Ниос, 182.
 Новгород, 48, 125.
 Новопокровское (Хворостянка), 52.
 Новохоперская крепость, 199.
 Новый Сарай (Сарай Берген), 9, 10, 11, 12, 13.
 Ногаевская станция, 278.
 Ногай (Ногаевское), 166, 286, 288.
 Нюрнберг, 205.
 Овечий брод, 52.
 Огородная (Огородный) р., 296.
 Ока, р., 43, 49, 121, 159, 197.
 Оксус, р., 182.
 Олений ручей, 259.
 Омар, 209.
 Оренбург, 207.
 Оренбургская губ., 221.
 Осинный остров, 53, 99.
 Осокар, крепость, 234.
 Ост Индия, 95.
 Панов, 199.
 Пановка, с., 221.
 Паньшина, р., 52.
 Паньшинский городок, 107.
 Париж, 27.
 Пекин, 147.
 Пенза, г., 27.
 Перевитиск, 43.
 Пермская обл., 44.
 Персия, 6, 7, 15, 21, 26, 31, 41, 47, 48, 49, 50, 57, 67, 70, 71, 74, 75, 77,

- 86, 89, 95, 96, 107, 110, 113, 116, 117, 122, 128, 129, 147, 152, 155, 157, 159, 173, 177, 178, 184, 185, 187, 210, 217, 246, 310, 311, 313,
 Перул, остров, 80.
 Петербург (Санкт-Петербург, С-Петербург), 14, 17, 23, 149, 155, 205, 219, 247, 263, 282, 304, 310, 311.
 Петухов ерик, 310, 311,
 Песковатка, р., 257, 259.
 Печерская гора, 51.
 Печерское-Никольское, с., 51.
 Пироговское, с., 64.
 Пирушки остров, 64.
 Пичуга, р., 257, 258.
 Плосконая гора, 165.
 Поволжье (Нижняя Волга, Нижнее Поволжье, Заволжье), 8, 9, 14, 16, 18, 19, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 41, 219, 241, 243, 256, 257, 259, 263.
 Половина, гора, 63, 101, 164.
 Польша, 211.
 Поповидкое (Поповицкая подстава, Поповицкий форпост), с., 61, 250, 279.
 Поповича Юрко мыс, 61.
 Потезен, остров, 97.
 Пресное озеро, 224,
 Пришиб, с., 12.
 Пролейки, 259.
 Пруссия, 241.
 Путивля, 24.
 Равагоз ерик, 11.
 Ражиак, 286,
 Раздоры, 265.
 Райгородок, 61.
 Ракова гора, 55.
 Ревель, 49.
 Решт, 263.
 Ризан, р., 191.
 Рим, г., 81.
 Россия (Российское государство) 4, 7, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 25, 28, 33, 35, 37, 41, 43, 48, 65, 67, 68, 102, 113, 147, 151, 152, 159, 166, 170, 207, 208, 210, 219, 241, 269, 271, 272, 278, 287, 304, 306, 311, 317.
 Рязск, 198.
 Рязанская область (губерния), 46, 198.
 Рязань, 43, 198.
 Рынок, с., 11.
 Сагеринский остров, 52.
 Саламатовы хутора, 231.
 Сальяны, 263.
 Самара, г., 51, 52, 54, 93, 98, 99, 104, 164, 277.
 Самара, р., 45, 51.
 Самгаал (Самгал), горы, 181, 184.
 Сапуновка, остров, 54, 100.
 Сарай, см. Старый Сарай и Новый Сарай.
 Саратовская губерния, 12.
 Саратов, г., 12, 19, 20, 25, 27, 53, 54, 55, 59, 69, 92, 93, 99, 149, 152, 188, 192, 193, 194, 225, 227, 259, 270, 272, 292.
 Саратовский край, 10, 24.
 Сарепта, 163, 201, 202, 263, 272.
 Саркел, 8.
 Сарпинская (Сарпа), р., 163, 237, 238, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 269, 273, 274, 277.
 Сарпинское (Сарепта), с., 237, 238, 239, 253, 254, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 281.
 Сарпинской остров, 59, 163, 278, 293.
 Саскольский стан, 271,
 Саянова, сл., 315.
 Свияжск, г., 44.
 Селитренное (Селитрянный городок, Джид-Хаджи), 9, 11, 12, 206, 215, 216, 244.
 Селлизур, 47.
 Семс, р., 182.
 Сергиевский, 238.
 Сероглазовская, 245, 246.
 Сестренка, с., 258.
 Сестренки, ручьи, 261, 262.
 Снам, 95.
 Сибирь, 48, 150, 211, 241, 253, 254.
Сигон, р., 182.
 Симферополь, г., 241.
 Сирия, 10, 48.
 Сисран, 239.
 Ситниковы хутора, 232.
 Скифия, 166, 206.
 Смирна, г., 145.
 Сморода, р., 226.
 Согинск, г., 99.
 Соленое займище, 20.
 Соленое озеро, 266, 271, 306.
 Солончак (Солонец), болото 300, 307.
 Соляная гора, 98.
 Солянка, воложка, 262.
 Сорок островов, 53.
 Сосновый (Соснов) остров, 52, 99.
 Состу-Шира, р., 254, 255.
 Средиземное море, 187.
 Средне-Ахтубинское, с., 12.
 Средняя Азия, 7, 208.
 СССР, 4, 5.
 Сталинград, г., 11.
 Сталинградский край, 5.
 Старицы, остров, 97.

Старый Сарай, 13, 17.
Страсбург, 219.
Стеньки Разина бугор, 55.
Стрельные горы (Стрельня,
Стрелковая гора), 55, 58.
Ступин (Ступин Яр, Мазан-
ская крепостца, Казацкая
подстава), 61.
Ступинский Яр, 239.
Султания, г., 50, 86.
Суматра, 95.
Сухатер, 84.
Сызрань, р., 51.
Сын Самары, р., 51.
Сыр-Дарья (Танаис) р., 182
Тавризм, г., 145.
Такуз, 110.
Талышия, 205, 210.
Тамань, 199.
Тамбов, 198.
Тамбовская губ., 198.
Танаис, см. Дон.
Тарки (Тирки), 142, 183.
Татария, 15, 95, 113, 166, 266,
287.
Татьянинская подстава, 250
Темная гора, 79.
Тенелова, 204.
Терек, р., 157, 254, 258.
Терки, г., 50, 79, 80, 84, 85, 86, 107,
117, 119, 120, 134, 141, 142, 157, 167.
Тифлис, 217.
Тихая гора, 52.
Тишина, р., 107.
Тмутараканское княжество,
199, 287.
Травеюнд, 84.
Троицын Учуг, пос., 133.
Туркестан, 207.
Турция, 13, 18, 23, 31, 275.
Тутовой ерик, 11.
Тюбинген, 263.
Тюлений остров, 157.
Тюмень, 292.
Украина (Малороссия), 136, 223
Улан-хаза, 226.
Ураковка, р., 55, 262.
Ураков Карул, гора, 55, 100.
Урал, см. Яик.
Уральский хребет, 8, 243,
Ургенч, 47.
Уса, р., 98.
Усть-Грязнуха, с., 221.
Учуг, 80, 156
Ферабад, г., 107, 182.
Финляндия, 299.
Формоза, 95.
Хазарское царство, 8.
Хармут-Шира, р., 255.
Хары-Хаза, 226.

Хворостянка (Новопокров-
ское), с., 52.
Херсон, 199.
Хива, 6, 153, 166, 207.
Хиос, 159.
Хай-су, 205.
Хопер, р., 11, 293.
Харазан, г., 208.
Хуарес (Караган), 182.
Цаганнор, озеро, 252.
Царев (Сарай, Шери) 10, 11,
12, 58, 100.
Царевка, р., 267, 268, 294, 309.
Царев Курган, 98.
Царево (Тиек) с., 309, 314, 315.
Царевы Пады (Царевы Пады,
Большой сарай), 237, 266, 289.
Царица, р., 58, 201, 281.
Царицын (Царица), г., 15, 19,
20, 25, 26, 27, 28, 58, 59, 60, 61, 62,
63, 92, 100, 107, 112, 114, 127, 128,
130, 152, 162, 163, 164, 177, 188, 192,
200, 222, 234, 236, 237, 239, 249, 250,
251, 254, 255, 256, 257, 263, 265, 266,
271, 272, 276, 277, 278, 279, 280,
282, 283, 288, 293, 294, 300.
Цейлон, 159.
Чаган, р., 291, 294.
Чагары (Елань, Елаш), р., 52.
Чагры, остров, 99.
Чебоксары, г., 44.
Черемисов земля, 44.
Черепаша, р., 312.
Черкасск, 263
Черкессия, 34, 84, 182.
Черкесские горы, 118, 167.
Черная гряда, 286.
Черное море, 13, 23, 66, 152,
162, 166.
Черный гряд, 246.
Черный Яр (Чернояр, Михай-
лов Новгород, Черноярск),
19, 20, 28, 61, 62, 92, 101, 112, 114,
115, 128, 152, 163, 164, 165, 188,
191, 206, 222, 239, 240, 246, 247, 248,
249, 268, 279, 280, 281, 282, 283,
284, 293, 294, 315, 316
Четыре бугра, 99, 107, 110, 117,
118, 179, 180, 297, 299.
Чечера, р., 285.
Чечеринский остров, 285, 293.
Шаберан, 110.
Шамьянов (Круглый) горо-
док, 246.
Шаренов (Жареный) бугор, 286.
Шафкальские горы, 157.
Швеция, 23, 172.
Шелкалы, 20.
Шемаха, 20, 21, 47, 48, 49, 75, 85,
89, 96, 143, 144, 145, 177, 183, 263.

Шенбрун, р., 251.
Шенбрун, с., 274.
Шепелевская, сл., 168.
Шимпаного, (Schismamago), остров, 53, 99.
Ширае, 186.
Ширван, 182.
Шлезвиг-Гольштейн, 49, 89.
Шербаковка, 262,
Эдинбург, 128.
Энзели, 263.
Эландские скалы, 85.

Эльтонское озеро (Эльтон, Ельтонское озеро), 223, 224, 225, 226, 227, 228, 239, 260, 262, 272.
Юат, 138.
Ява, 159.
Яик (Яицкий городок), г., 106, 107, 122, 222, 223, 240.
Яик (Урал) р., 54, 66, 69, 166, 207, 239, 268, 269, 270.
Яил, р., 48.
Япония, 95.
Ярославль, 106, 292.

Ответственный по выпуску В. Баев.

Сдано в набор 27/VI 1936 г. Подписано к печати 15/IX-1936 г.
Тираж 4000 экз. Форм. бум 62 x 94 ¹/₁₆ Бум. листов 10,25.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
9	5 снизу	Батыем	Берке	Издат.
46	3, 5, 7 сверху	Танаиш	Танаис	Типогр.
66	24 сверху	46° 222'	46° 22'	Типогр.
75	14 снизу	сится	относится	Типогр.
81	12 снизу	Альдрованд Аристотель,	Альдрованд, Аристотель	Типогр.
106	15 снизу	домойт	домой	Типогр.
108	16 сверху	надостач	недостач	Типогр.
116	12 сверху	небольшую	наибольшую	Издат.
137	Сноска	Буткером	Бутлером	Издат.
306	11 снизу	гортовские	юртовские	Типогр.
317	6 снизу	тат	калм.	Издат.